

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. Н. КАРАЗИНА

И. П. Сергеев

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
ДРЕВНИХ РИМЛЯН:
ПОЗДНЯЯ РЕСПУБЛИКА И РАННЯЯ
ИМПЕРИЯ**

Материалы к спецкурсу

Харьков – 2013

УДК 94(37) «-02/+02»:354.07 (075.8)

ББК 63.3(0)323-5.73

С 32

Рецензенты:

О. М. Петречко – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всемирной истории Дрогобычского педагогического университета имени И. Франка;

А. Д. Каплин – доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Утверждено к печати решением Ученого совета

*Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 10 от 28.09.2012 г.)*

Сергеев И. П.

С 32 Государственные учреждения древних римлян: поздняя Республика и ранняя Империя : материалы к спецкурсу / И. П. Сергеев. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2013. – 312 с.

ISBN 978-966-623-922-1

В материалах к спецкурсу содержится информация о структуре органов государственной власти древних римлян на протяжении периодов поздней Республики и ранней Империи. На основании свидетельств исторических источников и с учетом достижений антиковедения прослеживается судьба этих институтов, изменение их функций и места в государственном строе римлян.

Материалы предназначены для студентов IV курса исторического факультета, специализирующихся по кафедре истории древнего мира и средних веков, и для всех, кто интересуется историей государственных учреждений периода античности.

УДК 94(37) «-02/+02»:354.07 (075.8)

ББК 63.3(0)323-5.73

ISBN 978-966-623-922-1

© Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2013

© Сергеев И. П., 2013

© Дончик И. Н., макет обложки, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ.....	6
СЕНАТ.....	53
МАГИСТРАТЫ.....	97
ПРИНЦЕПС И ИМПЕРАТОРСКАЯ БЮРОКРАТИЯ.....	187
УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЯМИ, ЕГИПТОМ И ИТАЛИЕЙ.....	239
ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ОБЩИНАХ.....	262
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	275
СЛОВАРЬ ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	276
БИБЛИОГРАФИЯ	286
ИЛЛЮСТРАЦИИ	312

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из специальных курсов, которые читаются для студентов, специализирующихся по кафедре истории древнего мира и средних веков исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, является курс «Эволюция государственного строя Римской империи в I–III вв. н. э.». Помещенные в этом издании материалы – не курс лекций данного спецкурса, а именно материалы. Конечно же, в отведенное учебным планом время (32 академических часа) с нужной полнотой осветить основные вопросы темы никак невозможно (тем более, что в начале спецкурса нужно выделить время для освещения вопросов о его предмете, цели и задачах, хотя бы кратко охарактеризовать источники и историографию по проблеме). Поэтому лектору приходится или останавливаться лишь на некоторых из них, а остальные предлагать студентам для самостоятельного изучения с рекомендацией перечня источников и определенного круга исследований современных антиковедов, или же раскрывать все аспекты проблемы довольно поверхностно. Ясно, что оба варианта выхода из ситуации не могут быть признаны приемлемыми, но в имеющихся условиях на каком-то из них приходится останавливаться. В такой ситуации важным подспорьем для студентов, которые хотят получить более глубокие знания по освещенным в лекциях вопросам и по тем аспектам проблемы, которые в лекциях не были освещены, будут данные материалы.

На наш взгляд, проблема, которой посвящен спецкурс, представляет большой научный интерес. Отдельные ее аспекты становились предметом исследования целого ряда крупнейших специалистов в области истории Римской империи, нашли яркое отражение в трудах античных авторов и хотелось бы, чтобы предложенные материалы не только содержали информацию по предмету спецкурса, но и подтолкнули бы читателя к знакомству с источниками этой информации.

Несомненно, при знакомстве с помещенным ниже текстом, сразу же бросается в глаза отклонение от заявленных в названии спецкурса хронологических рамок. Однако составитель пошел на это вполне

сознательно: чтобы проследить эволюцию римских государственных учреждений в течение I–III вв. н. э., важно сначала показать, что собой представляли данные учреждения к началу рассматриваемого периода, и, хотя бы кратко, изложить их «историческую судьбу» от возникновения до начала эпохи принципата. Однако в результате получается, что в пособии идет речь не только об эпохе принципата, но и о временах поздней Республики. Это и привело к тому, что само название пособия не совпадает с темой спецкурса.

В принципе, характеристика государственных учреждений древних римлян в рассматриваемый нами период времени может быть предпринята в двух «разрезах». Один из них – «вертикальный», при котором можно показывать эволюцию отдельных государственных учреждений или институтов римлян в соответствии с тем, к какому ведомству (органы законодательной, исполнительной, судебной, финансово-податной, военной власти) они относились. Второй вариант – «горизонтальный», который, на наш взгляд, позволяет подразделять эти учреждения по «уровням»: центральные учреждения, ведавшие различными вопросами управления в масштабах всего римского государства (комиции, сенат, магистратуры, императорская власть), органы управления крупными частями территории римских владений (администрация провинций, Египта и Италии), органы самоуправления в городских и сельских общинах. На данный момент мы отдаем предпочтение последнему из названных вариантов.

В основном тексте пособия излагается информация, имеющая непосредственное отношение к характеристике соответствующего учреждения римлян, в примечания помещены те материалы, которые дополняют и иллюстрируют положения, помещенные в основной текст.

Конечно же, при освещении отдельных вопросов курса мы максимально стремились не только привлечь сведения исторических источников, но и использовать результаты исследований современных историков. Однако, чтобы не перегружать читателя информацией историографического характера, мы сочли возможным не ссылаться на труды зарубежных коллег и соотечественников, считая это позволительным в изданиях учебно-методического характера.

НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ

Носителем верховной власти в Риме считался народ (коллектив римских граждан) – *Populus Romanus Quirites*. Только народ являлся действительным сувереном, все образовывавшиеся в сообществе властные органы или должностные лица обладали полномочиями в силу тем или иным способом переданных им римским народом прав и в пределах этих прав. Этот принцип стал основой политического строя Римской республики. Смысл организации власти в своем государстве римляне видели в обеспечении гражданских прав и гарантии особых, привилегированных свобод полноправного жителя полиса. Сам термин «республика» (*res publica* – общее дело), которым характеризуют государственно-политическую организацию Рима конца VI–I вв. до н. э., означал имущество, находящееся во всенародном пользовании; таким образом, римское государство было институтом, используемым гражданской общиной (*civitas Romana*).

Народу принадлежала законодательная власть. Закон у римлян – то, что приказывает и постановляет народ (*lex est quod populus iubet atque constituit*) (Gaius. I. 3). При этом высшим законом признавалось благо народа (*salus populi suprema lex*) (Cic. de Legg. III. 9). Любые изменения в действовавшем законодательстве или в повседневной жизни могли быть произведены только с участием народа.

Народ являлся также носителем государственного величия (*maiestas*). «*Maiestas*, – писал М. Туллий Цицерон (Part. Orat. XXX, 105), – *est quaedam magnitudo Populi Romani*». От лица коллектива граждан *maiestas* делегировалось на определенный срок высшим магистратам. Поэтому *maiestas* обладал и любой римский магистрат с империем, в нем персонифицировалось *maiestas* римского народа до тех пор, пока он обладал империем¹.

Суверенный римский народ не оставался всегда одним и тем же. До царя Сервия Туллия *populus* в Риме состоял только из патрициев, а плебс и клиенты не являлись его частью. Со времени реформ Сервия Туллия термин *populus* стал обозначать патрициев и плебеев вместе.

Принадлежность к римскому народу обозначала определенный правовой статус, связанный с правом деятельности в сфере управления государством².

Субъектом государственной жизни и публичного права в римской юридической традиции считался носитель специального качества, образуемого сочетанием целой совокупности требований, полноправный римский гражданин – *civis optimo iure*.

В период поздней Республики римский гражданин обладал следующими правами:

1) в общественной жизни: а) *ius suffragii*, правом участия в собраниях государственного значения под руководством магистратов, правом голоса в этих собраниях; б) *ius honorum*, правом занимать выборные государственные должности; в) *ius provocacionis*, правом апеллировать к народу против приговоров властей к смерти, телесному наказанию и крупному штрафу; правом обжалования решений должностных лиц в народных собраниях – либо непосредственно, либо через трибунат; д) правом освобождения от всех позорящих честь наказаний: наказание розгами, кнутом и распятием на кресте; е) *ius militiae*, правом служить в армии;

2) в частной жизни: а) *ius conubii* – правом вступать в полноценный, признанный законом брак; б) *ius commercii* – правом участвовать в коммерческом обороте, выступать субъектом вещных и обязательственных прав, вступать в различные предусмотренные сделки; в) *testamenti factio* – обладание завещательной способностью, т. е. правом распоряжаться своим имуществом и правом получать по завещанию; д) *legis actio* – правом подавать законные иски и соответственно пользоваться предусмотренными правом формами охраны своих интересов.

Принадлежность к римскому гражданству означала для субъекта и обременение публичными обязанностями.

К публичным обязанностям относились: военно-милицейская служба; обязанность подлежать цензу, т. е. исчислению имущества и доходов; уплата особого налога – трибута, собираемого по чрезвычайной государственной надобности; владение и полезное пользование землями покоренных народов.

С 60 лет гражданин мог быть освобожден от личных повинностей; освобождало от повинностей также исполнение обязанностей должностного лица и некоторых жреческих функций.

На общую правоспособность лиц в сфере частного права влияла также принадлежность к той или другой категории гражданства, установленной публичным правом. В этом отношении наряду с полноценными римскими гражданами выделялись две специализированные категории: латины и перегрины.

Право гражданства приобреталось рождением от состоящих в законном браке (*matrimonium iustum*) римских граждан, усыновлением римским гражданином, отпущением на волю и пожалованием.

Сын римского гражданина приобретал права римского гражданства с момента рождения. Свободные жители римского государства, не обладавшие правами римских граждан с рождения, получали эти права при отставке после 25 лет службы во вспомогательных войсках или 26 лет службы во флоте, в момент записи в легион, в случае отбывания магистратуры в родном городе. Вольноотпущенники становились полноправными римскими гражданами, отслужив определенный срок в городе Рима в составе когорт пожарных.

Пожалование прав римского гражданства первоначально было прерогативой римских царей, впоследствии – центуриатных комиций, а затем трибунных комиций, но в некоторых случаях его могли предоставить и римские полководцы. В период принципата императоры даровали права римских граждан жителям общин и городов. Император Каракалла распространил право римского гражданства на всех живших в Римской империи свободных людей.

Тем, кто выдавал себя за римских граждан без законных на то оснований, отрубали голову на Эсквилинском поле (*Suet. Claud. XXV. 3*).

Статусу римского гражданина следовало соответствовать, т. е. соблюдать некоторые требования гражданского права и нравственно-общественного порядка. В случае «несоответствия» возможным было отторжение от лица – навсегда или временно – этих прав, лишение гражданства.

Римское гражданство утрачивалось вследствие: 1) уголовных наказаний особого рода (осуждение на смертную казнь, изгнание, приговор к телесным наказаниям, к продаже в рабство); причем, как правило, в таких ситуациях не могло следовать восстановление впоследствии прав гражданства; 2) политического преследования, выразившегося в особом законном осуждении лица; 3) попадания в плен к противнику во время войны, перехода на сторону врагов римского народа.

Временная утрата прав гражданства могла наступать в результате законного ареста, осуществленного по постановлению должностного лица либо уголовного суда, а также изгнания на срок из пределов Рима (вообще из пределов Италии и т. п.); как правило, такой утрате прав гражданства сопутствовало лишение и имущественных прав³.

К периоду поздней Республики римские граждане имели два, а часто и три имени: *praenomen* – личное имя, *nomen* – родовое имя, *cognomen* – прозвище. Личное имя давали новорожденному родители, часто – то же, которое имел отец или дед ребенка⁴. Родовое имя обычно оканчивалось на *-ius* (например, *Fabius*, *Cominius*), теорети-

чески оно означало, что все его носители имели общего предка. Поскольку одно и то же родовое имя носили многие люди, для того, чтобы выделять отдельных из них, им присваивались клички или прозвища. Часто эти прозвища передавались из поколения в поколение, особенно в знатных семьях.

Свою волю римский народ выражал посредством обсуждения вопросов общественной или частной жизни на собраниях. У римлян существовало три типа таких собраний: сходки (*contiones*), консилиумы (*concilia*), комиции (*comitia*).

Contio – сходка, собрание римских граждан, на которое граждане собирались произвольно, не объединяясь в группы по какому-либо признаку (курии, центурии, трибы и т. п.). Этот институт не был обязательным элементом политического механизма римлян, но имел значение для агитации, информации и т. п. На сходках заслушивались сообщения магистратов, народ совещался между собой по поводу вопросов, которые предстояло решать на собраниях более высокого уровня, но голосования по этим вопросам не происходило (*Gell. NA. XIII. 16. 3: contionem habere est verba facere ad populum sine ulla rogatione*)⁵.

Concilium – собрание не всех римских граждан, а только части их (например, плебеев – *concilium plebis*) или собрания у других народов (всего народа или его представителей). Плебеи созывали на консилиумы избранные плебсом должностные лица. В отличие от сходок, на консилиумах не только происходило обсуждение вопросов, но и путем голосования принимались решения по ним (таким образом, плебейские собрания были выборным и законодательным органом).

Слово *comitia* (комиции) состоит из *cum* или *con* («с», «со»), и *ire* («идти»); следовательно, комиций (*comitium*) – это место собрания, а комиции (*comitia*) – сами собрания или собравшийся народ. Комиции у римлян – это собрания всех римских граждан, т. е. всего *populus Romanus*, которые созывались выборными должностными лицами (магистратами) с целью поставить какой-либо вопрос на их голосование, выяснить отношение народа к предлагаемым народу вариантам решения этого вопроса (по латыни это называлось *rogatio*). Комиции не имели права инициировать какую-либо меру, вносить поправки или обсуждать достоинства и недостатки представленных им предложений. Все, что они могли – это принять или отвергнуть представленную им меру.

В период поздней Республики у римлян существовало три вида комиций: куриатные (*comitia curiata*), центуриатные (*comitia centuriata*) и трибунные (*comitia tributa*). По определению Авла Геллия (*Gell. NA. XV. 27. 5*), «если голосование в комициях проводится на основании родства, они называются куриатными, если на осно-

вании ценза и возраста – центуриатными, если на основании места жительства – трибутными (*cum ex generibus hominum suffragium feratur curiata comitia esse, cum ex censu et aetate centuriata, cum ex regionibus et locis tributa*)»⁶.

Древнейшим видом комиций у римлян были куриатные собрания, т. е. такие собрания, в которых граждане голосовали по куриям⁷.

В царский период народ на куриатных комициях избирал царей. Можно предположить, что в санкции народных собраний нуждались все новые законы, затрагивавшие правовой строй общества. Законодательные предложения вносил в курии царь или сенат. Эти комиции постановляли решения по апелляционным делам, и в этом отношении они представляли собой высший суд. Царь Тулл Гостилий передал народу право принятия окончательного решения о жизни римских граждан (*iudicia de capite civis Romani*) (*Liv. I. 26, VIII. 33; D. N. III. 22*). Вероятно, в собраниях же решались и важнейшие вопросы текущей внутренней и внешней политики – об объявлении войны, о заключении мира. Курии выслушивали акты, предлагаемые царями в отношении союзов с другими племенами⁸. Передать или не передать тот или иной вопрос на решение народного собрания зависело всецело от воли царя, ибо и самое собрание без его воли состояться не могло.

При принятии решений по вопросам, рассматривавшимся на куриатных комициях, голоса подавались по куриям. Каждая курия имела один коллективный голос, но внутри курии каждый принадлежавший к ней гражданин имел независимый голос, и большинство членов курии определяло решение курии в целом (*Liv. I. 43; D. N. II. 14; IV. 20, 84; V. 6*). А так как курий было тридцать, большинство должно было составлять 16 курий. Как решался вопрос в случае, если 15 курий голосовали за, а 15 против, – неясно. По-видимому, курия, голосовавшая первой и называвшаяся *principium*, определялась жребием (*Liv. IX. 38*).

Куриатные комиции и после создания центуриатных комиций, по-видимому, обладали значительной властью в некоторых областях управления; так, сообщается, что решение об отмене царской власти и основании республики было принято куриями (*D. N. IV. 75, 84*); также они решали вопрос об имуществе последнего царя (*D. N. V. 6*) и о наградах лицам, сообщившим информацию о заговоре (*D. N. V. 57*). Политическое значение курий снижалось по мере того, как росло политическое значение плебеев и затем нобилитета.

После учреждения у римлян других видов комиций магистрат, избранный в другом народном собрании, должен был получить еще от *comitia curiata* империй (посредством *lex curiata de imperio*). Эта функция в глазах Цицерона была уже почти единственной функцией *comitia curiata*.

В конце Республики значение этого вида комиций настолько упало, что вместо всего народа в их деятельности участвовали только 30 ликторов, как представители каждой курии, и 3 авгура.

После падения Республики в источниках нет упоминаний о *lex curiata de imperio*. Вероятно, теперь куриатные комиции занимались только вопросами, касающимися семейных дел римлян. В этой сфере в их компетенции было решение вопросов о том, чтобы кто-либо получал отеческую власть (*patria potestas*) над другим (*arrogatio*), о принятии отдельных семей в союз патрицианских родов (*cooptatio*), об исключении из союза курий, о переходе патриция в состав плебеев (*transitio ad plebem*).

Важнейшим видом народных собраний у римлян были центуриатные комиции (*comitia centuriata*), названные так по центуриям, на которые царь Сервий Туллий разделил всех римских граждан – патрициев и плебеев.

Правом участия в центуриатных комициях обладали самостоятельные граждане Рима, прошедшие цензовую регистрацию и приписанные к одной из политических центурий.

Вначале ценз исчислялся на основании только владения недвижимостью и свободного происхождения, затем в центурии были допущены вольноотпущенники (конец IV в. до н. э.). С III в. до н. э. ценз исчислялся уже и на основании движимого имущества, в центурии были теперь расписаны не только землевладельцы, но и ремесленники, торговцы и т. п. Таким образом, все римские граждане, как патриции, так и плебеи, владевшие определенной собственностью, получили право участвовать и голосовать в центуриатных комициях.

Народ в целом рассматривался как армия и, следовательно, был разделен на две части: конница (*equites*) и пехота (*pedites*). Пехота подразделялась на пять классов или, как пишет Дионисий, на шесть классов, ибо он считает шестым классом всю совокупность людей, чье имущество не достигает ценза пятого класса. От класса, к которому принадлежал гражданин, зависело то, какой род службы он должен нести в армии и с каким вооружением он должен служить. Для голосования в комициях каждый класс подразделялся на центурии (*centuriae*, сотни), половина из которых состояла из старших (мужчин в возрасте 45–60 лет, резерва), а вторая половина – из младших (мужчин в возрасте 17–45 лет, пригодных для военной службы). Каждая центурия обладала одним голосом, так что класс имел столько голосов, сколько в нем было центурий. Сервий Туллий разделил всю совокупность римских граждан на 194 (по Ливию) или 193 (по Дионисию) центурий⁹.

Есть основание считать, что центурия «первого» класса могла быть менее ста человек, в то время как центурии низшего разряда насчитывали значительно больше.

При голосовании каждая центурия обладала одним голосом. Восемнадцать центурий всадников голосовали перед старшими центуриями первого класса. Порядок голосования был определен так, что если 18 центурий всадников и 80 центурий первого класса принимали предложение, то вопрос сразу оказывался решенным, и не было необходимости в голосовании прочих классов (Liv. I. 43; X. 17; D. N. IV. XX, 3).

Сервиева конституция оставалась неизменной до тех пор, пока в республике не происходило больших перемен; но когда плебеев начали признавать важным и необходимым элементом римского государства, стало уже неудобно сохранять столь огромное преимущество всадников и первого класса в центуриатных комициях, и возникла необходимость предоставить больше власти и влияния демократическим элементам, сила которых все продолжала расти. Изменение произошло, хотя никто из античных авторов не сообщает ни о времени его проведения, ни о том, в чем оно состояло. Некоторые современные авторы относят реформу к цензуре Г. Фламиния в 220 г. до н. э., другие датируют перемену цензурой Кв. Фабия и П. Деция в 304 г. до н. э.

Наиболее правдоподобное из многочисленных мнений, выдвинутых по вопросу о том, каким способом было осуществлено объединение двух видов комиций: граждан каждой трибы (которых к этому времени было 35) разделили на пять имущественных классов, каждый из которых состоял из старших и младших, классы имеют теперь одинаковое количество центурий, по 70, – от каждой трибы по 2 центурии: одна *centuria iuniorum*, другая – *seniorum*. Вследствие этого общее число центурий, образующих *comitia centuriata*, возросло до 373: 350 центурий от 5 классов + 18 центурий всадников + 2 центурии военных мастеров, 2 центурии музыкантов и 1 дополнительная центурия для пролетариев (с имуществом ниже 12,500 ассов).

Всадники также были разделены на трибы и центурии и, по-видимому, голосовали вместе с первым классом и фактически включались в него, так что их даже называли центуриями первого класса.

В 88 г. до н. э. Сулла вернулся к сервиевой организации центуриатных комиций, но вскоре эта реформа была отменена (App. B. C. I. 59).

Центуриатные комиции имели следующие полномочия.

Во-первых, в них проходили выборы важнейших магистратов: консулов (в этом случае комиции назывались консульскими, *comitia consularia*), преторов (*comitia praetoria*), военных трибунов с консульской властью, цензоров и децемвиров. До принятия в 287 г. до н. э. закона Мения (*lex Maenia*) избрание магистрата народом нуждалось в подтверждении его сенатом (*patrum auctoritas*). После этого сенат заранее одобрял выбор народа и *patrum auctoritas* превратилось в простую формальность.

Во-вторых, в комициях проходило утверждение законов, предлагаемых магистратом. В первые времена Республики законы при-

нимались только в центуриатных комициях, начиная же с середины V в. до н. э. их стали принимать также в плебейских собраниях и трибутовых комициях. С течением времени значение центуриатных комиций в деле принятия законов падает в пользу других видов народных собраний. Однако центуриатные комиции сохранили исключительное право на принятие закона о наделении полномочиями цензоров (*lex de potestate censoria*).

В-третьих, комициям принадлежала судебная власть: в области уголовной юрисдикции суду *comitia centuriata* подлежали наиболее важные преступления, влекущие за собой смертную казнь. Они должны были рассматривать все преступления против государства; ни одно дело о государственной измене (*perduellio*) и оскорблении величия римского народа и ни одно дело, затрагивающее жизнь римского гражданина, не могло быть решено иным судом. Центуриатные комиции были высшим апелляционным судом, любой гражданин, несправедливо обвиненный, по его мнению, магистратом, мог апеллировать к комициям. Решение комиций по судебным вопросам отмене не подлежало, но могло быть приостановлено особыми действиями народных трибунов.

С учреждением при Сулле постоянных судебных комиссий уголовные дела стали рассматриваться в них. При этом самое суровое наказание, которое они выносили, – это изгнание, на него не было апелляции в центуриатные комиции.

Решение о войне, на основании постановления сената, также принималось центуриями. Это право перешло к ним от куриатных комиций¹⁰.

Часто считается, что центуриатные комиции также принимали решения о заключении мира и договоров, но в ранней Республике мир заключался путем обычного постановления сената, без всякого участия народа.

Comitia tributa – собрания граждан, в которых голосование проводилось по трибам¹¹.

Следует, однако, различать два вида собраний, голосование в которых проводилось по трибам: собрания специально-плебейские – *concilia plebis tributa* и собрания патрицианско-плебейские, то есть всего народа – *comitia tributa*. Постановления первых назывались *plebiscita*, постановления вторых – *populiscita*.

Второй из указанных видов собраний возник, так сказать, на основе первого и существенно позже, чем этот первый.

Concilia plebis стали проводиться регулярно с V в. до н. э. в связи с борьбой плебеев за равные права с патрициями. До принятия закона Публия Валерона в 471 г. до н. э. голосование в них проводилось по куриям, а после этого – по трибам (Liv. II. 56; D. N. IX. 41). Собрания

плебеев избирали народных трибунов (*tribuni plebis*) и плебейских эдилов (*aediles plebei*) (Liv. II. 56; D. H. IX. 49).

Поскольку это были чисто плебейские собрания, созывались они и проводились под председательством плебейских должностных лиц – народных трибунов (*tribuni plebis*). Один из них избирался по жребию или по общему согласию для исполнения роли председательствующего (Liv. II. 56; III. 64; IV. 57; V. 17); но его коллеги обычно должны были подписать предложение, выдвигаемое перед плебсом (Cic. p. Sext. XXXIII; de Leg. Agr. II. 9).

Власть народных трибунов распространялась не далее одной мили от границ города, поэтому *concilia plebis* собирались внутри города, обычно на форуме, иногда на Капитолийском холме. Специально назначенных дней для этих собраний не было. Обычно они проводились в базарные дни (*нундины*), когда большие массы плебеев прибывали в город. Дата, место проведения собраний и повестка дня оглашались за несколько дней до собрания. Уже в довольно ранний период это стало происходить за три базарных дня, *нундины*, (*trinum nundinum*)¹². В два предшествующих базарных дня, как и в день проведения собрания, проводились *contiones*. Созывали на собрание плебеев глашатаи (*praesones*). Голосование в плебейских собраниях проходило по трибам с определением по жребию трибы, которая должна была голосовать первой, и извещением остальных триб о решении этой первой трибы.

Первоначально собрания плебеев по трибам имели лишь местную власть; они предназначались для сбора трибута и обеспечения набора в армию (D. H. IV. 14); кроме того, они могли обсуждать внутренние дела каждой трибы, такие, как строительство или поддержание в порядке дорог, водоемов, амнистия после сецессии, плебейские магистраты, ростовщичество и т. п. Вначале правом голоса в них обладали только плебеи-землевладельцы, с 312 г. до н. э. это право получили и безземельные плебеи, которые до этого, подобно вольноотпущенникам, были распределены между четырьмя городскими трибами, а теперь получили право записываться в любую трибу (городскую или сельскую). Постепенно влияние плебейских собраний увеличивалось, ибо плебс становился более многочисленным, чем патриции, и возглавлялся активными и энергичными трибунами; так что внутреннее управление триб постепенно приобретало характер управления внутренними делами республики.

Concilium plebis при рассмотрении судебных дел не могло выносить приговор более суровый, чем наложение штрафа (*inrogare multam*). Приговоры трибунов и эдилов относительно высоких денежных штрафов должны были подлежать утверждению или отмене *concilia plebis*. Если собрание рассматривало дело политического

характера, председательствовал на нем плебейский трибун, если уголовное преступление, председателем был эдил.

Законодательная власть плебейских собраний вначале была весьма незначительна, ибо они могли только принимать решения и устанавливать правила, касающиеся местных дел триб. До того, как в них стали участвовать патриции и безземельные граждане, их решения не являлись законами, они были выражением воли не всего народа, а только плебеев, и назывались поэтому *plebiscita*. Как отмечается в «Институциях Гая» (I, 3), «патриции <...> утверждали, что постановления плебеев для них не обязательны, так как они составлены без их соизволения и участия». Чтобы стать законами, они должны были получить подтверждение центуриатных комиций.

После децемвирата патриции получили право голоса в собраниях плебеев и трибы стали настоящими представителями народа, трибуны начали ставить перед ними и вопросы, касающиеся всего государства, которые составлялись в форме резолюций и предварительно рассматривались сенатом, где могли быть приняты или отвергнуты. Такая практика плебейских собраний постепенно дала им право законодательной инициативы, и в 449 г. до н. э. это право было признано и утверждено законом Л. Валерия Публикола и М. Горация Барбата (Liv. III. 55, 67; D. H. XI. 45). Этот закон давал постановлениям триб силу настоящего закона, обязательного для всего народа, при условии утверждения сенатом и *populus*, то есть, народом, собравшимся в куриатных или центуриатных комициях, но плебисциты, касавшиеся вопросов частной жизни, получали силу законов и без подтверждения центуриатными комициями (D. H. X. 4, 32). В 339 г. до н. э. по первому из законов диктатора Публилия это исключение получило распространение на все плебисциты (Liv. VIII. 14; Gell. NA. XV. 27. 4). С принятием закона диктатора Гортензия в 287 г. до н. э. и сенат должен был ратифицировать предложения, выносившиеся на обсуждение плебеев; иными словами, сенатом утверждался не закон, как ранее, а его проект, с этого времени *concilia plebis* стали законодательным органом (Plin. Nat. XVI. 15, 10; Gell. NA. XV. 27. 4; Gaius. I. 3).

Таким образом, к III в. до н. э. в связи с тем, что в прежних чисто плебейских *concilia tributa* стали участвовать и патриции, на их основе возникли трибутные комиции, т. е. собрания всего народа, а не только плебеев. При этом созывать эти трибутные комиции и председательствовать в них стали магистраты, т. е. должностные лица, избранные всем народом в центуриатных комициях, – консулы и преторы.

Однако наряду с этими трибутными комициями продолжали существовать и *concilia plebis*, собрания плебеев, созывавшиеся выборными плебейскими должностными лицами – трибунами и эдилами. Теперь

по отношению к предложениям (rogationes) трибунов, получивших признание собранием плебеев, стали применять термин *lex* (закон)¹³.

Во времена Цицерона плебейские собрания рассматривали вопросы о распределении государственных земель между гражданами, могли аннулировать контракты, заключенные цензорами, и таким образом вмешивались в компетенции сената и магистратов.

В ранней Империи плебейские собрания продолжали существовать, но то, какие вопросы выносились на их рассмотрение, зависело от обладавшего трибунской властью императора.

Трибунные комиции считались младшими комициями (*comitia leviora*) (Cic. p. Plane. III. 7).

На них избирались младшие магистраты (*magistratus minores*) и члены специальных комиссий, к числу которых относились курульные эдилы, квесторы, триумвиры по уголовным делам (*triumviri capitales*), триумвиры монетарии (*triumviri monetales*), кураторы дорог (*curatores viarum*), децемвиры по разрешению тяжб (*decemviri litibus iudicandis*), эрарные трибуны (*tribuni aerarii*), начальники городских и сельских округов (*magistri vicorum et pagorum*), префекты продовольствия (*praefecti annonae*), морские дуумвиры (*duumviri navales*), квинквевиры по восстановлению стен и башен (*quinqueviri muris turribusque reficiendis*), триумвиры по выведению колоний (*triumviri coloniae deducendae*), и, наконец, после Домициева закона 104 г. до н. э., также члены жреческих коллегий.

Судебная власть трибунных комиций была гораздо более ограничена по сравнению с центуриатными комициями. Трибуны могли судить людей за такие преступления, как дурное поведение магистрата при исполнении обязанностей, пренебрежение обязанностями, неудачное ведение войны, хищение казенных денег и множество проступков частных лиц, таких, как нарушение общественного спокойствия, ростовщичество, прелюбодеяние и т. п. Если центуриатные комиции могли назначать смертную казнь, то трибунные – только штраф. Трибунные комиции также действовали как апелляционный суд, когда человек протестовал против штрафа, наложенного магистратом (D. H. VII. 17; Cic. De Legg. III. 3; Liv. XL. 42; Zonar. VII. 17). Функции обвинителей в трибунных комициях выполняли трибуны и эдилы.

Общей чертой всех видов комиций было то, что народ на них не мог собираться по собственной инициативе. Куриатные комиции в царский период созывал сам царь или его трибун целеров, а в отсутствие царя – префект города (Liv. I. 59, VIII. 23, XXV. 2; Cic. De Legg. II. 4). После смерти царя комиции проводил интеррекс. В республиканский период их руководителем всегда был один из высших патрицианских магистратов, то есть, консул, претор или диктатор (Cic. De Leg. Agr. II. 11, 12; Liv. IX. 38).

Центуриатными комициями руководил тот же магистрат, который их созывал, и это право было привилегией консулов, а в их отсутствие – преторов (Cic. ad Fam. X. 12). В начале Республики комиции для избрания первых консулов созывал префект города (Liv. I. 60). В случаях, когда собрание созывалось как верховный суд, им, с разрешения консулов, также могли руководить низшие магистраты (Liv. XXVI. 3)¹⁴.

На трибунных комициях председательствовали магистраты, имевшие *ius cum populo in comitiis tributis agendi*, т. е. консулы, преторы и (при рассмотрении юридических вопросов) курульные эдилы (Liv. X. 23, XXXV. 41: cf. Cic. in Verr. I. 12, 36; Gell. NA. XIII. 15. 4).

В случае, если магистраты по каким-либо причинам не спешили инициировать созыв народа на собрание, а необходимость принятия решения народом уже назревала, сенат мог побуждать соответствующего магистрата к своевременному созыву народа на собрание¹⁵.

Сенату предоставлялось предварительное совещание о предмете, подлежащем обсуждению народа. Избрание магистрата или принятие закона совершалось на основе постановления сената¹⁶.

День и предмет собрания должны были объявляться заранее, причем, в интересах предварительного ознакомления народа, законопроект или имена подлежащих избранию кандидатов должны быть также заблаговременно выставлены на форум¹⁷.

Комиции можно было проводить только в присутственные дни, в которые дозволялось вести дела с народом (*dies comitiales*). По подсчетам Т. Моммзена, у римлян в году было 194 *dies comitiales*¹⁸. В календаре эти дни отмечались буквой «С». Комиции для принятия законов могли проводиться даже не во все присутственные дни (Cic. de Prov. Cons. XIX).

Какого-либо графика проведения народных собраний у римлян (в отличие, например, от афинян в период расцвета демократии) не было. Народ собирался магистратами по мере надобности. Комиции для выборов магистратов происходили каждый год в определенный период, хотя от сената и консулов зависело, захотят ли они, чтобы выборы состоялись раньше или позже обычного (Cic. p. Mil. IX; ad Fam. VIII. 4; p. Muren. XXV).

В ночь перед проведением комиций руководивший ими магистрат производил гадания по птицам (*auspicia*), чтобы испросить согласие Юпитера на данное мероприятие в данный день.

Фест выводит слово *auspicium* из выражения *ab ave spiciendo* («от наблюдения за птицами»). Римские ауспиции имели полностью практический характер: они не давали информации о будущем ходе событий, не сообщали людям, что должно случиться, а лишь помогали узнать волю богов, учили их тому, что им следует или не следует

делать; они не устанавливали никакой причины решения Юпитера – а просто объявляли: да или нет.

Все античные народы были твердо убеждены в том, что воля богов и грядущие события открываются людям через определенные знаки, посылаемые богами в знак их благосклонности к искренне молящимся. Ни одно государственное дело не могло быть совершено без обращения к ауспциям, ибо пренебрежение ауспциями было равнозначно заявлению, что боги перестали управлять римским государством. Аргументы стоиков о том, что если боги существуют, они заботятся о людях, а если они заботятся о людях, то должны посылать им знаки своей воли (Cic. de Legg. II. 13), настолько полно выражали народное верование, что каждый, кто оспаривал их, рассматривался не иначе, как атеист. М. Туллий Цицерон следующим образом выразил уверенность римлян в том, что боги существуют и управляют жизнью людей (de Resp. Nat. IX. 19): «И в самом деле, кто столь безумен, чтобы, бросая взгляд на небо, не чувствовать, что боги существуют, приписывать случайности тот порядок и закономерность всего существующего, которых даже при помощи какой-либо науки человек постигнуть не может, или чтобы, поняв, что боги существуют, не понимать, что наша столь обширная держава возникла, была возведена и сохранена по их воле? <...> Благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы превзошли все племена и народы».

Древние народы различными путями пытались узнать волю богов, что положило начало бесчисленным разновидностям гаданий; у каждого народа возникло нечто вроде народной веры в то, что отдельные боги, покровительствующие им, открывают будущее особым, присущим только им способом. Каждый народ имел свою дивинацию (divinatio), подтвержденную законами и государственными учреждениями и охранявшуюся от смешения с иноземными элементами строгими постановлениями. Так, римляне рассматривали астрологию и в целом предсказательное искусство халдеев как опасное новшество. С другой стороны, они научились у этрусков придавать большое значение необычным природным явлениям (prodigia); подобно другим соседним народам, пытались узнать будущее по внутренностям жертв (особенно на войне); считали очень важными благоприятные или неблагоприятные предзнаменования (omina) и в опасные и трудные времена обычно обращались к Сивиллиным книгам, полученным от греков.

Ауспции – характерная для римлян разновидность гадания. Согласно свидетельству античных авторов, наблюдение ауспций было старше самого Рима, о котором постоянно сообщается, что он был основан при благоприятных ауспциях. Вера в то, что полет птиц дает

какие-то намеки на волю богов, у римлян была доведена до законченной системы, регулируемой постоянными правилами и передающейся от поколения к поколению. В Риме будущее узнавали от Юпитера, а птицы считались его вестниками (aves internuntiae Iovis (Cic. de Divin. II. 34)). Наблюдение за небесными знаменами было естественным образом связано с наблюдением за небом с целью увидеть птиц и поэтому в древние времена должно было входить в состав ауспций; считалось, что молнии и тому подобные явления посылают боги.

Различались ауспция urbana, совершавшиеся на территории города Рима, и ауспция bellica, совершавшиеся в походе и перед боем; ауспция impetrativa, полученные при нарочитом наблюдении; ауспция oblativa, выявившиеся случайно.

Без обращения к ауспциям не могло совершиться ни одно дело частного или публичного характера; отсюда возникло различие между ауспциями частными (auspicia privata) и общественными (auspicia publica).

Чаще всего частные ауспции совершались при заключении брака. По-видимому, эти частные ауспции совершал любой патриций, знакомый с искусством гадания и называвшийся поэтому ауспиком.

Общественные ауспции, т. е. те, которые относились к государству, могли совершать только лица, представляющие государство и действующие как посредники между богами и государством; ибо хотя все патриции имели право совершать ауспции, но только магистраты действительно ими обладали. Магистраты получали ауспции в силу самого акта их избрания, поскольку комиции, назначавшие их на должность, проводились по совершении ауспций (auspicato) и, следовательно, считалось, что их назначение одобрено богами. Таким образом, ауспции переходили в их руки немедленно после ухода в отставку их предшественников по должности.

До тех пор, пока существовали какие-либо магистраты-патриции, ауспции находились исключительно в их руках. Однако в случае, если магистраты-патриции отсутствовали, ауспции переходили ко всей совокупности патрициев, что обозначалось словами auspicia ad patres redeunt (Cic. Brut. V). В республиканский период это происходило тогда, когда считалось, что ауспции при избрании консулов не были совершены должным образом и консулы поэтому должны были сложить свои полномочия, ауспции возвращались ко всей совокупности патрициев, которые прибегали к междуцарствию, чтобы возобновить ауспции и в безупречном состоянии передать их новым магистратам; отсюда происходит выражение repetere de integro auspicia и renovare per interregnum auspicia (Liv. V. 17, 31; VI. 1).

Боги римского государства были богами только патрициев, поэтому у попытка плебея толковать их волю рассматривалась как профана-

ция. Таким образом, обладание ауспичиями (*habere auspicia*) было одной из прерогатив патрициев: об ауспичиях говорили, что они в руках отцов (*penes patrum*), и называли их *auspicia patrum* (Liv. VI. 41; X. 8).

Ауспичии, принадлежавшие магистратам, делились на два вида: большие и малые ауспичии (*auspicia maxima* (или *maiora*) и *minora*). Первые сначала принадлежали царям, а после учреждения республики перешли к консулам и экстраординарным магистратам: диктаторам, интеррексам и консульным трибунам. После того, как с течением времени консулы лишились части своих полномочий и для осуществления этих полномочий были учреждены отдельные магистраты (цензоры и преторы), они тоже получили большие ауспичии. Квесторы и курульные эдилы имели лишь малые ауспичии, ибо получали их от консулов и преторов текущего года (Gell. NA. XIII. 15. 4).

Ауспичии имели силу в течение дня, в который проводилось мероприятие, в связи с которым они проводились. Проводились их в самом начале этого дня, т. е. сразу после полуночи. Проводились они на той территории, на которой должно было проходить мероприятие.

Наблюдение и право наблюдения за небесными знаменами называлось спекцией – *spectio* или *servare de coelo*, объявление об увиденном – *nuntiatio*, или, если ауспичии были неблагоприятны, – *obnuntiatio*.

Spectio (наблюдение) имело две разновидности: расширенную и ограниченную. В первом случае лицо, совершавшее наблюдения, могло остановить действия любого другого магистрата путем обнунциации: это право называлось *spectio et nuntiatio* (возможно, также *spectio cum nuntiatione*) и принадлежало только высшим магистратам: консулам, диктаторам, интеррексам и, с некоторыми оговорками, преторам. Во втором случае должностное лицо совершало наблюдения лишь для выполнения своих собственных обязанностей и не могло вмешиваться в деятельность другого магистрата: это право называлось *spectio sine nuntiatione* и принадлежало цензорам, эдилам и квесторам.

Высшие магистраты (консул, претор, цензор) совершали ауспичии с участием авгура, низшие, возможно, – без участия авгура¹⁹.

Обычно ауспичии в строгом смысле слова осуществлялись следующим образом. Сначала совершающий их человек с помощью жезла (*lituus*) очерчивал часть неба (называвшуюся *templum* или *tescum*), в которой собирался проводить наблюдения. То место, где он должен был совершать ауспичии, также отделялось от остальной земли торжественной формулой и тоже называлось *templum* или *tescum*. Затем он ставил в этом месте шатер (*tabernaculum capere*), этот шатер назывался *templum minus*. На вершине Капитолийского холма существовало место, называвшееся Авгуракул и освященное для этой

цели (Liv. I. 18; IV. 18; Cic. de Off. III. 16). Подобно этому, в каждом римском лагере было место, называвшееся авгурал (Tac. Annal. II. 13; XV. 30) и служившее для той же цели; но в остальных случаях необходимо было освятить место и поставить шатер – как, например, на Марсовом поле перед проведением центуриатных комиций.

Лицо, совершавшее ауспичии, ожидало появления благоприятных знамений; но необходимо было, чтобы в течение этого времени ничто его не прерывало (*silentium*). Кроме того, требовалось, чтобы наблюдение за полетом птиц производилось в безветренную погоду. По предположению Плутарха (QR, LXXII), это связано с тем, что «когда дует ветер, полет птиц неверен, и гадание по ним ненадежно: они отклоняются от пути и летят неровно»²⁰.

Воля Юпитера при проведении ауспичий в связи с мероприятиями внутри города (комициями, заседаниями сената, жеребьевкой при распределении провинций между магистратами, перед основанием колоний) проявлялась в поведении птиц, животных и в небесных явлениях, а перед переправой войска через реку, перед битвой – в поведении кур²¹.

Плохие ауспичии, полученные сегодня, могли оказаться хорошими и располагающими к действию на другой день (*alio die*).

Собрание необходимо было перенести на другой день:

- 1) когда выяснялось, что боги дождем, громом или молнией обнуживали свое недовольство;
- 2) когда народный трибун налагал запрет;
- 3) когда солнце заходило раньше, чем заканчивалось собрание, – ибо считалось, что ауспичии действительны лишь в течение одного дня, с восхода до заката;
- 4) когда имел место *morbus comitalis*, т. е., когда с одним из присутствовавших граждан случался эпилептический припадок;
- 5) когда на Яникуле спускали флаг²², что служило сигналом, которому должны были повиноваться все граждане;
- 6) когда в городе вспыхивал мятеж или восстание, что постоянно случалось в конце Республики.

Во всех этих случаях собрание должно было продолжить свое дело в какой-то другой день, иногда уже назавтра.

Приготовления к трибутным комициям были менее формальны и торжественны, чем к центуриатным. Для трибутных комиций ауспичии не осуществлялись (D. N. IX. 41) и достаточно было только наблюдения (*spectio*), а трибуны имели право обнунциации (*obnuntiatio*).

Ауспичии не проводились и при выборах плебейских должностных лиц (Liv. VI. 41. 5–6; D. N. IX. 48). При созыве плебеев на их собрания трибун, выбранный для руководства выборами или внесения законопроекта, просто приглашал граждан при помощи своих посыль-

ных, отправлявшихся в различные части страны, чтобы пригласить людей, живущих в отдалении (App. В. С. I. 29).

Если ауспicii были благоприятными, то народ созывался на собрание. Центуриатные комиции созывались ликторами или глашатаями (Gell. NA. XV. 27. 2; D. Н. II. 7). Это совершалось с помощью трех последовательных актов: первым было общее приглашение прийти на собрание (*vocare illicium Quirites*). Когда это приглашение провозглашалось вокруг стен (*circum moeros*) или со стен (*de moeris*), звучал сигнал горна. По этому сигналу народ собирался в беспорядочную толпу, после этого следовал второй призыв к правильному собранию; толпа разделялась, группируясь по классам и возрастам (Varro. L. L. VI. 88). Затем появлялся консул, приказывал людям явиться на центуриатные комиции (*impero qua convenit ad comitia centuriata*) и выводил их из города, на Марсово поле (Liv. XXXIX. 15).

В древности народ, собранный по центуриям, считался войском (гражданским ополчением), а войско не могло входить в черту города (в пределы померия)²³, вследствие этого оно и созывалось вне городских стен, на Марсовом поле²⁴ (Gell. NA. XV. 27. 5). Померий образовывал юридическую границу между двумя сферами жизни древних римлян, выражавшихся словами *domi militiaeque*, и определял место проведения трибутных и центуриатных комиций

Куриатные и трибутные комиции проводились внутри города – на форуме²⁵, на Капитолийском холме. Плебейские собрания проводились на Авентинском холме, на Марсовом поле (Cic. Att. I. 1. 1; pro Planc. VI. 16), на Фламиниевых лугах (*Prata Flaminia*) (Liv. III. 54).

Собрания плебеев могли собираться как внутри, так и вне города, но на расстоянии не далее 1000 шагов, ибо дальше власть трибунов не распространялась. Для выборов обычно использовалось Марсово поле (Cic. ad Att. IV. 3, ad Fam. VII. 30; Plu. С. G. III), но иногда также форум, Капитолий или цирк Фламиния (Cic. ad Att. I. 16; Liv. XXXIII. 10; XXVII. 21).

Если число граждан, присутствовавших на собрании, оценивалось как слишком маленькое, то решение могло быть отложено на другой день, но обычно вопрос ставился на голосование, если каждая центурия была представлена хотя бы несколькими гражданами (Liv. VII. 18; Cic. p. Sext. LI; de Leg. Agr. II. 9; Plu. T. G. XVI; D. С. XXXIX. 30).

Собрание начиналось на рассвете с торжественного жертвоприношения и молитвы руководителя, который затем занимал свое место на трибунале (D. Н. VII. 59; X. 32; Liv. XXVI. 2; XXIX. 15; XXXI. 7; Cic. p. Muren. I). После этого руководитель открывал собрание, представляя гражданам требующий решения вопрос, ради которого они были созваны.

Когда комиции собирались для выборов, руководящий магистрат должен был зачитать громким голосом имена кандидатов и мог ис-

пользовать свое влияние для рекомендации того из них, кого считал наиболее подходящим для данной должности. Народ голосовал только за тех, чьи имена были названы. Народное собрание не имело права подавать свой голос за лиц, не указанных председателем, потому что лишь для названных им были посланы богами благоприятные знамения, лишь за ними было обеспечено согласие богов.

Если собрание созывалось для принятия закона, то руководитель предлагал гражданам в виде вопроса (*rogatio*) проект закона и спрашивал, хотят ли граждане его принять (*velitis iubeatis, Quirites*) или мог предоставить слово другим лицам, по их желанию, чтобы они выступили за этот закон или против него (Liv. III. 71 XXXI. 6, XLII. 34; App. В. С. I. 11; D. С. XXXVIII. 4).

Когда комиции действовали в качестве верховного суда, руководящий магистрат объявлял преступление, предлагал назначить преступнику наказание и затем позволял другим лицам выступать в защиту обвиняемого или против него.

Во время собрания плебеев трибун восседал на трибунале в окружении своих коллег (Liv. XXV. 3; D. С. XXXIX. 65) и представлял народу свой законопроект (зачитывал его не сам трибун, а глашатай (*praeco*)) или называл имена кандидатов на должности трибунов или эдилов, или информировал народ о существовании преступления, по которому плебеем предстояло вынести приговор.

Завершал свое вступительное выступление председатель словами: «Постановите и одобрите, квириды» (*velitis, iubeatis Quirites*), например, «объявление войны» (*bellum indici*) или «лишение М. Туллия огня и воды» (*ut M. Tullio aqua igni interdictum sit*). Эта формула была неизменной во всех комициях, и все представление председательствующего магистрата в целом называлось *рогацией* (*rogatio*).

После этого председательствующий магистрат призывал народ подготовиться к голосованию словами: «Идите же, да сопутствуют вам боги, голосуйте» (*ite in suffragium, bene iuvantibus diis*) (Liv. XXXI. 7).

В период ранней Республики на центуриатных комициях первыми голосовали восемнадцать центурий всадников, за ними первый класс и т. д. Низшие классы призывали к голосованию крайне редко, так как это было необходимо лишь в тех случаях, когда первый класс не соглашался со всадниками (D. Н. IV. 20, VII. 59, VIII. 82, X. 17; Liv. I. 43). Когда в своих собраниях какие-либо решения принимали трибы, соблюдался определенный порядок (*ordo tribunum*), в соответствии с которым их призывали к голосованию. Первой по порядку была Субуранская триба, а последней – Арниенская (Cic. de Leg. Agr. II. 29).

После объединения центурий и триб порядок голосования центурий стал определяться по жребию. Избирали сразу две центурии

первого класса – старшую и младшую. Избранные центурии должны голосовать первыми (*centuriae praerogativae*). В документах эти центурии называются по названию своей трибы, например, *Galeria iuniorum* (Liv. XXVII. 6), т. е. младшая центурия первого класса трибы Галерии. Триба, к которой принадлежали центурии, голосовавшие первыми, тоже называлась *praerogativa*. Этот обычай призывать к голосованию *centuriae praerogativae* раньше других объясняется тем, что римляне смотрели на голосование, как на своего рода указание и даже веление богов, результат их голосования считался предзнаменованием правильного решения (Cic. de Provid. I, 103): все колеблющиеся обыкновенно повиновались ему.

После голосования *praerogativae* происходило объявление его результата (*renuntiatio*), и затем остальные центурии совещались о том, следует ли им голосовать так же или нет. Затем центурии первой трибы приступали к голосованию одновременно (D. Н. IV. 21), ибо не было времени ждать, чтобы 350 центурий проголосовали одна за другой, как это происходило с 193 центуриями в центуриатных комициях.

Если голосование проводилось по трибам (в трибутных комициях или на собраниях плебеев), то и вопрос о том, какая из триб будет голосовать первой, решался жребием, и эта триба называлась *praerogativa* или *principium* (а прочие назывались *iure vocatae*). Голос первой трибы подавался неким уважаемым гражданином, имя которого упоминалось в плебисците, если он имел законодательный характер.

По вопросу о том, как происходило голосование в древнейшие времена, мнения современных историков разделились: некоторые считают, что голоса отдавались устно (*viva voce*), а другие – что с помощью камешков (*calculi*) или обоими способами. Специальные сборщики голосов (*rogatores*) спрашивали каждого гражданина о его выборе, записывали ответ и использовали его для определения выбора каждой центурии (D. Н. VII. 64).

Во время выборов сборщику голосов называли имя выбранного кандидата, а тот отмечал голоса «за» точками напротив его имени; отсюда «*puncta ferre*» – выиграть выборы (Liv. X. 13, 22; XXIX. 22).

Тайное голосование при помощи табличек (*per tabellas*, на дощечках) в избирательных комициях было установлено в 139 г. до н. э. законом Габиния (*lex Gabinia*) (Cic. de Legg. III. 16); в 137 г. до н. э. Л. Кассий установил такой же порядок для тех случаев, когда комиции действовали как верховный суд (Cic. Brut. XXVII. 106), а в 131 г. до н. э. по *lex Papiria* – и в законодательных собраниях.

С этого времени магистрат приглашал граждан к голосованию словами: «Приказываю вам отойти и велю вручить вам таблички» (Cic. de Legg. III. 4).

На выборах граждане получали чистые таблички, на которых могли написать имя выбранного кандидата (Cic. Phil. XI. 8; Plu. C. G. V; Cat. Min. XLVI; Plin. Ep. IV. 25).

Для голосования по законодательным предложениям каждый человек получал две таблички, одна из которых была помечена UR (*uti rogas* – как ты просишь, т. е., «за»), а вторая – A (*antiquo*, т. е., «против») (Cic. ad Att. I. 14).

На судебных собраниях каждый гражданин получал две таблички, помеченные A (*absolvo*, «оправдываю») и C (*condemno*, «осуждаю»), а также третью табличку с буквами NL (*non liquet*, «не ясно»), хотя полной ясности в отношении получения гражданами этой третьей таблички нет.

Во время голосования граждан на Марсовом поле председательствующий на собрании магистрат находился в специальном общественном здании (*villa publica*)²⁶. Перед каждым собранием вокруг этого здания дощатым забором огораживалось широкое пространство. Оно походило на загон для скота и называлось *ovile* (от *ovis* – «овца»), *saepa*, *carceres* или *cancelli*. После окончания собрания забор всегда разбирался.

Юлий Цезарь решил заменить доски мраморными колоннами, покрыть то место, где стояли избиратели, и все это окружить портиками. Это сооружение, которое Цезарь успел только начать, было окончено Агриппой в 28 г. до н. э., но им пришлось мало пользоваться. Едва оно было окончено, как у народа отняли право выбирать своих магистратов (при Тиберии). Так что *saepa marmorea* остались лишь как украшение Марсова поля.

Все это огороженное пространство разграничивалось на отделения для классов, а также для триб и центурий; попасть в эти отделения можно было по узким проходам, называвшимся мосты (*pontes*) или мостки (*ponticuli*)²⁷.

Входя на мостки, граждане получали таблички у должностного лица – раздатчика (*divisor*) (Cic. ad Att. I. 14; de Legg. III. 17; in Pis. XV; p. Planc. VI); посоветовавшись внутри ограды, они вновь выходили из нее по мосткам, на которых бросали свои таблички в ящик (*cista*) под наблюдением сборщиков голосов. Затем сборщики голосов собирали таблички и передавали их счетчикам (*diribitores*), которые распределяли и подсчитывали голоса (Юлий Цезарь построил для них специальное здание (дирибиторий)) и затем отдавали их наблюдателям (*custodes*), еще раз отмечавшим их точками на табличке (ср. Cic. in Pis. XV: «*Vos rogatores, vos diribitores, vos custodes tabellarum*»)²⁸.

Голоса подсчитывались сначала внутри каждой курии, центурии или трибы, и таким образом получался голос этой единицы. Голосование продолжалось до тех пор, пока не будет достигнуто большин-

ство. Процедура голосования должна была совершаться в течение одного дня. При рассмотрении судебного дела прерывание собрания было равнозначно оправданию обвиняемого (Cic. p. Dom. XVII).

По окончании счета голосов председатель собрания торжественно провозглашал имена избранников. При этом он прибавлял, согласно священной формуле, пожелания, чтобы выбор оказался счастливым и полезным для государства: «Quod bonum felix faustumque sit!» Тогда со всех сторон раздавались рукоплескания.

В ходе выборов победившего кандидата объявляли дважды – первый раз глашатай, второй раз – руководящий выборами магистрат. Объявление результатов голосования называлось *renuntiatio*, без такого извещения выборы не считались состоявшимися. В случае, если два кандидата набирали равное количество голосов, вопрос решался жребием.

Во времена царей и в период ранней Республики решения центуриатных комиций должны были получить подтверждение сената (Liv. I. 17; D. N. II. XIV, 3). Утверждение решений, принятых центуриями, часто обозначается выражением «отцы одобряют» (*patres auctores fiunt*), и до времени Публилиева закона (339 г. до н. э.) ни одно постановление центурий не могло стать законом без такого одобрения. Но этим законом было установлено, что «законы должны были утверждаться отцами до представления их на голосование в центуриатные комиции» (Liv. VIII. 14.)

Принятый народным собранием закон обычно подкреплялся клятвой всех граждан, начиная с консулов, соблюдать его. Нарушение этой клятвы влекло за собой проклятие нарушителя и всей его семьи вплоть до седьмого колена. Текст закона выгравировывался на медной доске, которая хранилась в государственном архиве (эрарии) (Suet. Caes. XXVIII; Plu. Cat. min. XVII). Светоний сообщает (Vesp. VIII), что император Веспасиан позаботился восстановить три тысячи таких медных досок, которые расплавились во время пожара в Риме.

Закон, принятый комициями по предложению (*rogatio*) магистрата, назывался *lex rogata*.

Со временем сложились два подвида римских законов: *lex* в собственном смысле как постановление народного собрания, т. е. всего римского народа, имеющее высшую юридическую силу, и *plebiscitum* – указ и распоряжение плебейской части римской общины – впрочем, плебейские постановления по изданию Гортензиева закона стали иметь силу не меньше законов.

Закон назывался по родовому имени (*nomen*) магистрата, который был инициатором вынесения его проекта на рассмотрение комициями, иногда именами двух консулов или преторов (например, *lex Aelia Sentia*, *Iunia Norbana*, *Papia Poppraea*), в некоторых случаях

в его названии отражалось то, что регулировалось этим законом (например, *lex Cincia de donis et muneribus*, *lex Furia testamentaria*, *lex Iulia municipalis*). Законы, относящиеся к одной сфере, объединялись под общим названием: *leges agrariae*, *iudiciariae*, *sumptuariae*. Если закон регулировал отношения во многих различных сферах, он назывался *lex satura*²⁹.

После окончания собрания руководитель произносил молитву (Cic. p. Planc. VI; p. Muren. I) и распускал собрание словами «расходитесь» (*discedite*).

Таким образом, официально в период поздней Республики у римлян функционировали три вида народных собраний. Но уже со II в. до н. э. на куриатные собрания граждане уже почти не ходили, а для правомочности собраний достаточно было присутствия курионов (глав курий) или 30 ликторов. До конца своего существования курии передавали избранным магистратам империй и право осуществления ауспий. Однако с течением времени это право должно было превратиться в простую формальность, и во времена Цицерона (ad Att. IV. 18, ad Fam. XIII. 1) люди даже могли планировать привлечь на свою сторону трех авгуров, чтобы заявить, что они присутствовали в куриатных комициях, передавших империй, хотя в действительности такие комиции вообще не проводились. Этот факт свидетельствует о том, что в то время очень немногие обращали внимание на эти комиции и передачу империя в них. Август получил *imperium* в 43 г. до н. э. без соблюдения старого обряда для *lex curiata*, и с тех пор этот куриатский обряд вышел из употребления. Вместе с ним исчез и последний политический остаток отживших свое время куриатских комиций.

Центуриатные и трибутные комиции регулярно собирались вплоть до диктатуры Суллы. Согласно одним источникам, Сулла вообще отменил трибутные комиции, а согласно другим, – лишил их всех законодательных и судебных полномочий и права избрания жрецов (Cic. in Verr. I. 13, 15; de Legg. III. 9; Liv. Epit. LXXXIX; App. V. C. I. 59, 98).

Но после смерти Суллы Помпей и другие восстановили в прежнем виде конституцию, существовавшую до него, за исключением судебной власти, которую законодательство Суллы навсегда отняло у народа.

При диктатуре Цезаря народ не принимал участия в решении вопросов о войне и мире: их решал диктатор вместе с сенатом (D. C. XLII. 20.). Юлий Цезарь взял в свои руки всю законодательную деятельность, используя свое влияние на магистратов и трибунов. Таким образом, народ не сохранил за собой ничего, кроме избрания магистратов; но даже эти полномочия были сильно ограничены. Как сообщает Светоний (Caes. XLI), Цезарь «выборы ... поделил с наро-

дом: за исключением соискателей консульства, половина кандидатов избиралась по желанию народа, половина – по назначению Цезаря. Назначал он их в коротких записках, рассылаемых по трибам: «Диктатор Цезарь – такой-то трибе. Предлагаю вашему вниманию такого-то, дабы он по вашему выбору получил искомое им звание».

Нарушение древнего порядка выборов должностных лиц при Цезаре и триумвирах проявлялось также в том, что в этот период консулы часто назначались на несколько лет вперед без участия народного собрания.

После смерти Цезаря комиции продолжали собираться, но всегда являлись более или менее послушным инструментом в руках правителей и даже признали и утвердили их неограниченные полномочия (App. В. С. IV. 7; D. С. XLVI. 55, XLII. 2).

Главными участниками политического процесса в Риме эпохи раннего Принципата были принципс, сенат и магистраты. Но определенную роль в политике играл и римский народ.

Воля римского народа выражалась формулой *iussu populi* (Dig. I, II. 2, 6, 23). Таким образом, коллектив граждан выступал как отдельный субъект публично-правовой деятельности. Принципс же являлся одним из числа граждан и был обязан подчиниться «общей воле» (Tac. Annal. XII. 5). Поэтому не считаться с суждениями римского народа принципсы не могли. Решением различных задач управления Римом занимались принципс и сенат. Однако функция легитимации власти принадлежала комициям.

В 27 г. до н. э., когда Август восстановил республику, возобновлена была и деятельность центуриатных и трибутных комиций в том виде и объеме, как это было в конце Республики. Вместе с прежней процедурой и обстановкой народных собраний Августом сохранено было и различие центуриатных и трибутных комиций, соответственно прежнему распределению компетенции. Терминологическое различие центуриатских и трибутных комиций удерживалось еще в III в. н. э., когда суть этого различия давным-давно была забыта вследствие изменения условий голосования; единственным внешним отличием центуриатных комиций был тогда красный флаг на Яникуле (D. С. XXXVII, 28.).

Но объявление наступательной войны стало компетенцией не центуриатных комиций, а императора.

Так как судебная компетенция комиций почти прекратилась еще при Республике (постоянные судебные комиссии вытеснили комиции из судебной сферы), то и восстановленным при Августе народным собраниям возвращены были только законодательные и избирательные функции; судебная компетенция не была возобновлена. В период Империи народные собрания прекратили осуществлять

уголовную юрисдикцию. В эпоху принципата право апелляции римского гражданина сохранялось. Но теперь, видимо, по закону от 30 г. до н. э., по которому Октавиан получил право на оказание помощи и рассмотрение апелляций, апелляция к народу была заменена апелляцией к принципсу, рассматривавшему такие обращения на основании обладания трибунской властью.

Законодательная компетенция комиций, не прекратившаяся вполне и во время триумvirата, при Августе оживила вновь в довольно обширных размерах. Для законодательства комиции собирались при Августе на форуме. В законодательных собраниях могли председательствовать, кроме консулов, также и трибуны и преторы. Поэтому и император, когда он не был консулом, мог созывать трибутные комиции для проведения законов по праву своей *tribunicia potestas*. В трибутных комициях было принято несколько важных законов Августа.

При преемниках Августа комициальная форма законодательства применялась только изредка: имеются примеры из времен Тиберия и Клавдия; Веспасиан воспользовался формой комициального *lex* для *abrogatio* розданных Вителлием консульских должностей. Последним законом, проведенным через комиции, был *lex agraria* в правление Нервы, он упоминается в Дигестах (Dig. XLVII. 21, 3, 1.) После этого законодательные комиции сохранились только в виде обряда для оформления гражданских полномочий императора (*comitia tribuniciae potestatis*) посредством так называемого *lex regia*, примером которого является *lex de imperio Vespasiani*. Вследствие такого ограничения функций народных собраний слово *comitia* и получило после Тиберия более узкое значение в смысле магистратских выборов.

Наиболее наглядным признаком восстановления республики при Августе являлось возвращение комициям прежней избирательной компетенции. Для выборов комиции собирались при Августе только на *campus Martius*. Однако результаты комициальных выборов фактически определялись самим Августом, частью на основании предварительного одобрения кандидатур (*nominatio*), частью путем прямой *commendatio* во время самих выборов.

Вот что об этом сообщает Светоний (Aug.): «XL. (2) В народном собрании он восстановил древний порядок выборов, сурово наказывая за подкуп; в двух своих трибах, Фабианской и Скаптийской, он в дни выборов раздавал из собственных средств по тысяче сестерциев каждому избирателю, чтобы они ничего уже не требовали от кандидатов. <...>

LIV. Присутствуя на выборах должностных лиц, он всякий раз обходил трибы со своими кандидатами и просил за них по старинному обычаю. Он и сам подавал голос в своей трибе, как простой гражданин».

Несмотря на это, Август признал комициальный способ избрания магистратов неудовлетворительным и, умирая, оставил Тиберию письменный совет перенести выборы в сенат (Vell. II. 124). При Тиберии комиции лишились и своей избирательной компетенции.

По примеру Августа принцепсы обходили трибы и представляли своих кандидатов. Тацит пишет о сохранении подобной практики не только в эпоху Юлиев-Клавдиев, но и в период гражданской войны 68–69 гг. (Annal. I. 81; Hist. II. 91). Он упоминает *comitia*, когда речь идет о выборах преторов или консулов (Annal. I. 81, XIV. 28; Hist. I, 14), т. е. о предоставлении империя. Правовой характер решениям, принятым в сенате, придавало голосование и утверждение в комициях. Тацит пишет о недостойных способах соискания магистратур в период приближения комиций (Annal. XIV. 19).

Тиберий передал право избрания магистратов сенату (Tac. Annal. I. 15, 81; II. 36, 51; Vell. II. 126). После проведения выборов в сенате их результаты объявлялись народу, собранному в центуриатные или трибутные комиции (D. C. LVIII. 20). Форма магистратских выборов, введенная Тиберием сейчас по восшествии на престол и сохранившаяся по своему внешнему виду вплоть до III в. н. э., заключалась в разделении избирательного акта между сенатом и комициями. Подобно тому, как прежде законопроекты утверждались сперва сенатом и вносились в комиции только *ex auctoritate senatus*, так и кандидаты на должности магистратов подвергались теперь голосованию в сенате, а оформленное таким образом распределение вакансий между кандидатами поступало на окончательное решение комиций, которые, согласно республиканскому способу проведения законов, могли только принять или отвергнуть поступивший из сената список кандидатов полностью, не подвергая голосованию отдельных лиц и не делая в этом списке никаких изменений допущением других кандидатов. Так как примеров отклонения всего списка не было, то деятельность комиций сама собою свелась только к обряду *renuntiatio* с заменой отбирания голосов общей аккламацией. Этот обряд происходил вслед за производством выборов кандидатов в сенате, но непременно в тот же день, и исполнялся тем же магистратом, который председательствовал на выборах в сенате.

Калигула вновь вернул комициям то положение, которое они занимали при Августе (D. C. LIX. 9; Suet. Cal. XVI).

Но от этого порядка вскоре отказались и вернулись к тому, что было установлено Тиберием (D. C. LIX. 20). Можно сказать, что с этого времени комиции прекратили свое существование, ибо *lex regia* передал императору всю верховную власть, ранее принадлежавшую народу. Уже в век Тацита и Плиния участие народа в выборах свелось к всенародному объявлению имен избранных сенатом магистратов,

тов, так что даже и само слово *comitia* служило тогда для обозначения не только народных собраний на Марсовом поле, но и избирательных заседаний сената.

Народ лишь собирался на Марсовом поле, чтобы получить информацию о том, кто избран или назначен его магистратами. Трибутные комиции собирались для *renuntiatio* избранных в сенате курульных эдилов, квесторов, вигинтивиров, а центуриатные комиции – для *renuntiatio* избранных в сенате консулов и преторов.

Со времен Тиберея функционировали регулярно только избирательные комиции и те комиции, которые собирались по поводу восшествия на престол каждого нового императора (*comitia tribuniciae potestatis, comitia sacerdotiorum, comitia pontificatus maximi*). В императорских комициях *tribuniciae potestatis* вносимый сюда *lex de imperio* принимался, вероятно, с самого начала путем простой аккламации, так что, в конце концов, это превратилось в обряд представления народу нового императора. Возможно, что аккламация новых магистратов происходила в каждой трибе или центурии отдельно с соблюдением обычных издавна правил ренунциации. Сохранились также *contiones*, но только императорские.

Примечания

1 Выражение *minuere maiestatem* означало любое действие, которым *maiestas* уменьшалось. По словам М. Туллия Цицерона (*de Invent. II. 17, 53*), «*maiestatem minuere est de dignitate, aut amplitudine, aut potestate Populi aut eorum quibus Populus potestatem dedit, aliquid derogare.*»

Человек, каким-либо образом посягнувший на величие народа, совершал преступление против величия (*crimen laesae maiestatis*). По определению римского юриста Ульпиана (*Dig. XLVIII. 4, 1*), преступление против величия римского народа – это «преступление, направленное против римского народа или его безопасности» («*crimen illud quod adversus Populum Romanum vel adversus securitatem eius committitur*»).

В период Республики преступление в оскорблении величия усматривалось в таких действиях, как вооруженное выступление против государства римлян, содействие врагу государства, заговоры против государства, подстрекательство к мятежу, ведение войны или набор воинов без обладания правом на это, убийство римского магистрата, отказ наместника покинуть свою провинцию после прибытия его премника (*Dig. XLVIII. 4. 1. 2*).

В период принципата как преступление против величия стали трактоваться действия против безопасности не только принцепса, обладавшего империем, но и членов его семьи. Более того, в то время, как в период Республики законом об оскорблении величия «осуждались дела, слова не влекли за собой наказания» (Тас. *Annal. I. 72*), Август распространил действие этого закона на словесные оскорбления и клевету. Тиберий сначала выступил решительно против преследований за такие преступления. Однако в 15 г. н. э. на вопрос претора Помпея Макра, нужно ли наказывать за личное оскорбление принцепса, как при Августе за государственное преступление, он «ответил, что законы должны быть неукоснительно соблюдаемы» (Тас. *Annal. I. 72*). Все следующие императоры следовали примеру первых правителей Римской империи.

Наказанием за такое преступление в период Республики было изгнание («запрет воды и огня» – *interdictio aquae et ignis*), с конфискацией имущества или без. При Августе суровые наказания нарушителям этого закона были редкими, но уже при Тиберии они стали обычным делом. Они выражались в изгнании с конфискацией имущества, в смертной казни и даже в проклятии памяти (*damnatio memoriae*) преступников. Со временем жестокость наказания еще более усилилась. В конце правления Каракаллы преступники низкого происхождения бросались диким зверям или сжигались живьем, а благородные просто казнили.

Увеличению случаев обвинения в этом преступлении способствовало то, что тот, кто делал донос о преступлении против величия, в случае успешного разрешения дела получал четверть имущества жертвы.

2 На характеристику человека как лица гражданского права влияли несколько обстоятельств: его состояние свободы или несвободы (*status libertatis*), состояние гражданства, т. е. принадлежность к римскому гражданству или к гражданству союзнических общин, других народов (*status civitatis*), его положение в римской семье (*status familiae*).

Полноценным субъектом частного права могло быть лицо, находящееся в свободном состоянии, принадлежащее к римскому гражданству и занимающее особое положение в римской семье в качестве *persona sui iuris*, т. е. обладающее завершённой дееспособностью. Дополнительно подразумевалось, что все эти характеристики относятся к лицу мужского пола, не подвергнутому законным запретам и ограничениям по религиозным и другим основаниям.

Женщины обладали при соответствии совокупности требований правами римского гражданства. Но они не несли никаких публичных обязанностей и таким образом вообще были лишь условными субъектами права; за исключением жриц культа Весты, не подлежали ответственности за публичные правонарушения и преступления, не могли сами обращаться за судебной защитой. Кроме того, значительными

были различия между гражданами мужского и женского пола в области частных прав.

Двуполое лицо (гермафродит) квалифицировалось в зависимости от того, какие признаки в нем преобладали – соответственно и решался вопрос о качестве его гражданских прав.

3 Особое явление с особыми юридическими последствиями составляло так называемое умаление чести вследствие бесчестья (*infamia*). Бесчестье могло наступать по основаниям фактическим или законным.

Фактическое бесчестье вытекало из нравственного осуждения коллективом граждан морального облика или поведения лица (не пойманный вор, распутник). В формально-правовом отношении это было как бы превентивное лишение равноправия: лицо, характеризующееся как *turpitudō* (опозоренное, безнравственное), устранялось из числа возможных свидетелей, опекунов, кандидатов в должностные лица; *turpitudō* создавало основание для лишения данного лица прав наследства.

Законное бесчестье наступало в силу конкретного распоряжения закона или вообще гражданского права. Оно могло быть непосредственным или опосредованным. Непосредственное законное бесчестье (*infamia iuris immediata*) следовало в случае причастности к образу жизни или поведению, осужденных законом (проституция, ростовщичество, занятие сценическими искусстваами, позорная отставка солдата и т. п.) и не требовало никаких индивидуально-правовых постановлений. Опосредованное законное бесчестье (*infamia iuris mediata*) наступало в качестве индивидуального акта по приговору суда вследствие совершения некоторых уголовных преступлений (как сопутствующее основному наказанию) или вследствие неисполнения ряда частнопроводных обязательств, отнесенных к особому типу позорящих (договоры поручения, товарищества, поклажи), а также обязанностей по опеке.

Результатом бесчестья (вне зависимости от его конкретного вида) была потеря публичных прав – на занятие почетных должностей, на место при играх или религиозных церемониях, – а также ряда частных прав, прежде всего, наследования.

Умаление чести могло быть пожизненным или временным. Восстановление ее могло быть реализовано либо только тем же властным органом, который наложил в свое время бесчестье, либо верховной властью от имени римского народа. Восстановление чести (*restitutio famae*) могло происходить и в случае фактического бесчестья, когда верховная власть декларацией запрещала распространение впредь позорящих слухов и сопутствующего отношения к ходатайствующему о том лицу.

Ограничение прав римского гражданства, не следующее из правового лишения его либо из умаления чести, могло последовать также по обстоятельствам религиозным или по признаку пола.

Несоблюдение требований языческой религии в классическую эпоху с необходимостью влекло общественное осуждение с общими для этого правовыми последствиями.

4 Всего употребляли 17 таких имен, которые в надписях сокращались от одной до трех первых букв: A. = Aulus, Ap. = Appius, C. = Gaius, Cn. = Gnaeus, D. = Decimus, K. = Kaeso, L. = Lucius, M. = Marcus, M'. = Manius, N. = Numerius, P. = Publius, Q. = Quintus, Ser. = Servius, Sex. = Sextus, Sp. = Spurius, T. = Titus, Ti. = Tiberius.

5 Сходки могли быть воинскими и общегражданскими, те и другие включали в себя «официальные», т. е. созываемые официальными лицами: уполномоченным на то магистратом или государственным жрецом с помощью специальных служителей (*praecones*) (*Fest.* P. 34 L: *contio significant conventum non tamen alium quam eum qui a magistrate vel a sacerdote publico per praeconem convocatur*), и «неофициальные», когда народ собирался по собственной инициативе.

Официальные сходки делились на политические и судебные. В гражданских сходках могли участвовать или все граждане или только плебеи. На сходках проходили своеобразные дебаты по поводу законопроектов. Политические лидеры через сходки могли готовить граждан к нужному голосованию на комициях. По решению сената преторы собирали сходки, чтобы информировать римский народ о насущных нуждах государства, объявить о возможности взять подряды на поставки хлеба, одежды в войска, о подрядах на строительство и ремонт стен и башен Рима, на ремонт римского флота.

В городе Рима сходки граждан обычно собирались на рынках. Созывать граждан на официальные сходки могли магистраты, как с империем, так и без, вплоть до квесторов, а также промагистраты.

Институт *contio* был широко распространен в римской императорской армии и зачастую именно на таких армейских собраниях в эпоху Империи императоры обретали легитимность.

6 Впрочем, это определение не охватывает все разновидности комиций, ибо еще с периода царей у римлян существовали калатные комиции (*comitia calata*). Но эти собрания не имели прямого отношения к политической жизни римлян, в них лишь оглашались определенные объявления или свидетельствовались определенные официальные действия и никакие вопросы не ставились на народное голосование.

Их название «калатные» (от *calare*, т. е. *vocare*, «созывать») объясняется тем, что граждане созывались на эти собрания служителями, которые назывались *calatores*. В источниках нет ясных указаний на то, кто именно созывал калатные комиции и руководил ими. Вероятно, собрания всегда проводились на Капитолии. В календы каждого месяца в этих комициях народу объявляли, на какой день наступающего месяца приходятся ноны, а вероятно, также и иды, и характер всех остальных дней – являются ли они присутственными или

неприсутственными (*fasti* или *nefasti*), комициальными (*comitiales*), праздничными (*feriae*) и т. д. – ибо все эти сведения в древние времена были известны только понтификам. Еще одной функцией калатных комиций была инаугурация жрецов фламингов, а после изгнания царей – также царя священнодействий. Третьим делом, осуществлявшимся в них, было *testamenti factio*, или составление завещания. В древнейшие времена собрания, специальной целью которых было засвидетельствование завещаний народом, проводились дважды в год; но постепенно этот обычай вышел из употребления. Четвертой функцией калатных комиций было *detestatio sacrogiurum* – вероятно, акт, связанный с *testamenti factio*, то есть, торжественное заявление, предписывающее наследнику взять на себя частные священнодействия (*sacra privata*) завещателя при получении его имущества.

7 Что такое курия и каково ее происхождение, вопрос чрезвычайно спорный. Еще древние авторы по-разному трактовали этимологию слова «курия». Варрон (L. L. V. 32) считал, что оно происходит от глагола *curare* (заботиться). Дионисий Галикарнасский в своих «Римских древностях» (II. VII, 2–3) сообщает, что Ромул разделил народ на три трибы, каждая из которых подразделялась на 10 частей, курий, и пишет, что «на эллинский же язык названия эти можно перевести так: триба – это фила и трития, курия – фратрия и военный отряд».

А. В. Коптев предлагает считать курию соседской общиной или группой близких общин, в общественной жизни которой участвовали взрослые мужчины, поэтому курия может рассматриваться как сообщество мужчин (*co-viria*). При этом курия была делением, созданным искусственно для голосования в народных собраниях. Система курий была основой воинского набора. В силу совпадения войска и народного собрания, курия в то же время играет роль единицы политической; а в силу того, что общие интересы могли вызывать и необходимость общих жертвоприношений, курия приобрела характер и единицы сакральной. Каждая курия как сообщество имела свои собственные священнодействия, кроме государственных богов, курии почитали иных божеств и совершали особые ритуалы и церемонии. Для религиозных целей каждая курия имела собственное место культа, также называвшееся «курией». Религиозные дела каждой курии находились в ведении жреца – куриона (*curio*), которому помогал другой жрец – куриальный фламин (*curialis flamen*).

Все члены родов, принадлежавших к одной курии, по отношению друг к другу назывались куриалами (*curiales*). Членство в курии передавалось по наследству от отца к сыну.

Каждая из тридцати курий имела особое название. Т. Ливий (I. 13.) сообщает, что эти названия происходили от имен сабинянок, похищенных римлянами. Согласно же Дионисию Галикарнасскому (II. 47), со времен Ромула курии именовались «частично по мужам-гегемонам, частично по пагам».

Известны лишь немногие из этих названий, такие как Титиева (Titia), Фавкиева (Faucia), Калабрская (Calabra), Фориенская (Foriensis), Раптская (Rapta), Велиенская (Veliensis), Тифатская (Tifata) курии.

В литературе долго господствовало мнение о том, что членами курий могли быть только патриции. Однако в последнее время преобладает точка зрения, согласно которой, уже к концу царской эпохи плебеи были включены в состав курий.

Слово «курия» использовалось также для обозначения места заседаний сената, например: курия Гостилия, курия Юлия, курия Помпея, – а отсюда постепенно возник обычай называть курией сам сенат в итальянских городах, но никогда – римский сенат.

8 В том, что касается объявления войны, нет никаких сомнений (Liv. I. 32; Gell. NA. XVI. 4; D. H. VIII. 91; IX. 69); но нет никаких упоминаний о том, что *populus* когда-либо имел какое-либо отношение к заключению мирных договоров, поэтому справедливо будет предположить, что заключение мира было предоставлено царю и сенату.

9 По-видимому, Дионисий представляет этот вопрос в правильном свете, что подтверждается Цицероном (de Re Publ. II. 22), описывающим 96 центурий как меньшинство.

10 Римляне утверждали, что их предки вели только оборонительные войны, которые рассматривались как войны справедливые (*bellum iustum*).

По сообщению Цицерона (de Re Publ. II. (XVII, 31), «Тулл Гостилий <...> установил правила для объявления войн; эти правила <...> он подтвердил фециальным уставом, согласно которому, всякая война, которая не была возвещена и объявлена, признавалась несправедливой и нечестивой». Чтобы избежать обвинения в коварстве, римляне заранее (за 33 дня) уведомляли народ, с которым они собирались воевать, об объявлении ему войны посредством посылки к границам его владений специальной комиссии из жрецов, которые назывались фециалами (*fetiales*).

Число фециалов не может быть установлено точно. Варрон сообщает о 20-ти. Изначально они избирались из членов самых знатных фамилий пожизненно (D. H. II. 72); вероятно, вакансии заполнялись путем кооптации членами коллегии фециалов. Это продолжалось до закона Домиция (104 г. до н. э.), по которому фециалов, как и остальных жрецов, избирали в *comitia tributa*.

Компетенция фециалов следующим образом определяется Варроном (L. L. V. 86): «*Fetiales <...> fidei publicae inter populos praeerant: nam per hos fiebat ut iustum conciperetur bellum et inde desitum, ut foedere fides pacis constitueretur*».

Описание подробностей обряда объявления римлянами войны и действий фециалов в эпоху царей содержится у Т. Ливия (I. 32): «(6) Посол, придя к границам тех, от кого требуют удовлетворения,

покрывает голову (покрывало это из шерсти) и говорит: «Внемли, Юпитер, внемлите рубежи племени такого-то (тут он называет имя); да слышит меня Вышний Закон. Я вестник всего римского народа, по праву и чести прихожу я послом, и словам моим да будет вера!» (7) Далее он исчисляет все требуемое. Затем берет в свидетели Юпитера: «Если неправо и нечестиво требую я, чтобы эти люди и эти вещи были выданы мне, да лишишь ты меня навсегда принадлежности к моему отечеству». (8) Это произносит он, когда переступает рубеж, это же – первому встречному, это же – когда входит в ворота, это же – когда войдет на площадь, изменяя лишь немногие слова в возвещении и заклании. (9) Если он не получает того, что требует, то по прошествии тридцати трех дней (таков установленный обычаем срок) он объявляет войну так: (10) «Внемли, Юпитер, и ты, Янус Квириин, и все боги небесные, и вы, земные, и вы, подземные, – внемлите! Вас я беру в свидетели тому, что этот народ (тут он называет, какой именно) нарушил право и не желает его восстановить. Но об этом мы, первые и старейшие в нашем отечестве, будем держать совет, каким образом нам осуществить свое право». Тут посол возвращается в Рим для совещания. (11) Без промедления царь в таких примерно словах запрашивает отцов: «Касательно тех вещей, требований, дел, о каких отец-отряженный римского народа квиритов известил отца-отряженного старых латинов и самих старых латинов; касательно всего того, что те не выдали, не выполнили, не возместили; касательно всего того, чему надлежит быть выданным, выполненным, возмещенным, объяви, какое твое суждение» – так он обращается к тому, кто подает мнение первым. (12) Тот в ответ: «Чистой и честной войной, по суждению моему, должно их взыскать; на это даю свое согласие и одобрение». Потом по порядку были опрошены остальные; когда большинство присутствующих присоединилось к тому же мнению, постановили воевать. Существовал обычай, чтобы фециал приносил к границам противника копье с железным наконечником или кизиловое древко с обожженным концом и в присутствии не менее чем троих взрослых свидетелей говорил: (13) «Так как народы старых латинов и каждый из старых латинов провинились и погрешили против римского народа квиритов, так как римский народ квиритов определил быть войне со старыми латинами и сенат римского народа квиритов рассудил, согласился и одобрил, чтобы со старыми латинами была война, того ради я и римский народ народам старых латинов и каждому из старых латинов объявляю и приношу войну». Произнесши это, он бросал копье в пределы противника. (14) Вот таким образом требовали тогда от латинов удовлетворения и объявили им войну; этот порядок переняли потомки».

Конечно же, такой ритуал объявления войны мог соблюдаться до тех пор, пока римляне воевали со своими ближайшими соседями на территории Италии. В условиях же, когда римское государство ста-

ло огромной средиземноморской державой, посольству фециалов из Рима требовались бы целые месяцы, чтобы добраться до границ владений потенциального противника.

Август возобновил коллегию фециалов в 32 г. до н. э. ради обряда объявления войны. Император Клавдий применял фециальный обряд и при заключении договоров. Однако из последующего времени известен только один случай фециального объявления войны маркоманнам при Марке Аврелии.

В период принципата решение вопроса о войне перешло в компетенцию правившего императора.

- 11 Т. Ливий (I, 43), трактуя название частей, на которые поделил территорию города Рима царь Сервий Туллий, полагал, что слово «триба» происходит от слова «трибут» (tributum) – налог, который граждане платили в соответствии с цenzом. Современная этимология производит слово tribus от корня tri- («треть»). Древнейшее разделение на три трибы – рамнов (Ramnes или Ramnenses), тициев (Tities или Titienses) и луцеров (Luceres или Lucerenses), – к которым принадлежали только патриции, основывалось на этническом или родовом признаке. Учрежденные Сервием Туллеем четыре трибы – Sucusana (более позднее название – Suburana), Palatina, Esquilina, Collina. (Сукузанская, Эсквилинская, Коллинская и Палатинская) (D. H. IV. XIV) являлись исключительно территориальными, по месту жительства. Когда число триб увеличилось, эти трибы стали называться городскими (urbanae), а остальные – сельскими (rusticae).

Членство в трибе было признаком гражданства и отражалось в законном имени человека, например C. Lucilius C. f. Pup(inia tribu) Hirrus. Принадлежность к трибе определялась, в первую очередь, нахождением земельной собственности гражданина на территории данной трибы. Если гражданин переселялся из Рима в колонию, он переходил в другую трибу самостоятельно или же его записывали в эту трибу цензоры. До конца IV в. до н. э. римские граждане, не владевшие землей, не были членами территориальных триб. Цензоры Аппий Клавдий (в 312 г. до н. э.) и Кв. Фабий (в 304 г. до н. э.) установили, что безземельные римские граждане приписываются к четырем городским трибам. Число триб в 241 г. до н. э. достигло 35. В дальнейшем оно больше не увеличивалось. Впоследствии население присоединенных союзных областей, приравненных к римским гражданам, приписывались к прежним трибам: богатые – в одну из 31 сельских, бедные – в четыре городские. Вольноотпущенники приписывались к городским трибам.

Разделение граждан по 35 трибам сохранялось и в эпоху Империи. Но поскольку граждане уже не платили трибут и не были обязаны служить в армии, членство в трибе сохраняло значение лишь в плане распределения от лица государства хлеба и денежных раздач.

- 12 Точная продолжительность trinum nundinum не ясна, видимо, она соответствовала промежутку от 17 до 24 дней.

Семидневная неделя ведёт происхождение с Востока. Но долгое время в Риме таким счётом дней пользовались только христиане. Лишь император Константин Великий в 321 г. н. э. законодательно закрепил семидневную неделю. До этого времени римляне вели счёт дней по-другому. В каждом месяце было три постоянных числа. Первое число месяца называлось Календами (отсюда происходит слово «календарь»). День, который делил месяц на две равные половины, римляне называли Идами (от глагола iduere – «делить»). В январе, феврале, апреле, июне, августе, сентябре, ноябре и декабре они приходились на 13-е число, а в остальных месяцах – на 15-е. Девятый день до Ид назывался Нонами (из novem dies «девятый день»). В марте, мае, июле и октябре они приходились на 7-е число, в других же месяцах – на 5-е. Числа, предшествующие этим дням, римляне обозначали наречием «накануне». Например, 31 декабря для них было днём накануне Январских Календ. Остальные дни месяца обозначались путём отсчёта дней в обратном направлении. Так, 2 января считалось четвёртым днём до Январских Нон (текущий день также включался в подсчёт).

Нундины были днем отдыха от полевых работ, и сельские жители приходили в эти дни в город для осуществления покупок, продаж и для других дел и имели возможность узнать о предстоящих комициях.

- 13 Эти *leges* следует отличать от *leges praetoriae*, принимавшихся в *comitia tributa* под председательством преторов, и *leges consulares*, принимавшихся, особенно часто в конце республиканского периода, в *comitia tributa* под председательством консулов.
- 14 Цензоры собирали народ только ради ценза и люстра (Varro. L. L. VI. 86); на собраниях, созванных цензорами, голосование не производилось.
- 15 Например, Т. Ливий сообщает (XLIV. 17): «(2) Сенат постановил: Гнею Сервилию явиться как можно скорее для проведения выборов. (3) Решение сената претор Сульпиций направил к консулу, а спустя несколько дней зачитал послание консула с распоряжением выборы назначить на день <...> и с обещанием явиться в Рим накануне этого дня. Консул и вправду поспешил, так что выборы состоялись точно в назначенный день».
- 16 Став достаточно сильными, центурии приобрели также право обсуждения и решения вопросов, которые не были поставлены перед ними в форме постановления сената; то есть, они получили возможность инициировать законопроекты. При избрании магистратов комиции первоначально не имели права выбрать кого-либо, кроме тех, кто был предложен руководящим магистратом (который сам полностью

повиновался постановлению сената), но с течением времени народ упрочил свои права настолько, что обязал руководящего магистрата без предварительной санкции сената предлагать любого кандидата, который мог выдвинуть себя сам. Это изменение произошло около 482 г. до н. э.

Неясно, требовалось ли комициям сенатское постановление в тех случаях, когда они действовали как верховный суд; по крайней мере, нет никаких упоминаний о постановлениях сената в подобных случаях.

Сенат был инициатором вынесения магистратом на решение в центуриатных комициях вопроса об объявлении войны какому-либо народу или государству. Так, по сообщению Т. Ливия (XLII. 30): «(10) Для блага и счастья Римского государства отцы повелели консулам возможно скорее войти к народу в центуриатские комиции такого рода предложением: так как царь Персей, сын Филиппа, царь македонян, в нарушение договора, заключенного с отцом его и возобновленного лично им после его смерти, начал войну с союзниками римского народа, опустошил их поля и захватил их города, (11) так как он задумал к тому же войну против римского народа и для этой цели приготовил оружие, войско и снарядил флот, то в случае, если он не даст удовлетворения за эти провинности, следует объявить ему войну. Такого рода предложение было представлено народу».

- 17 Объявление делалось в виде эдикта созывавшего на собрание народ магистрата, в тексте которого сообщалось о дне собрания и вопросах, которые на нем будут рассматриваться. Если предполагалось избирать магистратов, то в эдикте содержался список кандидатов на соответствующую должность; если комиции должны были рассматривать судебный вопрос – то суть обвинения и имена обвиняемых; если магистрат предлагал на утверждение народом законопроект – суть закона, который должен был утвердить на комициях народ.

«Promulgare legem» значило опубликовать закон для информирования о нем народа. На основании Цецилиева – Дидиева закона 98 г. до н. э. и Юниева – Лициниева закона 62 г. до н. э., законопроект объявляли народу на форуме за три нундины (*trinum nundinum*) до его обсуждения в комициях. Такой публикации обычно предшествовали *contiones*, на которых автор законопроекта мог обосновать необходимость его принятия. Такая промульгация и обсуждение проекта закона обозначались выражением «*ferre legem*» в отличие от вынесения его на утверждение или неприятие в комициях, которое обозначалось выражением «*rogationem accipere*». Инициатор законопроекта назывался *rogator*.

- 18 Согласно традиции, при Ромуле год состоял из 10 месяцев. Царь Нума Помпилий прибавил январь и февраль месяцы. Календарь был лунный, в году было 355 дней, с дополнительным месяцем (*mensis intercalaris*), при четырехлетнем цикле. В 46 г. до н. э., при Гае Юлии

Цезаре, была произведена реформа календаря с введением солнечного года.

Первым месяцем года был март, т. е. первый месяц весны, когда земледельцы граждане римской общины могли быть мобилизованы в ополчение для ведения военных действий. 1 марта совершался обряд изгнания зимы – «старого Марса», и по имени этого бога, второго по значению после царя богов Юпитера, и был назван месяц. Этот месяц отводился для подготовки к войне и проведения различных ритуалов и праздников в связи с этой подготовкой. Такие же мероприятия проводились в октябре, когда заканчивался сезон войны.

Позже новый год у римлян стал начинаться 1 января, поскольку именно в этот день, начиная со 153 г. до н. э., вступали в должность консулы.

Дни года делились у римлян на *dies fasti* (обыкновенные, будничные) и *dies nefasti* (праздничные). Согласно Макробию (*Sat. I. 16. 3*), «праздничные дни предполагают жертвоприношения, торжественные кушанья, публичные игры, отдых, тогда как обыкновенные дни – это комициальные дни, дни, назначенные для окончательного решения суда, дни для вызова в суд, дни военного характера». Список этих дней устанавливали понтифики. Эта прерогатива понтификов объясняется тем, что жрецы всех богов (понтифики) были ответственны за составление и ведение календаря, смысл которого заключался главным образом в том, чтобы правильно определить день соответствующего религиозного мероприятия. Для вычисления праздничных дней понтифики проводили специальные наблюдения за изменениями фаз луны (*Macr. Sat. I. 16. 9*).

Dies nefasti делились на два разряда:

1. *Dies feriati*, дни, в которые нельзя было заниматься общественными делами, поскольку они были посвящены определенным праздникам (*dies festi*).

2. *Dies religiosi* или *dies vitiosi*, иногда называвшиеся также *atri*. Это были несчастливые дни, объявлявшиеся таковыми решением сената вследствие того, что в эти дни когда-то произошли какие-то несчастья. К их числу относились и все *dies postriduan*, т. е. дни, следующие за календами, нонами и идами, т. к. они издавна считались несчастливыми. В эти дни не только нельзя было заниматься каким-либо общественным делом, но и вообще любым важным делом (*Gell. NA. IV. 9. 5*: «*Religiosi dies dicuntur tristi omine infames impeditique, in quibus et res divinas facere et rem quampiam novam exordiri temperandum est*»). Занятие общественными делами в праздничные дни осуждалось как нечестье и требовало искупления очистительной жертвой.

- 19 Цицерон (*de Legg. II. VIII, (20)*) подразделяет жрецов на: 1) служителей культа, ведавших священнодействиями и жертвоприношениями; 2) истолкователей пророчеств, признанных государством

(книги Сивиллы), т. е. квиндецимвиров; 3) истолкователей воли Юпитера Всеблагого Величайшего на основании знамений и ауспиций, т. е. авгуров и гаруспиков.

Авгуры – жреческая коллегия гадателей по птицам, консультировавшие магистратов и частных лиц и оказывавшие помощь при гаданиях.

Слово «авгур» имело в древности не менее четырех этимологий: 1) от *avis* («птица») и *gerere* («вести себя, двигаться»); 2) от *avis* и *garritus* («болтовня»); 3) от *augere* – «увеличивать» или «быть создателем, зачинщиком»; 4) от *avis* и *gustus* в значении не физического «вкуса», а умения разбираться в чем-либо.

Некоторые современные авторы считают, что его корень *aug*, означающий «видеть», а *ur* – это окончание; таким образом, это слово соответствует русскому слову провидец.

В Риме авгуров формировали коллегия. Отличительной одеждой авгуров была трабея, а инсигниями – изогнутый жезл (*lituus*) и специальный сосуд (*capis*) при жертвоприношениях. Первоначально авгуров было 3, 4 или 5. Огульниев закон (300 г. до н. э.) увеличил число авгуров до девяти, Сулла – до пятнадцати (*Liv. Epit.* 89). Шестнадцатого члена добавил Юлий Цезарь после своего возвращения из Египта (*D. C. XLII.* 51).

Члены коллегии авгуров обладали правом избрания своих коллег (*cooptati*). Сначала их назначал царь, но, поскольку сам царь являлся авгуром, такое назначение не считалось противоречащим принципу кооптации. Авгуры избирались пожизненно и не теряли свое жреческое достоинство, даже будучи приговоренными к смертной казни (*Plin. Ep.* IV. 8). Когда появлялась вакансия, два старших члена коллегии называли кандидата (*Cic. Phil.* II. 2), приносили присягу, и новый член торжественно вступал в должность (*Cic. Brut.* 1). В таких случаях всегда устраивали банкет, на котором ожидалось присутствие всех авгуров (*Cic. ad Fam.* VII. 26; *ad Att.* XII. 13, 14, 15). Авгуры сохраняли за собой право кооптации до принятия закона народного трибуна Гнея Домиция Агенобарба в 103 г. до н. э. Согласно этому закону, вакантные места в жреческих коллегиях должны были заполняться путем голосования меньшинства триб, т. е., 17 из 35, выбранных по жребию (*Cic. de Leg. Agr.* II. 7; *Vell. II.* 12; *Suet. Nero.* II). Домициев закон был отменен Суллой в 81 г. до н. э., но возобновлен в 63 г. до н. э., в консульство Цицерона, трибуном Т. Аннием Лабиемом при поддержке Цезаря (*D. C. XXXVII.* 37). Второй раз его отменил Марк Антоний в 44 г. до н. э. (*D. C. XLIV.* 53), но Авл Гирций и Гай Вибиий Панса вновь придали ему силу. Императоры имели право избирать авгуров по своему усмотрению, кроме того, во времена Империи появились так называемые *supernumerarii* («сверхчисленные») авгуров.

Единственная иерархия внутри коллегии была возрастной: старший авгур всегда голосовал раньше младшего, даже если млад-

ший занимал одну из высших должностей в государстве (*Cic. de Sen.* XVIII). Самый старший член коллегии назывался магистром (*magister collegii*). Ожидалось, что все авгуров должны находиться в дружеских отношениях между собой, и существовало правило, что на эту должность не мог быть избран враг кого-либо из членов коллегии (*Cic. ad Fam.* III. 10). Авгур, который ввел в должность нового члена, всегда должен был почитаться последним как отец (*in parentis eum loco colere, Cic. Brut.* I).

Что касается содержания деятельности авгуров, то она, согласно Варрону (*L. L. VI.* 82), сводилась к *augurium agere*, во время которого авгур наблюдает за птицами (*aves specit*). Цицерон (*de Legg.* II. VIII, 21) так пишет о задачах авгуров: «Тем, кто будет ведать делами войны и делами народа, да возвещают они об ауспициях, а те да повинуются им. И да видят они наперед гнев богов, руководствуются знаменами, сдерживают молнии в определенных участках неба и хранят Город, поля и «храмы» свободными и освященными. И все то, что авгур объявит неправильным, запретным, порочным, зловещим, да не будет выполнено и свершено; кто ослушается, да ответит головой». Авгуры не предсказывали будущее – они должны были определять, благоприятствуют или не благоприятствуют боги задуманным действиям. Наука авгуров называлась авгурское право (*ius augurum* или *ius augurium*) и сохранялась в книгах (*libri augurales*). Авгуры были толкователями этой науки, они имели право объявлять о том, были ли ауспиции действительными или недействительными.

Авгуры были помощниками магистратов, они не могли совершать ауспиции без последних, хотя магистраты, напротив, могли обходиться без помощи авгуров, например, при назначении консулом диктатора в условиях военного похода вдали от города. Хотя авгуров и могли объявлять о нарушениях, допущенных в ходе ауспиций, но с другой стороны, их должность не давала им права заявлять, что им явилось некое неблагоприятное знамение – ибо ауспиции посылались не им. Когда авгуров привлекались магистратами к участию в ауспициях, они получали право нунциации, т. е. могли остановить любое важное общественное дело с помощью обнунциации – заявления о неблагоприятных знаменаниях (*Cic. de Legg.* II. 12).

Коллегия авгуров устанавливала наличие огрешности в ауспициях при избрании магистратов. Здесь употреблялась особая формула *magistratus vitio creatus: vitium* («огрешность») – термин, означавший ошибку при совершении ауспиций, что делало весь акт недействительным. Видимо, к авгуров обращался сенат, и если авгуров приходили к выводу, что огрешность при выборах была, то сенат принимал постановление об отрешении избранных огрешно магистратов от должности, и это постановление сообщалось данным магистратам. Т. е. решение об отрешении магистрата принимали не авгуров, а сенат. Однако сложить свои полномочия должен был сам магистрат, ни ав-

гуры, ни сенат, ни комиции не могли отменить результаты выборов. Религиозное чувство магистрата заставляло его прислушиваться к мнению жрецов даже вопреки личным интересам.

За всю историю Республики (по подсчетам А. М. Сморгочкова) по сакральным причинам выборы консулов отменялись 5 раз, диктаторов – 7, цензоров – 2.

Авгур производил также инаугурацию (посвящение, наделение властью, объявление неприкосновенными) понтификов и магистратов.

Ко времени Цицерона наука предсказаний пришла в сильный упадок. Каким фарсом она стала через несколько лет, можно увидеть из рассказа Дионисия (II. 6), который сообщает, что нового магистрата, совершавшего ауспиции в первый день своей должности, обычно сопровождал авгур, возвещавший ему, что слева от него увидел молнию – что считалось хорошим знаком, – и такого заявления было достаточно, хотя ничего подобного на самом деле не имело места. Ауспиции должностных лиц утратили свое прежнее политическое значение, но продолжали применяться не только при Августе, но и после него. При Адриане авгуры были привлечены к участию в термициации исправленной им линии померия (CIL. VI, 1233: *ex s. c. collegium augurum auctore imp. Hadriano terminos pomerii restituendos cnavit.*). Еще в IV в. н. э. звание авгура принадлежало к числу наиболее почетных жреческих должностей.

- 20 У Т. Ливия (I. 18) находим следующее описание ауспиций: «(6) Приглашенный в Рим, Нума Помпилий, следуя примеру Ромула, который принял царскую власть, испытал птицагаданием волю богов касательно основания города, повелел и о себе спросить богов. Тогда птицагадатель-авгур, чье занятие отныне сделалось почетной и пожизненной государственной должностью, привел Нуму в крепость и усадил на камень лицом к югу. (7) Авгур, с покрытой головой, сел по левую его руку, держа в правой руке кривую палку без единого сучка, которую называют жезлом. Помолвившись богам и взяв для наблюдения город с окрестностью, он разграничил участки от востока к западу; южная сторона, сказал он, пусть будет правой, северная – левой; (8) напротив себя, далеко, насколько хватал глаз, он мысленно наметил знак. Затем, переложив жезл в левую руку, а правую возложив на голову Нумы, он помолился так: (9) «Отец Юпитер, если боги велят, чтобы этот Нума Помпилий, чью голову я держу, был царем в Риме, яви надежные знаменья в пределах, что я очертил». Тут он описал словесно те предзнаменования, какие хотел получить. (10) И они были ниспосланы, и Нума сошел с места уже царем».

- 21 Слова «авгурия» (*augurium*) и «ауспиция» (*auspicium*) с течением времени стали обозначать наблюдения за различными видами знамений. Они подразделялись на пять видов: *ex caelo*, *ex avibus*, *ex tripudiis*, *ex quadrupedibus*, *ex diris*.

1. *Ex caelo*. Оно включало наблюдение за различными видами грома и молний и считалось самыми важными, высшими ауспициями (*Cic. de Div. II. 18; Fest., s. v. Coelestia*). Если лицо, имеющее право совершать ауспиции, заявляло, что Юпитер послал гром или молнию, то проводить комиции было нельзя (*Cic. de Div. II. 14; Philipp. V. 3*).

2. *Ex avibus*. Лишь некоторые птицы могли подавать римлянам знамения. Они делились на два рода: *oscines* подавали знамения пением или голосом, а *alites* – полетом. К первому роду относился ворон (*corvus*) и ворона (*cornix*), а также сова (*noctua*) и курица (*gallina*). К *aves alites* прежде всего принадлежал орел (*aquila*), которого преимущественно называют птицей Юпитера (*Iovis avis*), затем коршун (*vultur*), вероятно, *avis sanqualis*, также называемый *ossifraga* (орлан-белохвост или кречет). Некоторые птицы относились и к *oscines*, и к *alites*: например, зеленый дятел Марса и рыбный орел Весты.

Наблюдая *alites*, авгур должен был, прежде всего, заметить направление их полета, затем высоту, на которой они держатся, последовательность взмахов крыльями и вообще их поведение, т. е. инстинктивные действия, которые они могут производить, пролетая. Если наблюдались *oscines*, то, кроме указанного выше, надо было заметить частоту, силу и в особенности характер крика. Если ворона была слишком болтлива, или ворон кричал сдавленным голосом, то это было дурным знаком. Немалое значение имело также и то, куда сядет птица. Наконец, если крик дятла и вороны считался благоприятным, когда слышался слева, то по отношению к ворону было как раз наоборот. Могло случиться, что во время наблюдения замечалось несколько различных и даже противоположных знамений. В таком случае, по требованию ритуала, их надо было согласовать друг с другом и выделить преобладающее значение того или другого знамения; при этом имелось в виду не только количество, но и качество их.

Между птицами была своего рода иерархия, так что знамение, данное орлом, имело больше значения, чем знамение вороны; но при этом надо было принять в расчет и время появления каждого из обоих знамений. Одни утверждали, что первое знамение имеет преимущественное значение; другие же, наоборот, видели в каждом новом знамении подтверждение или уничтожение предыдущего и придавали больше всего значения последнему знамению.

Каждый звук и движение каждой птицы имели различное значение в зависимости от различных обстоятельств или времен года, в которые они наблюдались. Если птицы одобряли какое-то предприятие, о них говорили *addicere*, *admittere* или *secundare* и затем называли их *addictivae*, *admissivae*, *secundae* или *praepetes*; в случае неблагоприятных знамений о них говорили *abdicere*, *arcere*, *refragari* и т. д. и затем называли их *adversae* или *alterae*. Птицы, дававшие неблагоприятные знамения, именовались *funebres*, *inhibitae*, *lugubres*, *malae* и т. д., а такие ауспиции назывались *clivia* и *clamatoria*.

Наблюдатель, вероятно, имел право мысленно определить мгновение, с которого он будет считать знамения действительными. Он мог также ограничиться первым знаменем, если оно было благоприятно, или же пропустить вначале несколько дурных ауспий в ожидании лучших.

3. *Ex tripodibus*. Эти ауспии совершались на основании кормления цыплят и особенно часто практиковались в военных походах. Согласно учению авгуров, любая птица могла дать *tripudium* (Cic. de Div. II. 34); однако в более поздние времена обычной практикой стало использование для этой цели только цыплят (*pulli*). Их держали в клетке, на попечении лица, называемого пулларием (*pullarius*); а когда необходимо было совершить ауспии, пуллариий открывал клетку и кидал цыплятам горох или нечто вроде мягкой лепешки. Если они отказывались выйти или клевать, или издавали крики (*occinerent*), или били крыльями, или улетали – знамение считалось неблагоприятным (Liv. X. 40). Напротив, если они жадно клевали, так что крошки выпадали у них из клювов и падали на землю, это называлось *tripudium solistimum*, (*tripudium quasi terripavium, solistimum*) и считалось благоприятным знаменем.

Чтобы получить необходимые знамения прибегали к искусственным мерам. Цыплят запирали в клетки и подвергали строгому посту, что располагало их к прожорливости во время ауспий.

Интересный случай в связи с гаданием по поведению цыплят сообщает Т. Ливий (X, 40): «(3) В лагере народ всякого звания был охвачен жаждою битвы, высшие и низшие равно рвались в бой, и вождю (консулу Папирию) видно было нетерпение его воинов, а воинам – нетерпение вождя. (4) Общее это нетерпение передалось даже тем, кто вершил птицегадания, ибо пуллариий, хотя куры у него не клевали, дерзнул солгать о ходе гаданий и сообщил консулу, будто они клюют в три припрыжки. (5) Обрадованный консул объявляет, что птицегадания на редкость удачны, что боги сами поведут дело, и велит трубить к битве. (9) Пока полководец отдавал эти распоряжения, между пуллариями начался спор о птицегаданиях на этот день, а спор услышали римские всадники и, решив, что этого нельзя так оставить, донесли о сомнительных гаданиях племяннику консула Спурию Папирию. <...> (10) Он все расследовал, чтобы не осталось никакой неясности, и доложил обо всем консулу. (11) Консул сказал ему: «Доблести твоей и усердию слава и хвала! Что ж до того, кто был при гадании, то если он солгал хоть малость, на него самого и падет божье наказание; мне, однако, было сказано, что куры клевали в три припрыжки, а такое гадание для римского народа и войска исключительно благоприятно». (12) И тут же он отдал центурионам приказ поставить пуллариюв в самый первый ряд. <...> (13) Еще не раздался боевой клич и противники не сошлись врукопашную, когда случайно выпущенное копье пронзило пулларию, и он упал перед знаменами. Консулу сообщили

об этом, и он изрек: «Сами боги участвуют в битве: кто виновен, тот и поплатился жизнью». (14) При этих самых словах перед консулом громко каркнул ворон. Обрадованный таким знаменем, консул объявил, что никогда еще вмешательство богов в людские дела не было столь очевидно, приказал трубить к бою и издать боевой клич».

Другой интересный случай в связи с этими гаданиями сообщает Светоний, рассказывая, что во время I Пунической войны, в 249 г. до н. э., один из предков императора Тиберия консул Публий Клавдий Пульхр, «у которого в Сицилии при гадании цыплята не хотели брать корм, бросил их в море, как бы в насмешку над знаменем, сказав: «Пусть они пьют, если не хотят есть!», – а сам вступил в морское сражение и был разбит» (Suet. Tib. II).

4. *Ex quadrupedibus*. Знамения могли также подавать четвероногие животные, но такие знамения не являлись частью первоначальной науки авгуров и никогда не использовались ими при совершении ауспий для государства. Их следует рассматривать лишь как разновидности частных гаданий, которая была поставлена под наблюдение авгуров и превращена ими в своего рода систему. Так, когда лиса, волк, лошадь, собака или любое четвероногое перебежало кому-то дорогу или появлялось в необычном месте, – это рассматривалось как знамение.

5. *Ex diris, t. e. signis*. Так назывались любые знамения, не относящиеся к четырем названным выше классам, такие как чихание, спотыкание и прочие случайности. Существовало важное знамение этого рода, связанное с армией и называвшееся *ex acuminibus*: пламя, появляющееся на остриях копий или иного оружия.

В области *militiae*, рядом с гаданием по еде птиц, практиковалось гадание по внутренностям жертвенных животных. Поэтому в числе служителей военных магистратов конца республики состояли не только *pullarii*, но и гаруспики (*haruspices*). Уже в конце Республики существовала частная коллегия гаруспиков, из состава которой приглашались, по-видимому, те *haruspices*, которые зачислялись в свиту военных магистратов и правителей провинций.

Гаруспициной называлось сложившееся в Этрурии учение о знамениях и о предсказании судьбы. Гаруспик (от *hiraе* (этрусск. *harus*) – кишки, внутренности и этрусск. *specio* – наблюдаю) – жрец в Древней Этрурии, позже – в Древнем Риме, гадавший по внутренностям жертвенных животных (необычное расположение или необычный внешний вид внутренностей, особенно печени, считался дурным знаком). Лучшими гаруспиками в Риме считались этруски, от которых и был заимствован этот вид гадания. Наука гаруспиков хранилась в книгах, которые назывались *libri haruspici, fulgurales*, и *tonitruales* (Cic. de Div. I. 3. 3, 72). Одно время эта наука была для римлян столь важной, что сенат принял постановление о том, чтобы молодые этруски сохраняли эти знания (Cic. de Div. I. 4. 1, 92). Вре-

мя от времени с гаруспиками консультировался сенат. Гаруспики входили в состав когорты полководца или наместника в провинции. В городе Рима были странствующие гаруспики, к которым могли обращаться частные лица. Однако в конце республиканского периода образованные римляне сильно сомневались в их науке. По сообщению Цицерона (de Div. II. 24, 51), Катон удивлялся, как это гаруспики могут смотреть друг на друга без смеха. Но, согласно сообщению Тацита (Annal. XI. 15), император Клавдий выступил в сенате «с докладом об учреждении коллегии гаруспиков, дабы не заглохла по нерадивости древнейшая наука Италии: к ним часто обращались в трудные для государства дни, по их указанию восстанавливались священнодействия и в последующем более тщательно отправлялись; этрусская знать по собственному желанию или побуждаемая римским сенатом хранила преемственность этих знаний; теперь, однако, это делается гораздо небрежнее из-за всеобщего равнодушия к благочестию и распространения чужеземных суеверий. <...> Должно воздать благодарение богам за их благосклонность и не допустить, чтобы священные обряды, усердно почитавшиеся в тяжелые времена, оказались преданными забвению в счастливые. Исходя из этого и был составлен сенатский указ, предписывавший верховным жрецам рассмотреть, что необходимо для сохранения и закрепления искусства гаруспиков». Клавдий учредил коллегию гаруспиков из 60 человек (CIL. VI. 2161).

В императорское время коллегия гаруспиков считалась состоящей на положении государственного учреждения. Но так как деятельность этих гаруспиков, по унаследованному от республики порядку, вращалась только в области *militiae* и провинциального управления, т. е. в той сфере, которая входила в компетенцию императора, в качестве верховного полководца, то и коллегия гаруспиков причислялась к учреждениям специально императорской службы. Поэтому коллегия гаруспиков пополнялась в том же порядке, как происходило и назначение императорских чиновников и служителей, а также и по отношению к их жалованью действовали правила императорской службы вообще. Звание гаруспика предоставлялось вообще только лицам третьего сословия, так что всадник, зачисленный в эту коллегия, считался как бы сложившим свое сословное достоинство.

Последний римский гаруспик упоминается под 408 г. н. э., когда во время осады города готами во главе с Аларихом он предлагал римлянам свои услуги.

- 22 Вот что об этом обычае пишет Дион Кассий (XXXVII. 28): «С флагом дело обстоит следующим образом. В древние времена возле города обитало множество врагов, и римляне, опасаясь, что пока они будут проводить центуриатные комиции по центуриям, враги могут занять Яникул и напасть на город, решили, что не все будут голосовать одновременно, но некоторое количество вооруженных людей по очереди всегда должно защищать это место. (2) Так они охраняли

его, пока продолжались комиции, но когда собрание заканчивалось, флаг спускался и охрана расходилась; ибо когда место не охранялось, больше нельзя было производить никаких дел. (3) Эта практика применялась только при проведении центуриатных комиций, так как они проводились вне стен и все носившие оружие были обязаны на них присутствовать. И даже по сей день это делается – только для формы».

- 23 Т. Ливий (I. 44) сообщает следующую информацию о померии: «(4) Померий, согласно толкованию тех, кто смотрит лишь на буквальное значение слова, – это полоса земли за стеной, скорее, однако, по обе стороны стены. Некогда этруски, основывая города, освящали птицегаданьем пространство по обе стороны намеченной ими границы, чтобы изнутри к стене не примыкали здания (теперь, напротив, это повсюду вошло в обычай), а снаружи полоса земли не обрабатывалась человеком. (5) Этот промежуток, заселять или запахивать который считалось кощунством, и называется у римлян померием – как потому, что он за стеной, так и потому, что стена за ним. И всегда при расширении города насколько выносятся вперед стена, настолько же раздвигаются эти освященные границы».

Как отмечал Тацит (Annal. XII. 23), император Клавдий «расширил пределы города Рима, поступив в соответствии со старинным обычаем, согласно которому тем, кто увеличил размеры империи, предоставлялось право отодвинуть и городскую черту. Но, кроме Суллы и божественного Августа, никто из римских военачальников, и среди них покорители великих народов, не использовал своего права». Согласно свидетельству автора жизнеописания Аврелиана (SHA. v. Aurel. XXI. 11), черту города отодвигали также императоры Нерон и Траян.

- 24 Марсово поле (Campus Martius) находилось к западу от стены Сервия Туллия, в излучине Тибра, между Тибром и Фламиниевой дорогой. Площадь его примерно 250 га. Здесь находился алтарь бога Марса.

Римский бог войны Марс (Mamers, Maors) был одним из важнейших божеств римской государственной религии, составлявшим, вместе с Юпитером и Квирином, триаду воинственных богов – хранителей государства, к которым взывали о победе в сражении. Как отец Ромула, Марс был отцом воинственного римского народа (Mars pater, Marspiter) и помог ему приобрести счастливыми войнами господство над миром. Как бог войны, Марс имел прозвания Gradivus (выступающий на бой) и Quirinus (копьеносный). Полководец, отправляясь на войну, шел к храму Марса и, потрясая там священный щит и копье бога, говорил: «Бодрствуй, Марс!». Марсу посвящены были волк и дятел. Август построил здесь храм Марсу Мстителю (Mars Ultor): мстителю убийцам Юлия Цезаря.

25 Римский форум (Forum Romanum), назывался в источниках просто форумом, пока он был единственным центром общественной жизни Древнего Рима, а в период Империи, когда в Риме появились и другие форумы, его называли с эпитетами «древний» (vetus) или «большой» (magnum). Его площадь равнялась семи югерам. Слово «форум» применялось как к пространству под открытым небом, так и к прилегающим зданиям. Первоначально это был центр ремесел и торговли, но затем, включив в себя прилегающий к нему комиций (место народных собраний) и курию (здание сената), форум объединил в себе также административные и политические функции. Происхождение слова forum было неясно самим древним. Варрон связывал его с глаголом ferre («нести») и истолковывал как место, куда «выносились» все споры, а также товары. Место для форума было выбрано не случайно – именно здесь было заключено перемирие между римлянами и сабинами, и с той поры долину объявили «местом для торговли и общих встреч». Со временем связь, которая наблюдалась в слове «форум» с судебными заседаниями и политическими дебатами, привела к возникновению более абстрактного значения, принятого в современном мире: форум – это «место дискуссий».

С точки зрения рельефа, римский форум представляет собой низину между четырьмя холмами: Капитолием на западе, Палатином на юге, отрогами Квиринала на севере и Эсквилином на востоке. Низина эта служила естественным бассейном, где воды, стекавшие с холмов, сливались в единый ручей и пролагали себе путь к Тибру. Первоначально это была сырая, слегка волнистая и покрытая травой равнина, служившая исключительно местом рыночной торговли.

Долина была осушена в результате усилий Тарквиниев по регулированию протекавшего здесь потока. Со временем поток был перекрыт сводами и упрятан под мостовой и новыми зданиями форума; сооружение получило название Клоака Максима. Тулл Гостилий соорудил на восточной стороне каменную ограду, курию для собрания сената, а перед курией было оставлено место, называвшееся Comitium, для производства выборов. Тарквиний Древний придал месту народных собраний правильную форму параллелограмма, тянувшегося по направлению с запада-северо-запада к востоку-юго-востоку, которую оно сохранило до эпохи падения империи.

Он разделялся на две части: на западную – собственно форум и восточную – Comitium, в теснейшем смысле, место для народных собраний. Центральное открытое пространство сделалось основным местом погребальных церемоний, сопровождавшихся поединками гладиаторов и другими зрелищами. Панегирики усопшему произносились со специальных возвышений (одно из них находилось перед храмом Кастора и Поллукса), а зрители располагались на балконах верхних этажей базилик. На границе обеих частей возвышалась ораторская кафедра, Rostra vetera, представлявшая из себя четыреху-

гольное каменное возвышение с перилами, украшенное носами отнятых у антиатов кораблей; от них и получил он свое название. В более ранние времена платформа оратора, возведенная на границе между форумом и комицием, была повернута передней стороной к комицию, а на форум выходила задом, так что оратор обращался не к многочисленному народному собранию, но к более малочисленной и элитарной аудитории. В 145 до н. э. Гай Лициний Красс, искавший популярности, обернулся лицом к толпе, собравшейся на форуме, положив начало более демократическому обычаю (Plu. C. G. V).

С запада на восток через весь форум проходит самая известная улица Древнего Рима – Священная дорога (Via Sacra), место триумфальных шествий Республики и Империи. По Священной дороге лежали общественные здания: почти в центре – место заседаний сената, Curia Hostilia, к которой от комиция вела довольно высокая лестница (Liv. I. 48); затем рядом с ней так называемое Senaculum, т. е. место со сводами, где пребывали сенаторы перед началом заседания, так называемая Graecostasis, открытая галерея для греческих и вообще чужестранных послов, которые собирались там и ожидали разрешения войти в собрание сената.

На северном конце форума, т. е. ближе к Капитолию, стоял храм Сатурна, в котором хранилась государственная казна. Около него находился храм Согласия, где хранилась военная казна, у подошвы Капитолия была каменоломня; впоследствии здесь был устроен Carcer Tullianum, или Мамертинская тюрьма.

Юлий Цезарь произвел на форуме коренные преобразования, изменил планировку зданий и открытых площадей. С еще большим размахом эти мероприятия проводил Август. Прежнее ораторское возвышение было упразднено. Центральную площадь привели в порядок и вымостили, расширив от новых роств (трибун) на западной стороне до соответствующего им возвышения перед храмом Божественного Юлия на восточной стороне, того места, где после торжественной речи, произнесенной Марком Антонием с западных роств, тело диктатора было предано огню.

Впоследствии стал возникать ряд новых, вспомогательных форумов (некоторые из них размером превосходили древний форум), где разворачивалась различная административная и коммерческая деятельность.

Постепенно все четыре угла форума украсились триумфальными арками. Арки на юге форума увековечили победы Августа и Тиберия, на севере стояли памятники двух семейств, – республиканцев Фабиев (первая в Риме арка Квинта Фабия Максима Аллоброгского, ок. 120 до н. э.) и Северов. Открытая площадь и окружающие ее здания были заполнены памятниками деятелям древности и их давним свершениям.

- 26 Общественное здание (*villa publica*) на Марсовом поле было построено в 435 г. до н. э. Соединенное с большим огороженным двором, оно использовалось для различных нужд: проведения цензовых переписей, набора войск. Здесь же селили иноземных послов – тех, которым не разрешалось пребывание в городе.
- 27 Эти мостки были переброшены через довольно глубокий ров. О его глубине свидетельствует сообщение Светония (*Caes. LXXX. 4*) о том, что участники заговора против Юлия Цезаря «хотели сбросить его с мостков, а внизу подхватить и заколоть».
- 28 Установив свободу выборов, благодаря тайной подаче голосов, нужно было еще обеспечить правильность их и сделать невозможными разные злоупотребления. Различные группировки стали употреблять незаконные средства для того, чтобы провести своих кандидатов. Приходилось увеличивать предосторожности, чтобы устранить все эти уловки. Мостки стали делать более узкими, чтобы облегчить надзор за ними: нужно было иметь возможность видеть вблизи каждого избирателя, узнать его в лицо и удостовериться, что никто из посторонних не проник на мостки. Число сторожей при урнах также было увеличено. Нескольким уважаемым людям поручалось не спускать с них глаз все время, пока происходили выборы. Позволялось даже самим кандидатам выставлять доверенных лиц, которые бы наблюдали за правильностью избирательной процедуры. Счет голосов требовал особенного внимания и бдительности. Не было ничего легче, как отметить какому-нибудь кандидату, что он получил больше голосов, чем на самом деле, и Варрон рассказывает, что некоторые решались подбрасывать бюллетени в урны. Чтобы устранить эти злоупотребления, в конце концов, стали поручать проверку выборов 900 гражданам, которые значились в списках уголовных присяжных. К тому же все это происходило публично и на глазах самих кандидатов и их друзей.
- 29 Закон должен был содержать обязательные элементы: 1) введение, или указатель обстоятельств издания (текст начинался со слов «консулы в законном порядке предложили народу, и народ законным порядком постановил» (*Cic. I Phil. X. 24*); 2) *rogatio*, или текст, который мог подразделяться на главки и т. п. и 3) *sanctio*, где постановлялись последствия нарушения закона и ответственность нарушителей. Приниматься закон мог только целиком, либо так же целиком отвергаться; частичные изменения в законе, не внесенные самим магистратом, римская практика не допускала.

СЕНАТ

Наряду с народом носителем высшего суверенитета у древних римлян являлся сенат. Законность любого значимого для общины граждан деяния состояла в том, что оно производилось по воле сената и римского народа. На письме это фиксировалось в форме «*senatus populusque Romanus*» (или сокращенно – *SPQR*).

По сообщениям античных авторов, Ромул учредил сенат (от *senex* – «старый», «старец») как совещательный орган, избрав в него старейших представителей родов – глав больших патриархальных семей (*D. N. II, 12; Liv. I, 8; Plu. Rom. XIII*). После смерти царя этот совет с помощью института междуцарствия выбирал нового царя, а народ подтверждал его власть голосованием в куриатных комициях.

Выбор сенаторов (*lectio senatus*) при первых царях производился только из патрициев; но Сервий Туллий стал принимать в число сенаторов также достойных плебеев. Лица, ставшие тогда сенаторами, были знатными плебеями всаднического ранга. Новые сенаторы отличались от прежних именем «приписанные» (*conscripti*) (*Liv. II. 1*). Поэтому с тех пор традиционным обращением к сенату в целом было: *patres conscripti*, то есть, *patres et conscripti* («отцы и приписанные»). В связи с допуском плебеев к высшим должностям изменился состав сената, и на смену родовой пришла служилая аристократия.

После основания республики избрание сенаторов перешло из рук царей в руки магистратов: консулов, консулярных трибунов; становится обычным включение в состав сената обоих консулов, после окончания срока их пребывания в должности. Постепенно это стало распространяться и на других магистратов. Завершился этот процесс при диктатуре Суллы, когда, согласно принятому закону (*lex de viginti quaestoribus*), состав сената ежегодно стал пополняться 20-ю бывшими квесторами. Политик избирался только в магистратуру, отдельного избрания в сенат не было.

Важную реформу в порядке составления сената произвел lex Ovinia в 312 г. до н. э. В силу этого закона, lectio senatus переходил из рук консулов в руки цензоров, а потому список сената составлялся теперь не на один год, как было прежде, а на целое lustrum (то есть, обыкновенно на пять лет). С 9 г. до н. э. список сената стал пересматриваться ежегодно.

При составлении сенаторского списка (album senatorium) цензор должен был заносить туда, прежде всего, тех лиц, которые занимали раньше, в течение предыдущих люстральных периодов, должности магистратов. И лишь за недостатком таковых цензору предоставлялось записывать и других лиц. Благодаря этому список сенаторов располагается по рангу должностей: consulares, censorii, praetorii и т. д.

Со времени Суллы прекратилась свободная цензорская lectio senatus и всякий, достигший квестуры, после пребывания в ней становился сенатором; так что сенаторское звание приобреталось только путем комициального избрания на магистратскую должность.

При императорах пополнение сената происходило двумя способами: с одной стороны, путем избрания на магистратские должности, а с другой — путем императорского причисления к отбывшим магистратуру (allectio). В обоих случаях решающим фактором являлся император. Тиберий отдал избрание магистратов, а следовательно и сенаторов, в руки сената, но под контролем императора. Клавдий, приняв на себя цензуру, снова ввел цензорскую allectio, однако в новом виде, с приписанием к существующим магистратским разрядам сената (CIL. V, 3117: a Ti. Claudio Caesare Augusto Germanico censore allectus in senatum et inter tribunicios relatus.). Его примеру последовал и Веспасиан.

Прямые свидетельства об императорских allectiones начинаются только со времен цензур Клавдия и Веспасиана, а после присоединения при Домициане цензуры к императорской власти идут непрерывно. После Августа сенаторы без магистратского ранга не встречаются, так как приобретение места в сенате, без предварительного занятия магистратуры, в императорское время всегда соединялось с пожалованием определенного магистратского ранга. При этом с самого начала путем allectio могло быть приобретено место сразу в одном из средних разрядов сената: для цензур Клавдия и Веспасиана имеются примеры allectio inter tribunicios, с обходом квесторского ранга. Веспасиан начал производить также и allectiones inter praetorios. При Веспасиане появляется и повышение, путем allectio, из одного разряда сенаторов в другой. Впоследствии часто практиковалась также allectio inter quaestorios и, редко, inter aedilicios, с конца II в. н. э. также inter consulares. Со времени Адриана термин allectio употреблялся также при простом пожаловании прав сенаторского

сословия, без зачисления в сенаторы того или другого ранга. Императорская allectio не подчинялась правилам о сроке и о промежутке между магистратурами. Allectio давала те же права, что и соответствующая магистратура. Так, например, allectus inter praetorios приобретал право на получение консулата наравне с бывшим претором. Поэтому allecti в списки своего разряда и числились в перемежку с бывшими магистратами, по старшинству назначения (только Пертинакс распорядился поместить в разряд преториев сперва бывших преторов, а затем только многочисленных, произведенных при Коммодe, allecti inter praetorios (SHA, v. Pert. VI)).

С того времени, как курульные магистраты получили право занимать места в сенате, следует разграничивать два класса сенаторов, а именно — действительных сенаторов, то есть, тех, кому магистраты или цензоры регулярно предоставляли это высокое положение, — и тех, кто, в силу занимаемой в настоящий момент или ранее должности, еще не будучи включенными цензорами в состав сената, имел право заседать и выступать в сенате (sententiam dicere, ius sententiae), но не голосовать (Gell. NA. III. 18, 6; Festus, senatores). После окончания голосования они могли подойти к тому, к чьему мнению они присоединялись (pedibus ire in sententiam), в связи с чем и получили название senatores pedarii (педарии — «голосующие ногами», от pes — «нога»). Позднее оно применялось к младшим сенаторам, не являвшимся консулярами¹.

В период ранней Республики сенаторами могли быть только те из римских граждан, которые имели гражданство в третьем колене². Не имели доступа в сенат также и те из граждан провинциальных общин, которые получили права римского гражданства без ius honorum.

Как сообщает Светоний (Caes. LXXVI), Юлий Цезарь «ввел в сенат граждан, только что получивших гражданские права, и в их числе нескольких полудиких галлов». Август включал в состав сената людей из муниципий, колоний и даже провинций (Tac. Annal. III. 55, XI. 25) Однако вплоть до императора Клавдия провинциалы в составе сената были исключением.

В годы правления Веспасиана и его сыновей, Тита и Домициана, сенат пополнялся в основном из уроженцев Италии, около трех четвертей сенаторов, о месте рождения которых мы имеем информацию, родились на Аппенинском полуострове. Тот факт, что Веспасиан включил в сенат «самых достойных из италиков и провинциалов», Светоний (Vesp. IX) объясняет тем, что в годы перед приходом к власти этого императора «высшие сословия поределели от бесконечных казней и пришли в упадок от давнего пренебрежения».

В течение всего II в. н. э. в сенате преобладали италийские сенаторы. Из 231 сенаторов периода правления Траяна, происхождение

которых нам известно, 104 были уроженцами провинций, а из этих провинциалов больше половины были выходцами из восточных провинций империи; доля провинциалов при Адриане составляла 42 %, при Марке Аврелии — 46 %.

Когда житель провинции удостаивался чести быть в списке сената, говорили, что провинция получила *ius senatus*. Провинциалы, становившиеся сенаторами, конечно, переезжали в Рим и (за исключением выходцев из Сицилии или Нарбоннской Галлии) не имели права посещать свои родные страны без специального разрешения императора (Тас. *Annal.* XII. 23; D. С. LII. 46; LX. 25). Позже от провинциальных кандидатов в сенат всегда ожидалось, что они будут приобретать земельную собственность в Италии, чтобы сделать Рим или Италию своим новым домом (Plin. *Ep.* VI. 19). Поэтому Траян постановил, чтобы, по крайней мере, треть поземельного имущества лиц сенаторского сословия находилась в Италии. Марк Аврелий уменьшил эту часть до четверти (SHA. v. M. Antonin. XI).

В целом, однако, на протяжении первых столетий Империи всадники оставались «рассадником сената» (*seminarium senatus*), как и в конце Республики.

О возрасте, в котором человек мог быть избран в сенат в царский период, мы знаем только то, на что указывает само название «сенатор», т. е., что это были люди пожилого возраста.

Относительно возрастного ценза сенаторов для республиканского периода у нас также нет ясных свидетельств, хотя, по-видимому, он был определен каким-то обычаем или законом, ибо сенаторский возраст (*aetas senatoria*) часто упоминается, особенно в последний период Республики. Согласно закону о возрасте трибуна Виллия (*lex Villia annalis*), для квестуры был установлен возраст 27 лет. И, поскольку квестор мог быть включен в сенат сразу после истечения срока своей должности, можно предположить, что самый ранний возраст, в котором человек мог стать сенатором, составлял 28 лет. Август установил сенаторский возраст в 25 лет (D. С. LIII. 20), и, по-видимому, это оставалось неизменным на протяжении всего периода Империи. Но срок для занятия квестуры мог быть сокращаем по милости императора.

На протяжении всего республиканского периода никакого имущественного ценза для сенаторов не существовало (Plin. *H. N.* XIV. 1), но сенаторы, конечно, всегда принадлежали к самым состоятельным людям³.

Учреждение ценза для сенаторов относится уже ко временам Империи. Август сначала установил его в размере 400 000 сестерциев (D. С. LIV, 17; 26), затем повысил, удвоив эту сумму, и, наконец, довел даже до 1 млн 200 тыс. сестерциев (D. С. LVI. 41. 3; Suet. *Aug.* XLI). При Тиберии имущественный ценз был снижен до 1 млн сестерциев

(Тас. *Annal.* I. 75). Сенаторы, имущество которых было меньше этой суммы, получали субсидии от императора, чтобы ее достичь (Suet. *Aug.* XLI; D. С. LIV. 17, 26, 30; LV. 13). Светоний сообщает (Nero. X), что император Нерон выдавал ежегодную помощь знатным сенаторам, испытывавшим материальные трудности. Иногда она достигала 500 000 сестерций. Впоследствии, видимо, вошло в обычай удалять из сената лиц, утративших имущество из-за собственной расточительности и безнравственности, если они не покидали сенат по своей воле (Тас. *Annal.* II. 48; XII. 52; Suet. *Tib.* XLVII).

Сенаторы составляли в римском обществе особое, высшее, сословие — *ordo senatorius*. В период Республики сыновья сенаторов автоматически не включались в состав этого сословия. В современной литературе высказывается мнение, что со времен Августа к *ordo senatorius* стали принадлежать члены сената и их потомки мужского пола вместе с женами и лица, которым сенаторское звание даровалось императором. Однако О. М. Петречко считает, что сыновья сенаторов имели лишь больше шансов для того, чтобы попасть в состав этого сословия, достигнув должностей, которые открывали доступ в состав сената.

К членам сената общество предъявляло определенные требования морального плана. Сенаторами были в основном крупные землевладельцы, они не имели права заниматься коммерческой деятельностью, торговлей, быть откупщиками. В начале второй Пунической войны некоторые сенаторы, видимо, нарушили этот обычай и, чтобы предотвратить повторение подобных случаев, в 218 г. до н. э. был принят закон, предложенный народным трибуном Гаем Клавдием (*lex Claudia*), о том, что сенатор не имеет права владеть судном вместимостью более 300 амфор (т. е. грузоподъемностью в семь-восемь тонн), ибо считалось, что этого будет достаточно для перевозки в Рим продукции их поместий (Liv. XXI. 63). Однако из текстов Цицерона (с. *Verr.* V. 18) ясно, что этот закон часто нарушался.

В своей массе сенаторы оставались таковыми пожизненно, но исключение из состава сената было вполне возможно. В период поздней Республики цензоры посредством своей *nota censoria* имели право поставить перед сенатом вопрос об исключении конкретных его членов из своего состава.

Исключение из состава сената осуществлялось просто путем пропуска имен и невнесения их в список сенаторов, в связи с чем таких людей называли «пропущенными сенаторами» (*praeteriti senatores*). По инициативе консула сенат мог принять постановление об исключении из состава сената недостойного сенаторского звания гражданина⁴.

Человек, исключенный из состава сената, мог вернуть себе сенаторское звание, заняв должность претора (D. С. XXXVII. 30; Plu. *Cic.* XVII).

С самого начала принципата право исключения сенаторов из списка перешло к императору. Независимо от тех случаев, когда Август принимал на себя производство ценза, он проверял список сенаторов с целью удаления тех, которые не удовлетворяли условиям сенаторского звания. Произведя в 18 г. до н. э. очищение сената от недостойных элементов в обширных размерах, Август после этого ограничивался главным образом проверкой имущественного ценза, для чего назначил в помощь себе комиссию из сенаторов: *tres viri legendi senatus* (Suet. Aug. XXXVII). По Диону Кассию (LXV, 13), эти *tres viri* были избраны по жребию из числа 10 сенаторов, указанных самим Августом. Тиберий обходился в этом деле без помощи комиссии, исключая из сената лишившихся сенаторского ценза. Император Клавдий стремился ослабить враждебную ему старо-италийскую аристократию, приветствуя «добровольный» уход из сената его обедневших членов и удаляя упорствующих. В начале правления Нерона ряд обедневших сенаторов получил от казны ежегодное содержание, в сенат были возвращены некоторые лица, исключенные из него в период принципата Клавдия.

Со времени Домициана императоры вносили новых сенаторов в списки и исключали прежних по своему усмотрению. Из состава сената выбывали осужденные за уголовные преступления. Если осуждение произошло в сенатском суде, то исключателем сенатора инстанцией формально являлся сам сенат. Но вопрос о привлечении к сенатскому суду решался императором.

С разрешения императора сенаторы могли и добровольно выходить из состава сената.

Число сенаторов было взаимосвязано с числом триб, составлявших народ. Поэтому в древности, когда *populus Romanus* состоял только из одной трибы, его сенат включал 100 членов, а когда сабинская триба тициев была объединена с латинской трибой рамнов, число сенаторов возросло до 200 (D. Н. II. 47; Plu. Rom. XX). Это число было увеличено еще на сотню, когда с этими двумя трибами объединилась третья – луцеров. Дионисий (III. 67) и Ливий (I. 35) относят последнее событие к правлению Тарквиния Древнего. Новые сенаторы, добавленные Тарквинием Древним, отличались от принадлежавших к двум более древним трибам тем, что к ним обращались *patres minorum gentium* (отцы младших родов), подобно тому, как ранее сенаторы, представлявшие тициев, точно так же отличались от представителей рамнов (D. Н. II. 57). При Тарквинии Гордом численность сенаторов сильно сократилась.

Т. Ливий (I. 49) следующим образом объясняет причины этого сокращения: «(6) Тарквиний Гордый постановил никого не записывать в отцы, чтобы самую малочисленностью своей стало ничтожнее их

сословие, и они поменьше бы возмущались тем, что все делается помимо них».

После изгнания последнего царя число сенаторов, видимо, значительно уменьшилось вследствие того, что многие сенаторы отправились в изгнание вместе с тираном. Возникшие вакансии немедленно после образования республики заполнил Л. Юний Брут (Liv. II. 1), или, согласно Дионисию (V. 13), Брут и Валерий Публикола, а согласно Плутарху (Publ. XI) и Фесту (*Qui patres*) – только Валерий Публикола.

Число 300 оставалось нормальным в течение нескольких столетий (Liv. Epit. LX).

В ходе гражданской войны Мария и Суллы в сенате должно было образоваться много вакансий. Сулла во время своей диктатуры не только заполнил эти вакансии, но и увеличил число сенаторов. Он распорядился избрать в сенат около 300 наиболее выдающихся всадников (App. B. C. I. 100). С этих пор сенат, по-видимому, включал от 500 до 600 членов (Cic. ad Att. I. 14).

Цезарь, триумвиры, а также Август после битвы при Акциуме составляли списки сенаторов собственной властью. Юлий Цезарь довел число сенаторов до 900 и предоставлял это высокое звание даже простым солдатам, вольноотпущенникам и иноземцам (D. C. XLIII. 47; Suet. Caes. LXXX). Такой произвол при избрании недостойных лиц в сенат и бесконтрольном увеличении его численности повторялся и после смерти Цезаря.

Август восстановил прежнюю численность – 600 человек (Suet. Aug. XXXV)⁵.

Но число 600 имело значение только приблизительной нормы: никогда не производилось назначений в сенаторы на открывшиеся вакансии.

Август приказал, чтобы список сенаторов (*album senatorium*) всегда был доступен для общественного ознакомления (D. C. LV. 3). Со времен Августа он вывешивался публично (вероятно, перед курией), и этот обычай ежегодно соблюдался еще в III в. н. э.

При составлении списка сената те, в чьей компетенции это было, размещали в нем имена сенаторов не произвольно, а руководствуясь своими представлениями об авторитете и заслугах перед коллективом граждан каждого из сенаторов. До Пертинакса при составлении списка не принималось во внимание, занимал ли сенатор магистратуру в действительности или был причислен к консулярам или преториям через *allectio*.

Тот, кто стоял во главе списка назывался *princeps senatus* (принцепс сената), в царский период он одновременно являлся стражем города (*custos urbis*). Когда составление списка сенаторов стало компетенцией цензоров, они сначала ставили во главе списка старейшего

из бывших цензоров. Иногда между цензорами даже возникал спор по поводу того, кто должен быть принцепсом сената⁶.

Иногда сенатор оставался принцепсом сената до конца жизни. Но обычно вопрос о том, кто будет возглавлять список сената, решался через каждые пять лет, когда цензоры пересматривали список сенаторов. Если цензоры находили, что тот принцепс сената, который был первым в списке предыдущие пять лет, достоин того, чтобы оставаться на этом месте, он занимал его и в последующие пять лет.

Должность принцепса сената, хотя и была весьма почетной, но не приносила ни власти, ни преимуществ (Zonar. VII. 19) и даже не давала права председательствовать на заседаниях сената, которое принадлежало лишь магистратам, имевшим право созывать сенат (Gell. NA. XIV. 7. 4; Cic. de Legg. III. 4). Подобно плебейскому трибуну принцепс сената не обладал империем, не имел ликторов и не носил *toga praetexta*.

На заседаниях сената при обсуждении вопросов повестки дня принцепс первым по приглашению докладывавших консулов (*dis, quid censeas*) подавал свое мнение, в случае, если не было еще назначенных консулов (Sall. Cat. L; Gell. NA. IV, 10. 3), и своим авторитетом мог влиять на решение дела. Принцепс от имени сената встречал посольства к римлянам от других народов, подписывал письма и дипломатические послания.

После Суллы не было *princeps senatus*: во главе списка просто помещали самого старшего из присутствующих, не предоставляя ему никакой прерогативы. Обычно консулы по взаимному соглашению назначали консуляра, которому будет принадлежать первое слово в течение всего года.

Август при первой ревизии senatorского списка в 29 г. до н. э. поставил во главе его свое имя, на что он имел право в качестве патрицианского консуляра, превосходившего всех прочих консуляров своим званием триумвира. Таким образом, он оказывался *princeps senatus* в старом республиканском смысле и даже занес это свое звание в списки ценза 28 г. до н. э. (D. C. LIII, 1). В своих «Деяниях» (VII. 2) он сообщает, что был принцепсом сената в течение 40 лет.

Во время своего возвращения из неудавшегося британского похода Калигула издал эдикт, в котором отказывался от звания принцепса и заявлял, что вернулся не к сенату, а только к всадникам и к народу. Этот эдикт разрывал систему Августа, построенную на взаимодействии принцепса и сената и их идеологическом единстве при доминировании принцепса. Последующие императоры, повидимому, даже и вовсе не вносили своего имени в список сенаторов (за исключением Пертинакса, который вместе с тем возобновил и старое звание *princeps senatus* (D. C. LXXV, 5)), хотя и продолжали считать себя принадлежащими к составу сената.

Последнее выражалось в том, что, когда они присутствовали в заседании, в котором не принимали председательства на себя, они подавали голос наравне с другими сенаторами. Однако, в то время как простые сенаторы при опросе мнений вызывались в определенном разрядным списком порядке, император сам указывал свое место для подачи голоса, обыкновенно в самом начале или в самом конце (Tac. Annal. I. 74: *se quoque in ea causa laturum sententiam. Quo loco censebis, Caesar? Si primus, habeo quod sequar; si post omnes, vereor, ne imprudens dissentiam*), а также и вовсе отказывался от подачи голоса по своему усмотрению. Впрочем, после Тиберия свидетельств об участии императоров в голосовании не имеется.

Сенаторы имели следующие знаки отличия и привилегии:

1. Право носить золотое кольцо и тунику с вытканной на ней впереди вертикальной широкой пурпурной полосой (*latus clavus*) алого цвета, который у греков и римлян был цветом власти⁷.

2. Род сапог с буквой С впереди (Iuv. VII. 192; Cic. Phil. XIII. 13)⁸. Обычно считается, что эта С означала *centum* и относилась к первоначальной численности сенаторов в сто (*centum*) человек.

3. Право занимать передние ряды в театрах и амфитеатрах⁹.

4. В определенный день на Капитолии совершалось жертвоприношение Юпитеру, и по этому случаю устраивался пир только для сенаторов; это право называлось *ius publice epulandi* (право участия в общественной обеде) (Gell. NA. XII. 8. 2; Suet. Aug. XXXV).

5. *Ius liberae legationis* (право свободного легатства).

С конца I в. н. э. сенаторы имели титул *vir clarissimus* («светлейший муж»), а их сыновья и дочери – *puer clarissimus* и *puella clarissima*.

Право иметь дело с сенатом изначально было соединено с правом иметь дело с народом. Созывать сенат (*vocare, convocare, cogere*) в царский период предоставлялось царю и его наместнику, стражу города, междуцарю (D. H. II. 8). После изгнания последнего царя для выборов первых консулов сенат был созван префектом города. В республиканский период это право (*ius cum patribus agendi*) перешло к консулам, диктаторам, начальникам конницы, преторам, военным трибунам с консульской властью, чрезвычайным должностным лицам – децемвирам для записи законов, триумвирам *rei publicae constituendae*, а затем и к плебейским трибунам (Gell. NA. XIV. 7. 4). В 456 г. до н. э. трибуны, в борьбе с консулами, взяли на себя право созывать сенат, чтобы представить ему рогацию и обсудить ее (D. H. X. 31, 32). Не имели этого права промагистраты с империем, цензоры и магистраты без империя.

В очередных заседаниях сената в республиканский период председательствовал консул, в экстренных – тот магистрат, который созывал собрание.

В период Империи право созыва сената оставалось, помимо принцепса, за консулами, преторами и народными трибунами (Тас. Hist. IV. 39; D. C. LIV. 3; LVI. 47; LIX. 24; LX. 16).

При императорах председательство в сенате определялось старыми правилами. Обыкновенно председательствовали консулы, но их мог заменить городской или другой претор, а также народные трибуны. На чрезвычайных заседаниях председательствовал тот, кто созвал сенат.

Император председательствовал в сенате, если он занимал консульскую должность (Plin. Ep. II. 11, Panegyг. LXXVI). С 22 г. до н. э. Август, будучи сравнен в правах с консулами, в силу своей *tribunicia potestas* сделался главным председателем сената. Он имел право созывать сенат по своему усмотрению и председательствовать в заседании¹⁰.

Приглашение на заседания совершалось через глашатая (*praeco*). Глашатай объявлял о предстоящем заседании на форуме: там всегда можно было найти довольно много сенаторов. Позднее стали публиковать *edictum*, т. е., особое объявление. В экстренных случаях посылали за сенаторами на дом.

По государственному праву Римской республики занятие магистратуры, а через нее и места в сенате, составляло не только право, но и повинность (*munus*), и притом в принципе безвозмездную. Во время решения важных дел ни один из сенаторов не мог отлучаться из Рима; для того, чтобы оставить пределы Италии, нужен был особый отпуск¹¹.

Но сенаторы далеко не всегда присутствовали на заседаниях. На основании сенатских списков современным историкам удалось установить, что в I в. до н. э. – I в. н. э. (когда сенат включал 600 и более членов) на заседаниях сената присутствовало следующее количество сенаторов: в 60 г. до н. э. около 415, в 59 г. до н. э. – 417, в 56 г. до н. э. – 200, в 48 г. до н. э. – 392, в 22 г. до н. э. – 305, в 44–46 гг. н. э. – 383.

В случае неявки на заседание сенатор должен был объяснить причины отсутствия (Cic. de Legg. III. IV, 11). Для обеспечения явки сенаторов магистрат мог брать у них залог (*pignoris captio*) или впоследствии штрафовать их за неявку.

Уже в начале периода Империи сенаторы вполне осознавали падение роли сената и не горели желанием участвовать в его заседаниях. В связи с этим Август вынужден бороться с абсентизмом сенаторов. В 17 г. до н. э. он ввел штрафы за отсутствие на заседаниях сената без уважительной причины и опоздание (D. C. LV. 3) и усилил их в 9 г. до н. э. Клавдий снова подтвердил это. Но наложение таких штрафов мало практиковалось (Тас. Annal. XVI, 27). Согласно принятому в правление Августа закону (*lex de sensu habendo*), сенато-

ры освобождались от своих обязанностей в 70 лет (впоследствии этот возраст был снижен до 60 лет).

Сколько членов сената должно было присутствовать, чтобы заседание имело законную силу, – неясно, хотя, по-видимому, этот вопрос как-то регулировался. В некоторых текстах говорится о трети, половине и двух третях. Минимальный состав присутствующих определен был Августом сперва в количестве 400; но когда и это оказалось неосуществимым, он уменьшил эту норму, установив законный состав в различном количестве, в зависимости от большей или меньшей важности дел (D. C. LIV. 35; LV. 3). При Александре Севере заседания проводилось при участии хотя бы 70 сенаторов (SHA, v. Alex. Sev. XVI).

По распоряжению Августа количество явившихся в заседание сенаторов обязательно прописывалось в конце текста сенатских решений как доказательство их законности.

В дни сенатских заседаний сенаторы освобождались от явки в суд и от других посторонних обязательств, которые могли бы им мешать явиться в заседание (D. C. LV. 3). Август признал месяцы сентябрь и октябрь каникулярным временем для сенаторов, в течение которого обязанность являться в заседания возлагалась только на известное количество сенаторов, назначаемых по жребию (Suet. Aug. XXXV).

В период Республики регулярные заседания сената (*senatus legitimus*) происходили в календы, ноны и иды каждого месяца (Cic. ad Q. Frat. II. 13); чрезвычайные заседания (*senatus indictus*) могли созываться в любой день, за исключением несчастливых (*atri*) и комических (Cic. ad Q. Frat. II. 2).

При Августе был издан *lex de senatu habendo* (D. C. LV, 3; Plin. Ep. V, 13, 5; Gell. NA. IV, 10, 1–3), нормировавший условия сенатских заседаний. Август распорядился, чтобы заседания сената происходили два раза в месяц, в календы и иды (Suet. Aug. XXXV: *ne plus quam bis in mense legitimus senatus ageretur kalendis et idibus*), называвшиеся *dies legitimi* или *senatus legitimus*. Однако, так как мартовские иды были исключены вследствие смерти Цезаря (Suet. Caes. LXXXVIII: *placuit, ne utquam eo die senatus ageretur*), то вместо них взят был предшествующий день; то же самое принято было в ноябре; в июле и августе заседание происходило через день после ид и подобным образом для начального заседания в месяцах февраль, март, июнь, август, октябрь и декабрь назначено было третье число, через день после календ; в январе, кроме вступительного заседания в день нового года, приняты были еще два дня, 9 и 23, предоставленные впоследствии для производства выборов, а именно 9 января для избрания консулов (*suffecti*) и преторов, 23 января для избрания прочих магистратов. Кроме того, в случае необходимости заседания могли

происходить и в другие дни по особому оповещению сенаторов: *dies indictus* (Plin. Ep. II, 11, 16; SHA, v. Gord. XI: *non legitimo, sed indicto senatus die consul venit in curiam*).

Заседания сената всегда проводились в местах (*curiae, senacula*), инавгурированных авгурами (*in loco per augurem constituto, quod «templum» appellaretur* (Gell. NA. XIV. 7. 7)).

Самым древним местом заседаний была курия Гостилия, на восточной стороне форума, и первоначально только в ней могло быть принято постановление сената¹².

После того, как здание *curia Hostilia* было сожжено приверженцами трибуна Клодия в 52 г. до н. э., местом собрания сената стала *curia Iulia*, построенная Цезарем и Августом на том же самом месте¹³.

Иногда сенаторы собирались в храме Кастора и Поллукса, в храме Согласия, на форуме, реже в храме Чести и Доблести, Юпитера Статора. Первое заседание сената после своего избрания, на котором они совещались с сенаторами «о положении государства, о ведении войны, о провинциях и войске», новые консулы собирали на Капитолии (Liv. XXVI, 1).

Известные обстоятельства иногда требовали, чтобы заседания происходили вне городской черты, например, когда нужно было выслушать иностранных послов, которым не хотели разрешить доступ в город, или при переговорах с полководцами, которые имели еще военную власть. Тогда сенат собирался на Марсовом поле в храмах Аполлона или Беллоны¹⁴, позднее в Курии Помпея, которая представляла собой одну из пристроек к театру; именно здесь был убит Цезарь. После этого ее заменила библиотека, составлявшая часть портика Октавии.

Под открытым небом (*sub divo*) сенат собирался только в том случае, если в Риме распространялся слух о том, что в каком-либо месте «бык заговорил человеческим языком» (*bovem locutum esse*)¹⁵.

В отличие от республиканских порядков, при императорах сенат мог собираться в любом общественном здании. Император мог собирать сенат и у себя во дворце. При Августе и Тиберии заседания часто происходили в зале палатинской библиотеки (Suet. Aug. XXIX: *addidit porticus cum bybliothecha Latina Graecaque, quo loco iam senior saepe etiam senatum habuit*; Tac. Annal. II, 37), а также в библиотеке при портике Октавии. Также и *atrium Vestae* оказывалось пригодным для заседаний сената. Бывали также случаи заседаний в храмах (храм Конкордии и храм капитолийского Юпитера (Suet. Cal. LX)). Построенный Августом храм Марса Мстителя предназначался специально для заседаний, в которых дело касалось войны и побед. Однако все это являлось только исключениями из общего правила, по которому обычным местом сенатских заседаний всегда служила

curia Iulia, называвшаяся обыкновенно просто *curia*, так что это слово принималось даже в общем смысле места сенатского заседания.

Во времена Империи каждый сенатор имел в курии свое постоянное место (D. C. LVI, 31) соответственно своему магистратскому рангу: скамьи консуляров помещались впереди, в ближайшем соседстве со скамьями преторов и трибунов (D. C. LVIII, 10). Эдилы и квесторы сидели, по-видимому, на местах, отведенных для трибуниций и квесториев.

Заседания открывались жертвоприношениями и гаданиями. Законного решения нельзя было постановить ни до восхода солнца, ни после его заката (Gell. NA. XIV. 7. 8: *Senatusconsultum ante exortum aut post occasum solem factum ratum non fuisse*); однако в случаях, не терпящих отлагательства, встречаются также ночные заседания (Cic. Fam. I. 2, 7: *usque ad nocteus*).

Сенат заседал при открытых дверях, так что совещания делались известными народу, собиравшемуся перед зданием, в котором заседали сенаторы. Люди, стоявшие за дверями, могли издали видеть нескольких сенаторов и улавливать отрывки речей, шум рукоплесканий или недовольного ропота¹⁶.

В III в. до н. э. (перед II Пунической войной) сенаторы стали брать с собой на заседания сената сыновей, которым было больше 12 лет. Август, по свидетельству Светония (Aug. XXXVIII), «чтобы сыновья сенаторов раньше знакомились с государственными делами, позволил им тотчас по совершеннолетию надевать сенаторскую тогу и присутствовать на заседаниях».

В 452 г. до н. э., трибун потребовал, чтобы консул запросил у сената постановление о назначении лиц для разработки нового законодательства; и при обсуждении этого вопроса сами трибуны присутствовали в сенате (D. H. X. 50, 52).

В курию допускались писцы, ликторы, посыльные, в услугах которых нуждались магистраты и просто сенаторы. Такие же служители сопровождали в курию и императора, они стояли позади императорского места. Тиберий появлялся в курии всегда без слуг. Зато ему было разрешено пребывать на заседаниях сената в окружении военной стражи (Tac. Annal. VI, 15). Такая же стража разрешена была Гаю и Клавдию (Suet. Claud. XII). Во главе этой стражи находился сам префект претория, которому еще при Клавдии разрешено было сидеть; ему было отведено место позади императора (SHA. v. Pertin. V). В курии выслушивались депутации и посольства. Во время выборов в заседаниях сената принимали участие также кандидаты на должности магистратов. Посторонние лица должны были стоять, если не получали особого разрешения присутствовать сидя.

Присутствие женщин в курии не допускалось¹⁷.

Иногда бывали и тайные заседания сената, на которых никому не разрешалось присутствовать, кроме сенаторов¹⁸.

Август распорядился, чтобы всякий сенатор, при входе в заседание, воздавал должное божеству того храма, где происходило данное заседание, бросая ладан в огонь жертвенника и вливая вина (Suet. Aug. XXXV).

В здании курии для этой цели служил жертвенник Победы, статуя которой поставлена была здесь Августом в 29 г. до н. э. Фигура Победы стояла на шаре и держала в руках лавровый венок и пальмовую ветвь. Императоры совершали этот обряд в сопровождении звуков флейты. Кроме того, некоторые сенаторы справляли такой же обряд и в храме Януса, находившегося недалеко от входа в курию.

Перед открытием заседания председатель совершал жертвоприношение и исследованием внутренностей животного убеждался в том, что боги благоприятствуют делу.

Когда в древнейшие времена царь или страж города, справившись о воле богов путем ауспий, созывал сенат (*senatum edicere, convocare*), он открывал заседание словами: «*Quod bonum, faustum, felix fortunatumque sit populo Romano Quiritium referimus ad vos patres conscripti*» («Ради блага, счастья, успеха и удачи римского народа квиритов выносим на ваше рассмотрение, отцы и приписанные»). (Когда он входил в зал заседания, все сенаторы, вставая, приветствовали его). Затем он представлял собранию свое предложение.

И в республиканский период созвавший сенат председатель открывал заседание речью, в которой излагал причину настоящего заседания (*referre ad senatum*). Председатель делал сенату сообщения (*relationes*), которые считал имеющими общественный интерес. *Relatio* могла касаться как общего положения государства, так и какого-нибудь специального вопроса. Она начиналась всегда следующей формулой: «В интересах римского народа квиритов, отцы-сенаторы, мы предлагаем на ваше обсуждение следующее». Далее следовало изложение самого предмета реляции, которая заканчивалась такими словами: «Что следовало бы сделать по этому поводу?» *Relatio* ограничивалась лишь изложением предмета, не заключая в себе никаких решений. Впрочем, председатель мог присоединить к этому речь и в ней выразить свое личное мнение, мотивировать его и убеждать сенат принять его. Он мог также поручить кому-нибудь другому составление доклада. Так бывало в особенности в делах, касающихся религии.

Если какое-нибудь иностранное государство или провинция посылала делегацию в Рим, то, согласно обычаю, председатель вводил ее в сенат и предоставлял ей слово; при этом каждый сенатор мог обращаться к ней с вопросами.

Консулы делали доклады со своих мест на трибунале. Для трибунов и преторов доставлены были особые скамьи (не курульные) внизу около трибунала, с одной стороны для преторов, с другой для трибунов (D. C. LXVI, 31). Также и император, если он делал сообщение не в звании консула, а на основании своей *tribunicia potestas*, сходил с трибунала к трибунам и, сделав здесь свой доклад, возвращался на свое курульное кресло.

Светоний сообщает (Claud. XXIII), что император Клавдий «в сенате, собираясь докладывать о делах особой важности, садился между двумя консулами или на скамью народных трибунов».

В 23 г. до н. э. Август получил право вносить в любое заседание сената, происходившее не под его председательством, по одному делу для обязательного решения путем формальной *relatio* (D. C. LIII, 32). В силу своей должности трибуна он имел право внести на обсуждение любой вопрос и побудить сенат принять по нему решение. Позже это право было передано императору открыто и в положенной форме, под названием «право доклада» (*ius relationis*), и по мере того, как он получал право вносить три вопроса или более, это право стало называться «право трех, четырех, пяти и т. д. докладов» (*ius tertiae, quartae, quintae relationis*) (SHA. v. M. Antonin. VI; v. Pertin. V; v. Alex. Sev. I; v. Prob. XII)¹⁹.

Императоры, посещая заседания сената, делали такие представления (*relationem facere*) лично или же вносили в сенат свои предложения в форме письма (*oratio, libellus, epistola principis*), которое зачитывалось в сенате одним из его квесторов (D. C. LIV. 25, LX. 2; Suet. Aug. LXV; Tit. VI; Tac. Annal. XVI. 27). Нерон свои доклады сенату, минуя квесторов, обычно поручал читать консулам (Suet. Nero. XV).

На основании своей трибунской *intercessio* император имел право не только отменять состоявшиеся уже решения сената, но и не допускать до решения поднятых в сенате вопросов, а также, если бы пожелал, отменять и самое заседание сената, созданное консулами.

Выражение *relationem facere* касается докладов самого императора, термин *relationem remittere* обозначает утверждение императором консульских докладов, которые до внесения их в сенат представлялись на усмотрение императора и, в случае одобрения их, возвращались (*remittere*) консулам для представления сенату; не возвращенные доклады консулов оказывались, таким образом, не утвержденными со стороны императора. Поэтому выражение: *relationem remittere* приобретало значение «одобрять, разрешать, допускать внесение в сенат консульской *relatio* о каком-либо деле». Отрицательное же выражение: *relationem non remittere* означало не только «не возвращать представленных на усмотрение императора консульских *relationes*», но также и «снимать с очереди, запрещать»

relationes по таким делам, которые были возбуждены в сенате без предварительного одобрения со стороны императора. Такие случаи были возможны, так как консулы не были обязаны непременно во всяком деле сноситься предварительно с императором, имея формальное право самостоятельной инициативы, в качестве председателей сената. Но император мог тогда применять свою трибунскую *intercessio*, которая и заставляла консулов заручаться предварительным согласием императора. Кроме того, употреблялось выражение *rem, causam, reum* (но не *relationem*) *remittere ad senatum*, в смысле *reicere ad senatum*, о таких делах, которые поступали к императору, но последним передавались на решение сената.

Повестка дня заседания сената определялась магистратом, который созывал сенаторов. При распределении вопросов повестки дня руководствовались принципом, согласно которому в первую очередь рассматривались вопросы, касающиеся религии, затем – вопросы, касающиеся жизни всего коллектива граждан, после них – вопросы, затрагивающие интересы частных лиц («*De rebusque divinis prius quam humanis ad senatum referendum esse; tum porro referri oportere aut infinite de re publica aut de singulis rebus finite*» (Gell. NA. XIV. 7. 9)).

После *relatio* председателя вопрос или просто подвергается голосованию (тогда решение называлось *senatusconsultum per disscensionem factum*), или же предварительно опрашивались мнения отдельных сенаторов и происходили дебаты (тогда решение называлось *senatusconsultum per singulorum sententias exquisitas factum*) (Gell. NA. XIV. 7. 9).

Клятва перед голосованием приносилась в сенате в тех случаях, когда голосующие подтверждали ею свою убежденность в правильности принятого ими решения.

Спросить мнение сенатора называлось *sententiam rogare*, выразить его – *sententiam dicere*. Обращаясь к сенаторам, председатель задавал вопрос: «Что следует делать по этому вопросу?» (*De ea re quid fieri placet?*).

Сенаторы, имевшие право высказывать мнение, выступали по старшинству: бывшие цензоры, бывшие консулы, бывшие преторы, бывшие эдилы, бывшие народные трибуны, бывшие квесторы; новоизбранные должностные лица выступали перед сенаторами их ранга. В конце Республики порядок опроса сенаторов, по-видимому, зависел от усмотрения председательствующего консула (Gell. NA. XIV. 7. 9), который обращался к каждому сенатору, называя его имя (*nominatim*) (Cic. c. Verr. IV. 64), например: «Марк Туллий, говори»; но обычно он начинал с принцепса сената (Cic. pro Sext. XXXII) или с избранных консулов, если они присутствовали (Sallust. Cat. L; App. B. C. II. 5). *Pedarii*, т. е. сенаторы, не бывшие раньше магистратами, поименно не вызывались.

Как правило, консул в течение всего года придерживался того порядка опроса мнений сенаторов, который он установил 1 января²⁰.

Особой трибуны для ораторов не было: каждый говорил со своего места и даже мог, если хотел, читать свою речь. Согласно Цицерону (de Legg. III), сенаторам надлежало говорить в свою очередь, с самообладанием и спокойно, умеренно, а не без конца. По правилу, все кроме оратора, должны были молчать, но, как и все политические собрания, и заседания сената бывали нередко очень шумными. По отношению к нарушающим порядок сенаторам председателю принадлежала дисциплинарная власть, которая давала ему право даже подвергать тюремному заключению; впрочем, это право могло быть ограничено вмешательством народного трибуна. Если председатель делал, например, распоряжение об аресте кого-нибудь из сенаторов и призывал ликтора, чтобы схватить ослушника, то трибун мог этому воспротивиться.

Сенатор, которому предложили высказаться, мог говорить без ограничений и даже затрагивать вопросы, не связанные напрямую с темой (Cic. de Legg. III. 18; Gell. NA. IV. 10. 8; Tac. Annal. II. 38; XIII. 39). Председатель не имел права перебить оратора, напомнить, что он уклоняется от вопроса, или лишить его слова, даже если оратор злоупотреблял им и пользовался им для обструкции²¹.

Спрашиваемый поднимался и высказывал свое мнение. Первый спрошенный составлял письменное предложение; те, кто говорил после него, или присоединялись к этому предложению, или составляли новую формулу. Если они соглашались вполне, то оставались сидеть; они вставали, если считали нужным подробнее изложить свое мнение, согласное, или несогласное с мнением предшествующего оратора. В особенно важных случаях сенаторы должны были свои мнения при *rogatio* подавать под клятвой (*iurati*) (Liv. XXX, 40). Это делалось и во времена императоров (Tac. Annal. IV, 21. 1, 74; Plin. Ep. V, 14). Раз высказавшись, сенатор уже не имел права спорить с теми, кто ему возражал. Сенатор не мог изменить свое мнение под влиянием выступлений тех сенаторов, которые высказывали свое мнение после него²².

Председатель не был обязан переспросить по порядку всех сенаторов. Он мог сразу же по своему желанию устранить некоторые из сделанных предложений и установить очередь для других, но если вопрос был более или менее сложен, сенаторы могли требовать его расчленения и отдельного голосования каждого пункта. Если председателю казалось, что вопрос исчерпан, дело освещено со всех сторон, и одно из высказанных мнений разделяется значительным большинством, то он мог прекратить прения. Председатель по своему усмотрению решал, какое из высказанных мнений он поставит на голосо-

вание, а какое пропустит (Plb. XXXIII. 1; Cic. ad Fam. I. 2, X. 12; Caes. B. C. I. 2). После rogatio он группировал отдельные мнения и ставил их по очереди на голосование. Сенаторы поднимались и переходили на сторону того, мнению которого они сочувствовали (pedibus in sententiam ire). В сомнительных случаях производилось numeratio. Поскольку для принятия постановления требовалось присутствие определенного числа сенаторов, любой сенатор мог потребовать от председателя установить количество присутствующих.

Бывали случаи, когда председатель приступал к голосованию совсем без прений, но тогда каждый из присутствующих имел право обратиться к нему со словами: «Консул, спроси», и председатель был обязан исполнить это требование.

Постановление сената имело силу закона, если сенат собирался в установленном месте и составе и под председательством того должностного лица, которое имело право его созывать. Если народный трибун налагал запрет на постановление сената на его заседании или указанные условия не были соблюдены, то решение сената не получало силы закона (Plb. VI. 16).

И не только трибуны, но и любой магистрат высшего или равного ранга с председателем мог воспользоваться правом интерцессии при голосовании (Gell. NA. XIV. 7. 6; Cic. de Legg. III. 3, 10), и, хотя они и не могли помешать принятию решения (Val. Max. II. 2, 7; Tac. Hist. IV. 9; Cic. ad Fam. X. 12, 3), но могли на текущий момент лишить его административной силы. Предложение, которое было принято таким образом, но стало недействительным из-за интерцессии, называлось «senatus auctoritas» (термин, который в широком смысле употреблялся также для обозначения любого выражения мнения сенатского большинства, независимо от того, стало ли оно senatus consultum или нет (Cic. de Legg. II. 15, 37; de Orat. III. 2, 5; ad Fam. I. 2, 7, VIII. 8)). Суждение сената формально записывалось и фиксировалось в надежде на то, что если впоследствии запрет будет устранен, то оно может вступить в силу за счет возврата к нему и подтверждения сенатом, но без повторного обсуждения.

В императорское время способ ведения заседания и порядок опроса сенаторов для голосования в целом оставался таким же, как и при Республике (Plin. Ep. VIII. 14; IX. 13). Однако Август, согласно свидетельству Светония (Aug. XXXV), «о делах особой важности опрашивал сенаторов не по порядку и обычаю, а по своему усмотрению, словно затем, чтобы каждый был ногоготове и решал бы сам, а не присоединялся бы к мнению других». Также и последующие императоры признавались освобожденными от обычных правил созыва сената и председательствования в нем.

Вопросы, которые предлагал к рассмотрению сенатом император, обсуждались на заседаниях в первую очередь (независимо от того,

присутствовал ли на заседании император или нет). По-прежнему на первом месте вызывались consules designati (Plin. Ep. II, 11, 20.), а когда таковых не было, то опрос начинался со старшего консуляра (consularis primae sententiae). В III в. н. э. преимущество consules designati вышло из обычая. Если император участвовал в заседании сената не в качестве председательствующего, он высказывал свое мнение по обсуждаемому вопросу по своему желанию – первым или последним. Обычную форму окончательного голосования о формулированных председателем мнениях также и в императорское время служила discessio (Suet. Tib. XXXI).

Количество поданных путем discessio голосов подсчитывалось для определения большинства. Голосование об отдельных формулах происходило по порядку до тех пор, пока одна из них не оказалась принятой. Возможно было и сокращение всей этой процедуры. Сенаторы могли знаками одобрения выразить согласие с мнением председателя, высказанным им сейчас после relatio; в таком случае не нужен был ни опрос мнений, ни окончательная discessio. Но если хоть один сенатор потребовал (возгласом «Consule!») опроса мнений, то председатель обязан был приступить к нему (SHA. XXX tyr. XI: consularis primae sententiae ait: «Consul, consule!»).

Если во время опроса выяснилось отсутствие разногласия, то о формулированной sententia не нужно было голосовать путем discessio, если только не потребовал этого кто-либо из сенаторов (возгласом «Numera!»).

Решения путем криков одобрения (acclamatio) могли быть принимаемы во всех случаях, но главным образом это применялось к императорским relationes и к решениям, касавшимся самого императора. Путем аккламации, без голосования, происходили выборы номинированных императором консулов и рекомендованных императором candidati principis на прочие должности. Такой же была и процедура при поднесении по воле императора (auctore imperatore) триумфальных или магистратских ornamenta.

Также и производство формального опроса мнений нередко носило характер только проверки согласия отдельных сенаторов. В таких случаях вызов сенаторов для подачи мнения не доводился до конца, а прерывался криками: omnes, обозначавшими согласие всех присутствовавших. Согласно свидетельству Плиния Младшего, в правление Домициана свое мнение высказывал лишь один сенатор, а остальные лишь присоединялись к нему (Unus solusque censebat, quod sequerentur omnes). При этом никто этого мнения не одобрял, и прежде всего тот, кто его высказал (Plin. Paneg. LXXXVI). Наиболее характерная черта процедуры сенатских решений в III в. н. э. заключалась в том, что уже сам текст предложений, касавшихся импера-

тора, прерывался одобрительными возгласами, которые и заносились в протокол, даже с подсчетом голосов.

Поскольку при Тиберии в сенате стали избирать магистратов, сенат, подобно комициям в прежние времена, подавал голоса тайно, при помощи табличек (Plin. Ep. III. 20, XI. 5).

Решение принималось большинством голосов. Если голоса делились поровну, то предложение отвергалось. Большинство определялось либо путем *numeratio*, либо путем *discessio* (*discedere, pedibus in sententiam ire*), то есть, либо председательствующий подсчитывал голоса, либо все, кто голосовал одинаково, собирались вместе и таким образом отделялись от тех, кто голосовал иначе. По-видимому, последний способ голосования в более поздние времена стал обычным.

Делопроизводство в сенате было устным, фиксировались только постановления и законодательные предложения; только в середине I в. до н. э. вошло в практику составление особого журнала прений и отчетов. Со времени Цезаря секретари, специально назначаемые для этой цели, вели протоколы заседаний сената под наблюдением сенатора (Suet. Caes. XX; Aug. XXXVI; Tac. Annal. V. 4; D. C. LXXVIII. 22).

Август запретил практиковавшуюся прежде публикацию сенатских протоколов (Suet. Aug. XXXVI). Но составление самих протоколов продолжалось по-прежнему. При этом император, в силу своего права на трибунскую *intercessio*, мог требовать, чтобы эти протоколы, в случае его отсутствия в заседании сената, были ему представлены. А для того, чтобы император мог быть уверен в правильности протоколов, ведение их еще со времен Августа возлагалось на одного из младших сенаторов, избранного самим императором и называвшегося *curator actorum senatus* или короче *ab actis* с прибавлением имени данного императора, например, *ab actis imp. Traiani* (т. е. *ab actis senatus*, назначенный Траяном).

После принятия решения по последнему вопросу повестки дня председатель распускал собрание сената со словами: «*Nihil vos moramur, patres conscripti*» («Мы вас более не удерживаем, отцы-сенаторы и приписанные») (SHA. v. M. Antonin. X).

Решение не фиксировалось в письменной форме до тех пор, пока не было принято большинством голосов (Cic. Cat. III. 6, 13). *Scribae* записывали его (*perscriptum*, реже *scriptum*) на месте заседания вскоре после голосования, всегда в этот же день. В случаях, требующих секретности (*senatusconsultum tacitum*), сенаторы сами исполняли обязанности секретарей.

Председательствующий магистрат задерживал нескольких сенаторов как свидетелей для записи, чтобы предотвратить мошенническое искажение (Cic. Phil. V. 4, 12; ad Att. IV. 8). В период ранней Республики таких свидетелей было двое, затем их количество было

увеличено до семи, включая двух квесторов. Обычно это были *auctor sententiae*, некоторые из сторонников его принятия или, в случае хвалебного голосования, друзья лица, получившего почести (Plb. VI. 12; Cic. de Orat. III. 2; ad Fam. VIII. 8; XV. 6, 2). О свидетелях говорили *scribendo adfuerunt*. При Цезаре, в 59 г. до н. э., появились специальные нотариусы для записи сенатских решений.

Если постановление сената относилось к латиноязычным общинам, то не требовалось ничего, кроме первоначального текста; но если оно относилось к грекам, то осуществлялся греческий перевод. Судя по стилю, постановления сената переводили в Риме и направляли в Грецию или куда-либо еще.

Форма записи решения была следующей: 1 (часто пропускавшаяся). *SC* (или *auctoritas*, в зависимости от конкретного случая). 2 (до 47 г. до н. э.). *Praescriptio*, «*senatum consuluit*», с именем *relator*. 3. Дата. 4. Место собрания, например, «*in aede Apollonis*». 5. Свидетели, «*scribendo adfuerunt*». 6. *Relatio*, как преамбула: «*quod verba fecit*» такую-то. 7. Решение «*d. e. r. i. c*» (*de ea re ita censuerunt*) «*uti*» и т. д.; к этому могли прибавлять причину «*cum ita se res habeat*». Со времени Августа добавляли также число сенаторов. Документ часто заканчивался буквой *C*, т. е., «*censuere*». Трибун добавлял букву *T* к решению, против которого не было совершено *intercessio*, когда оно было записано и готово к помещению в табулярий. Наконец, если необходимо было принять закон, то добавлялась статья «*ut de ea re ad populum ferretur*» (Cic. ad Fam. VIII. 8, 5). Что касается названия *senatus consultum*, то оно называлось соответственно содержанию: «*senatus consultum de Bacchanalibus*», «*senatus consultum ne quis in urbe sepeliretur*» и т. д.; до императорского периода по имени *relator* они не назывались.

В императорское время *senatus consultum* сохранил старую форму. Однако со времен Адриана прописывалось не только имя того магистрата, по чьей *relatio* состоялось данное решение сената, но и имя того сенатора, который во время опроса мнений первый высказал принятую сенатом *sententia*. Делалось также замечание о сокращении процедуры (о том, что решение состоялось без *discessio*). В конце текста еще со времен Августа обязательно прибавлялось указание на то, сколько сенаторов присутствовало в данном заседании (*i. s. f.* = *in senatu fuerunt* столько-то), но не указывалось, из скольких голосов состояло большинство в пользу принятого решения.

В храме Сатурна у подошвы Капитолийского холма помещалось государственное казначейство (*эрарий* – *aerarium Saturni*) и там же – государственная канцелярия и государственный архив; сенатские постановления приобретали силу лишь после того, как передавались туда для регистрации и хранения, вырезанные на камне или

на меди. При Тиберии было постановлено, чтобы сенатские решения, заключающие в себе смертный приговор, представлялись в эрарий не раньше, как через 10 дней (Тас. *Annal.* III, 51; D. С. LVII, 20). Квестор, ведавший эрарием, давал разрешение частным лицам сделать копию постановления сената. Тексты постановлений сената должны были быть обнародованы и с этой целью со времен Цезаря они вывешивались на форуме. Если решение сената касалось провинций, его текст отправлялся на места с требованием соблюдать содержащиеся в нем предписания.

Если говорить о месте сената в системе властных органов римлян, то можно признать, что по отношению к царю сенат являлся чисто совещательным органом: сенат обсуждал по предложению царя те или другие вопросы, и его заключения (*senatus consulta*) имели принципиально значение советов, для царя юридически не обязательных. По отношению к народу сенат играл роль опекуна. Эта роль сказывалась уже в *interregnum*. Но и сверх того, всякий новый закон, принятый в народном собрании, нуждался в утверждении сената (так называемое *auctoritas patrum*). До 339 г. до н. э. сенат утверждал закон после принятия его в комициях. Но в этом году был принят закон диктатора Публилия Филона, согласно которому, сенат утверждал законопроект еще до принятия его народом.

Вопросы, рассматривавшиеся сенатом, частично касались внутренних государственных дел, частично законодательства, частично финансов, и ни одну меру нельзя было представить народу без предварительного обсуждения и подготовки в сенате. Таким образом, при царях сенат являлся посредником, через которого должны были проходить все правительственные дела: он рассматривал и обсуждал любые мероприятия, которые царь считал нужным осуществить, и, с другой стороны, полностью контролировал народное собрание, которое могло лишь принять или отклонить представленное ему предложение сената.

В период Республики сенату отводилась роль учреждения, с которым советуются магистраты, дабы их решения имели опору в согласии народа. Однако сенат далеко вышел за рамки совещательного органа, став главным правительственным, отчасти даже распорядительным учреждением с некоторыми законодательными полномочиями. Согласно терминологии, установившейся в конце Республики, действия сената считались происходящими от имени сената и римского народа (*senatus populusque Romanus*), хотя реальный смысл это имело только в том случае, если за сенатским решением следовал еще комициальный акт, как это было при выборах. От себя сенат употреблял выражение *senatus populusque Romanus* только на памятниках и других сооружениях, воздвигнутых по решению сената за счет эрария.

Формально сенат не имел законодательных прав. Он был вправе выносить лишь свое суждение (*сенатус-консульты*) по тем или иным вопросам, но юридически его решения не являлись обязательными для магистратов и народных собраний.

Сенату надлежало рассматривать законодательные предложения магистратов, которые они вносили в народные собрания. По запросу магистрата сенат мог вынести и собственное заключение, не требовавшее утверждения комициями, — *сенатус-консульт*; в нем могли затрагиваться самые широкие вопросы правового регулирования, даже решения конкретных юридических дел. Это право — традиция, установившаяся со II в. до н. э., также существенно расширила законодательные права сената.

Резолюции сената назывались *consulta*, ибо магистрат (консул, трибун или претор) созывал его, чтобы проконсультироваться по какому-то определенному вопросу, который желал ему представить (*referre, relatio*). В преамбуле закона о *populus* говорилось, что он *iubere*, а в преамбуле плебисцита — *scire*; но в постановлениях сената обычно говорилось, что сенат *sensere*, хотя в разговорной речи вместо этого использовалось *decernere* (например, Cic. *ad Fam.* VIII. 8; *ad Att.* I. 19), а слова *decretum* и *senatus consultum* часто употреблялись без различия и особой точности (Gell. *NA.* II. 24. 2).

Сенат осуществлял надзор над всеми магистратами, которые должны были повиноваться сенату и приводить в исполнение все его решения. Сенат мог принять решение о том, чтобы распределение сфер деятельности преторов проводилось не по жребию, и определить, кто из избранных преторов будет городским (Liv. XXIV, 9). Сенаторы могли предписать консулам договориться о том, кто из них проведет выборы цензоров (Liv. XXIV, 10). В случае, если сенаторы приходили к выводу, что магистраты своими действиями нарушают общественное спокойствие, они могли принять решение о досрочном отстранении этих магистратов от отправления своих обязанностей (Suet. *Caes.* XVI).

В эпоху Республики постановление сената (*senatus consultum*) выражало совет сената магистрату, просившему о совете: выполнение резолюции, выраженной таким образом, зависело от магистрата. Постановление сената частично отличалось от закона областью действия, но особенно — силой. Что касается области действия, то постановления сената касались преимущественно администрирования, и лишь как исключение предпринимались попытки регулировать с их помощью публичные и частные правоотношения, например, долговые (Liv. XXXV. 7; Cic. *ad Att.* V. 21, 13). Что касается силы постановления сената, то, вне зависимости от того, был ли его предмет административным или имел законодательный характер,

как происходило в исключительных случаях, – все равно постановление сената не было законом, ибо его выполнение зависело от воли магистрата. Если магистрат пренебрегал его исполнением, то оно оставалось в силе на следующий год и так до тех пор, пока сенат его не отменит; но если оно становилось указанием для нового магистрата, то точно также зависело от его воли, и если нужно было сделать постановления сената обязательными, то их превращали в законы посредством rogatio (ср. Cic. ad Att. I. 18, 3; pro Mur. XXXII, 67; Liv. XXXIX. 19). Что касается воздействия постановления сената на магистрата, то обязанность выполнить постановление была моральной, а не юридической; однако сенат имел определенные рычаги влияния на магистрата, который отказался советоваться с ним *in iure maius* или, посоветовавшись, отказался исполнить решение. В более ранний период сенаторы могли назначить диктатора; они могли обратиться к трибунам с просьбой о вмешательстве (Liv. XLII. 21) и за этим мог последовать плебисцит; они могли причинить магистрату неудобство, отказавшись заниматься любыми другими делами, пока не будет решено это (Cic. in Pis. XIII. 29); наконец, всегда существовало осознание того, что должность магистрата годичная, а должности сенаторов – пожизненные.

С конца II в. до н. э. при возникновении внешней или внутренней опасности для государства принималось *senatus consultum ultimum* – *videant consules, ne quid detrimenti capiat res publica* («пусть консулы смотрят, чтобы государство не потерпело ущерба») (Sallust. Cat. XXIX; Caes. B. C. I. 5, 7); на основании этого консулы назначали диктатора, а с упразднением должности диктатора сами получали чрезвычайные полномочия – высшую военную и судебную власть в Риме, что было равносильно объявлению в городе военного положения.

В силу своего положения патрона сенат решал все споры, возникающие между муниципиями и колониями в Италии (D. N. II. 1; Liv. IX. 20; Varro. de Re Rust. III. 2; Cic. ad Att. IV. 15, de Off. I. 10) и карал все тяжкие преступления, совершаемые в Италии и угрожавшие общественному миру и безопасности. Даже в самом Риме судьи (*iudices*), на рассмотрение которых претор передавал важные дела, как государственные, так и частные, выбирались из числа сенаторов (Plb. VI. 17), а в исключительных случаях сенат назначал специальные комиссии для расследования (Liv. XXXVIII. 54; XXXIX. 14; XL. 37, 44); но такая комиссия требовала одобрения народа, если рассматривалось уголовное преступление, совершенное гражданином (Plb. VI. 16; Liv. XXVI. 33).

В компетенции сената находилось расследование государственных преступлений (измена, заговоры, изготовление ядов, злонамеренное убийство), но поскольку только народ имел компетенцию

приговаривать к смертной казни, сенат передавал дела о государственных преступлениях на решение народа (Plb. VI. 13, 15).

Судебно-уголовная власть сената проявлялась в наказании должностных лиц, союзников (*socii*) и чужестранцев, равно как римских граждан, но последних только в том случае, когда они были обвинены в заговоре и умерщвлении ядом. Все *iudices* до Семпрониева закона (*lex Sempronia*) принадлежали к сословию сенаторов.

В качестве распорядительного органа Римской республики, сенат пользовался правом принимать меры полицейского характера. Но уголовные приговоры сената возможны были только по отношению к peregrini или таким гражданам, которые, лишившись своих прав, оказывались на положении peregrini. Формальный суд сената над гражданами, подобный квесторскому процессу, применен был впервые, по настоянию консула Цицерона, в деле сообщников Катилины, и этим прецедентом было положено начало позднейшего развития сенатского уголовного суда. Единичные случаи этого рода встречаются затем во время диктатуры Цезаря, а также при Августе, как в период триумvirата, так и после учреждения принципата.

В сенатском постановлении, известном из Киренской надписи, содержится постановление об организации особых комиссий для разбора дел о вымогательстве в провинциях (*de repetundis*) только в тех случаях, когда от провинциалов поступали жалобы.

В области административной сенат мог издавать общие постановления, касающиеся благоустройства и общественной безопасности.

Сенату принадлежало право управлять подвластными Риму провинциями, как доменами римского народа: назначать туда магистратов и промагистратов, определять их полномочия, принимать их отчеты об управлении, устанавливать размеры денежных поступлений в казну от каждой провинции.

Общее попечение о внутреннем и внешнем благополучии Республики включало право сената распоряжаться необходимыми для данных целей финансами. Сенат составлял бюджет и устанавливал налоги. Сенат принимал решения по государственным откупам (устанавливал сроки уплаты, освобождал плательщиков от обязательств или снижал выплаты). Сенат заведывал распределением общественной земли (*ager publicus*), решал земельные споры. В распоряжении сената находилась государственная казна (*эрарий*). Чеканка монет осуществлялась под контролем сената. Все государственные расходы находились в прямом управлении сената, а цензоры и квесторы являлись лишь его исполнителями или агентами. При строительстве общественных зданий цензоры получали необходимые средства из государственной казны «с соизволения сената» (Plb. VI. 13). Все это ставило магистратов в непосредственную зависимость от сената.

Расходы на содержание армии требовали предварительного одобрения сената, и сенат мог даже отказать возвращающемуся военачальнику в триумфе, не выделив на это необходимых денег (Plb. VI. 15)²³.

В области внешней политики сенат вел дипломатические и международные отношения Рима: это право, ранее принадлежавшее консулам, было узурпировано сенатом в ходе войн II в. до н. э.

Сенат вел переговоры с иноземными послами (Plb. VI, 13; Cic. c. Vatin. XV)²⁴. В конце Республики было установлено, что в феврале, во все дни, когда сенат по закону имеет право собираться, он должен принимать иностранных послов, и никакие иные вопросы не должны обсуждаться до тех пор, пока эти дела не будут урегулированы (Cic. ad Q. Frat. II. 13; ad Fam. I. 4).

Отправляя послов (legati) к иноземным народам от имени римского государства также сенат (Cic. c. Vatin. XV). Численный состав посольства зависел от важности миссии. В наиболее важных случаях посольство состояло из десяти сенаторов (Plb. VI. 13). Если посольство состояло из двух сенаторов, один из них был курульным сенатором, другой – педарием, в посольстве из 10 сенаторов было шесть курульных. Главой посольства был высший по рангу и старший по возрасту сенатор. Послы вели переговоры, руководствуясь инструкциями сената.

Сенат же принимал жалобы от покоренных или союзных народов, всегда считавших сенат своим общим патроном (Liv. XXIX. 16, XXXIX. 3, XLII. 14, XLIII. 2; Plb. VI, 13); объявлял набор войск (объявление войны входило в компетенцию центуриатных комиций); заключал мирные договоры. В руках сената находились пожалования отличиями (например, титулами *amicus* и *socius*) чужестранных государей.

Сенат был главным органом военно-организационного управления: после того как народное собрание решало о войне или ее объявлял враг, сенаторы постановляли, с какими войсками вести войну, сколько строить кораблей, устанавливали количество призываемых в армию, в какие провинции отправятся консулы и преторы, передавали магистратам исключительные полномочия; сенат же получал все донесения военачальников и принимал меры по этим донесениям. Сенат руководил действиями высшего командования, так как от сената зависел отпуск средств на ведение войны. От сената зависело продолжение войны или заключение мирного договора.

Уполномоченные, обычно направлявшиеся для организации управления вновь завоеванными странами, всегда назначались сенатом (Liv. XLV. 17; App. de Reb. Hisp. XCIX; de Reb. Pun. CXXXV; Sallust. Jug. XVI).

Сенат осуществлял контроль над всеми религиозными вопросами: ведал постройкой храмов, назначением религиозных церемоний, до-

пущением культа новых богов. Ведению сената подлежало: установление общественных празднеств, очистительных жертвоприношений и т. п., общее попечение над культами, и в этой связи надзор за храмами и священными местами. Сенат объявлял праздничные и благодарственные дни, налагал запреты на отправление иных культов.

В период поздней Республики Сулла, Цезарь и прочие честолюбивые политики и полководцы различными средствами снизили значение сената, и во многих случаях он играл роль всего лишь инструмента в руках власть имущих. Например, по сообщению Светония (Caes. XXVIII), Юлий Цезарь «привлекал к себе и царей и провинции по всему миру: одним он посылал в подарок тысячи пленников, другим отправлял на помощь войска куда угодно и когда угодно, без одобрения сената и народа».

В императорское время компетенция сената, как и во времена Республики, не была определенно очерчена каким-либо законодательным актом. Сенат получил некоторые функции, бывшие раньше у народного собрания, другие же отошли от него к императору. Роль сената в отдельных сферах жизни империи во многом определялась тем, какую политику по отношению к сенату в целом и представителям сенаторского сословия проводил каждый из правивших в I–III вв. н. э. императоров.

Как в республиканское, так и в императорское время компетенция сената в принципе была неограниченная: на обсуждение сената могли быть предлагаемы какие угодно дела, как общего характера, так и частные факты из текущих дел государственного быта. В общем же объем компетенции сената зависел от усмотрения императора: сенат решал только те дела, которые допускал император, предоставляя при этом в значительной степени формальную инициативу самому сенату в лице магистратов, имевших право на *relatio*²⁵.

Если до времен Августа сенат в своей идее был учреждением совещательным при магистратах, то теперь он превращается в высшее законодательное и судебное учреждение римского государства.

На всем протяжении периода принципата сенат был источником легитимности власти императора. Теоретически как принцепс сената император не мог существовать без органа, который он возглавлял.

Благодаря прецеденту, допущенному Тиберием при своем вступлении на престол, сенат не только оформлял полномочия нового императора посредством *lex de imperio*, но признавался компетентным в вопросах о низложении царствующего императора и о привлечении к ответственности низложенного или умершего. А во время междуцарствий сенат с консулами формально становился снова во главе республики, хотя фактическая власть находилась в руках полководцев, а административное управление в руках императорской

бюрократии. В течение всего периода принципата сенат являлся своего рода представителем общественного мнения, к которому чутко прислушивались императоры.

В государственном строе Римской империи сенат занимал положение такого же вспомогательного учреждения при императоре, каким некогда в Республике являлись комиции рядом с сенатом. Однако, между тем как в республиканское время комиции постепенно брали верх над сенатом, пока Август окончательно не возвратил их назад к первоначальному их значению, компетенция сената в императорское время, наоборот, шла неудержно на убыль, несмотря на то, что в первые времена Империи размеры функций сената в некоторых отношениях оказывались даже значительно повышенными в сравнении с республиканским временем.

Август, официально восстанавливая республику, признал себя подчиненным законному порядку республики. Но восстановление республики касалось только тех пределов государства, которые существовали раньше вручения триумвирам чрезвычайных полномочий. В этих пределах республика восстановлена была в полном объеме, но с перемещением центра тяжести с комиций на сенат. Однако в 23–22 гг. до н. э. Август, будучи консулом и обладая *tribunicia potestas*, стал главным председателем сената и превратил сенат в орудие императорской власти на формально безупречных основаниях. С 22 г. до н. э. сенат оказывается подчиненным императору и функционирует лишь постольку, поскольку разрешает это император.

Значение сената даже как совещательного органа при императоре уже в конце правления Августа существенно уменьшилось в результате того, что император постоянно советовался по вопросам управления государством не с сенатом, а с учрежденным императорским советом (*consilium principis*). В 28 г. н. э. Тиберий уехал на Капри и не мог лично участвовать в заседаниях, посылая вместо этого письма сенату. Таким образом, он перестал быть «первым сенатором» и приобрел роль хозяина, дающего приказы из своей резиденции.

Все же теоретически сенат и при императорах оставался важнейшим органом власти римлян и обладал значительной компетенцией в ряде сфер жизни Римской империи.

Август сохранил за сенатом право издавать распоряжения, равносильные законам. Рядом с этим он пользовался и комициальной формой законодательства, но с обязательной для магистратов предварительной *auctoritas senatus*, отдававшей в руки сената также и проведение законов в комициях. Предложения императора, то ли произнесенные устно, то ли записанные, никогда не подвергались правкам, так что по существу эти *orationes principis* составляли основную часть принятых в это время законов. В конце своего правле-

ния, когда Август уже был не в состоянии присутствовать на заседаниях сената, он присылал свои предложения сенату в письменном виде.

Со времени Тиберия комициальные *leges* уходят на второй план, уступая первое место законодательным *senatus consulta*. Поскольку из народных собраний сохранились только трибунные, созывавшиеся к тому же все реже, с I в. н. э. постановления сената – *senatus consulta* – приобретают силу закона. Но в теории это признается не сразу и не без колебаний. На первых порах *senatus consulta* еще имеют прежнее значение инструкций магистрату, от которого зависит осуществление сенатской воли. Но затем сенату начинают приписывать роль преемника и заместителя прежних народных собраний и отсюда выводят непосредственную обязательную силу сенатских постановлений. Еще Гай, юрист II в. н. э., повествует, что на этот счет были сомнения, хотя сам он придает сенатским решениям силу «как бы закона» («*Senatusconsultum est quod senatus iubet atque constituit: idque legis vicem obtinet, quamvis fuerit quaesitum*» (Gai Inst. I. 4)). Несколькими десятилетиями спустя юрист Ульпиан уже пишет решительно: «*Non ambigitur senatum ius facere posse*» (Dig. I. 3).

Инициатива сенатских постановлений мало-помалу сосредоточивается в руках императора; его предложения (*orationes principis*) вносятся в сенат, но всегда беспрекословно утверждаются. Право принцепса назначать сенаторов и периодически проводившиеся принцепсами «чистки» сената привели к тому, что со II в. н. э. сенат практически только утверждал предложения принцепса. Со времен Клавдия *senatus consulta* являются уже обычной формой законов, рядом с императорскими эдиктами (и их позднейшими видоизменениями).

От Августа до Септимия Севера сенатом было принято законов общего характера (т. е. *leges* в смысле *iussa generalia*) намного больше, чем в последние времена Республики. Напротив, законодательные акты сената в частных случаях, заключающиеся в освобождении от действия закона отдельных лиц (*legibus solvere*), совершались в том же виде и объеме, как в начале Империи, также уже в республиканское время. Освобождение от действия закона входило в компетенцию сената без всякого участия комиций. В числе возможных случаев наиболее видное место занимают освобождения от правил прохождения магистратской службы. Однако и этот случай остался в компетенции сената надолго только по отношению к членам императорской фамилии, по отношению к частным лицам еще Август начал разрешать такие льготы собственной властью. Со времен Веспасиана это дело входило уже всецело в компетенцию императора.

С течением времени сенат превратился в послушный инструмент императора, его авторитет как самостоятельного законодательного

органа все более падал и его резолюции мало чем отличались от выражения воли правящего императора. При Септимии Севере сенатские решения приняли форму императорской *oratio*, присланной для прочтения в сенате. В течение III в. н. э. императоры препровождали в сенат уже только к сведению издаваемые ими новые законы, так что сенат приобрел тогда значение места для опубликования императорских законодательных актов. Подобно тому, как прежде законодательство перешло от сената к комициям, теперь императорское законодательство вытеснило сенатское, которое фактически прекратилось в III в. н. э.

Август установил, что никакие обвинения не должны более рассматриваться в комициях (D. C. LVI. 40), и вместо этого возвысил сенат до положения верховного суда и передал в его юрисдикцию уголовные преступления, совершаемые сенаторами (D. C. LII. 31; Suet. Calig. II; Tac. Annal. XIII. 44; SHA. v. M. Antonin. X), преступления против государства и личности императора (D. C. LII. 15, 17, 22; LX. 16; LXXVI. 8; Suet. Aug. LXVI; Tac. Annal. III. 49) и преступления, совершаемые провинциальными магистратами в ходе управления провинциями.

Но собственное развитие сенатский суд получил только со времени Тиберия. С тех пор сенат действует не только как суд первой инстанции, но и как апелляционный суд, и притом как по делам уголовным, так и по делам гражданского судопроизводства.

Наиболее выдающийся разряд сенатского судопроизводства составляют политические процессы (*maiestatis*) и процессы против должностных лиц по служебным делам. Сенат мог приговаривать подсудимых к изгнанию, ссылке, смертной казни. Но вообще судебная компетенция сената могла простирается и на всякие другие преступления, например, отравления, убийства, подлоги, притом без различия пола и сословия, хотя по большей части в сенат направлялись дела лиц высших сословий, особенно сенаторского. Вместе с тем, однако, не было таких разрядов дел, которые раз навсегда были признаны подведомственными сенатскому суду или, наоборот, изъятыми. Все зависело от усмотрения императора. Иногда принцепс передавал на рассмотрение сената дела, которые он мог бы разрешить сам, — или просил сенат о сотрудничестве (Suet. Claud. XIV, XV; Nero. XV; Domit. VIII).

Сенаторы производили суд под присягой (*iurati*). Жалобы, подаваемые в сенат, вручались консулам, от которых зависело принять или не принимать их. В более важных случаях консулы представляли дело на предварительное усмотрение императора, согласие которого на представление жалобы в сенат выражалось термином: *causam ad senatum remittere*. Консулы руководили разбором дела в сенате, и они же приводили в исполнение постановленный сенатом приговор.

Обвинителем в сенате мог выступать любой гражданин, но защита обвиняемого поручалась одному из сенаторов. Судопроизводство сената называлось *cognitio* (как и суд императора), а сенатский приговор — *decretum*. При обвинениях о вымогательстве (*de repetundis*) сенат устанавливал только вину подсудимого, в то время как определение размера взысканий предоставлялось затем суду присяжных.

Также сенат мог рассматривать апелляции на решения других судов (Suet. Nero. XVII; Tac. Annal. XIV. 28; SHA. v. M. Antonin. X; v. Prob. XIII). Обычно это происходило, когда речь шла о приговорах к смертной казни по приговорам наместников сенатских провинций в отношении сенаторов или всадников. Апелляции в сенат поступали также по гражданским делам из сенатских провинций, но по таким делам сенат переадресовывал апелляции консулам. При этом, по крайней мере, со времени Адриана приговор сената не подлежал апелляции (D. C. LIX. 18; Dig. XLIX. tit. 2. s. 1. § 2), хотя, конечно, император, используя свое право на *veto*, мог отменить приговор сената.

Параллельно с судебной компетенцией сената идет его право прощения осужденных (*restitutio*) и находившихся в ссылке (*revocatio*), а также прекращение процесса еще до произнесения приговора (*abolitio*). Такие дела оформлялись обыкновенно путем сенатского решения, хотя инициатива исходила от императора или требовалось, по крайней мере, его согласие. С самого начала Империи мог оказывать такие милости и император собственной властью, и только от него зависело направлять эти дела в сенат.

Во II в. н. э. судебные функции сената начали сокращаться вследствие конкуренции судебной власти императорских префектов *urbis* и *praetorio*. Тем не менее, сенатский суд в размерах, определяемых усмотрением каждого императора, продолжал функционировать в течение всего периода принципата и перешел в этом виде и в эпоху домината.

Реформы Адриана в юстиции и администрации проводились за счет сената. При этом императоре правосудие в Риме и в ста милях вокруг столицы осуществлял назначенный принцепсом городской префект, а также была создана в Италии новая юридическая инстанция в лице четырех судей. Но даже эти консуляры назначались самим принцепсом. Марк Аврелий, по сведениям автора его жизнеописания (SHA. v. M. Antonin. X), «(1) сенат назначил судьей по многим делам, главным образом, по тем, которые касались области его собственного ведения. Расследования о гражданском состоянии умерших он приказал производить в пределах пятилетнего срока. (2) Никто из государей не оказывал сенату большего уважения. Оказывая честь сенату, он поручил многим бывшим преторам и консулярам решать дела частных лиц, чтобы благодаря занятию судебными

делами возрастал их авторитет. <...> (9) Сенат он сделал судьей по апелляциям на решения консула».

В финансовой сфере компетенция сената существенно уменьшилась уже в правление Августа. Это проявилось в том, что наряду с прежним эрарием Сатурна, который оставался под управлением сената (D. C. LIII. 16, 22), были учреждены две новые казны – *fiscus Caesaris* и *aerarium militare*, находившиеся в ведении императора. С 15 г. до н. э. Август сделал монополией императора чеканку серебряной и золотой монеты. По решению сената теперь чеканились только медные монеты, а в правление Галлиена сенат лишился и этого права.

Хотя эрарий Сатурна считался находившимся под управлением сената, вопрос о том, кто из магистратов будет его возглавлять, решался императором. Если к началу периода принципата эрарий управлялся городскими квесторами, Август передал управление им двум префектам претория из числа преториев. Позже его стали возглавлять преторы, затем опять квесторы, наконец, по решению Нерона в 56 г. н. э. (и до правления Диоклетиана), – префекты, назначавшиеся императором.

Из ведения, в том числе и финансового, сената были изъяты императорские провинции и Египет, к императору перешел контроль за *ager publicus*. Вопрос о повышении или понижении налогов решал сенат, но по инициативе императора.

Еще со времен Августа размер доходов эрария из сенатских провинций зависел от императора. Эрарий являлся как бы только специальным отделением фиска, предназначенным для удовлетворения нужд городской общины Рима, поскольку это дело оставалось в ведении сената и магистратов. Главные постоянные расходы эрария заключались в выдаче содержания многочисленным декуриалам и казенным рабам (*publici*) и в издержках на богослужение и народные празднества; также часть расходов по устройству преторских игр покрывалась из средств эрария. На счет эрария производился отчасти и ремонт храмов, даже за пределами Рима. Марк Аврелий предложил сенату выдать субсидию из эрария на войну против маркоманнов. Однако обыкновенно бывало наоборот: императоры часто выдавали субсидии эрарию из средств фиска. Доходы эрария составлялись главным образом из остатков от той части доходов с сенатских провинций, которую императорское финансовое управление предоставляло в распоряжение провинциальных квесторов. В эрарий поступали даже денежные штрафы, налагаемые магистратами, а также доходы с имуществ городской общины Рима. Но вообще бывшие казенные имущества Республики в Италии и в провинциях, в том числе и сенатских, еще при Августе перешли в ведение императора и доходы с них поступали в фиск.

Постепенно императоры взяли эрарий в собственное исключительное управление (D. C. LXXI. 33; SHA. v. Aurel. IX, 12, 20), и сенату не осталось ничего, кроме управления фондами города (*arca publica*), отделенными как от эрария, так и от фиска (SHA. v. M. Antonin. XX, 45), и права высказывать мнение о делах, связанных с финансовым законодательством (Dig. XLIX. tit. 14. s. 15 и 42).

Формально сенат ведал и делами внешней политики, но с 23 г. до н. э. они вместе с военным делом перешли фактически в исключительную компетенцию императора. Даже титулы *socius* и *amicus populi Romani* раздавал теперь император. Согласно с этим, прекратилось теперь и отправление сенатских послов (*legati*) в чуждые страны. Наоборот, иностранные послы, прибывшие в Рим, нередко вводились императорами в сенат. Ведение войны без разрешения императора, по закону Августа, признано было уголовным преступлением. Военные дела были принципиально изъяты из ведения сената. Только набор граждан, считавшийся действием в области *domi*, мог подлежать решению сената; однако принудительный набор среди граждан применялся редко и прямых свидетельств об участии сената не имеется.

Траян, по крайней мере, внешне, подключал сенаторов к дипломатическим переговорам и заключениям мира, хотя сам задолго до этого принимал определенное решение.

Согласно завещанию Августа, Тиберий в 14 г. н. э. перенес в сенат производство магистратских выборов (Vell. II. 124; Tac. Annal. I. 15; Plin. Ep. III. 20; VI. 19), оставив для комиций только *renuntiatio* избранных сенатом кандидатов, вследствие чего и самый термин *comitia* приурочен был к избирательному акту в сенате. Выборы в сенате на магистратские должности, дававшие звание сенатора, с самого начала происходили под наблюдением (*nominatio*) и влиянием (*recommendatio*) императора.

Однако еще при императорах из династии Клавдиев императорская *nominatio* консулов превратилась в *destinatio*: консулов назначал сам император, а сенат встречал только аккламациями сообщение имен императорских избранников. В избрании прочих магистратов сенат в течение первых двух столетий сохранил некоторую свободу действий, так как обязательному избранию со стороны сената подлежали только кандидаты, указанные императором путем *commendatio* или *suffragatio* и называвшиеся поэтому *candidati principis* (в III в. н. э. просто *candidati*). Прочие места предоставлялись свободной конкуренции кандидатов, допускавшей обычную предвыборную *ambitio*. Голосование о таких кандидатах происходило обычным в сенате порядком, путем *discessio*, и, следовательно, открыто, и только в исключительных случаях путем закрытой подачи голосов, *per tabellas*. Голосованию предшествовало обсуждение канди-

датуры при участии самих кандидатов. Со времен Септимия Севера устранены были также и эти остатки свободных выборов в сенате; магистраты назначались императором, причем, однако, сохранилось звание *candidatus principis*, но только в значении почетного отличия от прочих кандидатов. Даже Александр Север, благоволивший к сенату, удержал назначение магистратов властью императора, сделав уступку только в том, что консулы назначались им по предварительному обсуждению кандидатур в сенате (*ex senatus auctoritate*).

Со времен Августа римские провинции были разделены на две группы – императорские и сенатские. Последние считались находившимися под управлением сената. Наместники их избирались ежегодно в сенате посредством жеребьевки. Однако в правление Галлиена сенаторы были отстранены от должностей наместников провинций, их заменили всадники, назначавшиеся на эти должности императором²⁶.

Деятельность сената по административным вопросам при Августе была довольно разносторонняя. Тем не менее, различные разряды этих дел с самого же начала перешли всецело к императору, такие как: утверждение городских уставов, пожалование общинам прав высшей категории, пожалование прав римского гражданства, пожалование всаднического достоинства, а позднее и прав свободнорожденного гражданина. Некоторые разряды внутренних дел, наоборот, отнесены были к компетенции сената, особенно такие, которые носили характер изъятия от законов. Например, разрешение ассоциаций в гражданских общинах Италии. Так как ассоциации были запрещены законами, изданными при Цезаре и Августе, разрешение могло получиться только путем изъятия от этих законов. Получившие такое разрешение называются в надписях коллегиями, *quibus ex s. c. coire permissum est*. Разрешение новых базаров в Италии также давалось сенатом; как и разрешение гладиаторских игр. Также и другие дела италийских общин направлялись нередко в сенат. Все это касается, хотя и в меньших размерах, также сенатских провинций.

Однако еще Август сам принимал на себя решение разных дел также в общинах Италии и сенатских провинций, и таким же образом поступали и его преемники, особенно по отношению к провинциям. Прочнее всего держалось сенатское разрешение ассоциаций в Италии, но такое разрешение давалось и императорами. Из императорских провинций подобные дела никогда не направлялись в сенат.

В императорское время сильно распространился обычай отправлять в Рим депутации. Это делалось от имени провинций и городов и даже частных ассоциаций; также подвластные Риму цари посылали в Рим своих послов. По большей части такие депутации приходили к императору, и притом из всех частей государства²⁷. Только от го-

родов Италии и из сенатских провинций могли быть отправляемы депутации (*legationes*) также к сенату, который и сам мог вызывать в Рим, по старому обычаю, представителей италийских городов.

При Нероне сенатским постановлением было воспрещено посылать к сенату депутации из провинций с хвалебными отзывами (*laudationes*) о проконсулах; но императоры продолжали принимать всякого рода депутации и в последующие времена.

Весьма видное место в компетенции сената занимало право разрешать почести, оказываемые отдельным гражданам. Такова, прежде всего, постановка статуи в общественном месте при жизни чествуемого лица. Только постановка статуй императора не подлежала никакому ограничению. Для остальных граждан требовалось разрешение, частью императора, частью сената. Путем сенатского постановления, но по инициативе императора, разрешалась постановка триумфальных статуй; однако в век Адриана, вместе с прекращением пожалования *ornamenta triumphalia*, исчезли и триумфальные статуи. Также постановка простых статуй нуждалась в разрешении сената. Гай сделал это зависящим от императора, но Клавдий снова восстановил компетенцию сената. Разрешение сената на постановку статуй испрашивалось еще при Марке Аврелии; однако, рядом с этим, давали такое разрешение и сами императоры.

Наравне с *ornamenta triumphalia*, также и *ornamenta consularia*, *praetoria*, *quaestoria* разрешались сенатом по предложению императора (*auctore imperatore*). Для заседаний сената, в которых решались триумфаторские почести, Август предназначил храм Марса.

Особенно же видная часть компетенции сената заключалась в праве подносить почетные титулы самому императору и другим членам императорской фамилии и разрешать им изъятие от законов. При этом по отношению к самому императору сенат сохранил и формальную инициативу в своих действиях, в то время как в прочих случаях инициатива принадлежала императору. Последнее относится и к решениям сената, касавшимся умерших императоров (*consecratio* и *damnatio memoriae*).

Damnatio memoriae, по решению сената, применялась не только к императорам, но и к частным лицам. Через сенат проводилось и объявление гражданина врагом отечества (*hostis*).

Решением сената назначался и общественный траур (*iustitium*) а также устройство похорон за счет эрария (*funus publicum* или *cenosorium*).

Заведывание богослужебным делом римской общины возвращено было Августом сенату на прежних основаниях. Однако главным объектом деятельности сената в этом отношении являлись почести, оказываемые императорам при жизни и после смерти. Установле-

ние новых праздников, вносимых в календарь, происходило всегда *ex senatus consulto*; то же самое касается и упразднения прежних праздников. В компетенции сената осталось и принятие новых божеств в число богов римской общины. Однако фактически выражалось это право только в консекрации умерших императоров и других членов императорской фамилии. За все время принципата не было принято никакого другого божества, кроме *divi*. Даже *Sol invictus* Аврелиана появляется лишь на положении древнеримского божества, параллельного с Вестой. Также и введение новых жреческих коллегий государственного культа, и усиление численного состава прежних коллегий осуществлялось путем сенатского решения (*Suet. Claud. VI*). Однако дело сводилось лишь к учреждению коллегий в честь императорских *divi*.

Сенатским решением оформлялись и меры, принимаемые как для поддержания старого римского культа, так и против распространения в Риме и Италии новых культов. Таковы меры, принятые сенатом при Клавдии для поддержания дисциплины гаруспиков, и меры, принятые при Тиберии против либертинов, придерживавшихся египетского и еврейского культа. Однако внесение подобных дел в сенат зависело от усмотрения императора, так как уже Август действовал здесь самостоятельно, по праву верховного понтифика. И при последующих императорах, которые тоже были верховными понтификами и членами важнейших жреческих коллегий, роль сената в религиозной жизни империи определялась волей правящего принцепса.

С началом Империи могуществу сената был нанесен сильный удар. Формально сенат превращается в высшее государственное учреждение, на деле же он потерял многие принадлежавшие ему функции, и к сенатским постановлениям приравнены были решения принцепса, принятые вместе с близкими ему людьми, фактически же он оставался совещательным органом при принцепсе. Император представлял средоточие всего, и от него лично зависело, спросить ли мнение сената и принять ли во внимание его советы. На протяжении I–III вв. н. э. во время правления «хороших» императоров сенат удерживал свою самостоятельность, и то только по виду; но при деспотических правителях он был рабским орудием в их руках.

В III в. н. э. падению роли сената в управлении Империей во многом способствовало усиление натиска варваров на римские владения. Опасаясь усиления позиций полководцев, которые в случае успехов борьбе с варварами могли предъявлять претензии на императорский престол, императоры были вынуждены значительную часть времени своего правления находить далеко от столицы и не имели возможности привлекать сенат к решению текущих вопросов управления государством.

К ослаблению позиций сената и представителей сенаторского сословия вела также необходимость поручения командования римскими войсками в условиях постоянных столкновений с крупными силами варваров опытным полководцам. В результате командные посты в армии и должности наместников в пограничных провинциях императоры были вынуждены предоставлять не сенаторам, а всадникам. Завершился этот процесс вытеснения сенаторов всадниками при императоре Галлиене, который, по сообщению Аврелия Виктора (*De Caes. XXXIII*), «запретил сенаторам занимать военные должности и приближаться к войскам» (*senatum militia vetuit et adire exercitum*).

Тем не менее, даже в III в. н. э. сенат оставался важным органом власти. Более того, в условиях нестабильности политической ситуации в империи в этом веке иногда именно сенат решал вопрос о том, кто будет стоять во главе римского государства. Так, в 238 г. н. э. сенат осмелился признать законными правителями империи Гордианов, выступивших в Африке против Максимина Фракийца, а потом возвел на престол Пупиена и Бальбина. В 275 г. н. э. решением сената императором стал Тацит.

Однако эти случаи политической активности сената имели место в силу сложившихся в те времена обстоятельств, а не в результате того, что сенаторы осознали необходимость внести коренные изменения в государственный строй Империи и стремились вернуть сенату те значение и престиж, которые он имел в условиях расцвета республиканских порядков.

К концу III в. н. э. действительные управители римского государства, императоры, решили отказаться от видимости сохранения республиканского строя и открыто лишили сенат даже остатков его полномочий. Летом 282 г. н. э. возведенный на императорский престол Кар не озаботился тем, чтобы получить от сената признания законности его власти, а ограничился лишь формальным извещением сенаторов о своем приходе к власти. По свидетельству автора его жизнеописания (*SHA. v. Car. V*), в своем письме сенату Кар писал: «Итак, отцы сенаторы, надо радоваться тому, что один из вашего сословия <...> стал императором». Аврелий Виктор пришел к выводу, что со времен Кара «у сената было отнято право избирать принцепсов» (*De Caes. XXXVII*).

Наконец, пришедший к власти в 284 г. н. э. Диоклетиан также не стал посещать столицу империи и просить сенат признать его законным правителем римского государства. Он фактически произвел лишение Рима статуса столицы государства. Рим перестал быть резиденцией императора и превратился в почетную «столицу мира» (*caput mundi*), которая играла роль лишенного почти всякого политического значения хранилища традиций. С самого начала правления

Диоклетиана римский сенат был полностью отстранен от участия в управлении государством. Император не нуждался в подтверждении сенатом законности его власти, не советовался с сенаторами при решении важных вопросов внутренней и внешней политики. Таким образом, сенат по существу перестал быть одним из центральных органов власти Римской империи и превратился в совет города Рима, который был лишен статуса столицы римского государства.

Примечания

- 1 Однако Авл Геллий предлагает и другое толкование термина *pedarii* (NA. III. 18): «1. Многие считают, что педариями называют тех сенаторов, которые не высказывают свое мнение словесно, но ногами присоединяются к чужому мнению <...> 3. Также говорят, что более правильным является соображение, которое сохранил в своих комментариях Гавий Басс. Ведь он говорит, что сенаторы старшего возраста, которые уже занимали курульную магистратуру, чести ради обыкновенно ездили в сенат на колеснице. В этой колеснице было кресло, на котором они восседали и которое именно по этой причине зовется курульным; однако те сенаторы, которые еще не получили курульную магистратуру, добирались в курию пешком. Поэтому сенаторы, еще не имеющие старших почестей, называются педариями».
- 2 По сообщению Светония (Claud. XXIV), император Клавдий в начале своего правления «обещал выбирать в сенат только тех, чьи предки до пятого колена были римскими гражданами». Но уже при этом императоре в сенат стали принимать и сыновей вольноотпущенников (Suet. Claud. XXIV; Nero. XV).
- 3 В письме Цицерона к Квинту Валерию от 45 г. до н. э. (Cic. Fam. XIII, 5) идет речь о том, что Гай Курций, которого Цезарь включил в состав сената, может лишиться имения, с потерей которого ему трудно будет оставаться в сенаторском сословии.
- 4 Такой случай описан Юлием Цезарем (В. С. III, 21): «Претор М. Целий Руф <...> организовал нападение толпы на городского претора Г. Требония и после кровопролитной схватки прогнал его с трибунала. Консул Сервилий доложил об этом сенату, и сенат высказался за устранение Целия от должности. На основании этого декрета консул исключил Целия из сената».
- 5 Светоний следующим образом описывает эту деятельность Августа (Aug. XXXV): «Сенат давно уже разросся и превратился в безобразную и беспорядочную толпу – в нем было больше тысячи чле-

нов, и среди них люди самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку, которых в народе называли «замогильными» сенаторами. Он вернул сенат к прежней численности и к прежнему блеску. <...> Некоторых он усовестил, так что они добровольно отреклись от звания».

- 6 Описание такого спора мы находим у Т. Ливия (XXVII, 11): «(9) Составление списка сената задержано было спором о том, кого записать первым; списком занимался Семпроний, (10) но Корнелий утверждал, что надо держаться обычая предков и первым в сенате ставить того, кто первый из ныне живущих сенаторов был в свое время цензором. Таковым оказался Тит Манлий Торкват. (11) Семпроний ответил, что боги, жребием назначая, кому из двоих заняться списком сенаторов, предоставляют ему право свободного выбора. Вот он и поступит по собственному усмотрению: выберет Квинта Фабия Максима, кому даже Ганнибал присудил бы первенство в римском государстве. (12) Спорили долго; Корнелий уступил, и Семпроний записал первым сенатором консула Квинта Фабия Максима».
- 7 *Laticlavia* меньше стягивалась поясом, чем обыкновенная туника; поэтому она более плавно ниспадала вдоль тела и пурпурная полоса шла непрерывной линией от плеча до самого низа. Поверх туники сенаторы носили тоги светлых марких оттенков, выделявших их на фоне небогатых граждан, носивших более практичные темные тоги. Тога, которую надевали на *tunica laticlavia*, обыкновенно делалась из тонкой и прозрачной материи, так что сквозь нее просвечивали пурпурные полосы туники, это были «стеклянные тоги», как их называли в шутку.
- 8 Вместе с тойгой национальный костюм гражданина, который он надевал, отправляясь в город, составляла довольно высокая и закрытая, вроде наших ботинок, обувь, которая называлась *calceus*. Показаться в обществе иначе обутым считалось таким же неприличным, как у нас выйти на улицу в домашних тапочках. *Calceus* надевали также и женщины, выходя из дому.
Форма, высота и цвет *calceus*'а изменялись сообразно общественному положению человека. *Calceus* сенаторов представлял собой очень высокую обувь, доходившую до половины ноги. Она была сделана из черной мягкой кожи, которую римляне называли *aluta*, так как ее приготавливали при помощи квасцов (*alumen*). Сенаторский башмак имел четыре ремешка. Люди, принадлежавшие к старинной знати, прикрепляли к башмаку на самом подъеме полумесяц из слоновой кости, который служил для завязывания. *Calceus mulleus* был красного цвета, т. е. того цвета, который с древних времен являлся отличительным признаком первых сановников государства. Предание приписывает первое употребление этой обуви царям. Во времена Республики она была присвоена курульным магистратам. Ее носили

также триумфаторы. Форма этого башмака в точности неизвестна; во всяком случае, он был на высокой подошве.

9 Эту привилегию впервые предоставил сенаторам Сципион Африканский Старший в 194 г. до н. э. (Liv. XXXIV. 54; Cic. pro Cluent. 47). Такая же честь на цирковых представлениях была дарована сенаторам Клавдием (Suet. Claud. XXI; D. C. LX. 7).

10 Впрочем, уже в век Тацита и Плиния Младшего императоры мало пользовались этим правом, за исключением того случая, когда сами состояли консулами, хотя многие из них усердно посещали заседания сената. Взамен прямого председательствования на первый план выдвинулась трибунская *relatio* императора.

11 О случаях, когда участие сенаторов в заседаниях было обязательным, можно понять из речи Цицерона в сенате, 2 сентября 44 г. до н. э. (I Phil.): «(V) По какой же причине вчера в таких грубых выражениях требовали моего прихода в сенат? Разве я один отсутствовал? Или вы не бывали часто в неполном сборе? Или обсуждалось такое важное дело, что даже заболевших надо было нести в сенат? Ганнибал, видимо, стоял у ворот или же о мире с Пирром шло дело? Для решения этого вопроса, по преданию, принесли в сенат даже знаменитого Аппия, слепого старца. (12) Докладывали о молебствиях; в этих случаях сенаторы, правда, обычно присутствуют; ибо их к этому принуждает не данный ими залог, а благодарность тем, о чьих почестях идет речь; то же самое бывает, когда докладывают о триумфе. Поэтому консулов это не слишком беспокоит, так что сенатор, можно сказать, волен не являться».

12 Постройку Гостилиевой курии древние авторы приписывают царю Туллу Гостилию, но, видимо, она была сооружена в VI–V вв. до н. э. представителями рода Гостилиев.

При всей простоте своей архитектуры, курия представляла собой самое значительное общественное здание в Риме. В ней был зал в 28 м длины и 25 м ширины, расположенный на площадке, к которой вела лестница в несколько ступенек. Посреди зала, напротив входной двери, помещались курульные кресла обоих консулов, одно возле другого, или кресло претора, если председательствовал он, или же, наконец, скамья для трибунов, если обязанность председательствовать выпадала на их долю. В нем находилось несколько рядов деревянных скамей, деревянная трибуна и за креслом председателя помещение для сенатского архива. Широкий проход делил зал на две части. Сенаторы размещались по скамьям без всякого порядка, даже магистраты смешивались в толпе других членов сената.

Этот зал никогда не топили, даже в разгар зимы. В одном письме, написанном в январе месяце, Цицерон рассказывает, что однажды, когда обсуждали очень важное дело, председатель вынужден был закрыть заседание, так как было слишком холодно.

13 И в этой курии посреди зала, напротив входной двери, помещались курульные кресла обоих консулов, одно возле другого, или кресло претора, если председательствовал он, или же, наконец, скамья для трибунов, если обязанность председательствовать выпадала на их долю. По примеру Цезаря и Августа император помещал свое курульное кресло между креслами обоих консулов. Курульные кресла императора и обоих консулов находились на возвышенном месте (*tribunal*), которое при Гае поднято было на такую высоту, что оказывалось недоступным для предполагаемых злоумышленников (D. C. LIX, 26). Во время траура курульные кресла на возвышении оставались пустыми, и консулы помещались внизу на скамьях (D. C. LVI, 31; Tac. Annal. IV, 8).

14 Храм Беллоны, богини войны, был построен по обету Аппия Клавдия (Слепца), данному в 296 г. до н. э., на Марсовом поле. Находившийся вне городской черты, он использовался для встреч сената с теми, кому не разрешалось входить в город, будь то иноземные послы или не сложивший военную власть полководец (например, домогающийся триумфа).

15 Римляне верили во всякие чудеса и знамения и в республиканское время, и во времена императоров. Слухи о различных необычных явлениях витали в Риме постоянно. Например, Т. Ливий пишет (XXIV. 10) следующее: «(6) Сообщено было в этом году о многих страшных знамениях; их оказывалось тем больше, чем больше было доверчивых и богобоязненных простецов: в Ланувии, в храме Юноны Спасительницы, вороны свили гнезда; (7) в Апулии пальма вся в зелени вдруг вспыхнула; в Мантуе река Минция разлилась кровавым болотом; в Калах шел меловой дождь, а в Риме над Бычьим рынком – кровавый; <...> (10) Рассказывали и о других чудесах: в Пренесте дрожало копье Марса, хотя никто к нему не притрагивался; в Сицилии **заговорил бык**; в области марруцинов ребенок во чреве матери закричал: «Ио, триумф!»; в Сполето женщина превратилась в мужчину».

О распространении различных слухов в Риме в начале периода Империи читаем у Тацита (Annal. I. LXXXVI): «В довершение бед на всех наводили ужас доходившие с разных сторон слухи о чудесах и знамениях. На Капитолии статуя Победы, стоящая на колеснице, запряженной парой коней, выронила из рук вожжи; из придела Юноны в Капитолийском храме внезапно вышел призрак выше человека ростом; в ясный безветренный день Тибр тек совершенно спокойно, как вдруг стоявшая на острове посреди реки обращенная на запад статуя божественного Юлия повернулась лицом к востоку; в Этрурии **заговорил бык**; животные рожали странных уродцев, и происходило еще множество всяких чудес».

16 Геродиан (VII, 11) сообщает о следующем интересном эпизоде в связи с этими открытыми дверями, который произошел в 238 г. н. э.:

«(1) Все сошлись в сенат, чтобы рассмотреть создавшееся положение. (2) Узнав об этом, воины, которых Максим оставил в лагере, <...> подошли к входу в сенат, желая узнать о происходящем; невооруженные и одетые в простые плащи, они стояли вместе с остальным народом. (3) Другие оставались перед дверями, но двое или трое, которым не терпелось услышать обсуждение, вступили в здание сената».

17 Однако автор жизнеописания императора Гелиогабала сообщает (SHA. v. Heliohab. IV): «(1) На первое же заседание сената он велел вызвать свою мать. (2) Прибыв туда, она была приглашена к сидениям консулов и присутствовала при редактировании, т. е. была свидетельницей составления сенатского постановления: Гелиогабал был единственным из императоров, при котором женщина вступила в сенат со званием светлейшей, словно мужчина.

XVIII. (3) После Антонина Гелиогабала, прежде всего, были приняты меры, чтобы никогда больше женщина не вступила в сенат, причем голова того, по чьей вине это случилось бы, была посвящена и обречена подземным богам».

Дион Кассий (LXXIX. 17, 2) рассказывает, что мать Гелиогабала и его бабка Юлия Меса присутствовали в сенате по случаю усыновления Гелиогабалом Александра Севера.

18 Сведения о таких заседаниях содержатся в жизнеописании Гордиана III (SHA. v. Gord. XII.) «Тайное постановление сената выносилось в тех случаях, когда со стороны врагов угрожало какое-нибудь насилие, вынуждавшее либо принять унижительное решение, либо постановить то, что следовало привести в исполнение, прежде чем об этом начнут говорить, – или в тех случаях, когда не хотели, чтобы какие-либо сведения проникли к друзьям. При таких делах не присутствовали ни писцы, ни государственные рабы, ни служащие ценза. Сенаторы брали все на себя, сенаторы исполняли все обязанности служащих ценза и писцов для того, чтобы ничего не было разглашено».

Однако с полной уверенностью о таких заседаниях сената говорить не приходится, поскольку сборник «Scriptores Historiae Augustae» не вполне надежный источник.

19 Априорное назначение количества реляций имело лишь номинальное значение. С одной стороны, в случае необходимости, император всегда имел возможность провести лишнюю *relatio* сверх оговоренной нормы, а с другой, не всегда был достаточный запас императорских *relations*. В последнем случае очередь наполняли другие доклады, о чем и делалась соответствующая заметка в редакции сенатского решения.

20 Однако, как сообщает Светоний (Caes. XXI), Юлий Цезарь, выдав свою дочь за Помпея, «стал при голосовании спрашивать мнение у него первого, тогда как раньше он начинал с Красса, а обычай тре-

бовал держаться в течение всего года того порядка спроса, какой был принят консулом в январские календы».

21 Обструкция (*obstructio* – препятствие, помеха) состояла в том, что ораторы произносили бесконечно длинные речи с целью затянуть заседание до вечера, чтобы заседание было закрыто без вынесения решения по рассматривавшемуся вопросу.

22 В связи с этим интересным представляется следующее сообщение Светония (Caes. XIV): «Он (Юлий Цезарь – И. С.) был избран претором, когда был раскрыт заговор Каталины и сенат единогласно осудил заговорщиков на смертную казнь. Он один предложил разослать их под стражей по муниципиям, конфисковав имущество. При этом, живописуя народную ненависть, которую навеки навлекут сторонники более крутых мер, он нагнал на них такого страха, что Децим Силан, назначенный консул, решился даже смягчить свое первоначальное мнение – переменить его открыто было бы позором – и заявил, будто оно было истолковано суровее, чем он имел в виду».

23 Однако известны случаи, когда военачальник праздновал триумф без согласия сената (Liv. III. 63; VII. 17; IX. 37).

24 Откуда бы ни прибыли в Рим иноземные послы, они должны были явиться в храм Сатурна и записать свои имена у квесторов. Прежде чем войти в город, иноземные послы, видимо, обязаны были предупредить о том, от какого народа и с какой целью они прибыли.

Согласно Полибию (VI. 13), «если в Рим прибывает посольство, сенат определяет, как какое из них следует принять и как следует кому ответить». В случае войны между Римом и государством, из которого они явились, послам запрещалось входить в город (Liv. XXX. 21, XLII. 36, XLV. 22). В таких случаях либо послы должны были покинуть Италию (Liv. XLII. 36), либо сенат давал им аудиенцию (*senatus legatis datur*) вне города, в храме Беллоны (Liv. XXX. 21).

Но в других случаях, – особенно если послы были выдающимися лицами, как сын Масиниссы (Liv. XLV. 13), или если они прибывали от союзника римского народа, – как только в Рим поступало сообщение о высадке иноземных послов на берег Италии, сенат отправлял одного из младших магистратов или консульского легата, чтобы встретить их и проводить в город за государственный счет. Когда претор или консул вводил послов в сенат, они сначала объясняли то, о чем должны были сказать, а затем претор предлагал сенаторам задавать вопросы послам (Liv. XXX. 22). Все дело велось через переводчиков и на латинском языке.

Валерий Максим (II. 2. § 3) утверждает, что греческий ритор Молон, учитель Цицерона, был первым иноземцем, обратившимся к римскому сенату на своем родном языке.

После такого допроса послам предлагали покинуть здание сената, который теперь начинал обсуждать представленное им дело. В Риме, как пишет Варрон (L. L. V. 155), существовало место справа от здания сената, называвшееся Грекостасис (Graecostasis), где иноземные послы ожидали решение сената. О решении сената послам сообщал претор (Liv. VIII. 1). В некоторых случаях послы не только получали богатые подарки при отъезде, но по приказанию сената и за государственный счет их сопровождал магистрат до границ Италии и даже дальше (Liv. XLV. 14).

25 Древние авторы приводят факты благожелательного отношения к сенату отдельных правителей империи. Так, Светоний следующим образом характеризует политику Тиберия по отношению к сенату (Tib. XXX): «Он даже установил некоторое подобие свободы, сохранив за сенатом и должностными лицами их прежнее величие и власть. Не было такого дела, малого или большого, государственного или частного, о котором бы он не доложил сенату: о налогах и монополиях, о постройке и починке зданий, даже о наборе и роспуске воинов или о размещении легионов и вспомогательных войск, даже о том, кому продлить военачальство или поручить срочный поход, даже о том, что и как отвечать царям на их послания. Одного начальника конницы, обвиненно в грабеже и насилии, он заставил держать ответ перед сенатом».

Другой пример уважительного отношения императора к сенату приводит автор жизнеописания Адриана (SHA. v. Hadr. VIII): «(7) Редко назначая новых сенаторов, он поднял значение сената на такую высоту, что назначив сенатором Аттиана, бывшего претекта претория, получившего впоследствии знаки консульского достоинства, он этим показал, что большей награды он ему дать не может. (8) Римским всадникам он ни в свое отсутствие, ни при себе не позволял судить сенаторов. (9) Ведь тогда был обычай, чтобы государь, когда ему приходилось разбирать судебное дело, приглашал к себе на совещание и сенаторов, и всадников и выносил свое решение после совместного обсуждения. (10) Он резко порицал тех императоров, которые не оказывали уважения сенаторам».

26 Подробнее об этом см. ниже.

27 Так, согласно сообщению Тацита (Annal. III, 60), «неуклонно укрепляя единовластие, Тиберий оставлял, однако, сенату видимость его большого величия и отсылал с этой целью на его рассмотрение возбуждаемые провинциями ходатайства. <...> И прекрасное зрелище являл собою сенат в день рассмотрения дарованных нашими предками привилегий, договоров с союзниками, указов царей, которые властвовали еще до установления владычества римлян, и самих религиозных преданий, свободно, как некогда, подтверждая их или внося в них изменения».

МАГИСТРАТЫ

Появление магистратур¹ в Риме было взаимосвязано с освобождением римлян от власти царя. Магистраты как бы восприняли в сокращенном виде царские полномочия.

Магистрат – это не чиновник, а частица римского народа, носитель его прав и величия. Из такого понимания смысла магистратской деятельности вытекало и содержание власти и полномочий магистратов: они считались как бы переданными им народом, были своего рода частицей отчужденного суверенитета римского народа. Деятельность магистратов была видом реализации государственной власти от имени и во благо римского народа. Магистраты обладали властными полномочиями в качестве представителей римской общины перед богами и людьми, поэтому полномочия их заключались и в исполнении решений народных собраний или сената, и в широкой собственной правительственной и правовой деятельности.

По определению Цицерона (de Legg. III), «(I, 2) назначение магистрата <...> в том, чтобы руководить и отдавать распоряжения правильные, полезные и закономерные. Ибо, подобно тому, как магистратами руководят законы, так народом руководят магистраты, и можно с полным основанием сказать, что магистрат – это закон говорящий, а закон – это безмолвный магистрат. <...>

(II, 5) (5) Надо, чтобы существовали магистраты; ведь без их мудрости и усердия гражданская община существовать не может, и распределением полномочий между ними поддерживается весь государственный строй».

Как представитель «величия римского народа» магистрат пользовался особым административным и правовым статусом. Его личное достоинство и неприкосновенность были предметом специальной уголовно-правовой охраны, оскорбление магистрата, посягательство на власть магистрата составляло crimen laesae maiestatis. Неподчинение приказу или распоряжению магистрата считалось отягчающим вину обстоятельством либо само по себе рассматривалось как преступление.

Гражданские должности Рима соединяли в себе жреческие и политические обязанности. Не было ни одной общественной должности, с которой не была бы соединена какая-нибудь религиозная обязанность, ибо, по мысли древних, всякая власть должна быть хоть отчасти религиозной. Священнослужение, отправление правосудия, начальствование над войском – все эти обязанности соединялись в лице магистрата.

Деятельность магистратов рассматривалась как почетная обязанность (*honor*) римского гражданина, отказаться от нее (при соответствии всем другим, необходимым для должности, критериям) можно было только по признаваемым правом причинам. В общем виде считалось, что магистрат не может пренебрегать своими обязанностями, уклоняться от исполнения должности, не проявлять заботы о «публичных делах», даже не относящихся к его прямой компетенции, вообще не заботиться о том, чтобы «государство не терпело ущерба».

Исполнение должностных полномочий было безотчетным, только после истечения срока магистратуры за допущенные должностные преступления магистрат мог быть привлечен к суду. Упущения в исполнении обязанностей магистрата могли впоследствии стать поводом для законного судебного разбирательства, приговора и изгнания. Но в большинстве случаев ненадлежащее исполнение обязанностей магистрата не влекло иного, кроме как общественно-нравственного порицания.

К началу периода поздней Республики у римлян уже сложилась целая система магистратур. Магистраты различались по уровню применения своих полномочий, по большему или меньшему содержанию своей власти, но все они не были специализированными (например, одним – военные дела, другим – администрация, третьим – суд и т. д.), а каждый обладал частицей совокупной государственной власти.

Все магистратуры имели некоторые общие черты:

1. Выборность – все республиканские должностные лица, кроме интеррекса, диктатора и начальника конницы, выбирались народом.

2. Безвозмездность – занятие государственных должностей считалось почетным и было несовместимо с получением жалования; но из государственной казны магистратам отпускались определенные суммы, нужные для расходов по службе (*rescunia attributa*) (например, для эдилов по устройству игр, для цензоров при возведении новых построек). При деятельности вне города Рима магистраты получали от государства полную экипировку, деньги, палатки, корабли и т. д.²

3. Временность – все республиканские ординарные должности занимались на определенный срок, как правило они были годовыми, за исключением цензуры, срок которой определялся в 18 месяцев.

4. Коллегиальность – большинство магистратур имело строго коллегиальный характер; решения в них должны были принимать-

ся единогласно, и протест хотя бы одного члена коллегии останавливал дело; все должностные лица избирались попарно (или большим числом) с равными должностными правами каждого, причем любой имел право возражать против решений и действий своего коллеги.

Коллегиальность, однако, не обозначает того, что все однородные магистраты должны действовать совместно, как коллегия; они являются не коллегией, а коллегами. Каждый магистрат действует отдельно и самостоятельно – так, как если бы он был один; каждому из них в отдельности принадлежит вся полнота соответственной власти. Но рядом с ним такая же полнота власти принадлежит другому, и в случае желанья этот другой своим *veto* («запрещаю») может парализовать любое распоряжение первого³.

Сфера деятельности каждого магистрата (*provincia*) определялась решением народа или сената или путем жеребьевки (*sortitio*). Такое распределение было особенно важно в отношении деятельности преторов в городе и наместников в заморских владениях римлян. В последнем случае решался вопрос о территориальных границах деятельности.

5. Ответственность – все должностные лица, за исключением диктаторов, цензоров и народных трибунов, за свои должностные действия могли быть привлечены к суду народного собрания – высшие магистраты по истечении должностного срока, низшие даже и раньше. Суду и ответственности подвергались они при этом не за нарушение тех или иных пределов своей власти, а за дурное или своекорыстное пользование законной властью⁴.

6. Магистраты в сфере их непосредственных полномочий имели некоторые общие права:

а) право сношений с богами от имени римского народа (*ius auspiciorum*);

б) право сношений с сенатом и народом (*ius agendi cum patribus et cum populo*), то есть право вносить в сенат *relationes*, а в народные собрания *rogationes*;

с) право издания общеобязательных распоряжений (*ius edicendi*); первоначально такие распоряжения объявлялись народу устно *in contione*, отсюда слово «*edictum*», а впоследствии они выставлялись в письменной форме на форуме написанными на досках);

д) высшее военное командование со всеми относящимися сюда функциями;

е) высшая административная и полицейская власть, то есть общая охрана внутреннего общественного порядка, откуда происходит также, по римским представлениям, уголовная юрисдикция магистратов, их участие в гражданском суде и их полицейская власть в собственном смысле слова.

Средствами для осуществления распоряжений во всех этих областях в руках магистратов являлись: 1) право личного или через подчиненных задержания непослушного (*ius prendendi*), 2) предание суду (*in ius vocatio*), 3) наложение штрафа (*multae dictio*), 4) арест какой-либо вещи, принадлежащей ослушнику, для обеспечения его повиновения (*pignoris capio*).

Римские магистратуры можно подразделить на несколько разрядов по разным основаниям, каждое из которых в свою очередь характеризует ту или другую сторону власти и полномочий должностных лиц.

По объему возложенных на него полномочий магистрат мог пользоваться двоякого рода властью в отношении своих сограждан и других учреждений и лиц в границах государства или города: *imperium* или *potestas*.

Первоначально оба эти термина употреблялись безразлично, но впоследствии стали различать *magistratus cum imperio* и *sine imperio*, причем последним (например, цензор, трибун) стали приписывать *potestas* (*ensoria*, *tribunicia*), и таким образом стали как бы вкладывать особое содержание в понятие *imperium* и в понятие *potestas*.

Полномочия магистратов рассматривались как *potestas* – «власть»⁵. Должностная власть позволяла магистратам вмешиваться в действия граждан и назначать себе помощников.

Империй (*imperium*) римляне эпохи архаики воспринимали как магическую силу, которая передается специальным *lex curiata de imperio* от богов к вождю, чтобы с ее помощью вести народ к благополучию, а войско к победе. Этот термин происходит от глагола *imperare* – «управлять, властвовать» и буквально означает «приказ», «приказание»⁶.

В эпоху Республики магистраты с империем получали следующие права:

1. Общаться с богами от имени общины, проводить *auspicia* (*Cic. de Legg. III. 10*).

Осуществленные перед выборами ауспиции составляли сакральный фундамент должности магистратов. Они определяли сакральную правомочность магистратской власти, что воплощалось в праве на общественные императивные ауспиции. Это право избранный магистрат получал во время церемонии *renuntiatio* на электоральных комициях, т. е. с объявлением руководившим комициями магистратом имени новоизбранного магистрата. Без этого формального объявления выборы считались недействительными, оно представляло собой торжественный акт, сопровождавшийся молитвой к богам, чтобы это избрание оказалось благим и счастливым для руководителя комиций, римского народа и плебса.

2. Созывать комиции, вносить в них законодательные предложения (*rogationes*).

3. Созывать сенат, вносить в сенат предложения (*relationes*) и требовать от него заключения по предложенному вопросу.

4. Право высшего военного командования, в том числе набора войск и проведения военных операций в роли главнокомандующего, назначения войсковых командиров и право триумфа в случае масштабной победы.

5. Право заключения перемирия (но не мира) с врагом.

6. Право распределения военной добычи (хотя бы ее части).

7. Право высшей административной власти.

8. Право высшей судебной власти.

9. Право торжественного провозглашения своего преемника в роли держателя империя – любого легитимного магистрата с империем, в том числе и экстраординарного, получавшего империй на короткий срок.

10. Право назначения на время отсутствия в Риме всех магистратов с империем, полученным на основе закона, городского префекта (*praefectus urbis*).

11. С последней трети IV в. до н. э. – право стать (по истечении должностных полномочий) промагистратом на основе пророгации империя.

При Сулле всем консулам и преторам было дано право на годичное продление империя. По закону 52 г. до н. э. между консулатом и проконсулатом (и между претурой и пропретурой) должно было пройти пять лет.

12. Право на инсигнии, символизировавшие империй.

Магистратуры различались по социальному назначению: были чисто плебейские должностные лица (трибуны, плебейские эдилы), которые могли избираться только из числа плебеев и для целей социальной и правовой охраны именно этого слоя, и патрицианские.

По степени почетности магистратуры делились на курульные и некурульные (*curules* и *non curules*), смотря по тому, имели занимавшие их должностные лица право на отправление своих обязанностей, сидя на особом курульном кресле (*sella curulis*)⁷ или нет; к первым принадлежали: диктатор, начальник конницы, децемвиры, консулы, преторы, цензоры, курульные эдилы.

Магистратуры различались способом образования полномочий: большинство должностей были постоянными, обычными в публично-правовом порядке (*magistratus ordinaria*); но некоторые (диктатор, начальник конницы, децемвиры и т. п.) создавались только по чрезвычайным обстоятельствам, хотя и с учетом правовой традиции, и считались как бы выходящими из обычного порядка течения государственных дел (*magistratus extraordinaria*)⁸.

Все римские магистраты подразделялись на сенаторские (те, которые давали право на включение в состав сената) и на городские чины; первые, собственно, и были общегосударственными, с правительственной властью.

Различались еще высшие магистраты (*magistratus maiores*) и низшие (*minores*) (Gell. NA. XIII. 15. 4), причем основанием различия служило право на *auspicia maiora* или *minora*; к *magistratus maiores* относились диктаторы, консулы, преторы и цензоры; все остальные – *minores* – эдилы, квесторы, *viginti sex viri*, различные *curatores* и т. п. Высшие магистраты были все патрицианские до тех пор, пока плебеи не получили доступа к занятию этих должностей. Все они, исключая диктатора, избирались в центуриатских комициях, тогда как *magistratus minores* выбирались в трибутных комициях.

Первоначально на любую магистратуру (по *ius honorum*) мог быть избран каждый свободнорожденный полноправный римский гражданин (*cives optimo iure*), имевший право участия в народном собрании и доброе имя (проявившие трусость на войне, запятнавшие себя бесчестными и неблагоприятными поступками к соискательству магистратур не допускались); каких-либо особых условий пассивного избирательного права не существовало.

Однако поскольку деятельность магистратов не оплачивалась, и даже напротив, для исполнения высших должностей предполагались некоторые расходы для «блага города» (организация игр, шествий и т. п.), то само собой большинство магистратур могло занимать только людьми обеспеченными или даже богатыми.

Но с течением времени появляются некоторые ограничения.

По инициативе плебейского трибуна Л. Генуция в 342 г. до н. э. был принят плебисцит, по которому была запрещена *simulatio*, т. е. одновременное занятие двух ординарных магистратур (Liv. VII. 42, 2); было определено, чтобы никто не мог занимать той же самой должности во второй раз ранее 10 лет (*eundem magistratum, ni interfuerint decem anni, ne quis capito* (Cic. de Legg. III. 9)), хотя в затруднительных случаях сенат и народ, впоследствии же только первый, давали разрешение вступать в должность и ранее этого срока. Запрет на занятие той же должности до истечения 10 лет был подтвержден диктатором Суллой (App. B. C. C).

Тогда же было запрещено занятие одной и той же должности в течение двух и более лет (*continuatio*).

В императорское время повторение одной и той же магистратуры (*iteratio*) встречается только по отношению к консулату и притом без соблюдения какого-либо определенного срока между первым и вторым консульством, но так, что безпромежуточное повторение консулата не допускалось для частных лиц, составляя исключительную прерогативу самого императора.

Нечто подобное замечается и по отношению к квестуре, тем что квестор, прослуживший год в столице, на другой год мог быть отправлен в провинцию в качестве квестора проконсула. Но это была собственно проквестура, хотя проквесторы называются просто *quaestores*, но их служба никогда не обозначается как итерация, а, напротив, как самостоятельная должность. В области вигинтивирата беспрепятственно допускалось занятие двух разных должностей этого разряда: однако и это не составляло собственной итерации.

Август сделал избрание в магистраты зависящим от имущественного ценза: теперь мог быть магистратом только тот гражданин, который владел сенаторским цензом в 1.000.000 сестерциев. Все прочие граждане таким образом были лишены права на занятие магистратских должностей⁹.

В первые века Республики не был четко обозначен возрастной ценз для занятия магистратур. По словам Тацита (Annal. XI, 22), «магистратура была наградой за добродетели, и каждому гражданину, полагавшему, что он справится с нею, дозволялось ее домогаться; и даже возраст не мог быть препятствием к получению консульства или диктаторских полномочий, хотя бы и в ранней молодости».

Возрастной ценз, необходимый для избрания в магистраты был установлен с принятием в 180 г. до н. э. по предложению трибуна Л. Виллия так называемого *lex Villia annalis* (Liv. XL. 44). Этим законом предписывалось, что кандидат на должность квестора должен предварительно отбыть в течение 10 лет воинскую повинность (или, по крайней мере, в течение 10 лет предъясвлять себя к набору); а так как отбывание воинской повинности начиналось с 17 лет, то квестором можно было стать не ранее 27 лет. Виллиев закон устанавливал также обязательность интервала (не менее двух лет) для соискания следующей должности, т. е. минимальный возраст для вступления в каждую должность, и последовательность магистратур (*certus ordo magistratuum*).

Таким образом, в конце Республики установился определенный порядок пребывания на выборных должностях (*cursus honorum*). Он предполагал попеременное занятие гражданских и военных должностей. Гражданская составляющая включала выборы на должности члена коллегии 26 мужей, квестора, плебейского трибуна, эдила, цензора, претора, консула¹⁰.

Закон Виллия был исправлен согласно новым условиям законом Суллы – *lex Cornelia de magistratibus* (81 г. до н. э.). Этот закон уже прямо определял минимальный возраст для занятия каждой должности: для квестуры – не ранее 29-летнего возраста, претуры (после обязательного 10-летнего промежутка) по достижении 39, консулата – 42 лет; второго консулата – только через 10 лет после первого.

Избрание в указанном возрасте называлось избранием в «свой год» (*suo anno*) и являлось показателем успешной политической карьеры.

Октавиан Август, заменив республиканский строй системой принципата, занимал главенствующее положение по отношению к магистратам, что выражалось, в первую очередь, в возможности принцепса влиять на их избрание. *Ius intercessionis* позволяло ему запрещать магистратам любые их действия, а трибунское *ius coercitionis* давало Августу возможность принимать в отношении магистратов карательные-принудительные меры. Он устанавливал и изменял правила относительно порядка замещения должностей и полномочий должностных лиц.

Август сохранил республиканский порядок должностей. Но он обязал сыновей сенаторов и всадников с сенаторским цензом, перед тем, как претендовать на должность квестора, занимать в течение года должность военного трибуна в легионе (*tribunus militum laticlavus*) и члена коллегии 20-ти мужей (сменившей прежнюю коллегию 26-ти мужей). В виде милости годичный срок мог быть сокращен до полугода или даже вовсе прощен. Для занятия квестуры в самом начале принципата Августа установлен был 25-й год (Suet. Aug. XXXVII), а для претуры 30-й, для остальных магистратур возраст прямо не засвидетельствован, но из правил о промежутках между магистратурами вытекает 27-й год для народного трибуна или эдильства (эдильство было теперь сведено в одну степень с народным трибунатом, вследствие чего вся эта степень и обобщалась под названием *tribunicii*, т. е. степень, в основание которой были положены условия для занятия трибуна) и 33-й год для консульства.

Для должности военного трибуна, а также для вигинтивирата минимальным возрастом считался 18-й год, причем можно было начинать с той или другой должности, т. е. сперва быть трибуном, а потом вигинтивиром, или наоборот, занимать сперва вигинтивират, а потом только переходить на должность трибуна; со времени Флавиев установился первый порядок, как нормальный.

Все магистратуры можно было занимать и раньше положенного для них возраста, частью на основании законов о преимуществах отцов семейства¹¹, частью же просто по милости императора. Кроме того, для патрициев получалось сокращение сроков для занятия претуры и консулата вследствие того, что они были освобождены от промежуточной между квестурой и претурой степени народного трибуна или эдильства.

При последующих императорах последовательность занятия магистратур и временные промежутки между ними строго не соблюдались. Милостью императора возможно было достигать прямо высших должностей, миновав низшие; так, бывали народные трибуны,

не занимавшие перед тем квестуры; можно было получить претуру, не занимая ни народного трибуна, ни эдильства, а также консульство с пропуском претуры. Всякие льготы оформлялись на первых порах сенатским решением, но впоследствии, уже во времена Веспасиана, это дело входило всецело в компетенцию императора. Допускалось повторное отправление должностей через короткий промежуток времени, можно было одновременно занимать магистратуру и находиться на посту императорского чиновника.

Александр Север освободил от народного трибуна и эдильства вообще всех *quaestores candidati*, обязав их взамен этого устраивать игры за свой собственный счет. После этого должности эдила и народного трибуна вскоре совсем исчезают. После Александра Севера остались только: 1) квестура, 2) претура и 3) консулат.

Избрание магистратов производилось органами, представлявшими римский народ, — народными собраниями, причем разные по типу магистратуры избирались разными видами народных собраний. Поскольку почти все магистраты избирались сроком на один год, выборы проходили ежегодно.

В период Республики для получения выборной должности было необходимо: 1) личное заявление своей кандидатуры до комиций; 2) законный возраст; 3) безукоризненное телосложение; 4) постепенность и определенный порядок в отпращивании должностей; 5) между отдельными магистратурами должен был проходить определенный промежуток времени.

В древнейшие времена выборы, вероятно, происходили очень незадолго до конца официального года, и то же самое иногда случалось в более поздний республиканский период (Liv. XXXVIII. 42, XLII. 28, XLIII. 11).

Избирательный период официально открывался эдиктом, в котором назначался день народного собрания. Лицо, желавшее быть избранным на ту или другую должность (*petitor*), должно было заранее заявить о себе магистрату, созывавшему то народное собрание, в котором должны были происходить выборы; это называлось *professio nominis*. Такое заявление делалось только в пределах Рима, вероятно, на комиции. Имя гражданина, если он признавался отвечающим общеправовым и специальным цензовым требованиям, вносилось магистратом в список претендентов на соответствующую должность и публично выставлялось затем на форум не позже, чем за три нундины до дня комиций, и оставшееся время могло использоваться для предвыборной агитации¹².

Чтобы привлечь на свою сторону как можно больше будущих избирателей, претенденты на магистратуру старались вступать в непосредственное общение с массами граждан и привлекать к себе вни-

мание. С этой целью они посещали места сбора жителей Рима, форум, Марсово поле и др., особенно в базарные дни, и одевали особую белоснежную тогу (*toga candida*), в которой они перед этим являлись и на «собеседование» к магистрату, решавшему вопрос о допуске их к выборам в комициях¹³.

Предвыборная деятельность кандидатов у римлян получила название *ambitus*¹⁴.

В установленный день, при благоприятных ауспичиях, под председательством собиравшего народ магистрата, в комициях происходили выборы магистратов на следующий год. Однако в конце республиканского периода права народа в деле избрания магистратов стали ущемляться влиятельными политическими и военными деятелями. Так, Юлий Цезарь выборы магистратов «поделил с народом: за исключением соискателей консульства, половина кандидатов избиралась по желанию народа, половина – по назначению Цезаря. Назначал он их в коротких записках, рассылаемых по трибам: «Диктатор Цезарь – такой-то трибе. Предлагаю вашему вниманию такого-то, дабы он по вашему выбору получил искомое им звание» (Suet. Caes. XLI).

Август в силу своей трибунской власти присвоил себе право провешивать и утверждать заявленные кандидатуры. Вследствие этого, заявления кандидатов направлялись теперь прямо к императору, который уже от себя представлял консулам одобренный им список кандидатов. Одобрение и представление кандидатов императором сенату называлось *nominatio*.

Эта *nominatio* представляла собою по существу дела только удостоверение в том, что император признает данного кандидата подходящим для данной магистратуры и что поэтому он не намерен воспользоваться своей *tribunicia potestas* для опротестования его избрания. Наряду с ней существовала еще *commendatio*, которая представляла собой прямое ходатайство императора в пользу указываемого им кандидата перед избирательным собранием.

По республиканскому обычаю, на первых порах сам Август лично сопровождал рекомендуемых им кандидатов и обращался со своим ходатайством в их пользу к гражданам, собравшимся для комиций. Только уже на старости лет (впервые в 8 г. н. э.) он стал вывешивать письменные рекомендации своих кандидатов. Избрание рекомендованных императором кандидатов само собою являлось вполне обеспеченным, а по перенесении выборов в сенат даже обязательным, без голосования. Избранные по рекомендации императора назывались *candidati principis* (*Caesaris, imperatoris, Augusti*).

В деле рекомендации Август, по-видимому, не придерживался никаких определенных правил. Тиберий же рекомендовал на первых по-

рах не более четырех кандидатов. В последующее времена *candidati principis* встречаются в числе преторов, эдилов, народных трибунов и квесторов, при чем под названием *quaestores candidati principis* с прибавкой имени императора или и без такой прибавки (со времени Коммода просто *quaestores candidati*) понимались те квесторы, которые еще со времен Августа состояли в свите императора; после Александра Севера этот титул распространился и на других квесторов.

Напротив, в числе консулов совсем не имеются такие *candidati principis*, так как еще при первых императорах консульские выборы перешли всецело в руки императора путем приспособленной для этой цели *nominatio*, превратившейся в *destinatio*. Посредством *destinatio* уже в век Нерона консулы назначались самим императором. Эта *destinatio* могла установиться тем что император представлял сенату как раз столько кандидатов на консульскую должность, сколько консулов (*ordinarii* и *suffecti*) предполагалось избрать на предстоящий год, так что сенату оставалось лишь принять этих, кандидатов, и притом даже без голосования.

Когда *destinatio* распространена была и на все прочие магистратуры, то *commendatio* лишилась всякого практического смысла, а потому в позднейшие времена уже не встречается. Однако, термин *candidatus principis* остался, в связи с тем что император, представляя в сенат свой список кандидатов, отмечал в нем отдельно тех из них, кого он желал наградить этим почетным титулом.

Параллельно с избранием на магистратские должности, со времени Клавдия часто встречается *allectio inter quaestorios, tribunicios, aedilicios, praetorios*, а в III в. н. э. также *inter consulares*. Это означало приобретение, без предварительного занятия магистратуры, всех прав, присвоенных соответственному магистратскому рангу, как в составе сената, так и в дальнейшем движении по службе. Таким образом *allectio* получала характер суррогата магистратуры, но в противоположности к последней первая с самого же начала жаловалась непосредственно властью императора.

После того как при Тиберии магистратские выборы были перенесены в сенат (Tac. Annal. I, 15), император, если он сам председательствовал, делал лично доклад сенату о кандидатах. Само собою разумеется, что император, сообразуясь не только с заслугами кандидатов, но и со своим благорасположением к ним, мог представлять любое количество одобренных им кандидатур: количество представленных императором кандидатов могло превышать количество магистратских мест, но оно могло быть и меньше. Последний способ принят был Августом, а затем и Тиберием. По отношению к претуре они представляли только по 12 кандидатов на эту должность, хотя общее число преторов в конце правления Августа доходило до 16. По

отношению к консулату Тиберий представлял всех кандидатов, сопровождая их список своими замечаниями. Таким образом оставался некоторый простор для предвыборной агитации и получалось подобие свободы выборов.

Можно сказать, что Тиберием был применен к магистратским выборам способ предварительной сенатской *auctoritas*. Подобно тому, как прежде сенат рассматривал и одобрял законы, вносимые в комиции, так теперь сенату предоставлено было право составлять предварительный список кандидатов на все магистратские должности, который и вносился на утверждение комиций уже в готовом виде, наподобие законопроектов (D. C. LVIII. 20; Plin. Paneg. LXXVII; Tac. Annal. IV. 68). А так как решение комиций в то время имело уже только формальное значение, то предварительное составление сенатом списка кандидатов, подлежащих только утверждению комиций, оказалось равносильным перенесению собственных выборов в сенат. Нововведение Тиберия освобождало сенаторов, в качестве кандидатов на магистратуры, от необходимости предвыборной агитации среди простых граждан. Но в действительности оно упрощало только форму влияния императора на результаты магистратских выборов в такой степени, что император оказался главным, а впоследствии единственным избирателем магистратов.

Таким образом, со времени Тиберия в избрании магистратов различаются действия трех инстанций: 1) оценка кандидатур со стороны императора; 2) выборы в сенате, происходившие частью голосованием, частью простой аккламацией; 3) утверждение этих выборов в комициях в форме *renuntiatio*. В III в. н. э. последние две инстанции оказываются уже совершенно устраненными, так что избрание магистратов также и с внешней стороны является всецело актом императорской власти. По существу же дела император признавался собственным избирателем магистратов еще в век Веспасиана.

Калигула вновь перенес выборы магистратов в народные собрания (Suet. Calig. XVI), но последовавшие за тем изменения в характере власти свели эти установления на нет.

В век Плиния провозглашение каждого кандидата на должность консула сопровождалось криками одобрения со стороны сенаторов; вслед за этим сенаторы, а также и сам император (если он присутствовал в заседании) поздравляли кандидата с избранием, несмотря на то, что предстояло еще совершить обряд комициальной *renuntiatio*. Таким же образом, вследствие уравнивания количества кандидатов с количеством магистратских вакансий, кандидатская *nominatio* с течением времени превратилась в *destinatio* также и по отношению к остальным магистратурам, и этим положен был конец избирательной компетенции сената.

Также и пожалование магистратских *ornamenta* означало у сенаторов перечисление из низшего разряда в соответствующий высший ранг. Сенаторские *ornamenta consularia* и *praetoria* встречаются еще в конце Республики затем при Цезаре и в первые времена Империи. Однако, по республиканским порядкам, посредством *ornamenta* приобреталось место в соответствующем разряде только для голосования в сенате. Напротив, по отношению к занятию магистратур *ornamenta* не имели прямого значения: магистратские должности должны были приобретаться обычным порядком, независимо от *ornamenta*. Так это оставалось и в первые времена Империи, однако с тем, что получивший *ornamenta* мог после этого приобрести ту магистратуру, которой касались его *ornamenta*, с обходом всех низших магистратур. Первый пример этого рода представляет сам Август, который, получив в 43 г. до н. э. *ornamenta consularia*, вслед за этим добился избрания в консулы. Соответственно этому и лица, получившие *ornamenta praetoria*, после этого получали претуру. Со времен Флавиев, когда появилась *allectio*, дававшая все права соответственного разряда, пожалование простых *ornamenta* сенаторам вышло из употребления.

Пока при выборах магистратов сохранялись комициальные порядки с производством голосования, магистраты избирались по категориям в разные дни, сперва консулы, потом преторы и т. д. Эта постепенность осталась и по перенесении выборов в сенат. Назначение месяца и дней выборов зависело от усмотрения императора. Но вообще выборы производились за несколько месяцев до наступления нового года. Только *consules suffecti* избирались уже в течение того года, когда они должны были вступить в должность, а именно при Траяне в самых первых числах января. При этом сразу избирались все пары консулов-суффектов этого года.

После объявления результатов выборов вновь избранные магистраты до момента вступления в должность имели официальный статус «обозначенных» (*designati*). Десигнированные консулы и преторы имели право издавать эдикты касательно их будущей деятельности, которые приобретали силу в момент вступления в должность их автора. В случае необходимости еще до вступления в должность избранные магистраты бросали жребий по поводу распределения провинций и полномочий. Если к моменту избрания они еще не были членами сената, то после избрания они получали право участвовать в заседаниях сената и первыми высказывали мнение при обсуждении вопросов порядка дня.

Провозглашенные императором в сенате кандидаты становились *magistratus designati* собственно только после произведенной на Марсовом поле комициальной *renuntiatio*; до этого момента они продолжали оставаться на положении кандидатов. Однако так как

renuntiatio, лишенная всякого практического значения для результатов выборов, являлась простою традиционной формальностью, то императорская *destinatio* обозначалась также, как *designatio*.

Новоизбранные должностные лица занимали свою должность в течение одного года, если только не встречалось надобности в назначении новых на их место – *suffecti*. В целом, соблюдалось правило, что магистраты должны вступать в должность в календы или иды, если только определенные обстоятельства этому не препятствовали; но сами месяцы в разные времена были разными; известно не менее восьми–девяти месяцев, в которые консулы приступали к своим обязанностям. Реальная причина заключалась в том, что магистраты избирались на целый год, и если незадолго до конца года должности освобождалась в результате смерти или отставки, – их преемники, конечно, приступали к обязанностям в необычный день. В период поздней Республики народные трибуны вступали в должность 10 декабря, квесторы – 5 декабря, остальные магистраты – 1 января.

Сроки вступления в должность сохранены были Августом в том же виде.

В случае избрания предусматривалась дополнительная процедура вступления магистратов в должность. В республиканское время новые магистраты в течение первых пяти дней своей службы приносили присягу в соблюдении законов (*iurare in leges*), что совершалось в общем хранилище законов, в храме Сатурна, в присутствии квестора. Без этой процедуры, которая была как бы узаконением получения им от римского народа полномочий, избранный кандидат не считался полноправным магистратом и не мог исполнять своих обязанностей¹⁵.

В императорское время это получило форму клятвы *in acta principum*, под которыми понимались распоряжения как правящего императора, так и всех его предшественников, за исключением тех, которые подверглись *damnatio memoriae*. Эта клятва давалась всеми магистратами 1 января. Сверх традиционных молитв (*vota*), произносимых консулами 1 января во время жертвоприношения на Капитолии и касавшихся общего блага государства, введены были еще специальные *vota* за благоденствие императора и его фамилии, справлявшиеся торжественно 3 января.

В республиканское время избранный кандидат, если он принадлежал к числу *magistratus cum imperio*, должен был получить еще *lex curiata de imperio*. Магистрат сам вносил (обычно в течение первых пяти дней исполнения должности) в куриатные комиции закон о предоставлении ему империя. Возможно, что магистрат вносил в комиции куриатный закон не только для себя, но и для своего коллеги. Этот *lex curiata de imperio* легитимизировал наделение магистрата полномочиями, которые он фактически получал по результа-

там избирательных комиций. В конце Республики этот акт совершался одновременно для всех магистратов города и притом 30 ликторами как представителями 30 курий. Но он касался лишь тех магистратов, которые были выбраны народом в комициях, т. е. не касался народных трибунов и плебейских эдилов, избранных в *concilia plebis*. При императорах республиканский *lex curiata de imperio* был отменен.

Дни вступления высших магистратов в должность являлись торжественными (*dies solemnis*). Утром в день вступления в должность новые консулы совершали ауспиции, одевали тогу претексту, в сопровождении ликторов, друзей и знакомых отправлялись на Капитолий, чтобы там впервые воссесть в курульное кресло, приносили благодарственную жертву Юпитеру за то, что он покровительствовал римской общине в минувшем году, и за то, что он будет это делать и в наступившем году. После этого они созывали первое заседание сената, по окончании которого в том же сопровождении возвращались в свой дом.

Новые магистраты вскоре по вступлении в должность сообщали справляли Латинский праздник на Альбанской горе; на время отсутствия в Риме магистратов назначался специальный префект города (*praefectus urbi*). Одновременно с альбанским праздником устраивались бега на Капитолии. С течением времени к этому присоединились еще игры в цирке, устраиваемые в Риме консулами по поводу вступления их в должность, и притом не только ординарными консулами в январе, но и *consules suffecti* в начале своего служебного срока. Вероятно, в связи с этими вступительными играми консулам тогда и присвоен был наряд триумфатора в день вступления в должность.

Отстранение (*abrogatio*) выборного должностного лица от должности первоначально было делом несслыханным. Народный трибун Тиберий Гракх впервые заставил отказаться своего товарища по должности М. Октавия.

Юлий Цезарь (В. С. III, 21) сообщает об отстранении от должности претора консулом по постановлению сената.

В императорское время император, на основании своей *tribunicia potestas*, мог отрешить магистрата от дел и даже заставить его сложить должность до истечения срока; в последнем случае вплоть до времен Флавиев низложение магистрата оформлялось путем комической *abrogatio*.

Досрочно прекратить выполнение служебных полномочий магистрат мог и по собственной инициативе. Такая отставка называлась *abdicatio* (абдикация). Десигнированные магистраты могли отказаться от вступления в должность, если получали информацию о том, что они были избраны при неблагоприятных ауспициях (Liv. IV 7, 3; V 17, 2, 3; VIII 15, 6). Находясь в Риме (но не во время военного по-

хода), магистрат мог отказаться от должности по причине болезни (D. C. XLIX 43, 7) или чтобы не препятствовать проведению расследования преступления, в котором его обвинили (D. C. LVII 21, 2). Цензор отказывался от должности в случае смерти своего коллеги (Liv. VI 27, 4; XXIV 43, 4; XXVII 6, 18; Plu. Q R. L).

При окончании своего служебного срока магистраты должны были находиться в Риме. Каждый из них должен был представить в сенат финансовый отчет. В последний день исполнения своих обязанностей магистрат торжественно слагал с себя должность и с ростральной трибуны на форуме перед собравшейся толпой граждан (contio). При этом он сообщал народу о своих заслугах и достижениях и приносил клятву (eiurare magistratum) в том, что за время пребывания у власти «не совершил ничего против законов» (Plin. Iun. Paneg. LXIV)¹⁶. Такая речь перед гражданами заканчивалась фразой: *Feci, quod potui, faciant meliora potentes* («Я сделал все, что мог, и пусть те, кто может, сделают лучше»).

Республиканскими заместителями царей после изгнания последнего из них из Рима стали два консула (consules), в древнейшее время называвшиеся praetores (чем оттенялась их военная функция: praetor = prae-itor, «идущий впереди, возглавляющий»). Следы этого титула встречаются в древних законодательных и религиозных документах (Liv. VII. 3; Plin. H. N. VIII. 3), а также в названиях praetorium (палатка консула) и porta praetoria в римском лагере. Иногда они также обозначаются словом iudices («судьи»), хотя, по-видимому, оно никогда не было их официальным титулом, а только указывало на их судебные полномочия (Varro. L. L. VI. 9; Liv. III. 55).

После учреждения претуры консулы стали называться praetores maximi, а название consules окончательно утвердилось за этими магистратами только в 305 г. до н. э. (Zon. VII. 19) и в дальнейшем оставалось общепринятым титулом до самого падения Римской империи. Название, вероятно, состоит из con и sul; таким образом, консулы – это «идущие вместе», подобно тому, как exul – «выходящий», а praesul – «идущий впереди».

В республиканские времена консульство рассматривалось как высшая должность и величайшая честь, какая только может быть оказана человеку (Cic. p. Planc. XXV; D. H. IV. 76). Консулы были магистратами-эпонимами, официально год у римлян обозначался именами ординарных консулов этого года. Однако на практике чаще применялся счет лет от основания города (Рима).

До 366 г. до н. э. консульство было доступно только патрициям, но в этом году Л. Секстий стал первым плебейским консулом благодаря закону Г. Лициния (lex Licinia), которым устанавливалось, что один из консулов должен быть непременно плебей (Liv. VI. 42; VII. 1).

В 342 г. до н. э. был проведен плебисцит, разрешавший обоим консулам избирать из плебеев (Liv. VII. 42). Кандидаты обычно подразделялись на две группы: одна из них желала получить патрицианское, а вторая – плебейское консульское место. Но по мере того, как патриции оказались отодвинуты в тень растущим влиянием нобилей, случалось, что оба консула были плебеями.

Консульские выборы происходили в центуриатных комициях под руководством консула или диктатора, который назначался специально для этого и должен был сложить власть тотчас по окончании выборов, а в случае их отсутствия – интеррекса. Консулы, выбранные на начало года, назывались ординарными консулами (consules ordinarii), в отличие от суффектов (suffecti), которые избирались на место тех, кто умер или отказался от должности.

Но первая после изгнания царей пара консулов была избрана центуриатными комициями под председательством префекта города (Liv. I, 60).

После того, как первое января было зафиксировано как день вступления в должность¹⁷, консульские комиции обычно проводились в июле или даже раньше (Cic. ad Att. I. 16; ad Fam. VIII. 4).

Во время пребывания консулов в городе знаки, присвоенные их званию, insignia¹⁸, были: у каждого по 12 lictores, со связками прутьев (fasces) (Liv. XXIV. 44; Val. Max. II. 2 § 4). Во избежание излишних споров и соперничества с самого начала было решено, что консулы должны исполнять свои должностные обязанности по очереди, меняясь каждый месяц (D. H. IX. 43); того из них, кому в данном месяце принадлежала консульская власть, сопровождали двенадцать ликторов. В древнейшие времена его коллегу ликторы не сопровождали вообще, либо ему предшествовал акценз, а ликторы следовали за ним (Cic. de Re Publ. II. 31; Liv. II. 1; III. 33; ср. D. H. V. 2; X. 24). Что касается последующего времени, то можно с уверенностью утверждать, что за консулом, не исполняющим должностные обязанности, следовало 12 ликторов (Suet. Caes. XX); время возникновения этого обычая неясно.

Вступление консула в должность сопровождалось множеством ритуалов: до рассвета каждый из них совершал для себя ауспиции. Каков бы ни был характер ауспиций, вступление в должность никогда из-за этого не отменялось и не откладывалось, видимо, целью являлось просто получение благоприятных знамений от богов и, если они были, – передача под покровительство богов должности, в которую вступал магистрат. После совершения ауспиций консул возвращался домой, надевал тогу претексту (Liv. XXI. 63) и принимал приветствия (salutatio) от своих друзей и сенаторов (D. C. LVIII. 5). Сопровождаемый ликторами, шедшими во главе процессии, всадниками, которые шли перед консулом, и сенаторами, шедшими за

ним, толпой любопытных зрителей, консул надевал официальное облачение и отправлялся в храм Юпитера на Капитолии (*processus consularis*), где торжественно приносил в жертву богу белых быков (*Liv. XXI. 63; XXII. 1*). Если новым консулам предстояло отправиться на войну, они приносили обет Юпитеру Капитолийскому¹⁹.

Затем начиналось заседание сената, на котором старший из двух консулов докладывал о положении дел в государстве, начиная с религиозных вопросов и далее переходя к прочим делам (*referre ad senatum de rebus divinis et humanis, Liv. VI. 1, IX. 8, XXXVII. 1; Cic. ad Quir. post Red. V*). Среди религиозных вопросов консулы прежде всего должны были уделить внимание назначению Латинских празднеств (*feriae Latinae*), и до совершения торжественного жертвоприношения на Альбанской горе они не могли выехать в свои провинции (*Liv. XXI. 63, XXII. 1, XXV. 12, XLII. 10*). Другие дела, о которых консулы докладывали сенату, касались распределения провинций и других проблем управления. После этих выступлений заседание сената прекращалось, и сенаторы сопровождали консулов домой (*Op. ex Pont. IV. 4. 41*); таким образом, консулы официально вступали в должность.

В императорское время консулы, приступая к выполнению своих обязанностей, приносили присягу на верность распоряжениям императора (*in acta principum iurarent magistratus*) (*Tac. Annal. XIII, 11*).

В одном из заседаний сената, в присутствии императора, вновь назначенные консулы произносили благодарственную речь императору. Также и первый эдикт новых консулов заключал в себе выражение благодарности императору (в республиканское время такая благодарность произносилась в первой *contio* по адресу народа).

Вступив в должность, консулы договаривались друг с другом о том, каким делом каждый из них будет заниматься; так что каждый имел особую сферу ведения, называвшуюся его провинцией (*provincia*). Обычно провинции распределялись по жребию (*sortiri provincias*), если только коллеги не договаривались между собой без применения этого средства урегулирования (*comparare inter se provincias*) (*Liv. XXIV. 10; XXX. 1; XXXII. 8; Cic. ad Fam. I. 9*). По жребию консулы могли решать вопросы о том, кто из них будет руководить консульскими или цензорскими выборами (*Liv. XXIV. 10; XXXV. 6, 20; XXXIX. 32; XLI. 6*), кто будет освящать храм (*Liv. II. 8, 27*) или назначать диктатора (*Liv. IV. 26*). В те времена, когда консулы должны были осуществлять ценз, они тянули жребий о том, кто из них *conderet lustrum*, и даже отправляясь в совместный поход, они, видимо, по жребию определяли направление действий каждого (*Liv. XLI. 18*). Сенат, однако, неоднократно старался оставить право назначения за собой и распределять провинции. Например, если считалось, что один из консулов особенно соответствует определенной провинции, – благодаря его опыту

или личным качествам – ему давалось поручение *extra sortem* или *extra ordinem*, т. е. сенатом и без метания жребия (*Liv. III. 2; VIII. 16; XXXVII. 1; Cic. ad Att. I. 19; ср. Liv. XXXV. 20; XLI. 8*).

Если один из консулов выступал в поход, то он назывался *consul armatus* («вооруженный консул»), а остававшийся в Риме – *consul togatus* («консул в тоге»).

С основанием Республики консулам были вручены все полномочия, ранее принадлежавшие царю, за исключением полномочий царя как верховного жреца в государстве; их отделили от прочих и передали жреческой должности царя священнодействий (*rex sacrorum* или *rex sacrificulus*).

Компетенция обоих консулов была одинакова. Во избежание противоборства между консулами, они выполняли обязанности в городе через месяц.

Консулы имели право созывать народные собрания (*ius cum populo agendi*), председательствовали в комициях, вносили предложения (*rogationes*) и контролировали их исполнение. Они руководили выборами магистратов. Только низшие магистраты, начиная с вигинтисексвиров, избирались под председательством преторов. Экстраординарные магистраты избирались под председательством консула или городского претора.

Консулам принадлежало право созывать сенат (*ius cum patribus agendi*), вносить на его рассмотрение вопросы (*ius referendi*), контролировать исполнение принятых сенатом постановлений, Через посредство консулов на рассмотрение сената поступали вопросы внешней политики: от них сенат узнавал обо всех сообщениях от римских полководцев, они вводили в сенат иноземных послов, вели переговоры между сенатом и иностранными государствами (*Plb. VI. 12*).

Им, как избранным блюстителям государства, *tutores rei publicae*, должны были повиноваться все магистраты, за исключением народных трибунов. Консулы контролировали весь внутренний механизм республики; для увеличения веса своей исполнительной власти они имели право вызывать и арестовать непокорных (*vocatio* и *prensio*) (*Cic. in Vat. IX; p. Dom. XLI*), которое было ограничено только правом апелляции на их приговор (*provocatio*); право консулов налагать наказания могло использоваться даже в отношении низших магистратов.

В городе они не имели *imperium*; эта неограниченная верховная власть предоставлялась им только во время похода на основании особого решения куриатских комиций и заключала в себе *ius vitae necisque* («право жизни и смерти»). В древнейшие времена, по видимому, было принято, чтобы лишь один из консулов отправлялся командовать войском, второй же оставался в Риме для защиты города и руководства гражданскими делами, – если только войны не ве-

лись двумя разными лагерями, что требовало присутствия на фронте обоих консулов (D. Н. VI. 24, 91; ср. Liv. III. 4, 22; VII. 38). Даже когда Риму приходилось сражаться с одним грозным врагом, оба консула отправлялись на войну вместе (Liv. II. 44; III. 8, 66; VIII. 6), но силы были разделены между ними поровну, так что каждый командовал двумя легионами и принадлежавшими к ним союзными войсками (*exercitus consularis*), и по очереди, через день, осуществлял верховное командование (Plb. III. 107, 110; VI. 26; Liv. IV. 46, XXII. 27, 41; XXVIII. 9).

Перед началом военных действий консул посещал святилище Марса, где сдвигал священные щиты (анцилии) и копье Марса со словами: «Марс, бодрствуй». Смысл его действий достаточно прозрачен – активизировать божественные силы, помогающие на войне.

После того, как сенат принимал постановление о наборе в армию, консулы осуществляли набор и, прежде всего, назначали офицеров, военных трибунов (впоследствии это право было предоставлено народному собранию), определяли, какой контингент должны выставить союзники, предводительствовали на войне, заведовали хозяйством своей армии по денежной и интендантской части (с правом чеканить монету), руководили военными судами и т. п.; а солдаты должны были приносить клятву верности консулам.

Казна находилась под контролем сената; но, видимо, в отношении военных издержек консулы не были ограничены суммами, отпущенными этим органом, а могли использовать государственные деньги, как того требовали обстоятельства; квесторы, однако, вели строгую отчетность по этим суммам (Plb. VI. 12, 13, 15; Liv. XLIV. 16). Но когда возникала необходимость взять деньги из священной казны (*aerarium sanctius*), – ключи от которой, по-видимому, находились в исключительном распоряжении консулов, – последние должны были получить разрешение сената (Liv. XXVII. 10). В древние времена консулы имели право распоряжаться добычей по своему усмотрению; иногда они полностью или частично распределяли ее среди солдат, а иногда продавали и помещали вырученную сумму в государственную казну – что в позднейшие времена стало обычной практикой.

Консул вел военные действия по своему усмотрению и имел неограниченную власть. Однако после окончания военных действий он мог быть привлечен к ответственности за свои ошибки, например, за чрезмерное расходование государственных денег.

Первое ограничение военной власти консулов произошло в 227 г. до н. э., когда Сицилия стала отдельной провинцией, получила своего наместника (*praetor*) и оказалась за пределами консульской юрисдикции.

С расширением территории Римского государства двух консулов оказалось недостаточно для ведения войн; поэтому было увеличено

число преторов и провинции были разделены на консульские и преторские (*provinciae consulares* и *praetoriae*) (Liv. XLI. 8): разделение же это зависело каждый раз от сената, а т. к. при этом назначении часто играли большую роль личные отношения, то законом Г. Гракха (*lex Sempronia de provinciis consularibus*) в 122 г. до н. э. было постановлено, чтобы определение о том, какие провинции будут назначены консульскими, решал сенат, и это определялось либо до вступления магистратов в должность (Liv. XXI. 17), либо после этого, по предложению консулов (Liv. XXV. 1; XXVI. 28; XXVII. 7).

Когда консул находился в провинции, его империй был ограничен ее территорией, и использование этого империя в любой другой провинции во все времена считалось незаконным (Liv. X. 37; XXIX. 19; XXXI. 48; XLIII. 1). С другой стороны, консулу не дозволялось покидать провинцию до выполнения той задачи, ради которой он был туда послан, либо до прибытия преемника – если только он не получал специальное разрешение сената (Liv. XXXVII. 47).

Злоупотребления консульской властью предотвращались, прежде всего, благодаря тому, что каждый из консулов зависел от своего коллеги, наделенного равными правами, ибо, – исключая заморские провинции, в которых каждый консул обладал неограниченной властью, – два консула не могли ничего предпринять, если не были единодушны (D. Н. X. 17; App. В. С. II. 11), и на приговор консула можно было апеллировать к его коллеге; более того, один консул мог по собственной инициативе наложить вето на действия другого (Liv. II. 18, 27; III. 34; D. Н. V. 9; Cic. de Legg. III. 4). Власть консулов ограничивалась народными трибунами. На их решения можно было апеллировать к народу, по закону *lex de provocatione*.

Впрочем, по сложению с них звания, их можно было привлекать к ответственности за их действия по должности²⁰.

Иногда бывало, что полномочия консулов, столь ограниченные республиканскими установлениями, расценивались как недостаточные для спасения Республики от угрожающих ей опасностей, и в этих случаях сенатское постановление (так называемое *senatus consultum ultimum* или *senatus consultum extremum* (Caes. В. С. I, 5)) по формуле: «пусть консулы смотрят, чтобы Республика не понесла какого-либо ущерба» (*videant consules, ne quid detrimenti capiat res publica*) предоставляло им полную диктаторскую власть, не ограниченную ни сенатом, ни народом, ни трибунами. Оно давало консулам *domi imperium atque iudicium summum* (Sall. Cat. XXIX; Cic. Mil. XXVI), право казнить римского гражданина без формального суда. В древние времена такие постановления сената упоминаются редко, ибо в чрезвычайных обстоятельствах было принято назначать диктатора; но когда диктатура вышла из употребления, сенат с помо-

щью вышеприведенной формулы на время облакал консулов диктаторской властью. В 121 г. до н. э. такое постановление было принято для борьбы с движением Гая Гракха, затем в 100 г. до н. э. для борьбы против Сатурнина, в 77 до н. э. – против Лепида, в 63 г. до н. э. – против Катилины, затем в 62, 52, 49, 48 и 40 гг. до н. э.

По мере постепенного развития конституции некоторые важные функции были отделены от консульства и переданы новым должностным лицам.

С учреждением в 443 г. до н. э. цензуры консулы перестали проводить ценз римских граждан и заведовать финансами.

Высшая судебная власть была снята с консулов в 366 г. до н. э. и передана в ведомство вновь учрежденной должности преторов. С тех пор консулы действовали как судьи в особых делах криминального характера, когда постановление сената уполномочивало их на это (Cic. Brut. XXXII; Liv. XXXIX. 17; XLI. 9). За консулами осталась также *iurisdictio voluntaria*, но к концу Республики и юрисдикция по бесспорным делам почти целиком перешла к преторам, не исключая даже акта отпущения на волю. Но консул мог, если пожелал, наравне со всяким другим магистратом *cum imperio*, совершить, например, отпуск раба на волю (*manumissio*) собственной властью. В этом виде дело осталось и в императорское время. Консульские *manumissiones* встречаются еще в диоклетиановский период, но только в виде исключительного явления, по случаю вступления в должность.

В конце Республики консульство потеряло свою силу и значимость. Сулла, будучи диктатором, сохранил, однако, консульство; но это была только тень прежней высшей власти. При Сулле консулы должны были весь срок пребывания в должности находиться в Риме, а в провинции отправлялись на следующий год в качестве проконсулов. Таким образом консулы потеряли военный империй и больше его не получили назад. Только в исключительных случаях (во время войны с Митридатом, во время восстания Ариовиста) специальным решением сената руководство войной поручалось консулам.

В 53 г. до н. э. постановление сената, а через год – закон Помпея установили, что консул или претор не должен выезжать в провинцию ранее, чем через пять лет после сложения своих полномочий (D. C. XL. 46, 56).

Помпей, не будучи консулом, на самом деле был гораздо могущественнее выборных консулов. Цезарь занимал должность консула, одновременно будучи диктатором. В консулы он был избран сначала на пять лет, затем на десять и наконец пожизненно. (Suet. Caes. LXXXVI; LXXX; D. C. XLII. 20; XLIII. 1, 46, 49; App. B. C. II. 106). Желая наградить своих друзей, Цезарь и другие триумвиры обеспечивали им избрание в консулы иногда на несколько месяцев, а иногда даже на несколько

часов (Suet. Caes. LXXXVI; LXXX; Nero, XV; D. C. XLVIII. 32, 35; Macr. Sat. II. 3). Еще раз после смерти Цезаря в 43 г. до н. э. в лице Гирция и Пансы возникло консульство как законная распорядительная власть в государстве, но новый триумвират снова лишил его значения.

В начале правления Августа избиравшиеся консулы не оставались в должности полный год, но обычно слагали с себя полномочия через несколько месяцев. (D. C. XLVIII. 35; XLIII. 46). Сам Август занимал должность консула 13 раз (RGDA. IV. 4). Светоний пишет (Aug. XXVI): «Пять средних консульств, с шестого по десятое, он занимал по году, остальные – по девять, по шесть, по четыре или три месяца, а второе – в течение лишь нескольких часов: в день нового года он с утра сел на консульское кресло перед храмом Юпитера и, недолго посидев, сложил должность и назначил себе преемника. Не всегда он вступал в должность в Риме: четвертое консульство он принял к Азии, пятое – на острове Самосе, восьмое и девятое – в Тарраконе».

В последние годы правления Августа годовые консульства встречаются лишь изредка. Это наблюдается и при его ближайших преемниках на императорском престоле, а при Нероне их совсем уже не бывало.

Постепенно стало нормой, что на один год избирается несколько пар консулов. Первая из них, вступавшая в должность 1 января (*consules ordinarii*) и дававшая имя году, избиралась осенью предыдущего года, а остальные (*consules suffecti*) – в начале того года, на который припадало их пребывание в должности консула.

Для сокращения срока консульства не существовало никакого определенного правила. Со времени Веспасиана этот срок не превышал четырех месяцев и сокращался нередко, особенно в III в. н. э., до двух месяцев. В правление Коммода в один год было 25 консулов (SHA. v. Commod. VI; D. C. LXXII. 12).

Сами императоры принимали консульскую должность обыкновенно только на самое короткое время. Они вступали в должность 1 января (т. е., всегда были ординарными консулами) и слагали ее через месяц или два (D. C. LIII. 32; Tac. Hist. I. 77). Нерон занимал должность консула четырежды (Suet. Nero. XIV), Веспасиан за время своего правления был консулом восемь раз (Suet. Vesp. VIII), Домициан был в должности консула 17 раз (Suet. Domic. XIII) – шесть раз до прихода к власти и 11 после.

Главной причиной сокращенных сроков консульской должности была потребность достаточного запаса претендентов на должности консульского ранга; при некоторых императорах имело значение и недоверие императора к слишком продолжительной консульской власти. Коммод извлекал из консульских должностей материальную выгоду, продавая их за деньги.

Сокращенные сроки консульства впоследствии обозначались словом *nundinium*.

В Империи консулы лишились военного командования. Официальные функции консулов были следующими:

1. Консулы председательствовали в сенате (хотя, конечно, только с позволения императора) и в комициях (пока они еще функционировали).

В качестве председателей сената, консулы являлись не только высшими магистратами римской общины, но в то же время и собственными представителями государственной идеи восстановленной Августом республики. Согласно с этим Август, впад в тяжкую болезнь в 23 г. до н. э., вручил списки войск и денег консулу Пизону. Еще Тиберий признавал теоретическое преимущество консульского звания перед императорским, вставая при появлении консулов и уступая им дорогу. В действительности же еще с 22 г. до н. э. консулы, также как председатели сената, были подчинены императору не только фактически, но и формально. С тех пор представление о консулах, как носителях римской государственной идеи, оживало вновь только при смене императора, да и то только формально, так как власть находилась в руках военачальников, а ведение дел в руках бюрократии. По мере умаления первоначального значения сената умалялось и значение самих консулов.

2. Наиболее отличительную черту консульских функций в императорское время в сравнении с порядками конца Республики составляло обширное привлечение консулов к юрисдикции. Консулы, вследствие присвоения им юрисдикции, от которой они были освобождены со времени учреждения претуры, сделались как бы только высшим разрядом преторов.

Еще при Августе консулы, наряду с преторами, были привлечены к участию в гражданской юрисдикции по спорным делам (*iurisdictio contentiosa*). Дела этого рода консулы могли направлять к преторам, но также решать собственной властью или через назначенных ими самими *iudices*. На решения последних допускалась апелляция к сенату, а на решение консулов – к императору или, со времени Марка Аврелия, к сенату.

Уже при Августе, но в особенности со времени Тиберия, консулы оказывались причастными и к уголовному судопроизводству, но только в тех делах, которые подлежали сенатскому суду. В качестве председателей сената консулы в таких делах принимали жалобу обвинителя, делали о ней доклад в сенате, руководя здесь разбором дела, и исполняли приговор сената при помощи своих квесторов и ликторов.

При Августе был создан новый вид юрисдикции по исполнению завещаний – так называемая *fideicommissa*, т. е. такие статьи завещаний,

исполнение которых предоставлялось добросовестному усмотрению наследников. Со времени Августа наблюдение за *fideicommissa* поручено было консулам. При Клавдии это дело было разделено между консулами и преторами в зависимости от величины суммы: крупные дела направлялись к консулам, а для более мелких назначены были тогда два *praetores fideicommissarii*.

Клавдий поручил консулам также и назначение опекунов с правом принуждать их к исполнению их обязанностей и требовать с них для этой цели соответственного залога. Со времени Марка Аврелия опекунские дела перешли к особому *praetor tutelaris*.

Наконец, консулы, в качестве председателей сената, действовали также во второй инстанции по апелляциям на приговоры муниципальных судебных властей, правителей сенатских провинций, если только император сам не принимал таких апелляций.

3. В последние времена Республики в те годы, когда не было налицо цензоров, консулы исполняли хозяйственные обязанности цензоров, сдавали в аренду государственные доходы и подряды. Так это осталось и при Августе. Но еще при Августе требовалось содействие консулам в этом деле со стороны начальников эрария; при Клавдии последним принадлежало это дело уже всецело, поскольку оно не входило в компетенцию других императорских чиновников.

4. В республиканское время консулы устраивали только чрезвычайные игры. Это осталось и во времена Империи. Но при Августе консулам поручено было устройство некоторых ежегодных игр: 2 сентября в память победы при Акции и 23 сентября в день рождения Августа. После Августа консульские игры снова приняли характер случайного и даже добровольного приношения народу, особенно по случаю вступления в должность, но и в других случаях, например, в день рождения императора. Проведение цирковых игр и государственных торжеств в честь императоров, которые они должны были оплачивать из своих собственных средств (*Suet. Nero. IV*), превратилось в обычай, тяготевший консулов еще во времена Клавдия и настолько обязательный, что они не могли избавиться от него иначе, так только путем сложения должности. Обязанность консулов давать игры в цирке перешла и в период домината.

В период поздней Империи обычно существовали почетные консулы (*consules honorarii*), избираемые сенатом и утверждаемые императором, а консулы-суффекты в это время практически совсем не упоминаются, ибо Константин возродил древний обычай назначать только двух консулов – одного в Константинополе, второго в Риме, – которые должны были выполнять обязанности верховных судей (под руководством императора) в течение всего года, и, кроме этих двоих, не было никого, за исключением почетных консулов и консу-

ляров. Хотя достоинство этих почетных консулов, так же, как ординарных консулов и консулов-суффектов, было лишь номинальным, тем не менее, оно считалось высшим в империи, и знатные и богатые люди добивались этой должности с огромным рвением, невзирая на связанные с ней значительные расходы на общественные развлечения, которые новоизбранный консул должен был устроить для своих друзей и народа. Иногда сами императоры принимали консульскую должность или передавали ее наследникам императорского престола. Последним консулом в Риме был Децим Теодор Паулин в 536 г., а в Константинополе – Флавий Базилий Юниор в 541 г. После этого императоры Востока сами принимали титул консула до тех пор, пока он окончательно не был предан забвению.

Претора была учреждена для патрициев по законам Лициния – Секстия в 366 г. до н. э. Помпоний писал (Dig. I. II. 2. § 27): «Так как консулы отзывались (из Рима) войнами с соседями и в государстве не было никого, кто мог бы высказывать право (выносить решения), то было установлено, что должен быть избран претор». Однако Т. Ливий (VII, 1) связывает появление патрицианской должности претора с тем, что плебеи перед этим добились доступа к консулату.

Цицерон (de Legg. III, 8) называет претора «должностным лицом, разбирающим вопросы права и творящим суд или приказывающим творить суд по частным делам» и «охранителем гражданского права».

Praetor (qui praeiret iure et exercitu (Varro. L. L. V, 80)) выбирался в центуриатных комициях под представительством одного из консулов. Претор был курульным магистратом, обладал империем и был одним из высших магистратов. Сначала выбирали консулов, затем преторов (Liv. XLV. 44). По правилам он должен был быть раньше квестором; но были и исключения. Вступление в должность происходило одновременно с консулами. По окончании года претор слагал с себя должность с произнесением клятвы, что он добросовестно исполнял свою должность.

Судя по Ливию, первоначально претора предоставлялась консулу предыдущего года. Луций Папирий стал претором после того, как занимал должность консула (Liv. X. 47).

До 337 г. до н. э. претора не была доступной для плебеев. Но в этом году «Квинт Публилий Филон первый из плебеев сделался претором» (Liv. VIII. 15).

Знаками достоинства претора были toga praetexta и sella curulis, ликторы с fasces.

По характеру своей власти претор являлся младшим коллегой консулов – collega minor. Основные преторские функции (ius in urbe dicere (Liv. VI. 42); iura reddere (Liv. VII. 1)) представляли собой часть

функций консулов. Иногда претор командовал войском государства, а когда консулы отсутствовали и находились в армии, – исполнял их обязанности в городе. Minoritas его выражалась лишь в том, что претор не имел ius intercessionis по отношению к консулу, а внешним образом – в том, что претора сопровождали только шесть ликторов. Претор, как и консул, мог созывать народные собрания и заседания сената и председательствовать в них. Претор также обладал ius edicendi.

Общую задачу преторской деятельности составляла custodia urbis, т. е. общая забота об охране внутреннего гражданского мира и порядка. Из этой общей заботы об охране мира и порядка, по римским воззрениям, вытекала сама собой как уголовная, так и гражданская юрисдикция преторы. По мере того, как специально-полицейская (в узком смысле) функция все более и более сосредоточивалась в руках ближайших помощников преторов – курульных эдилов, сама она постепенно специализировалась именно в области юрисдикции, превращаясь таким образом в магистратуру, по преимуществу, судебную. В связи с этим находится следующее, встречающееся в источниках, теоретическое расчленение функции преторской власти. Там, где претор выступает охранителем общественного порядка посредством штрафов (multae dictio) и других административных взысканий, говорят об imperium merum. Там, где претор действует исключительно как орган судебной власти, где его деятельность направлена только на разрешение частного спора путем применения закона, там источники говорят о iurisdictio.

Осуществляя правосудие, претор восседал на курульном кресле (на форуме или в других местах) в трибунале – части суда, предназначенной для претора, его помощников и друзей и находившейся напротив скамей (subsellia), которые были заняты судьями и прочими присутствующими (Cic. Brut. LXXXIV). Несмотря на такое почетное положение, претор только председательствовал в этих судебных процессах, а вопрос об осуждении или оправдании обвиняемого решался большинством голосов судей.

Но претор имел право совершать множество служебных действий вне суда или, как это называлось, e plano или ex aequo loco: например, в некоторых случаях он имел право утвердить акт манумиссии, находясь на открытом воздухе, например, по дороге в бани или театр (Gaius, I. 20).

В подчинении претора были уголовные или ночные триумвиры, производившие аресты, казни, наблюдавшие за тюрьмами.

С 242 г. до н. э., из-за накопления судебных дел и наплыва чужеземцев (Dig. I. II. 2. § 28), ежегодно стали избираться двое преторов: один, который ведал тяжбами граждан с гражданами (qui ius inter

cives dicit), стал называться теперь praetor urbanus и praetor urbis (Liv. XXVII, 23) и по чину стоял выше второго, почему назывался также praetor maior, а другой – тяжбами чужеземцев с гражданами или чужеземцев между собой (qui inter cives Romanes et peregrinos ius diceret) (Liv. ep. XIX, 22, 35).

После выборов оба претора бросали жребий относительно отправления своей обязанности по службе (sors urbana и peregrina). Иногда городской претор (который никогда не должен был отлучаться из города более чем на 10 дней) принимал на себя обязанности товарища, если тому поручалось командование войском (Liv. XXIV, 44; XXV, 3), подобно тому как он во многих случаях мог заменять также отсутствующих консулов, например, при созыве сената, комиций, при наборе войска и т. д.

Когда территория государства расширилась за пределы Италии, были учреждены новые преторские должности. Так, в 227 г. до н. э. было назначено два претора для управления Сицилией и Сардинией, и еще два добавлено в 197 г. до н. э., после создания двух испанских провинций (Liv. XXXII, 27). Из шести преторов два оставались в городе, а остальные выезжали из него (Liv. XLV, 44). Сенат определял их провинции, распределявшиеся затем по жребию (Liv. XXXII, 27, 28).

Первые преторы в своих судебных функциях занимались только гражданскими делами: допускали стороны к процессу, назначали судей и давали им указания. Обычно сам претор не выносил судебных решений. Только при возникновении чрезвычайно спорных ситуаций или ситуаций, которые не могли быть разрешены в рамках существующего права, претор выносил окончательное решение в форме интердикта.

Уголовные дела рассматривались на центуриатных и трибунных комициях или для их расследования создавались специальные комиссии.

Важная перемена в деятельности преторов произошла в 149 г. до н. э. с учреждением (по закону Кальпурния о вымогательствах – lex Calpurnia de repetundis) постоянных уголовных судов (quaestiones perpetuae) (Cic. Brut. XXVII, 106). Тогда все шесть преторов в продолжение своего служебного года оставались в городе для руководства этими quaestiones и только по истечении годичного срока уезжали в провинцию (pro praetore). Praetor urbanus и peregrinus продолжали заниматься в основном гражданскими делами, а остальные преторы возглавляли отдельные quaestiones perpetuae. Существовали quaestiones perpetuae по делам о вымогательстве (repetundae), незаконном соискании должности (ambitus), умалении величия римского народа (maiestas) и казнокрадстве (peculatus). В дополнение к ним Сулла создал комиссии по делам о подлоге и лжесвидетель-

стве (falsum), об убийствах и отравлениях (de sicariis et veneficis) и об отцеубийствах (de parricidis). С увеличением числа quaestiones perpetuae возрастало и число преторов: при Сулле их было восемь, при диктатуре Цезаря – 10, 12 и даже 14 (Dig. I. II. 2. § 32).

Наряду с организацией судопроизводства преторы играли важную роль в законотворчестве. Когда закон оставлял пробелы, когда то или иное частное лицо терпело какой-нибудь ущерб в своих интересах и не имело возможности добиться удовлетворения путем обыкновенного гражданского иска (где нужно было непременно опереться на ту или другую норму iuris civilis), оно могло обратиться к претору с просьбой помочь ему своей властью. Претор производил расследование (causae cognitio) и, если находил просьбу, жалобу просителя заслуживающей внимания, удовлетворял ее при помощи административных средств своего imperium. По мере того как вниманию претора предъявлялись жизнью путем подобных жалоб однообразные отношения, у него вырабатывались и однообразные решения их. Эти установившиеся решения преторы стали заранее объявлять во всеобщее сведение в своих эдиктах (edictum), т. е. постановлениях, касающихся вопросов их компетенции и обязательных на время их должностного года.

Возникает преторский эдикт в конце II в. до н. э., до 118 г. до н. э. в источниках он не упоминается. После того как преторы вступали в свою должность и присягали законам, каждый из них всходил на ораторскую кафедру и объявлял свой edictum, т. е. свод основных законоположений, которые должны руководить им при его решениях; он назывался также Formula или Lex annua и писался большими красными и черными буквами на белой стене, а впоследствии на выбеленной доске. Эдикты не голосовались в комициях и отличались от законов тем, что имели силу только в течение срока полномочий магистрата, их издавшего.

Одни из этих эдиктов имели в виду какой-либо отдельный, конкретный повод и только для него предназначались – это т. н. edicta repentina. Другие, напротив, имели в виду определить общую программу преторской деятельности на весь его должностной год и содержали поэтому ряд общих абстрактных правил: «При таких-то условиях я, претор, насилия не потерплю («vim fieri veto»), договора не признаю («non animadverto»), заставлю вернуть захваченную вещь» и т. д. Такой эдикт есть в этом смысле edictum perpetuum (эдикт постоянный, с отдельным случаем не связанный). В этих edicta perpetua и отлагалась постепенно административно-судебная практика преторов. Каждый новый претор при этом, составляя свой эдикт, принимал во внимание эдикты своих предшественников, и благодаря этому с течением времени образовалась известная совокупность

преторских норм, переходящих из эдикта в эдикт и составляющая т. н. *edictum tralaticium*.

Постановления преторского эдикта, созданные претором для своей собственной деятельности, формально для него самого не обязательны: он может следовать им, но может и не следовать; *edictum* стоит не над претором, как *lex*, а под претором, как его собственная программа. Но, конечно, для твердости и ясности правопорядка представляло существенный интерес, чтобы претор оставался верен своим эдиктальным обещаниям. Ввиду этого *lex Cornelia* (Суллы) 67 г. до н. э. предписал: «*Ut praetores ex edictis suis perpetuis ius dicerent*», т. е. чтобы они не отступали от своих эдиктов. Этим юридическое значение эдикта было усилено, так что Цицерон называет его уже «законом на год» – *lex annua* (in *Verr.* II. 1, 42).

Преторский эдикт продолжал публиковаться каждым новым претором и в императорское время, хотя правовое творчество преторской власти делалось постепенно все менее и менее решительным и интенсивным; подавляющую массу эдикта составлял *edictum tralaticium*. Поэтому оставалось только сделать последний шаг, то есть пересмотреть эдикт и закрепить его навсегда.

Этот шаг и был сделан императором Адрианом между 125 и 128 г. н. э. Он поручил известному юристу того времени Сальвию Юлиану (*Salvius Iulianus*) редактировать текст преторского эдикта (*componere edictura*) (*Eutrop.* VIII. 17). При пересмотре Юлиан в основном ограничился изменениями редакционного характера. Кодифицированный «непременный эдикт» обобщил постановления по: а) подготовке процесса, подаче исков, вызову ответчика; б) своду указаний по определению существа спора; в) исполнению судебного решения; г) особым формам преторской охраны.

В 131 г. н. э. эдикт по предложению императора был утвержден сенатом и вследствие этого сделался неизменяемым и юридически обязательным для преторов.

Текст эдикта до нас не дошел, но на основании разного материала, главным образом, отрывков из «*Corpus*» Юстиниана, новейшие ученые делали попытки его реконструкции.

Постоянный преторский эдикт положил конец старой преторской юрисдикции.

Август, восстанавливая республику, возвратился к количеству восемь преторов, как видно из того, что, по присоединении двух *praetores aeraarii*, было всего 10 преторов (с 23 г. до н. э.). Через несколько лет прибавились еще два претора, и с тех пор при нем количество 12 преторов составляло обычную норму (*Tac. Annal.* I. 14). Однако в 11 г. н. э. было избрано 16 преторов (вследствие избытка вполне квалифицированных кандидатов), и это количество счита-

лось впоследствии установленным от времен Августа. Увеличение количества преторов до 16, необходимое для того, чтобы образовался надлежащий запас претендентов на должности провинциальных легатов и проконсулов преторского ранга, соответствовало нормальному числу квалифицированных для этой должности кандидатов (10 бывших трибунов и шесть бывших эдилов). Колебания ниже нормы могли зависеть от недостатка подходящих кандидатов из числа трибунов. Оно составляло правило и при Тиберии, но с исключением, (часто только 15, а иногда даже 14), и так это было и при Калигуле (от 14 до 16). При Клавдии бывало от 14 до 18 преторов. Нерва создал должность претора для разрешения споров между фиском и частными лицами (*praetor fiscalis*). После Адриана этот претор более не встречается, что, по-видимому, находится в связи с учреждением должностей адвокатов фиска.

«Таким образом, – говорит Помпоний о своем собственном времени, – восемнадцать преторов осуществляют правосудие (*ius dicunt*) в государстве» (*Dig.* I. tit. 2. § 34).

Из последующих времен сведений о количестве преторов не имеется; но множественность этой магистратуры в Риме перешла и в период домината. В виде специальных преторских званий перешли в период домината только *praetor urbanus* и *praetor tutelaris* (кроме того, сложилось тогда новое звание *praetor triumphalis*).

Август сохранил постоянные уголовные суды под председательством преторов. Однако вскоре уголовное судопроизводство перешло к императору и его чиновникам, а также к сенату.

Со времени Августа опека находилась в ведении консулов. При Марке Аврелии это дело перешло к одному из преторов, называвшемуся *praetor tutelaris*. На надписях это звание часто встречается. *Praetor tutelaris* перешел и в период домината.

При Августе заведывание казначейством (*aerarium*) было отнято у квесторов и передано сперва префектам из преториев, а с 23 г. до н. э. двум преторам, избираемым по жребию из ежегодного состава преторской коллегии. Эти *praetores aeraarii* просуществовали до 44 г. н. э., когда Клавдий, поклонник старины, снова возвратил эрарий квесторам.

Август разделил Рим на 14 районов, во главе которых стояли муниципальные магистраты, избираемые по жребию или назначаемые императором из числа преторов, эдилов и народных трибунов. Из преторов к этому делу привлекались, вероятно, только те, которые не были заняты по юрисдикции и по устройству игр, а также по эрарию, пока существовали *praetores aeraarii*; при Адриане их место заменяют кураторы, назначаемые из императорских вольноотпущенников.

До Августа судебные процессы о свободном состоянии были в компетенции коллегии децемвиров (*decemviri stlitibus iudicandis*). Август отнял эти процессы у децемвиров и передал, вероятно, в ведение городского претора и претора peregrinorum. Однако в III в. н. э. встречается специальный *praetor de liberalibus causis*. Децемвирам Август передал председательство в центумвиральном суде, компетентном в процессах о наследствах. Но предварительные действия в процессах о наследствах принадлежали городскому претору или претору peregrinorum. Иногда для этой цели назначался специальный *praetor hastarius*, названный так потому, что *hasta* (копье) составляла характерный атрибут центумвирального суда.

Преторы и в императорское время не составляли коллегии с совместной деятельностью: у каждого была своя провинция. Распределение обязанностей между ними решалось жребием. Но по законам о браках допускался, повидимому, свободный выбор судебной компетенции, и то же самое возможно было по ходатайству императора перед сенатом.

Выше всего по прежнему стояло звание *praetor urbanus*, как видно из того, что сыновья императора, если они занимали претуру, получали именно это звание.

Обязанности удерживали его в Риме и он мог покинуть город лишь на срок не более десяти дней. Он являлся главным магистратом, осуществляющим правосудие. Однако составление списка присяжных судей (*iudices*) отошло теперь от городского претора к императору.

Когда же *praefectus praetorio* и *praefectus urbi* постепенно завладели большей частью ведомства юстиции, преторы получали только особые поручения по судебным делам и управлению. В следующее затем время их главной обязанностью было попечение об играх, которые именно по вопросу об издержках были разделены между ними (*Tac. Annal. I, 15*).

Praetor urbanus сохранил некоторую долю юрисдикции, повидимому, еще в период домината. Напротив, звание *praetor peregrinus* исчезает в начале III в. н. э., видимо, в связи с распространением прав римского гражданства по эдикту Каракаллы 212 г. н. э. на всех свободных жителей империи.

В 22 г. н. э. в ведение коллегии преторов переданы были все существовавшие ранее игры, как и учрежденные при Тиберии *Augustalia* и затем справлявшиеся в честь Траяна Парфянские игры. Распределение игр между отдельными преторами не известно, за исключением *ludi Apollinares*, издавна принадлежавших городскому претору, *Augustalia*, присвоенных претору peregrinorum, и Парфянских игр, для которых назначался особый *praetor Parthiciarius*. Сосредоточивая в руках преторов все республиканские игры (*ludi Romani, plebei,*

Ceriales, Apollinares, Megalenses, Florales), Август вместе с тем восстановил и их основной характер (*ludi* = драматические представления и, главным образом, бега в цирке), предоставив преторам давать гладиаторские зрелища отдельно, для чего избирались особо два претора по жребию. Однако при Клавдии гладиаторские игры были окончательно изъяты из ведения преторов и переданы квесторам. Ради устройства игр претура сохранилась и в период домината.

Римский ценз, представлявший собой перепись римских граждан и их имущества²¹, был учрежден Сервием Туллеем с целью урегулирования податей и военной службы. До изгнания царей проведением ценза занимались цари, с установлением республиканского строя это вошло в компетенцию консулов. Но в 443 г. до н. э. для этой цели были учреждены должности цензоров (*Dig. I. tit II, 2, §.17; D. N. III. XXXVI. 6; Liv. IV, 8*).

Изначально два цензора избирались в центуриатных комициях из числа патрициев сроком на пять лет. Однако в 434 г. до н. э. по предложению диктатора Эмилия Мамерка срок их пребывания в должности был ограничен 18 месяцами (*Liv. IV. 24*).

Магистратура оставалась патрицианской до 351 г. до н. э., когда Г. Марций Рутил стал первым плебейским цензором (*Liv. VII. 22*). Двенадцать лет спустя, в 339 г. до н. э., закон Публилия установил, что один из цензоров обязательно должен быть плебеем (*Liv. VIII. 14*). В 131 г. до н. э. впервые оба цензора были плебеями. Только плебейские цензоры были также в 120, 115, 102, 92, 86 и 65 гг. до н. э.

Цензоров всегда было двое, потому что ранее ценз совместно осуществляли два консула. Первоначально, если один из цензоров умирал в должности, то на его место должен был избираться другой, как и в случае с консулами. Это, однако, произошло лишь однажды, в 392 г. до н. э., ибо случившийся вскоре захват Рима галлами возбудил религиозные страхи в отношении такой практики (*Liv. V. 31*). С тех пор в случае смерти одного из цензоров его коллега отказывался от должности, и избирались новые цензоры (*Liv. VI. 27; IX. 34; XXIV. 43; XXVII. 6*).

Цензоров избирали в центуриатных комициях под руководством консула (*Gell. NA. XIII. 15; Liv. XL. 45*). Оба цензора непременно должны были быть избраны в один и тот же день, и, соответственно, если голосование за второго было не закончено, то результаты выборов первого аннулировались, и необходимо было провести новые комиции (*Liv. IX. 34*).

Комиции по избранию цензоров проводились под иными ауспициями, чем комиции по избранию консулов и преторов, и цензоры поэтому не рассматривались как их коллеги, хотя также обладали высшими ауспициями (*auspicia maxima*) (*Gell. NA. XIII. 15. 4*). Ко-

миции созывались консулами данного года вскоре после того, как те приступали к своим полномочиям (Liv. XXIV. 10; XXXIX. 41). Цензорские права (*ius censurae*) вручались цензорам посредством принятия центуриатского закона (*lex centuriata de potestate censoria*), а не куриями, и в этом отношении их власть была меньше, чем власть консулов и преторов (Cic. de Leg. Agr. II. 11; Liv. XL. 45). Цензоры не имели права созывать комиции и сенат. Поэтому цензура по должностной власти стояла первоначально ниже консульства и претуры, но с течением времени, благодаря своему нравственному и политико-экономическому значению, она была окружена наивысшим почетом в государстве, за исключением диктатуры; она была *sanctus magistratus*, заслуживающей глубочайшего почтения (Plu. Cat. Mai. XVI; Flamin. XVIII; Camill. II, XIV; Aemil. Paul. XXXVIII; Cic. ad Fam. III. 10).

Согласно общему правилу, на эту должность могли быть избраны только лица, ранее бывшие консулами, однако известно несколько исключений.

Сначала не существовало закона, запрещавшего занимать цензорскую должность вторично; но единственным человеком, дважды избранным цензором, стал в 265 г. до н. э. Г. Марций Рутил, и в этом году он внес закон, установивший, что никто не может быть избран цензором во второй раз, за что и получил прозвище Цензорин (Plu. Coriol. I; Val. Max. IV. 1. § 3).

Цензоры не обладали империем и, соответственно, не имели ликторов (Zon. VII. 19); им принадлежала, однако, *potestas* и притом с особым характером: она допускала только *intercessio* коллеги, но не подлежала *intercessio* других, хотя бы и высших, магистратов. Они имели курульное кресло (Liv. XL. 45). Согласно Полибию (VI. 53), цензор носил пурпурную тогу, характерную только для него; но Зонара (VII. 19) утверждает, что официальная одежда цензоров была такой же, как и у других высших магистратов.

Цензоры в первый день вступления в должность приносили жертву на Капитолии, восседали в курульное кресло на Марсовом поле у храма Марса (Liv. XL, 45) и этим открывали выполнение своих обязанностей.

Первоначальная сфера ведения цензоров практически полностью сводилась к проведению ценза (Liv. IV. 8); но обладание этой властью постепенно приносило им новые полномочия и новые обязанности. Общий обзор этих обязанностей кратко изложен в следующем фрагменте Цицерона (de Legg. III. 3): «*Censores populi aevitates, soboles, familias pecuniasque censento: urbis templa, vias, aquas, aerarium, vectigalia tuento: populi que partes in tribus distribuunt: exin pecunias, aevitates, ordines partiunt: equitum, peditumque prolem describunt:*

caelibes esse prohibento: mores populi regunto: probrum in senatu ne relinquunt» («Цензоры да исчисляют народ по возрастам и составляют списки потомства, челяди и имущества; да ведают они городскими храмами, дорогами, водопроводами, эрарием, поступлением дани; да распределяют они народ по трибам, делят население по имуществу, возрастам и сословиям, назначают юношество в конницу и пехоту, запрещают оставаться безбрачными, надзирают за нравами народа, не оставляют в сенате опозорившихся людей») (перевод В. О. Горенштейна).

Таким образом, обязанности, которые выполняли цензоры во времена Цицерона, можно разделить на три категории: I. Ценз, или перепись граждан и их собственности, включавший *lectio senatus* (пересмотр списка сенаторов) и *recognitio equitum* (смотр всадников); II. *Regimen morum* (надзор над нравами) и III. Управление государственными финансами.

Ценз, первая и главная обязанность цензоров, точное название которой – *censum agere* (Liv. III. 3, 22; IV. 8), проводился на Марсовом поле, с 435 г. до н. э. – в специальном здании, называвшемся *villa publica*²², которое было построено для этой цели второй парой цензоров, Г. Фурием Пацилом и М. Геганием Мацеринем (Liv. IV. 22).

В ночь, предшествовавшую началу переписи, совершались ауспиции. После совершения ауспиций общественный глашатай (*praeco*) призывал граждан явиться перед цензорами. Каждая триба созывалась отдельно (D. N. V. 75); и имена в каждой трибе, вероятно, перечислялись в соответствии со списками, заранее составленными трибунами триб. Каждый отец семейства должен был лично предстать перед цензорами, восседавшими на курульных креслах. Ценз проводился *ad arbitrium censoris* (по усмотрению цензоров); но последние установили определенные правила (Liv. IV. 8, XXIX. 15), иногда называемые *leges censui censendo* (Liv. XLIII. 14), в которых перечислялись различные виды имущества, подлежащие цензу, и способы оценки этого имущества. Согласно этим законам, каждый гражданин под присягой (*ex animi sententia*) должен был представить отчет о себе, своей семье и собственности (D. N. IV. 15; Liv. XLIII. 14). Прежде всего он должен был назвать свое полное имя (преномен, номен и когномен) и имя своего отца либо, если он был вольноотпущенником, – имя своего патрона, а также указать свой возраст. Затем ему задавали вопрос: «*Tu, ex animi tui sententia, uxorem habes?*» («Скажи по совести, у тебя есть жена?»), и, если он был женат, то должен был назвать имя жены, а также количество, имена и возраст детей, если таковые имелись (Gell. NA. IV. 20. 3; Cic. de Orat. II. 64; Dig. L, tit. 15, s. 3). Незамужних женщин (*viduae*) и сирот (*orbi orbaeque*) представляли опекуны; их имена вносились в отдельные списки и при под-

счете общего числа граждан не учитывались (ср. Liv. III. 3, Epit. LIX). Указав свое имя, возраст, семью и т. д., гражданин должен был дать отчет о своем имуществе – поскольку оно подлежало цензу. О человеке, делающем это заявление, говорили «*sensere*» или «*senseri*» – как отложительный глагол «оценивать себя или давать оценку себе» или как страдательный глагол «быть оцененным, получать оценку»; о цензоре, принимающем заявление, также говорили «*sensere*», поскольку он «*accipere censum*» (принимал оценку) (ср. Cic. pro Flacc. XXXII; Liv. XXXIX. 15). Цензу подлежали (*censui censendo*) только такие объекты, как собственность *ex iure Quiritium* (по квиритскому праву). Первоначально, по-видимому, каждый гражданин просто давал оценку всей своей собственности в целом, не вдаваясь в детали (D. N. IV. 15; Cic. de Legg. III. 3; Festus, s. v. Censores); но вскоре вошло в обычай наравне с общей оценкой представлять подробное описание каждой статьи собственности (ср. Cic. pro Flacc. XXXII; Gell. NA. VII. 11; Plu. Cat. Mai. XVIII). Наиболее важную статью ценза представляла земля; но общественная земля, принадлежащая гражданину на правах *possessio*, не учитывалась, поскольку не являлась квиритской собственностью. Гражданин представлял наиболее детальный отчет о всей земле, которая принадлежала ему *ex iure Quiritium*. Он должен был указать название и местоположение земли, определить, какие доли в ней составляют пахотные земли, луга, виноградники, оливковые рощи, и затем приложить свою оценку этой подробно описанной земли (Dig. L. tit. 15, s. 4). Вторую по важности статью ценза представляли рабы и скот. Также цензоры имели право требовать отчета о таких вещах, о которых обычно сведений не представлялось: одежда, украшения и повозки (Liv. XXXIX. 44; Plu. Cat. Mai. XVIII).

Цензоры не были обязаны проверять верность показаний каждого отдельного гражданина, хотя и имели на то право, причем должны были налагать на виновных денежный штраф (Cic. de Rep. II, 35). Они принимали самооценку граждан и приказывали вносить ее в списки (*tabulae censoriae*).

Человек, самовольно уклонившийся от переписи и таким образом ставший *incensus*, подлежал строжайшему наказанию. Согласно Дионисию Галикарнасскому (III. XXXVI, 6), Сервий Туллий для *incensus* «назначил наказание в виде лишения его имущества и продажи в рабство после бичевания»; в республиканское время уклонившийся мог быть продан государством в рабство (Cic. pro Caecin. XXXIV). В конце Республики человека, отсутствующего во время ценза, мог представлять другой, и таким образом цензоры его регистрировали (Varro. L. L. VI. 86). Служба в армии была достаточным оправданием для отсутствия. Неясно, должны ли были назначать представителя солдата, находящегося на службе. В древнейшие вре-

мена неожиданное начало войны служило основанием для отмены ценза (Liv. VI. 31), ибо значительное количество граждан вынуждено было отсутствовать.

Получив информацию об именах всех граждан и их имуществе, цензоры должны были составить списки триб, а также классов и центурий; ибо, согласно законодательству Сервия Туллия, положение каждого гражданина в государстве определялось размером его собственности. По итогам ценза составлялся ряд списков: всеобщий список граждан, список полноправных граждан-мужчин (*cives*), список военной молодежи, список вдов, холостых, пролетариев, иностранцев, список эрариев, список всадников и список держателей *ager publicus*. Холостых записывали отдельно, чтобы их можно было обложить дополнительным подушным налогом в качестве штрафа за бездетность, сирот и вдов – для установления льгот по налогообложению. Эти списки являлись наиболее важной частью цензорских таблиц (*tabulae censoriae*), включавших все документы, так или иначе связанные с исполнением цензорских обязанностей (Cic. de Legg. III. 3; de Leg. Agr. I. 2; Liv. XXIV. 18; Plu. Cat. Mai. XVI).

Эти списки, поскольку они были связаны с государственными финансами, хранились в эрарии, расположенном в храме Сатурна (Liv. XXIX. 37); но постоянным хранилищем всех цензорских архивов в древнейшие времена был Атрий Свободы (*Atrium Libertatis*), рядом с общественным домом (*villa publica*) (Liv. XLIII. 16; XLV. 15), а позднее – храм Нимф (Cic. pro Mil. XXVII).

На основании полученных показаний цензоры проверяли списки прежних цензоров и составляли новые податные списки граждан с новым распределением по классам. Обычно налог (*tributum*) составлял одну тысячную имущества, внесенного в списки цензоров, но в одном случае цензоры в качестве наказания заставили гражданина платить восемь тысячных (*octuplicato censu*) (Liv. IV. 24). На эти решения цензоров не могло быть возражений, они не подлежали суду и обжалованию.

После составления списков подсчитывалось число граждан и оглашался общий итог.

Оканчивалась перепись люстром²³ – религиозной церемонией на Марсовом поле (*lustrum facere* или *condere*) (Varro. L. L. VI. 86; Liv. XXIX. 37; XXXV. 9; XXXVIII. 36; XLII. 10) – очищением всего народа посредством очистительной жертвы «Марсу, владевшему Полем» (D. N. IV. 22), свиньи, овцы и быка (в связи с этим очищение всего народа называлось *suovetaurilia* («свинобаранобычье»)). При вступлении в должность цензоры тянули жребий о том, кто из них должен совершить это очищение; но на церемонии обязаны были присутствовать оба цензора. При этом произносилась молитва о благоден-

ствии государства, выражалось желание, чтобы боги «умножили и улучшили дела римского народа». Сципион Эмилиан, опасаясь, чтобы чрезмерный рост римской державы не возбудил гнева богов, изменил эту формулу: «Чтобы боги сохранили дела (римского народа) в постоянном благополучии».

Для очищения коллектива граждан требовалось соблюдение двух условий: 1) на церемонии не должен был присутствовать никто из посторонних, это осквернило бы и уничтожило бы все значение священной церемонии; 2) чтобы при этом присутствовали все граждане, иначе на гражданской общине могла остаться какая-нибудь нечистота. Разрешалось отсутствовать только воинам, находившимся в походе: их имена заносились в список граждан и они считались как бы присутствовавшими.

После этой церемонии народ в военном строю со знаменем отводился цензорами в город и распускался по домам. В память о переписи цензоры забивали гвоздь в стену одного из храмов (со II в. до н. э. – в стену храма Марса Мстителя (Mars Ultor)) и передавали свои списки на хранение в государственное казначейство. В колониях и муниципиях заведовали цензом особые цензоры, которые посылали свои списки в Рим.

По-видимому, до Августа общих ценз в провинциях не проводился. Этот император повелел составить точный отчет обо всех лицах, находящихся под властью Рима, а также о размерах их собственности (Ev. Lucae. II. 1, 2; I. A. I. XVII. 13. § 5, XVIII. 1. § 1, 2. § 1); и подобный ценз время от времени проводился последующими императорами, сначала каждые десять, потом – каждые пятнадцать лет. Для проведения ценза император отправлял в провинцию специальных чиновников, называвшихся *sensitores* (Dig. L. tit. 15, s. 4, § 1); но их обязанности иногда выполняли императорские легаты (Tac. Annal. I. 31; II. 6). Цензиторами помогали подчиненные чиновники, называвшиеся *sensuales*, которые составляли списки и т. д. (SHA. v. Gordian. XII; Cod. Theod. VIII. tit. 2). В Риме в период Империи ценз по-прежнему проводился, но прежних связанных с ним церемоний уже не существовало, и после Веспасиана церемония очищения не совершалась.

В связи с общей переписью проводился также и пересмотр списка сенаторов (*lectio senatus*). Эта обязанность перешла от консулов к цензорам в 312 г. до н. э. (по *lex Ovinia*). Составление нового списка сената цензоры делали обычно сразу же после вступления в должность. Они вычеркивали имена тех, кого считали неподходящими, и зачисляли в сенат тех, кто был этого достоин. При этом список составлял тот из цензоров, которому выпадал жребий, но для того, чтобы кто-то из сенаторов был вычеркнут из списка, требовалось согласие обоих цензоров²⁴.

Перепись сопровождалась также смотром всадников с общественными конями (*equites equo publico*) на форуме. Всадники, проходя мимо цензора, или получали одобрение словами: *traduc equum* («веди коня дальше»), или неодобрение: *vende equum* («продай коня»). Таким образом они добавляли или исключали тех, кого считали нужным.

В связи с составлением цензуальных списков развилась и другая немаловажная функция цензорской власти – надзор за нравами (*regimen morum*) (Cic. de Legg. III. 3; Liv. IV. 8; XXIV. 18; XL. 46; XLI. 27; XLII. 3; Suet. Aug. XXVII), во времена Империи называвшийся *cura* или *praefectura morum*. По определению Плутарха (QR. XCVIII), «цензоры <...> обязаны <...> наблюдать за образом жизни, поведением и нравами граждан».

Надзор над нравами естественным образом вырос из права цензоров исключать из списков граждан недостойных лиц. Цензоры постепенно приобрели всеобъемлющий надзор над всей общественной и частной жизнью каждого гражданина. Они представляли собой охранителей общественной нравственности; они должны были не просто предотвращать преступления или отдельные аморальные поступки, но их главной целью было поддержание староримского характера и привычек, *mos maiorum*. Наказание, налагаемое цензорами при отпращивании данных обязанностей, называлось *nota* или *notatio*, или *animadversio censoria* (цензорское замечание). Вынося его, цензоры руководствовались только своей совестью и представлениями о долге и не несли ответственности ни перед какой властью в государстве (Liv. IV. 24; XXIX. 37; Val. Max. VII. 2. § 6); они обязаны были присягать в том, что не будут действовать под влиянием пристрастия или приязни; и, кроме того, в каждом случае должны были в своих списках указывать причину наложенного наказания напротив имени гражданина – *subscriptio censoria* (цензорская запись) (Liv. XXXIX. 42; Cic. pro Cluent. XLII–XLVIII; Gell. NA. IV. 20. 9).

Эта часть цензорских обязанностей предоставляла им определенный род власти, во многих отношениях напоминавший общественное мнение в наши дни. Римские цензоры могли заклеить человека своим цензорским замечанием в случае, если он обвинялся в преступлении в ординарном суде и уже подвергся наказанию за него. Последствием такого замечания была только *ignominia* (утрата доброго имени), но не *infamia* (бесчестье) (Cic. de Rep. IV. 6), и цензорский вердикт не являлся *iudicium* или *res iudicata* (судебным приговором) (Cic. pro Cluent. XLII), ибо его последствия не были длительными и могли быть отменены следующими цензорами или законом. Кроме того, цензорское замечание не было действительно, если оба цензора не были согласны. *Ignominia*, таким образом, было только вре-

менным *capitis diminutio* (утратой части гражданских прав), которое, по-видимому, даже не лишало магистрата его должности (Liv. XXIV. 18) и не препятствовало подвергшимся ему лицам добиваться должностей, быть назначенными претором судьями или служить в римских войсках.

В источниках сообщается о трех основных типах нарушений, караемых цензорами.

1. Совершенные в частной жизни людей, например: (а) Холостяцкая жизнь в том возрасте, когда человек должен быть женат, чтобы обеспечить государство гражданами (Val. Max. II. 9 § 1). Цензоры часто обязывали граждан жениться, и отказ выполнить это наказывался штрафом. (b) Расторжение брака или помолвки недолжным образом или по неуважительным причинам. (c) Неподобающее поведение по отношению к жене и детям, так же, как жестокость или излишняя мягкость по отношению к детям и неповиновение последних своим родителям (Plu. Cat. Mai. XVII; ср. Cic. de Rep. IV. 6; D. Н. XX. 3). (d) Беспорядочный и роскошный образ жизни или неумеренная расточительность. В позднейшие времена принимались *leges sumtuarum* (законы против роскоши), чтобы сдерживать растущую любовь к роскоши. (e) Небрежность и недобросовестность при обработке земли (Gell. NA. IV. 12. 1; Plin. H. N. XVIII. 3). (f) Жестокость к рабам и клиентам (D. Н. XX. 3). (g) Неподобающее ремесло или занятие, как, например, игра в театре (Liv. VII. 2). (h) Охота за наследствами и обманное отстранение сирот от наследования и т. п.²⁵

2. Нарушения, совершенные в общественной жизни, либо в качестве должностного лица, либо против магистратов. (a) Если образ действий магистрата не соответствовал его достоинству как должностного лица; если магистрат брал взятки или фальсифицировал ауспиции. (b) Неподобающее поведение по отношению к магистрату или попытка ограничить его власть, или аннулировать закон, который цензоры считали необходимым. (c) Клятвопреступление. (d) Небрежность, неповиновение и трусость солдат в войске. (e) Плохое состояние общественного коня.

3. Различные поступки и занятия, считавшиеся вредными для общественной нравственности, могли быть запрещены эдиктом и нарушители этих эдиктов карались замечанием и понижением статуса.

Наказания, налагаемые цензором, подразделялись на четыре рода:

1. Исключение человека из числа сенаторов (*motio* или *eiectio e senatu*). Это наказание либо могло состоять только в исключении из списка сенаторов, либо человека могли одновременно исключить из трибы и понизить в классе до эрария (Liv. XXIV. 18). Обычно это наказание накладывалось следующим образом: цензоры в новых списках

пропускали имена тех сенаторов, которых желали исключить, и, зачитывая эти новые списки публично, не называли имена тех, кто более не являлся сенаторами. Поэтому выражение *praeteriti senatores* эквивалентно *senatu eiecti* (Liv. XXXVIII. 28; XXVII. 11; XXXIV. 44; Festus, s. v. Praeteriti). В некоторых случаях, однако, цензоры не ограничивались этой простой процедурой, а обращались к отмеченному сенатору и публично порицали его за его поведение (Liv. XXIV. 18). Однако поскольку *ignominia*, как правило, не препятствовало экс-сенатору занимать любые магистратуры, открывающие путь в сенат, – в следующий ценз он мог вновь стать сенатором.

2. *Ademptio equi*, или лишение всадника общественного коня. Это наказание также могло быть простым или сочетаться с исключением из трибы и понижением в классе до эрария (Liv. XXIV. 18, 43; XXVII. 11; XXIX. 37; XLIII. 16).

3. *Motio e tribu*, или исключение человека из его трибы. Это наказание и понижение в классе до эрария первоначально были одним и тем же; но когда постепенно возникло различие между сельскими трибами (*tribus rusticae*) и городскими трибами (*tribus urbanae*), исключение из трибы переводило человека из сельских триб в менее престижные городские трибы; и если дальнейшее понижение в классе до эрария сочеталось с исключением из трибы, то это всегда явно оговаривалось (Liv. XLV. 15; Plin. H. N. XVIII. 3).

4. Четвертое наказание называлось *referre in aerarios* (Liv. XXIV. 18; Cic. pro Cluent. 43) или *facere aliquem aerarium* (Liv. XXIV. 43) (зачисление в эрарии²⁶) и могло налагаться на любое лицо, заслуживающее это по мнению цензоров. Это понижение, строго говоря, включало в себя все прочие наказания, ибо всадник мог быть зачислен в эрарии, только лишившись предварительно своего коня, а член сельской трибы – только будучи предварительно исключен из нее (Liv. IV. 24; XXIV. 18).

Если человек, получивший цензорское замечание, считал, что с ним обошлись несправедливо, он мог попытаться доказать свою невиновность перед цензорами (*causam agere apud censores*) (Varro. de Re Rust. I. 7), а если ему это не удавалось – попытаться получить защиту у одного из цензоров, чтобы тот наложил запрет в его пользу.

Управление финансами государства было еще одной частью цензорских полномочий. Прежде всего, каждый гражданин должен был платить трибут (*tributum*), или налог на имущество, в соответствии с размером своей собственности, зафиксированным в цензе, и, таким образом, регулирование размера этого налога, естественно, оказалось в юрисдикции цензоров. Они также контролировали все прочие государственные доходы (*vectigalia*), такие, как десятина, выплачиваемая с государственных земель, соляные разработки, рудники, таможен-

ные сборы и т. д. Все эти доходные статьи цензоры, как правило, сдавали на откуп покупателю, предложившему наивысшую цену, на пятилетний срок люстра. Процедура сдачи на откуп называлась *venditio* и, по-видимому, происходила в марте (*Maer. Sat. I. 12*) в общественном месте в Риме (*Cic. de Leg. Agr. I. 3; II. 21*). Все условия сдачи, а также все права и обязанности откупщиков определялись в *leges censoriae*, публикуемых цензорами каждый раз перед началом торгов (*Cic. ad Qu. Fr. I. 1 § 12; Verr. III. 7; de Nat. Deor. III. 19; Varro. de Re Rust. II. 1*). Цензоры также имели право (хотя, видимо, только с согласия сената) создавать новые *vectigalia* (*Liv. XXIX. 37; XL. 51*) и даже продавать землю, принадлежащую государству (*Liv. XXXII. 7*).

Таким образом, складывается впечатление, что цензоры были обязаны составить бюджет на срок люстра и позаботиться, чтобы доходы государства соответствовали его расходам в этот период. Все государственные деньги выплачивались в эрарий, который целиком находился в распоряжении сената, и все расходы совершались по указанию данного органа, использовавшего квесторов как своих чиновников.

Цензоры контролировали все общественное строительство и работы (*opera publica*); и, чтобы возместить расходы, связанные с этой частью их обязанностей, сенат выделял им определенную сумму денег или определенные статьи доходов; цензоры имели право распоряжаться ими по своему усмотрению (*Plb. VI. 13; Liv. XL. 46; XLIV. 16*).

Они обязаны были следить за тем, чтобы храмы и прочие общественные здания находились в хорошем состоянии (*aedes sacras tueri* и *sarta tecta exigere*) (*Liv. XXIV. 18; XXIX. 37; XLII. 3; XLV. 15*), чтобы частные лица не занимали общественные территории (*loca tueri*) (*Liv. XLII. 3; XLIII. 16*) и чтобы акведуки, дороги, водостоки и пр. содержались должным образом. Ремонт общественных сооружений и поддержание их в надлежащем состоянии сдавались цензорами на откуп на публичных торгах подрядчику, предложившему наименьшую цену. Эти расходы назывались *ultro tributa*. Лица, заключавшие контракт, назывались *conductores*, *mancipes*, *redemptores*, *susceptores* и т. д.; а их обязанности определялись в *leges censoriae*.

Цензоры ведали городскими храмами, дорогами, водопроводами не только в Риме, но и в других городах Италии. Полибий пишет, что ему «затруднительно» было бы перечислить все виды работ, которыми цензоры ведают на территории Италии «по управлению и сооружению общественных зданий» (*VI, 17, 2*). Особенно активны были цензоры в прокладывании и обустройстве дорог. Цензоры либо выполняли эти работы совместно, либо делили между собой деньги, выделенные им сенатом (*Liv. XL. 51; XLIV. 16*). Работы сдавались подрядчикам и по их завершении цензоры должны были убедиться, что

работы выполнены в соответствии с договором: это называлось *opus probare* или *in acceptum referre* (*Cic. Verr. I. 57; Liv. IV. 22; XLV. 15*). Цензоры также наблюдали за исполнением контрактов, заключенных их предшественниками.

Цензоры контролировали расходы, связанные с религиозным культом, даже, к примеру, кормление священных гусей на Капитолии, также сдававшееся на откуп (*Plu. QR. XCVIII; Plin. H. N. X. 22; Cic. pro Rosc. Am. XX*).

При вступлении в должность цензоры обращались к сенату с просьбой о выделении им денег на «общественные работы», поскольку сенат решал вопрос о расходовании государственных средств. Сенат выделял им средства, которые распределялись между цензорами, размер этих средств определяли цензоры, а не сенат. Чтобы цензоры имели эти средства, сенат передавал в их распоряжение доходы от налогов на текущий год (*Liv. XL, 46, 16*).

Слагая с себя должностные полномочия, цензоры не отчитывались в своей деятельности ни перед народом, ни перед сенатом.

В период поздней Республики после того, как, с одной стороны, вследствие несметной добычи Эмилия Павла в 167 г. до н. э., государственные налоги на римских граждан были отменены, с другой – военная служба по реформе Г. Мария сделалась обязательной для всех, даже неимущих граждан, первоначальная цель учреждения ценза (подати и военная служба) потеряла свое значение. Поэтому Сулла в 81 до н. э. упразднил должность цензоров, а наблюдение за постройками и контроль над финансами возложил на консулов и преторов; сенат должен был пополнять себя сам.

На протяжении двух люстров, прошедших от диктатуры Суллы до первого консульства Помпея, цензов не проводилось. В консульство Помпея и Красса в 70 до н. э. цензура была восстановлена. Ее полномочия были ограничены одним из законов трибуна Клодия (58 г. до н. э.), который предписывал определенную процедуру разбирательства перед цензорами при исключении кого-либо из сената и необходимость согласия обоих цензоров для осуществления этого исключения (*D. C. XXXVIII. 13; Cic. pro Sext. XXV; de Prov. Cons. XV*). Этот закон, впрочем, был отменен в третьем консульстве Помпея (52 г. до н. э.) по предложению его коллеги Цецилия Метелла Сципиона (*D. C. XL. 57*), но прежние власть и влияние уже более никогда не вернулись к цензорам.

Цезарь опять уничтожил эту должность. Взамен нее он в 46 г. до н. э. был избран *praefectus morum* на три года, а потом в 44 г. до н. э. на всю жизнь.

Восстанавливая республику, Август в 28 г. до н. э. восстановил и производство ценза, но устроил ценз в звании консула совместно с

своим товарищем по этой должности Агриппой. После этого Август производит ценз еще два раза, в первый раз один, опять на правах консула, а второй раз совместно с Тиберием, причем последний уполномочен был для этого особым законом. В 22 г. до н. э. Август назначил на должность цензоров Л. Мунация Планка и Павла Эмилия Лепида (Suet. Aug. XXXVII, Claud. XVI; D. C. LIV. 2). Это был последний случай назначения цензоров; но они не выполняли обычных обязанностей. Ценз проводился самим Августом, и он указывает в «Res gestae», что им три раза составлялись цензовые списки: в 28, 8 гг. до н. э. и в 14 г. н. э.

После длительного перерыва цензорами в 43 г. н. э. были император Клавдий и Луций Вителлий (отец будущего императора Вителлия) (Suet. Claud. XVI), в 73 г. н. э. – Веспасиан и его сын и соправитель Тит.

Ценз в прежнем смысле (то есть перепись граждан с распределением по трибам и т. д.) теперь уже, конечно, не производился, составление сенаторских списков также отошло от цензуры; тем не менее цензорская власть часто вручалась императорам (в *lex de imperio*).

При Домициане цензура слилась окончательно с императорской властью. В конце 84 или начале 85 г. н. э. Домициан принял титул цензора пожизненно (*sensor perpetuus*) (D. C. LIII. 18). Но собственного ценза он никогда не производил. Цель принятия им цензорского титула заключалась в приобретении права распоряжаться по своему усмотрению составлением списка сенаторов. На этом цензура и окончилась, так как последующие императоры не принимали цензорского титула, сохраняя за собою, однако, все его права: оценку имущества граждан, составление списка сената и всадников. Контроль за финансами государства осуществляли, в основном, различные комиссии и императорские чиновники.

Должность плебейских трибунов была учреждена во время первой сецессии плебеев в 494 г. до н. э. Суровость долгового законодательства привела к тому, что плебеи вооружились и вместе с семьями удалились из города (такая форма протеста была названа «сецессией», т. е. уходом). В результате плебс добился введения должности защищавших его интересы народных трибунов. Избирались народные трибуны плебсом только из свободнорожденных плебеев.

Сначала народных трибунов было двое (Liv. II. 33). Однако вскоре после этого число трибунов было увеличено до пяти – по одному от каждого из пяти классов (Liv. II. 58; Zon. VII. 15). Когда это произошло – довольно неясно. С 457 г. до н. э. количество трибунов было увеличено до десяти, от каждого из пяти классов избиралось по два трибуна (Liv. III. 30; D. H. X. 30). Это число оставалось неизменным до конца Империи.

Согласно сообщениям Дионисия и Ливия (D. H. X. 41; Liv. II. 56), до принятия закона Публилия в 471 г. до н. э. плебейские трибуны избирались куриатными комициями. Это сообщение древних авторов современные историки считают ошибочным: до IV в. до н. э. плебеи в куриатные собрания не допускались, поэтому в этих собраниях происходили не выборы трибунов, а куриатное собрание лишь приносило клятву о соблюдении трибунской неприкосновенности. Избрание трибунов производилось в *concilia plebis*, которые для этого созывались и проводились прежними трибунами до истечения срока их должности (Liv. II. 56.; D. H. IX. 43, 49). Один из прежних трибунов по жребию назначался для руководства выборами (Liv. III. 64; App. V. C. I. 14). Поскольку собрание не могло продолжаться после заката и процедуру необходимо было закончить за один день, иногда приходилось прерывать выборы прежде, чем они были завершены, – и в этом случае избранные трибуны пополняли коллегию до законной численности путем кооптации. Но в 448 г. до н. э. трибун Л. Требоний провел постановление, согласно которому коллегия трибунов никогда не должна была пополняться путем кооптации, но, если выборы не заканчивались в первый день, они должны были продолжаться на следующий день, до тех пор, пока число десять не будет достигнуто (Liv. III. 64, 65; V. 10). Местом проведения выборов первоначально и по закону был форум, однако впоследствии также Марсово поле и иногда территория Капитолия.

Выборы трибунов происходили ежегодно в июле (Cic. ad Att. I. 1), а в должность они вступали 10 декабря (D. H. VI. 89).

Это были чисто плебейские магистраты, главной задачей которых было обеспечение гражданского равенства и гражданских прав плебеев в условиях древнего доминирования в органах власти патрициев. Цель их назначения состояла в обеспечении защиты от злоупотреблений со стороны патрицианских магистратов; и для того, чтобы трибуны могли осуществлять эту защиту, их личности были объявлены священными и неприкосновенными, и решено было, что любой нарушитель этой неприкосновенности будет объявлен вне закона, а его имущество передано в храм Цереры²⁷ (Liv. II. 33; III. 55; D. H. VI. 89). Через некоторое время после учреждения трибуната были еще раз определены суровые наказания тем, кто осмелится препятствовать трибуну при внесении предложения в собрание триб. Закон, устанавливающий эти наказания, предписывал, чтобы никто не мешал и не прерывал трибуна, обращающегося к народу, а нарушитель данного постановления должен был представить за себя поручителя перед трибунами в том, что он выплатит любой штраф, который они потребуют за нанесенную обиду перед судом общины: в случае отказа представить поручителя он лишался имущества и жизни (D. H. VII. 17). По

всей вероятности, закон был принят лишь незадолго до его первого применения в 461 г. до н. э. в деле Цезона Квинкция (Liv. III. 13).

Основным правом народного трибуна было «право помощи», осуществлявшееся посредством запрещения конкретных распоряжений или действий консула или сената. Из этого развилось право трибунского «вмешательства» (интерцессии) во все действия должностных лиц, включая других трибунов.

Первоначально трибуны были лишь должностными лицами, защищающими плебс. Они созывали плебейские собрания и председательствовали в них. Но со временем их власть возросла до такой степени, что возобладали над властью всех прочих магистратов, и тогда трибуны стали магистратурой всего римского народа в противоположность сенату и олигархическим элементам вообще, хотя и не имели никакого отношения к правительственному управлению. Поскольку трибуны теперь включали также патрициев и их клиентов, то, естественно, к трибунам можно было обратиться с просьбой о вмешательстве в пользу любого гражданина, будь то патриций или плебей.

До 394 г. до н. э. все вопросы в коллегии решались большинством (Liv. II. 43, 44; D. H. IX. 1, 2, 41; X. 31); но около этого времени был принят новый порядок, по которому возражения (intercessio) одного трибуна было достаточно, чтобы лишить силы постановление его коллег (Zon. VII. 15).

В случаях, когда один из членов коллегии возражал против решения коллег, ничего поделать было нельзя и от решения приходилось отказываться; но это полезное ограничение устранил своим примером Тиберий Семпроний Гракх, который создал прецедент внесения перед народом предложения об отрешении от должности трибуна, упорно настаивавшего на своем вето (App. B. C. I. 12; Plu. T. G. XI, XII, XV; Cic. de Legg. III. 10; D. C. XXXVI. 13).

Поскольку трибуны являлись общественными защитниками, необходимо было, чтобы каждый человек во всякое время имел к ним доступ, поэтому дом трибуна по закону не имел запора, днем и ночью он был открыт как пристанище и прибежище для всех нуждающихся в помощи и защите. По этой же причине трибунам было запрещено покидать город на целый день, за исключением Латинских празднеств, когда весь народ собирался на Альбанской горе (Masg. Sat. I. 3). В Риме трибуны осуществляли свои обязанности в публичных местах, в последние века периода Республики обычным местом пребывания трибунов была *Porcia Basilica*.

Трибунат был создан по воле народа и силен волей народа, так что было очень важно, чтобы трибун не возвеличивался над прочими гражданами и не отличался от них ни видом, ни одеждой, ни образом жизни. Ему нельзя было быть высокомерным, недоступным. Основ-

ным отличительным знаком плебейских трибунов было отсутствие каких бы то ни было магистратских инсигний. Во всех внешних отличиях трибун должен был походить не на магистратов и вообще власть имущих, а на простой народ, непосредственным представителем которого он и являлся. Они не носили тогу претексту, не имели курульного кресла и ликторов (Plu. QR. LXXXI).

Определенного возраста для того, чтобы быть избранным на должность трибуна, не требовалось, но обыкновенно трибуны раньше занимали должность квестора и плебейского эдила, т. е. были уже в возрасте около 30 лет. Слугами их были *viatores*, *scribae* и *praesones*.

Трибуны не обладали империем, не командовали войсками и не творили суд. Вся власть, принадлежавшая коллегии трибунов, обозначалась термином *tribunicia potestas* (трибунская власть), и никогда не распространялась далее, чем на одну милю за ворота города; на большем расстоянии трибуны, подобно любому другому гражданину, становились подвластны империи магистратов (Liv. III. 20; D. H. VIII. 87).

Старейшим и на первых порах единственным правом плебейских трибунов было право защиты (*auxilium*) плебеев, впоследствии также и патрициев, состоявшее в том, что они могли воспрепятствовать (*veto*, *intercedo*, *prohibeo*) мероприятия должностных лиц или сената против отдельных личностей. Эта «помощь» применялась обыкновенно: а) при наборе войска (*dilectus*) (Liv. III. 11; IV. 53); б) при распределении податей (Liv. IV. 60; V. 12); в) в суде, где трибуны могли вмешиваться не только в гражданские, но и в уголовные дела как до приговора (*sententia*), так и после него, чтобы помешать какой-нибудь несправедливости. Впрочем, *veto* трибуна, прекращавшее судебное разбирательство, имело силу только до истечения служебного года вмешавшегося, и если преемник его не вмешивался снова, то разбирательство опять могло возобновиться.

Кто нуждался в подобной помощи, должен был призывать трибунов (*appellare*), и они собирались, рассматривали дело и принимали решение (*decretum*), в котором или соглашались оказать помощь, или отказывали в ней. Трибуны ежегодно издавали указы (*edictum*), в которых, вероятно, определяли, когда намерены привести в действие свое *auxilium*.

Изначально трибуны имели право созывать сходки и собрания плебеев. Со времени принятия закона Гортензия (в 287 г. до н. э.) трибуны получили право вносить в трибунные комиции предложения практически по всем важным государственным делам. Обычно их предложения принимались *ex auctoritate senatus*, то есть обсуждались и одобрялись сенатом (Liv. XLII. 21); но дела, напрямую затрагивавшие интересы народа, могли представляться народу без предварительного обсуждения в сенате. Вопросы, относящиеся к управ-

лению, не могли быть вынесены на рассмотрение триб, если трибуны предварительно не получали через консулов одобрение сената. Однако это происходило очень часто, и поэтому имеются упоминания о целом ряде плебисцитов по вопросам управления. Иногда случалось даже, что трибуны ставили перед трибами вопрос о заключении мира и затем вынуждали сенат ратифицировать это решение как выражающее волю всего народа (Liv. XXX. 43; XXXIII. 25).

По отношению к сенату трибуны первоначально не пользовались никакими особыми правами. Лишь в силу своей личной неприкосновенности они получили возможность, сидя у входа в курию, двери которой во время заседаний были открыты, только следить за совещаниями и в случае необходимости заявлять свое «вето». Мало-помалу трибуны присвоили себе право вмешиваться во все дела, заняли место в среде прочих сенаторов. В 456 г. до н. э. трибуны, в борьбе с консулами, добились права созывать сенат, чтобы представить ему рогацию и обсудить ее (D. Н. X. 31, 32); ранее только консулы имели право представлять результаты плебiscита на одобрение сенату.

В 452 г. до н. э. трибун потребовал, чтобы консул запросил у сената постановление о назначении лиц для разработки нового законодательства; и при обсуждении этого вопроса сами трибуны присутствовали в сенате (D. Н. X. 50, 52).

Из права помощи развилось право вмешательства трибунов в постановления сената и во все предложения, предназначенные для внесения в комиции.

Трибун мог наложить вето на постановление сената (Plb. VI. 16; D. С. XLI. 2) и таким образом либо вынудить сенат подвергнуть обсуждаемый вопрос новому рассмотрению, либо назначить новое заседание (Caes. В. С. I. 2; App. В. С. I. 29). Для внесения предложения на рассмотрение сената трибуны могли либо сами созвать заседание (Gell. NA. XIV. 7. 4), либо внести предложение на заседании, созванном консулом, — даже вопреки противодействию консула; такого права в присутствии консула не имел ни один магистрат. С другой стороны, сам сенат в некоторых случаях прибегал к помощи трибунов. Трибуны заставляли консулов повиноваться постановлениям сената *si non essent in auctoritate senatus* (если они не подчинялись авторитету сената) и исполнять его распоряжения (Liv. V. 9; XXVIII. 45).

Трибуны могли апеллировать к народному собранию, созывать его, предлагать законопроекты. Во всех комициях трибуны могли *intercedere, impedire, moram facere*, так что приходилось иногда откладывать даже выборы должностных лиц.

Исходя из своего права присутствовать в сенате и участвовать в его дискуссиях, а также из своего положения представителей всего народа, трибуны постепенно приобрели право интерцессии — даже

без объяснения причин — против любого действия, предпринимаемого магистратом, находящимся в должности (App. В. С. I. 23). Трибуны могли запрещать консулу созывать сенат (Plb. VI. 16), препятствовать внесению новых законов и проведению выборов в комициях (Liv. VI. 35; VII. 17; X. 9; XXVII. 6); также трибуны осуществляли интерцессию против официальных функций цензоров (D. С. XXXVII. 9; Liv. XLIII. 16), против приказа, изданного претором (Liv. XXXVIII. 60; Gell. NA. VII. 19).

Право интерцессии трибунов не сводилось только к праву остановить действия магистрата, но трибуны могли даже приказывать своим посыльным арестовать консула или цензора, отправить его в тюрьму или сбросить с Тарпейской скалы²⁸ (Liv. II. 56; IV. 26; V. 9; IX. 34; Cic. de Legg. III. 9; in Vatin. IX; D. С. XXXVII. 50; Gell. NA. XIII. 12. 6).

Однако трибун мог наложить свое вето только на совершающееся действие, а не уже принятое ранее постановление сената, решение комиций или распоряжение магистрата. Т. е. трибун должен лично присутствовать при совершении данного акта.

Уже вскоре после учреждения трибуна трибуны получили право штрафовать непокорных и пользоваться *prehensio* (т. е. арестовать граждан или должностных лиц), даже консулов они заключали в темницу или угрозами принуждали их к уступчивости. Сами трибуны, однако, не были судьями и не могли назначать наказания (Gell. NA. XIII. 12. 9), но могли лишь внести перед общиной предложение о назначении штрафа (*multam irrogare*).

Ко II в. до н. э. должность трибунов стала привлекательной для честолюбивых политических деятелей настолько, что даже патриции стремились ее занять и с этой целью посредством усыновления переходили в разряд плебеев. Именно в должности плебейского трибуна братья Гракхи осуществляли преобразования в сфере землевладения.

Сулла, установив в республике свою диктатуру, решил сокрушить могущество трибунов и почти уничтожил трибунат, издав в 80 г. до н. э. специальный закон (*lex Cornelia de tribunicia potestate*). Этим законом трибунат, по выражению Веллея Патеркула (II, 30), был превращен в *imago sine re*.

Теперь трибуны должны были свои предложения законов подвергнуть предварительной апробации сенатом; их право ходатайства (имевшаяся у них возможность выступить против инициатив других магистратов) было четко лимитировано в том, что называлось *ius auxilli*, возможность поддерживать частных лиц от злоупотреблений магистрата; наконец, в плане карьеры тот, кто вступил в должность трибуна плебса, впредь исключался из магистратур *cursus* (Liv. Ep. LXXXIX; App. В. С. I. 100; II, 29). Трибунат терял всю свою эффектив-

ность прежде всего потому, что, отрезанный от других должностей, он был магистратурой, которая могла теперь заинтересовать только личностей без больших амбиций и, следовательно, без энтузиазма.

Тотчас же после смерти Суллы начались попытки восстановить трибуна; сначала они были безуспешны, но уже в 75 г. до н. э., в силу *lex Aurelia* (консула Аврелия Котты), трибунам возвращено было право быть избираемыми в консульские должности.

В 70 г. до н. э., в первое консульство Помпея и Красса, нуждавшихся для своих планов в трибунате, на основании Помпеева-Лициниева закона, трибунам была возвращена вся полнота их прежней власти (Vell. XII, 30; Sall. Cat. XXXVIII; D. C. XXXVIII, 30). В период правления первого триумвирата трибуны активно участвовали в политической жизни республики²⁹.

При диктатуре Цезаря авторитет и влияние трибунов на граждан значительно уменьшились. О том, как к трибунам относился сам диктатор, говорят следующие факты, сообщаемые Светонием (Caes. LXXVIII-LXXIX): «Он, проезжая в триумфе мимо трибунских мест и увидев, что перед ним не встал один из трибунов по имени Понтий Аквила, пришел тогда в такое негодование, что воскликнул: «Не вернуть ли тебе и республику, Аквила, народный трибун?» И еще много дней, давая кому-нибудь какое-нибудь обещание, он непременно оговаривал: «Если Понтию Авкиле это будет благоугодно». <...> Однажды, когда он возвращался после жертвоприношения на Латинских играх, среди небывало бурных народных рукоплесканий, то какой-то человек из толпы возложил на его статую лавровый венок, перевитый белой перевязью, но народные трибуны Эпидий Марулл и Цезетий Флав приказали сорвать перевязь с венка, а человека бросить в тюрьму. Цезарь, в досаде на то ли, что намек на царскую власть не имел успеха, на то ли, что у него, по его словам, отняли честь самому от нее отказаться, сделал трибунам строгий выговор и лишил их должности».

В императорское время трибуны оставались священными и неприкосновенными, они сохранили *ius auxilii* и *ius intercessionis*, право созывать сенат и комиции (пока они существовали). Однако все это сохранялось за ними лишь формально. Роль и полномочия трибунов в действительности значительно уменьшились уже при Августе. Это было следствием того, что Август, будучи патрицием и не имея права на занятие должности плебейского трибуна (D. C. LIII, 17, 32), в 23 г. до н. э. получил пожизненную трибунскую власть (*tribunicia potestas*) (Suet. Aug. XXVII).

При этом *tribunicia potestas* императора признана была за *maior potestas* по отношению к власти обыкновенных трибунов, а это лишило их права вмешательства не только в действия самого императора, но и в действия императорских чиновников.

Трибунское право председательствования в комициях при Августе было, вероятно, ограничено тем, что трибуны, внося законопроекты в народное собрание, обязаны были предварительно заручиться формальным согласием сената (*ex auctoritate senatus*). Но и в этом виде участие трибунов в комициальном законодательстве продержалось не долго. Последним известным плебисцитом является закон 8 года до н. э., посредством которого месяц *Sextilis* переименован в *mensis Augustus*.

Напротив, председательское право трибунов, позволявшее им созывать сенат собственной властью, за ними сохранилось; но действительных случаев для осуществления этого права не могло быть много. Рядом с правом председательствования в сенате, трибуны сохранили также право на самостоятельную *relatio*. Трибунская *relatio* была, по-видимому, даже обязательна при выборах новых трибунов. На основании права *relatio* трибуны могли выступать и обвинителями в сенатском суде. Но вообще также это их право на *relatio* имело только номинальное значение, так как ведение дел в сенате зависело от императора.

Сохранилось даже и право трибунов на *intercessio* как против действий магистратов, так и против сенатских решений. *Intercessio* могла осуществляться по собственной инициативе трибунов или вследствие обращения к ним (*appellatio*) со стороны пострадавших с просьбой о помощи (*auxilium*); возможна была такая просьба об *auxilium* также и против частных лиц. Однако во всех этих случаях император мог противодействовать трибунам в силу своей *maior potestas*. При Нероне было сильно ограничено право трибунов налагать штраф, им было запрещено разбирательство ряда судебных дел (Tac. Annal. XIII, 28). Также и сенат не сочувствовал трибунской *intercessio* против действий магистратов: в 56 г. н. э. состоялось сенатское решение, которым воспрещалось трибунам вмешиваться в функции консулов и преторов; тогда же допущена была апелляция к консулам против штрафов (*multa*), налагаемых трибунами по праву их магистратской *coercitio*.

Все это превращало трибунский титул в пустой звук и присуждало трибунов к бездеятельности, по крайней мере в политических делах. Для сенаторов должность трибуна стала настолько непривлекательной, что в 12 г. н. э. за неимением добровольных кандидатов на нее, Август оказался вынужденным принять экстренные меры для замещения этой должности всадниками вместо сенаторов (Suet. Aug. XL; D. C. LIV, 30).

Прежняя *sacrosancta potestas* трибунов потеряла свой характер неприкосновенности еще с тех пор, как в лице императора появилась для них высшая инстанция (*maior potestas*). При Нероне также и кон-

сулы получили значение высшей инстанции по отношению к трибунам вследствие присвоения им права проверки налагаемых трибунами штрафов. Но в виде пережитка старины было принято, чтобы трибуны ассистировали при казни римских граждан, совершаемой властью консулов (D. C. LVIII, 15; LX, 18).

Со времен Августа до Александра Севера трибуны участвовали в управлении городскими XIV *regiones*. Но при Александре Севере звание трибуна исчезает из магистратского *ordo honorum* на надписях сенаторов.

Первоначально эдилов было двое и назывались они плебейскими эдилами (*aediles plebeii*). Учреждение этой должности относится к 494 г. до н. э. По-видимому, сначала их обязанности были лишь вспомогательными; они являлись защитниками трибунов при выполнении теми своих обязанностей и помощниками трибунов в тех вопросах, которые трибуны им поручали, и сначала, видимо, назначались трибунами. С 471 г. до н. э. они стали избираться в *concilia plebis* под председательством народных трибунов сроком на год. Название этих должностных лиц возникло благодаря их попечению о храме (*aedes*) Цереры, в котором «плебс хранил свои плебисциты» (Dig. I. II. § 21). После учреждения должности эдилов их назначили хранителями и постановлений сената, которые до тех пор произвольно утаивались или искажались консулами (Liv. III. 55).

Их личность также являлась священной и неприкосновенной (D. N. VI. 90). В 454 г. до н. э. по *lex Aternia Tarpeia* за ними были подтверждены право на наложение штрафов (*ius multae dictionis*), право созывать плебеев на сходки (*ius contionis*) и право выступать перед собравшимися плебеями. В сферу их компетенции входили плебейские игры, помощь трибунам, по приказу которых они арестовывали неповиновавшихся и распоряжались исполнением наказаний над осужденными, вплоть до низвержения с Тарпейской скалы (после утверждения этой казни комициями) (D. N. VI. 90; VII. 35; XI. 6; Plu. Cor. XVIII; Liv. VI. 20). Они также были общественными обвинителями против тех, кто чем-либо оскорбил плебс.

В подчинении эдилов имелись глашатаи (*praecones*), писцы (*scribae*) и посыльные (*viatores*). Внешних знаков своей должности плебейские эдилы не имели. Они одевались в обычную тогу, при исполнении своих обязанностей сидели на скамейке (*subsellium* или *bisellium*).

Первоначально эдилом мог быть избран гражданин, достигший возраста в 27 лет. По *lex Villia* (180 г. до н. э.) эдилом можно было стать только достигнув возраста в 37 лет.

Обычно эдилитет занимали после квестуры и перед претурой, хотя бывали случаи, когда эдилами становились бывшие преторы. Выборы эдилов производились в июле, а вступали в должность они с 1 января следующего года.

С 366 г. до н. э. наряду с плебейскими эдилами римляне стали избирать еще двух курульных эдилов. По Титу Ливию, это произошло, когда плебейские эдилы отказались проводить Великие игры (*ludi maximi*) в течение четырёх дней вместо прежних трёх. Вот тогда-то и было принято постановление сената об избрании двух курульных эдилов (*aediles curules*). С этого времени ежегодно избирались четыре эдила: два курульных и два плебейских (Liv. VI. 42). Курульных эдилов избирали в трибутных комициях под председательством патрицианского магистрата первоначально только из патрициев, затем поочередно то из патрициев, то из плебеев, и, наконец, из тех и других без различия (Liv. VII. 1). Курульными их называли потому, что они имели право на курульное кресло. Они носили тогу претексту, имели право выставлять восковые изображения предков (*ius imaginum*) (Cic. in Verr. V. 14). Так как они не обладали империем, то ликторы им были не положены.

Только курульные эдилы имели *ius edicendi*, то есть право издавать эдикты (Gaius. I. 6); но правила, содержащиеся в их эдиктах, служили руководством для всех эдилов. Эдикты курульных эдилов касались преимущественно правил купли-продажи и контрактов по торговым сделкам. Они являлись основанием эдильских исков (*actiones aediliciae*), включавших иски по отмене сделки купли-продажи (*actio redhibitoria*) и по снижению покупной цены (*quantum minoris*) (Dig. XXI. tit. 1; Gell. NA. IV. 2. 1). Значительная часть положений эдильских эдиктов относилась к купле-продаже рабов.

Во времена Цицерона эдилов выбирали в трибутных комициях в июле; обычным местом выборов было Марсово поле. Избирали их под председательством консула, голосование за курульных и плебейских эдилов происходило отдельно и курульные эдилы выбирались первыми.

Хотя курульные эдилы по рангу стояли выше плебейских, их функции постепенно сближались и по существу стали идентичными.

Полномочия эдилов распространялись на всю территорию города плюс одна миля от городской черты. В течение пяти дней после вступления в должность эдилы должны были по жребию или путём согласия распределить между собой части города, которые они брали под свой надзор, и каждый эдил в своей части города осуществлял свои функции самостоятельно.

Цицерон (de Legg. III, 7) следующим образом определяет обязанности эдилов: «Эдилы да будут управителями Города, попечителями о продовольствии и торжественных играх». Основные функции, возложенные на эдилов, сводились к следующему:

1. Эдилы осуществляли надзор за строительными работами, за поддержанием в целостности общественных сооружений (храмов, дорог,

водопроводов, клоак и пр.). Надзор за храмами патрициев осуществлялся только курульными эдилами. Эдилы следили, чтобы своевременно производился ремонт обветшавших сооружений, либо снос уже вышедших из строя; это касалось и частных домов. Проведение строительных и ремонтных работ редко осуществлялось самими эдилами, тем более за свой счёт. Но если они и тратили на это средства, то, в основном, из собранных штрафных средств.

2. Согласно Фронтину, надзор за водоснабжением и водораспределением в Риме в ранний период был обязанностью цензоров, но в отсутствие цензоров это входило в сферу ведения эдилов. Попечение о каждом отдельном источнике или акведуке сдавалось на откуп предпринимателям (*redemptores*), любые действия которых требовали одобрения цензоров или эдилов (*de Aquaeduct. Rom. II*).

3. Функции уличной полиции, то есть забота о безопасности на городских улицах, а также об их чистоте, также возлагались на эдилов. Они должны были следить за уборкой мусора и грязи с мостовых, за отводом воды (ливневая канализация) и за состоянием клоак. Кроме того, эдилы должны были заботиться о свободе проезда по улицам: улицы нельзя было загромождать повозками или опасными животными. Домовладельцы должны были следить за состоянием мостовых возле своих домов.

4. Эдилы также осуществляли функции санитарной полиции и полиции нравов. Они должны были наблюдать за состоянием бань, трактиров, лупанариев (публичных домов) и прочих подобных заведений, а также за порядком в них. Регистрация проституток также входила в их функции. Как полиция нравов эдилы могли накладывать наказания и штрафы на людей, ведущих безнравственный образ жизни, на азартных игроков. Они должны были преследовать ростовщиков, наблюдать за исполнением законов против роскоши, а также заботиться о чистоте отечественной религии и разрешённых культов и ограждать граждан и рабов от чужеземных суеверий.

5. Функции рыночной, или торговой, полиции также были возложены на эдилов. Они должны были наблюдать за своевременным и достаточным поступлением продовольствия, в первую очередь – зерна, в город, за доброкачественностью продаваемых продуктов, а также за правильностью используемых мер и весов. Эдилы осуществляли общий надзор за торговлей, т. е. за всеми рынками и базарами, и за выставляемыми на продажу товарами, в том числе и рабами. Они также наблюдали за продажей по низким ценам хлеба для бедняков или за его раздачами. Задача же приобретения зерна на нужды Рима и обеспечение его доставки возлагались на высших магистратов – консулов и преторов, а позднее – на специальных квесторов.

6. Эдилы наблюдали за надлежащим использованием общественной собственности. Они накладывали штрафы на тех, кто использовал слишком большое количество общественных земель или использовал их незаконным образом, а также содержал на общественных пастбищах больше скота, чем дозволено законом.

7. Эдилы должны были наблюдать за проведением всех древних религиозных торжеств и праздников, за правильностью религиозных церемоний и искоренением неразрешённых культов.

Некоторые торжества, например, праздник Флоры, могли проводить любые эдилы. Плебейские игры в честь плебейской триады богов – Цереры, Либера и Либеры – могли проводить только плебейские эдилы (*Liv. XXXI. 56*) На эти же цели плебейские эдилы могли расходовать собранные ими штрафы.

В то же время Великие игры (*ludi magni* или *Romani*, в честь Юпитера, Юноны и Минервы), Мегалезии (*ludi Megalesii* или *Megalenses*, в честь Великой матери богов Кибелы) и театральные представления (*ludi scenici*) могли проводить исключительно курульные эдилы (*Liv. XXXI. 50*).

На расходы, связанные с устройством игр, эдилы получали от государства определенную сумму, но, чтобы удовлетворить любящую зрелища публику, они должны были прибавлять и свои средства, если хотели зарекомендовать себя для достижения высших государственных постов. Из-за этого эдильство было сопряжено с материальными издержками, и поэтому эту должность могли занимать только люди очень богатые. Соответственно, так как занятие этой должности было обычной ступенью к высшим государственным постам, то для небогатых людей доступ к последним был как бы закрыт.

Должность эдила не была обязательной для гражданина в череде занимаемых магистратур на пути к высшей – консульской – власти, но многие граждане Рима стремились к занятию этой магистратуры для достижения популярности в народе. Они были готовы нести огромные расходы на проведение пышных религиозных церемоний, красочных театральных представлений и, особенно, различных игр. И это часто приносило свои плоды. Известно, что тот же Юлий Цезарь влез в большие долги, чтобы только стать курульным эдилом, а потом он израсходовал просто баснословные суммы и залез в огромные долги, чтобы завоевать популярность у граждан Рима (*Suet. Caes. X*).

Юлий Цезарь в 46 г. до н. э. учредил магистратуру зеренных эдилов (*aediles Cereales*), которых было также два. Они должны были заботиться только о продовольствии и о проведении Цереальских игр (в честь Цереры, которую римляне отождествляли с Деметрой) (*Dig. I, 2, 2. 32; Suet. Caes. XLI*).

С этого времени и, по крайней мере, до тех пор, пока должность эдила имела какое-то значение, ежегодно избиралось шесть эдиров. Однако уже при Августе заведывание запасами казенного хлеба (*annona*) отошло к императору и его чиновникам, так что *aediles Cerales* с тех пор ничем не отличались от *aediles plebei*. Напротив, *aediles curules* сохранили по-прежнему торговую юрисдикцию. Постепенно Август отнял у эдиров большинство их полномочий. После битвы при Акции он назначил префекта города (*praefectus urbi*), осуществлявшего общий полицейский надзор, что ранее было одной из функций эдиров. Август также отобрал у эдиров или осуществлял сам обязанности по контролю за религиозными ритуалами и устранению из города всех иноземных культов; он также взял на себя попечение над храмами. Август специально поручил курульным эдилам обязанность по тушению пожаров и предоставил в их распоряжение команду из 600 рабов; но впоследствии эту задачу выполняли префекты ночной стражи (*praefecti vigilum*). Были введены множество различных кураторов (кураторы для надзора за дорогами, кураторы общественных построек, кураторы водных источников и акведуков и даже кураторы русла Тибра), которые лишали эдиров последних влиятельных и почетных функций. В 22 г. до н. э. Август снял с эдиров заботу об играх и возложил ее на преторов. С тех пор эдилы, скорее всего, устраивали игры на добровольной основе. В 11 г. до н. э. Август лишил их участия в заведывании архивом в храме Сатурна. Наконец, и для надзора за общественными зданиями и местами появились специальные императорские чиновники. Эдилы сохранили только надзор за рынками и торговую юрисдикцию.

Как бы в виде возмещения убыли компетенции эдиров Август поручил им, наравне с преторами и трибунами, заведывание городскими *regiones*. При первых императорах они продолжали осуществлять своего рода полицейский надзор с целью подавления открытой безнравственности и беспорядка; так, в их ведении по-прежнему находились бани, таверны и публичные дома, в их обязанности входила регистрация проституток (Tac. *Annal.* II. 85). При Августе эдилы занимались розыском клеветнических сочинений с тем, чтобы сжечь их; то же самое происходило и при Тиберии (Tac. *Annal.* IV. 35).

Таким образом, еще при Августе эдилы лишились большей части своих прежних функций. После этого Август был вынужден заставлять граждан занимать эту магистратуру, проводя по жребию выбор среди тех, кто уже был квестором или трибуном.

Последний засвидетельствованный пример блестящего эдилитета – это деятельность Агриппы, который добровольно принял на себя эту должность и отремонтировал все общественные здания и дороги за свой счет, не взяв ничего из казны (D. C. XLIX. 43; Plin. H. N.

XXXVI. 15). Агриппа уже занимал должность консула до того, как принял должность эдила, и его щедрые расходы на этой номинальной должности стали завершением великолепия эдилитета.

Клавдий отнял у эдиров право на *coercitio* по отношению к трактирам (Suet. *Claud.* XXXVIII), а Нерон вообще сократил эдильскую *coercitio* установлением нормы налагаемых эдилами штрафов. Александр Север установил для заведывания городскими *regiones* вместо эдиров особых *curatores urbis*. На надписях после Александра Севера эдилы встречаются уже в виде редкого исключения. Ещё до Константина звание эдила перестало существовать.

Должность квесторов (от «*quaesitores*» – «следователи», «изыскатели», «ведущие следствие») появилась у римлян в период царей или вскоре после их изгнания. До 447 г. до н. э. они назначались, а потом стали избираться на трибутовых комициях (Tac. *Annal.* XI. 22).

Первоначально их было только двое, и, конечно, они избирались из патрициев. Их деятельность была связана преимущественно с государственными финансами. Поскольку сенат осуществлял верховное управление финансами, квесторы до некоторой степени являлись его агентами или казначеями, ибо они не имели права распоряжаться какой бы то ни было частью государственных средств без указания сената. Их обязанности включали совершение необходимых платежей из эрария и получение государственных доходов. О том и другом они обязаны были вести точные отчеты в своих *tabulae publicae* (Plb. VI. 13). Штрафы, уплачиваемые в государственную казну, также учитывались и взимались квесторами (Liv. XXXVIII. 60; Tac. *Annal.* XIII. 28). Кроме того, они вели учет требований, предъявляемых к государственной казне, и неуплаченных долгов (Plu. *Cat. Min.* XXVII).

Еще одной сферой обязанностей квесторов было обеспечение должного размещения иноземных послов и лиц, связанных с государством узами общественного гостеприимства. На них было возложено попечение о похоронах и памятниках выдающихся людей, расходы на которые, согласно постановлению сената, оплачивались из казны. В эрарии и, следовательно, под надзором квесторов, хранились книги, в которых были записаны постановления сената (I. *Ant. Iud.* XIV. 10. 10; Plu. *Cat. Min.* XVII), тогда как подлинники документов находились на хранении у эдиров до тех пор, пока Август не передал попечение о них также квесторам (D. C. LIV. 36).

В 421 г. до н. э. количество квесторов было удвоено, и трибуны попытались провести поправку в закон, предусматривающую избрание части (вероятно, двух) квесторов из плебеев (Liv. IV. 43). Эта попытка не удалась, но интеррекс Л. Папирий достиг компромисса, в соответствии с которым выборы должны были производиться из обоих сословий без ограничения. После принятия этого закона ни

один плебей не был избран на должность квестора в течение 11 лет, до 409 г. до н. э., когда три из четырех квесторов были плебеями (Liv. IV. 54). С этих пор каждого консула, отправлявшегося на войну с врагом, сопровождал один квестор, который первоначально должен был только наблюдать за продажей добычи, выручка от которой либо распределялась среди легионеров, либо передавалась в эрарий (Liv. IV. 53). Впоследствии квесторы также хранили фонды армии, которые они получали из казны в Риме, и выплачивали солдатам жалование; фактически, они являлись казначеями армии (Plb. VI. 39). Два других квестора, остававшиеся в Риме, продолжали выполнять такие же обязанности, как и прежде, и отличались от тех квесторов, которые сопровождали консулов, эпитетом «городские» (*urbani*).

В 265 г. до н. э., после того, как римляне сделались хозяевами Италии, и когда вследствие этого управление казной и сбор доходов стали более трудоемкими и важными задачами, число квесторов было еще раз удвоено до восьми (Lyd. de Mag. I. 27; Liv. Erit. XV). Новые квесторы назначались в некоторые местности Италии (Остия, Кампания, Цизальпийская Галлия) для заведования правильным управлением в римскую армию союзнических военных сил и особенно правильным поступлением в римскую казну тех платежей, которые не были откуплены публиканами, и для контроля за последними. Остийский квестор, в частности, заведовал правильным подвозом хлеба в столицу (Cic. pro Muren. VIII, pro Sext. XVII).

Из этих квестур остийская и галльская сохранились до времен Клавдия, который их уничтожил, установив в Остии, вместо квестора, императорского прокуратора порта (D. C. LX, 24. Suet. Claud. XXIV).

Квесторы не были курульными магистратами. Они носили тогу претексту, но не обладали империем и, следовательно, не имели ликторов. В их подчинении имелись *scribae*, *viatores* и *praesones*. Во время своего служебного года они имели доступ в сенат, и цензоры имели обыкновение при *lectio* принимать в сенат бывших квесторов (Liv. XXXIII. 23).

Закон 180 до н. э. *lex Villia annalis* установил минимальный возраст для получения квестуры — кандидат должен был предварительно отбыть 10 лет воинскую повинность или, по крайней мере, в течение этого времени предъявить себя к набору, а так как отбывание воинской повинности начиналось с 17 лет, то квестором можно сделаться не ранее 27 лет. При Сулле возрастной ценз для квесторов из числа патрициев был увеличен до 30 лет, а из плебеев — до 32 лет.

Сулла увеличил число квесторов до 20, а Цезарь — до 40. При Августе снова стали избирать 20 квесторов. Для получения квестуры при Августе требовались сенаторский ценз в 1 млн сестерциев,

25-летний возраст и служба на командной должности в армии. Квестура давала право лицам из патрицианских родов добиваться претуры; плебеи же до этого должны были занимать должность эдила или народного трибуна.

Когда квесторов стало много, сферы действия между ними стали распределяться частью по выбору высших магистратов, к которым они приставлялись в качестве помощников, и это должно было получить одобрение сената (Liv. XXX. 33; Cic. Att. VI. 6, 4), частью путем жеребьевки (*sortitio*) (Cic. pro Mur. VIII, 18). При императорах распределение провинций между квесторами осуществлялось императором и консулами (Plin. Ep. IV. 15). В результате, с конца периода Республики в составе квесторов можно выделить следующие разряды:

Двух городских квесторов (*quaestores urbani*, или *aerarii*), которые заведовали государственным казной (*aerarium*) в храме Сатурна. У них находились и ключи от эрария.

На обязанности их лежало хранение казенной наличности (*pecuniam publicam custodire*), ведение приходо-расходных книг (*rationes referre*) и т. д. Квесторы были также хранителями государственного архива (хранившихся в нем военных знамен и государственных документов — решений сената, государственных актов, списков законов и т. д.) (Liv. III. 69; IV. 22; VII. 23), поскольку он находился в храме Сатурна. На этом же основании и присяга магистратов на верность законам совершалась перед квесторами. Они должны были заботиться об отдаче в подряд работ по постановке общественных памятников и о продовольствии послов.

В самом начале своего принцепата Август отнял у квесторов заведывание эрарием и передал его сперва преториям, а потом преторам (Suet. Aug. XXXVI). В 44 г. н. э. Клавдий возвратил эрарий квесторам. Но эти квесторы не избирались по жребию, а назначались самим императором и притом оставались в должности в течение трех лет с правом переходить после этого прямо к претуре. В 56 г. н. э. квесторов сменили *praefecti aerarii* (Tac. Annal. XIV, 93.).

В первые времена Империи квесторы обязаны были нести расходы (вероятно, в известной норме) по ремонту городских мостовых. Клавдий освободил их в 47 г. н. э. от этой повинности, но взамен этого обязал их давать игры (Suet. Claud. XXIV; Tac. Annal. XIII. 5). В противоположность к консульским и преторским *ludi* в цирке (состязание на колесницах), квесторские игры состояли из *munera*, т. е. борьбы гладиаторов. В 54 г. н. э., при Нероне, устройство игр было признано необязательным для квесторов, но, в качестве добровольного акта, гладиаторские игры продолжали существовать и после того, причем некоторые императоры были более требовательны, чем другие. Александр Север снова вменил игры в обязанность квесторам,

но только тем, которые удостоивались звания *quaestores candidati* (SHA. v. Alex. Sev. XLIII).

На надписях встречается титул *quaestor urbanus* еще в III в. н. э. Возможно, что они хранили те государственные документы, которые не имели отношения к финансам.

Провинциальных (военных) квесторов (*quaestores provinciales*), которые были ближайшими помощниками правителя провинции и в случае его отсутствия могли заменять его. В начале принципата Августа было 10 сенатских провинций, но провинциальных квесторов было 11, поскольку у наместника Сицилии, острова, ранее разделенного на карфагенскую и греческую территорию, в отличие от наместников остальных провинций, имевших по одному квестору, их было два, отвечавших каждый за одну из частей. Один из них имел резиденцию в Лилибее, второй – в Сиракузах (Cic. c. Verr. II, 4). В отличие от городских квесторов провинциальные пользовались пропреторским рангом: *quaestor pro praetore*; впрочем, в соединении с названием провинции (*quaestor provinciae* такой-то) обозначение пропреторского достоинства могло и опускаться, так как оно разумелось само собой. В провинцию они отправлялись, вместе со своими проконсулами, только уже в середине своего служебного года. Захватывая таким образом и часть следующего года, квесторы сохраняли свой титул вплоть до ухода их из провинции. Однако возможно было отправление квестора также уже после того, как он отбыл годичный срок своей службы в столице; в таком случае, в провинции он являлся проквестором. Они ведали финансовой частью провинциального управления, провинциальной казной, выдачей денег на содержание войска, наместника и его свиты, продажей добычи, взымали те государственные платежи, которые не были откуплены публиканами, контролировали публиканов и отсылали собранные суммы и отчеты о них в эрарий и т. п.

Взаимоотношения между наместником провинции и его квестором, согласно античной традиции, воспринимались как подобные отношениям отца и сына (Cic. Divin. XIX; c. Verr. II. 1. 15; pro Planc. XI; ad Fam. III. 10). Если квестор умирал в провинции, преторы имели право назначить вместо него проквестора (Cic. c. Verr. II. 1. 15), а если наместник отсутствовал, то квестор занимал его место и получал сопровождение ликторов (Cic. ad Fam. II. 15; pro Planc. XLI). Тесные отношения между наместниками и их квесторами сохранялись и после служебного года (Cic. c. Verr. I, 4).

Провинциальные квесторы исчезают на надписях после Александра Севера.

Консульских квесторов (*quaestores consulum*), до диктатуры Суллы сопровождавших консулов в случае отправления их на войну,

приобретших другой характер вместе с превращением консулата в чисто гражданскую должность. С 38 г. до н. э. каждый консул получал по два квестора, которых он избирал себе из состава квесторов сам (D. C. XLVIII. 43). В императорское время квесторы, избранные первыми консулами (*consules ordinarii*), переходили и к последующим за ними *consules suffecti*, так что один и тот же квестор мог состоять при нескольких консулах, смотря по количеству консульских смен (*nundinia*) в данном году. Если консулом был император, то консульские квесторы состояли и при нем. Обязанности консульских квесторов не были определены, состоя в случайных поручениях.

Императорских квесторов (*quaestores Caesaris, principis*) (Tac. Annal. XVI, 27), появившихся в императорское время. Их было несколько каждый год, вероятно, трое, помимо тех, которые состояли при императоре, если он занимал должност консула. Их избирал сам император, но не из числа выбранных уже сенатом квесторов, а наперед рекомендовал их сенату, в качестве своих кандидатов, вследствие чего они назывались также *quaestores candidati principis*. Императорские квесторы составляли наиболее почетный разряд во всей квесторской коллегии, как видно из того, что патриции всегда получали только это звание, когда занимали квестуру. Эти квесторы оставались в течение служебного года в городе при таких же неопределенных функциях, как и консульские квесторы: они являлись своего рода только чиновниками особых поручений. Они должны были сопровождать императора в его передвижениях по империи. Если император, находясь далеко от Рима, хотел обратиться с каким-либо посланием к сенату, он записывал свою речь, а один из его квесторов отправлялся в столицу и зачитывал на заседании сената речь или указы императора (*libri principales, epistolae principis*)³⁰ (Suet. Aug. LXV; Tib. VI; Nero. XV; Tac. Annal. XVI, 27; Dig. I tit. 13, § 2 и 4; Lyd. de Mag. I. 28; Plin. Ep. VII. 16; SHA. v. Alex. Sev. XLIII).

Александр Север упразднил категорию специальных *quaestores (candidati) principis*, но зато расширил разряд императорских кандидатов на квесторскую должность вообще, предоставив вместе с тем всем этим квесторам, называвшимся с тех пор просто *quaestores candidati* (без прибавления императорского имени), те же права, которые дотоле были присвоены только патрицианским *quaestores principis*, но с обязательством давать игры на свой собственный счет. С тех пор на надписях встречаются только *quaestores candidati* или просто *quaestores*, но нет более ни *quaestores principis*, ни даже *quaestores urbani*.

Квесторы существовали до позднейшего периода Империи, как в городе, так и в провинциях. Звание *quaestor candidatus* перешло и в период домината, вместе с играми, устраивавшимися этими

квесторами. При Константине их сменил *quaestor sacri Palatii*, государственный канцлер, через руки которого проходило все законодательство и все прошения.

Остальные, более мелкие, магистраты в период Республики носили все вместе общее наименование – *viginti sex viri*, потому что их было всего 26. В это число входили:

1. *Tresviri capitales* (уголовные тресвиры), или *nocturni* (ночные), видимо, впервые были назначены в регулярном порядке примерно в 290 г. до н. э. (*Liv. Epit. XI*). Сначала тресвиры не избирались народом, а назначались, вероятно, городским претором, который позднее руководил их выборами.

На обязанности их лежали: расследование на месте преступлений, совершение смертной казни (поэтому – «*capitales*»), пожарная полиция, по преимуществу ночью (поэтому – «*nocturni*») В уголовных делах их главной обязанностью был надзор за надежностью охраны заключенного и приведение в исполнение высшей меры наказания (*Dig. I, 2, 2, 30; Liv. XXXII. 26*).

В их обязанности входило также принятие обвинений и арест преступников; и в целом надзор за полицией в Риме, для чего они имели пост на форуме рядом с колонной Мения (*Columna Maenia*). Они были обязаны обходить улицы ночью и задерживать и наказывать лиц, нарушающих общественный порядок, и должны были немедленно прибывать на место в случае пожаров. В криминальных делах, где частные граждане выступали в качестве обвинителей, претор назначал тресвиров судьями. Кроме того, они должны были взыскивать и вносить в казну *sacramenta*, связанные с гражданскими тяжбами, и принимать решения о том, кто должен исполнять обязанности судей (*Cic. Brut. XXXI, 117*). Здесь они выступали как помощники преторов.

В эпоху Империи главная часть их прежней компетенции перешла к префекту вигилов и префекту города. Однако в начале принципата Августа этих префектов еще не было, а потому триумвиры и были оставлены в составе вигинтивирата. Некоторая доля их компетенции осталась за ними и в императорское время.

Помощниками уголовных триумвиров, главным образом для дозора в ночное время, были *cistiberes*. Их было пятеро, а потому они назывались официально *quinque viri cis Tiberim*. Как показывает их название, их компетенция простиралась на весь город по одну сторону Тибра, причем каждому из них поручалась одна *regio* Рима. После деления города при Августе на 14 *regiones*, компетенция *цистиберов* открепилась от старого деления и распространилась также и на затибрскую часть города. Их избирали эдилы, которым были подведомственны и сами триумвиры. Срок службы был, вероятно, годичный; но возможна была итерация.

2. *Triumviri monetales*, называвшиеся обычно *III-viri a. a. a. f. f.* (*tresviri aere argento auro flando feriundo*). Эта должность считалась высшей данного разряда, как видно из того, что патриции, когда занимали вигинтивират, всегда назначались монетными триумвирами. Триумвиры заведывали чеканкой не только медной сенатской монеты, но и императорского серебра и золота, сначала одни, а со времени Траяна – при содействии императорского *procurator monetae*. На сенатской монете до 11 г. н. э. помещались и имена триумвиров; после этого года сенатская монета помечалась только буквами *SC*.

3. *Decemviri stlitibus iudicandis* – судебная коллегия для разбора некоторых гражданских дел. Ее члены были из числа патрициев и плебеев. Выборной эта должность стала не сразу, избирали ее членов в трибутных комициях. Она рассматривала гражданские дела (*Cic. de Legg. III. 3, 6*), прежде всего, вопрос о свободном статусе человека.

Август отнял эти процессы у *децемвиров* и передал, вероятно, в ведение городского претора и претора *перегринов*. В век Цицерона существовал особый разряд присяжных судей, называвшихся *centumviri* и разбиравших процессы о наследствах под председательством квесториев. Август заменил квесториев *децемвирами stlitibus iudicandis* (*Suet. Aug. XXXVI; D. C. LIV. 26*). Однако верховное руководство *центумвиральным* судом принадлежало преторам. *Децемвиры* являлись только их помощниками. Но в III в. н. э. встречается специальный *praetor de liberalibus causis*.

В III в. н. э. *децемвиры* утратили свой магистратский характер, но сохранились в виде судебных помощников еще и в период *домината*.

4. *Quattuorviri viis in urbe purgandis* следили за чистотой улиц и водосточных канав, а также за тем, чтобы не было препятствий для свободного проезда по улицам города. В императорское время они были переименованы в *quattuorviri viarum curandarum*, с сохранением прежних обязанностей.

5. *Duoviri viis extra urbem purgandis* впервые упомянуты в *lex Iulia municipalis*, следовательно, они, по всей видимости, были учреждены при Юлии Цезаре. После 20 г. до н. э. Август принял на себя заботу о всех дорогах в ближайшем соседстве Рима, назначал для этой цели, вместо прежних *II viri viis extra urbem purgandis*, кураторов этих дорог с расширенной компетенцией из числа бывших преторов с присвоением им двух ликторов. Такие кураторы дорог существовали еще в республиканское время для отдельных дорог. В виду единоличности республиканских кураторов дорог можно полагать, что также и взамен *II viri viis extra urbem purgandis* назначался единоличный *curator viarum extra urbem*. Эти кураторы назначались на определенный срок, как это было принято еще по отношению к республиканским кураторам дорог. Деятельность куратора *viarum*

extra urbem простиралась, конечно, только до пределов территории, составлявшей со времен Суллы окрестность Рима, т. е. на расстоянии 5000—6000 шагов от стен города³¹.

6. *Quattuorviri iure dicundo* *Capuam Cumas*, посылавшиеся в Кампанию в качестве наместников государства в некоторые небольшие города, находившиеся на особом положении и лишенные местной автономии. В 20 г. до н. э. Август упразднил эту коллегию.

Таким образом, уже при Августе вместо 26 мужей стали избирать 20, почему их и стали называть *vigintiviri*. Условиями выбора на эти должности были: принадлежность к сенаторскому сословию и достижение взрослого возраста (т. е. права на ношение *toga virilis*). Занятие одной из этих должностей в период Империи открывало доступ к квестуре, а через нее — к членству в сенате. Если в период Республики 26 мужей избирались в трибутных комициях, то 20 мужей со времен Тиберия избирались в сенате. Эти магистраты существовали вплоть до III в. н. э. (SHA. v. Did. Iul. I).

Магистрат, приступая к выполнению каких-либо функций пользовался людьми, находившимися в личной от него зависимости: это были рабы, в том числе государственные (*servi publici*), вольноотпущенники и клиенты. Они назначались своим господином или патроном и были ответственны только перед ним, а отвечал за все полномочия только он сам. Государственные рабы были слугами жрецов и рассыльными высших магистратов. Они использовались также для пыток и казни преимущественно несвободных людей (*tortures, carnifices*).

Вокруг каждого магистрата группировался его личный совет — *consilium*, не имевший, впрочем, никакого официального значения, и целая масса низших служащих, носивших общее название *apparitores*. Все они получали жалованье (*merces*) из государственной казны, не считались магистратами, но занимали определенные места в театре или цирке (Tac. *Annal.* XVI. 12), несомненно, вблизи мест тех магистратов, которым они прислуживали, и составляли при каждой магистратуре некоторый постоянный штат, переходивший от одного представителя ее к другому.

Apparitores подразделялись на пять разрядов: *accensi, lictores, viatores, scribeae, praecones*. Каждый разряд образовывал корпорацию (*corpus*), которая подразделялась на декурии (*decuriae*), обладавшие правом иметь определенную собственность и рабов. Численный состав декурии не соответствовал основному значению слова *decuria* (от *decem*), а зависел от условий службы. Число членов декурий колебалось в зависимости от численности помощников, полагавшихся отдельным магистратам. Должность аппаратора номинально предоставлялась ежегодно соответствующим магистратом, но на деле была постоянной и могла быть продана за деньги.

Вместо старого названия *apparitores* в императорское время чаще употребляется слово *decurialis* по отношению ко всем аппараторам, организованным в виде декурий, за исключением *scribeae*, которые обозначаются только этим титулом. Организация, присущая декуриям аппараторов в республиканское время, сохранилась и при императорах в полной силе. Во главе их находилось правление, состоявшее у *scribeae* из шести человек: *sex primi*, а в других декуриях из 10: *decemprimi*. По примеру других коллегий, правление декурий обозначалось при Августе также словом *magistri*, позднее *curatores*. Декурии имели свое имущество и свои присутственные помещения (*schola*): заведывание хозяйством поручалось одному из членов правления при содействии обычных в таких делах служителей. Звание члена правления не было пожизненным, но могло быть повторяемо. Декуриалы получали постоянное жалованье, называвшееся в императорское время *salarium*, как у чиновников.

По *lex Iulia de repetundis* аппараторы были приравнены к магистратам в том, что наравне с последними могли быть привлекаемы к ответственности и первые.

Высший слой прислужников при должностных лицах составляли государственные писцы (*scribeae*) — вспомогательный аппарат, занятый делопроизводством, ведением расчетных книг, хранением архивов, секретарской работой. Многие из них были государственными рабами, но другие были людьми свободными и занимали в обществе довольно престижное место. В составе *scribeae* нередко встречались и всадники, в то время как вообще между аппараторами преобладали либертины.

По рангу магистратов *scribeae* подразделялись на три разряда:

А. Три декурии квесторских *scribeae*, состоявших при эрарии. Количеству этих декурий соответствует и количество членов их правления: *sex primi* (Cic. *de Nat. Deor.* III. 30, 74), по два на каждую декурию. Однако, подобно правлению, также и сами декурии составляли одно целое, как видно из того, что *scribeae* называются всегда только вообще членами трех декурий (никогда членами такой-то декурии в частности): *scriba librarius quaestorius trium decuriarum*, иногда с прибавкой *ab aegario*. Они называются квесторскими, потому что в республиканское время избрание их присвоено было квесторам, которые еще и во времена Империи руководили, по крайней мере, жеребьевкой провинциальных *scribeae*, несмотря на то, что последние считались состоящими при проконсуле; квесторы также заведывали выдачей причитающаяся им жалованья. Сулла увеличил число квесторских писцов до 36, а до этого их было 27. Из этих 36 писцов 22 отправлялись в провинции (по 2 при каждом из 11 наместников), а остальные 14 оставались в Риме. В столице квесторские *scribeae* были

заняты исключительно в эрарии, соответствуя здесь табуляриям других ведомств. Поскольку начальникам эрария принадлежало административное судопроизводство, к последнему были причастны и квесторские *scribae*. В республиканское время квесторские *scribae*, помимо их ближайших обязанностей при эрарии, находились также и в распоряжении преторов (в судопроизводстве) и цензоров (при производстве ценза). В императорские времена этого уже не было.

В. Декурии эдилских и трибунских *scribae*. Прямо засвидетельствована только *decuria scribarum librariorum aedilium curulium*. Во главе этой декурии стояло правление; однако количество его членов неизвестно. О функциях этих *scribae* также нет сведений; но ясно, что, пока существовал торговый суд курульных эдилов, их *scribae* функционировали в этом деле.

Издавна состояли *scribae* и при трибунах, встречаются трибунские *scribae* и на надписях императорского времени, причем эти *scribae* считались состоящими также и при императоре, в силу его *tribunicia potestas*. Рядом с ними упоминаются также *scribae* плебейских эдилов и *scribae* цериальных эдилов: первые несомненно унаследованы от давних времен, когда плебейские эдилы заведывали архивом плебса; вторые необходимы были для ведения дела, порученного Цезарем цериальным эдилам (отнятого потом у них Августом). Организация этих *scribae* неизвестна. Вероятно, *scribae* плебейских и цериальных эдилов составляли одну декурию, а *scribae* трибунов – другую, так что, вместе с декурией курульных эдилов при магистратах ранга трибуниций было всего три декурии.

С. *Scribae X virum stlitibus iudicandis* также составляли, по видимому, отдельную декурию и предназначались на помощь децемвирам в центумвиральном судопроизводстве. По мере надобности они предоставлялись и в распоряжение других магистратов из состава вигинтивирата.

Опытные, сведущие в праве писцы были весьма влиятельны. Сложив с себя обязанности, писец мог даже быть избранным в магистраты. Цицерон (*de Off.* II, 8, 29) упоминает человека, который при Сулле был писцом, а при Цезаре стал городским претором.

В составе сопровождения магистратов наряду с ликторами (о которых речь ниже) находились *accensi*, которые не имели фасков, но в случае необходимости могли заменить ликторов. По древнему обычаю, *accensus* шел перед консулом, если он не был при исполнении обязанностей, а ликторы за консулом (*Suet. Caes.* XX). В обязанности акцензов входил созыв народа на комиции (*Varro. L. L.* VI, 88). Преторы приглашали в суд через своих *accensi*; консулы и преторы поручали своим акцензам во время комиций выкрикивать часы дня (9 часов утра, полдень и 3 часа пополудни) (*Varro. L. L.* VI, 89; *Plin. Ep.* VII, 60).

Акцензы назначались из числа либертинов, и притом обычно из собственных отпущенников данного магистрата, которого они поэтому и называли своим патроном, но также и из прочих либертинов. Принадлежа к числу аппариторов, акцензы не были *decuriales*, так как не имели корпоративной организации в виде декурии. Другая отличительная особенность заключалась в том, что акценза избирал по своему усмотрению тот магистрат, при котором он должен был состоять, в то время как декурии пополнялись путем своеобразной кооптации. Наконец, звание декуриала было бессрочное; напротив, акценз сохранял свое звание только в течение служебного срока того магистрата, при котором он состоял. Однако, один и тот же акценз мог приобретать это звание по несколько раз, будучи повторно назначаем одним и тем же магистратом в разные годы своей службы, а также и разными должностными лицами.

В императорское время акцензы встречаются только при консулах и при императоре. Но в последнем случае, в виду бессрочности императорского сана, также и звание императорского акценза было бессрочным, они могли даже переходить наследственно от одного императора к другому. Как магистратские, так и императорские акцензы получали содержание из эрария, куда патрон акценза и представлял его имя для внесения в списки.

Ликторами назывались служители высших магистратов, несшие перед ними на левом плече символический знак их власти – фаски (*fascis*)³².

Древние авторы единодушны в том, что ликторов римляне позаимствовали у этрусков. Однако они по-разному определяют, при каком из римских царей это произошло. Ливий пишет (I, 8), что при Ромуле, Дионисий Галикарнасский (III, LXI) – при Тарквинии Древнем, Макробий (I, 6, 7). – при Туле Гостилии. При царях они шли впереди царя (D. N. III, LXII). В начале республиканского периода царские ликторы были разделены поровну между двумя консулами, причем консулы исполняли свои обязанности попеременно через месяц (D. N. V, II), у того консула, который находился при выполнении обязанностей, ликторы шли перед ним, а у другого – впереди шел посыльный (*accensus*), а ликторы – сзади (*Cic. de Rep.* II, XXXI, 55; *Suet. Caes.* XX).

Старшим по положению среди ликторов был тот, который шел ближе всего около магистрата (поэтому он назывался *lictor primus* или *lictor proximus*).

Впрочем, некоторые современные авторы считают, что *lictor proximus* назывался ближайший к магистрату ликтор, шедший впереди него, а *lictor primus* – это первый из выступавших «гуськом» перед магистратом ликторов (как это видно из *Liv.* XXIV, 44).

Нужно различать два вида ликторов: 1) ликторы, которые при-служивали магистратам (или императорам); 2) ликторы, которые обслуживали общественные священнодействия (*sacris publicis*). Оба вида появились у римлян в период царей, поскольку царь был главой не только светской, но и религиозной власти. Невозможно сказать, какой из видов появился раньше, но первый был более важным.

Ликторы относились к числу инсигний власти царя и магистратов, они сопровождали носителя империя не в связи с какими-то обстоятельствами, а постоянно: в доме, по пути к форуму, при исполнении служебных обязанностей, во время комиций. Согласно Плутарху (*Rom. XXVI*), при царях ликторы шли впереди царя и должны были палками раздвигать толпу, «они были подпоясаны ремнями, чтобы немедленно связать всякого, на кого им укажет царь». В период Республики ликторы сопровождали магистратов во время их выхода, очищали для них дорогу, для чего они предупреждали людей о проходе магистрата, окликаая их (*animadvertere*) и призывая посторониться; смотрели за тем, чтобы им была оказываема должная почесть, окружали трибунал, совершали казнь над осужденными гражданами и т. п. Ликторы не использовались для поручений и сопровождения арестованных магистратом в тюрьму – эти задачи осуществляли *viatores*.

Если низший магистрат встречал высшего, его ликторы опускали фаски. Если магистрат имел дело с народом, его ликторы также опускали фаски (*Liv. II. 7; Plu. Pop. X*).

Что касается числа ликторов, то царя сопровождали 12 ликторов, диктатора – 24, начальника конницы – 6, претора в Риме – 2, пропретора в провинции – 6 (но в период Империи – 6 и в городе), консула в городе – 12, проконсула в период Республики и ранней Империи – 12 (но в начале III в. н. э. – 6 (*Dig. L, 16, 14*)), наместника императорской провинции – 5. Показателем важности поста *curatores viarum* в период Империи является то, что каждый из них имел двух ликторов. Император до Домициана имел 12 ликторов, Домициан увеличил их число до 24 (*D. C. LIV. 10; LXVII. 4*), но позже употребление императором ликторов постепенно отмирает.

Ликторы составляли в Риме особые корпорации, разделявшиеся на декурии: три декурии ликторов для высших магистратов (по 24 человека в каждой) и одну декурию куриатных ликторов (*lictiores curiati*), которые присутствовали при общественных жертвоприношениях (*decuria curiatis*) и служили представителями 30 курий в мнимых комициях, т. е. комициях куриатных, на деле не собиравшихся, а существовавших только формально и заменявшихся 30 ликторами, которые, таким образом, представляли собою как бы 30 курий. *Flamen dialis* и весталки имели также по ликтору, вероят-

но, из декурии куриатных ликторов. Особую корпорацию составляли созданные Августом (вероятно, для сакральных целей) ликторы так называемых *vicomagistri* (т. е. начальников кварталов), находившиеся также в распоряжении децемвиров (*decemviri*).

Декурии магистратских ликторов составляли одно целое, во главе которого стояло одно общее управление из *X primi*. Они предназначались для службы при всех магистратах, имевших право на *fasces*. Одна из трех ликторских декуррий назначена была специально для консулов, вследствие чего и называлась *decuria consularis*. Когда в 22 г. до н. э. Август был сравнен в правах с консулами, то из этой же декурии избирались и императорские ликторы. Остальные две декурии оставались в распоряжении преторов и провинциальных правителей (проконсулов и легатов), а также и тех *quasi*-магистратов, которым в начале принципата были присвоены ликторы.

Ликторы по своему положению были ниже, чем *scribae* и *accensi*, но выше, чем *viatores* и *graecones* (*Cic. Ver. III. 66, 153; ad Q. F. I. 1, 4*). В императорское время, судя по сообщению Тацита (*Annal. XIII. 27*), они были большей частью из вольноотпущенников. Относительно периода Республики информации источников по этому вопросу нет. Ливий пишет (*Liv. II. 55*), что они набирались из плебеев. Снаряжение и оплата ликторов осуществлялись за счет государства. Их жалование равнялось 600 сестерциям в год.

В Риме ликторы облачались в тогу. За пределами города они облачались в короткий плащ (*sagulum*) красного цвета, на похоронах – черного цвета (*Nor. Ep. I. 7, 5*).

Graecones – провозвестники (глашатаи) вообще, особенно при аукционах. Их занятие было мало уважаемо. Поэтому тот, кто был не способен ни к чему другому, избирал это звание, если только он обладал достаточным голосом (*Cic. Quint. III. Mart. V, 56, 10*). Круг деятельности их расширялся до принятия всевозможных поручений, например, похорон; вместе с тем они служили как выкрикиватели на улице, если кто-либо потерял какую-нибудь вещь и т. д.

Были также государственные глашатаи, большей частью вольноотпущенники, которые получали хорошее содержание. Их назначением было везде, где требовались устные объяснения, выкликать их. Они проявляли свою деятельность: 1) при комициях, созывая народ на сходки, приглашая его к подаче голосов и объявляя во всеуслышанье результат голосования; 2) при судебных заседаниях, где они вызывали обвинителя, подсудимого, защитников и свидетелей и означали конец каждой речи словом *dixit* (*Liv. VIII, 42; Cic. in Verr. II. 30. 40*). При приведении в исполнение уголовных приговоров они объявляли причину наказания и приглашали совершителя казни исполнить свой долг; 3) оповещали о заседаниях сената; 4) они же при-

глашали народ на игры и объявляли во время их имя победителя. При аукционах от имени государства они действовали так же, как частные глашатаи при частных аукционах. Также в муниципиях и колониях были публичные *praesones*, которые, однако, по постановлению Цезаря (Cic. ad fam. VI, 1. 8, 2), не могли быть декурионами или сенаторами, не отказавшись предварительно от своей должности.

Данные эпиграфики говорят о том, что *praesones* образовывали коллегию из трех *decuriae*. Эти три декурии глашатаев были организованы таким же образом, как и тройные декурии ликторов и *scribae*, т. е. как одно целое. Они предназначались для службы при консулах, цензорах и преторах. Как у ликторов, так и у глашатаев одна из трех декурий несла службу специально при консулах, а вследствие этого и при императоре. Она называлась *decuria Iulia praesonia consularis*. Прибавка слова *Iulia* показывает, что декурии получили свою окончательную организацию еще при Августе. Вторая декурия несла службу при курульных эдилах, эрарных квесторах и трибунах (CIL. VI. 1944, 1945, 1869, 1847; ср. Liv. XLIII. 16). *Praesones* находились при этих магистратах и в провинциях (Cic. in Verr. II. 10, 27; Liv. XLV. 29). При Августе была организована *decuria pullaria*, предназначенная для магистратских ауспиций.

Viator – государственный скороход (курьер), который доставлял общественные извещения и приглашения сенаторам, проживавшим около Рима в своих виллах (Cic. Cat. m. XVI). *Viatores* передавали также требования явиться в суд и производили аресты. Консулы и преторы имели в своем распоряжении три декурии виаторов. Эти виаторы были в распоряжении императора, вследствие уравнивания его в правах с консулами. При случае они исполняли свои обязанности верхом, вследствие чего их декурия называется также *decuria viatoria equestris consularis*. Народные трибуны, плебейские эдилы и *quaestores urbani* также имели таких слуг. Декурия виаторов, состоявших при *X viri stlitibus iudicandis*, несла служебные обязанности в центумвиральном суде.

Положение виаторов было несколько выше положения *praesones*, но обыкновенно ими были или вольноотпущенники, или граждане низшего происхождения. Однако в императорское время виаторы эрарных квесторов (*viatores gvaestorii ab aegario*) занимали довольно видное положение, так что между ними встречались и всадники. Низшими считались те виаторы, которые служили у *III viri capitales* и *IV viri viarum curandarum*.

В целом же численность аппараторов, как помощников магистратов, была довольно значительной – свыше 500 чел.

Примечания

1 Понятие *magistratura* является новолатинским словообразованием. Современные ученые его применяют, но римляне для обозначения как правительственной должности, так и самого начальственного лица употребляли термин *magistratus*. Этим термином римляне обозначали также должностных лиц, избранных в муниципиях и колониях.

2 Это делало магистратуры доступными только для зажиточных людей, а в некоторых случаях – только для весьма богатых, поскольку магистрату «было достойно» устраивать за свой счет увеселения для граждан, проводить денежные и хлебные раздачи.

3 В этом состоит сущность так называемого *ius intercessionis* (права вмешательства, возражения, протеста). При этом *ius intercessionis* распространяется не только на соименных коллег, но и на других магистратов, низших по сравнению с интерцедирующим: консул может интерцедировать не только консулу, но и претору, квестору и т. д. Однако власть цензора не подлежит ничьей *intercessio*, кроме *intercessio* другого цензора; с другой стороны, народный трибун может интерцедировать всем.

Однако *ius intercessionis* не применялось в отношениях между эдилом и квестором. Не использовалось оно и в военной сфере. Нельзя было отменять на его основе решения суда по гражданским делам. *Ius intercessionis* явилось могущественным средством взаимного контроля магистратов и служило действительным противовесом против абсолютистических поползновений отдельных лиц.

Intercessio, в зависимости от того, против чего использует это право магистрат, можно разделить на следующие виды: против постановления (*edictum*) магистрата, против мнения (*rogatio*), высказанного при обсуждении вопроса на комициях, или против решения сената (*senatus consultum*).

1. *Intercessio* против постановления (*edictum*) магистрата обычно применялось вследствие апелляции гражданина, по отношению к которому принималось это постановление и которое этот гражданин считал несправедливым. При этом апелляция должна была быть высказана персонально магистрату и только этот магистрат мог возражать против постановления другого магистрата. По нормам права, магистрат в течение трех дней должен был удостовериться в правомочности апелляции и только один раз мог возражать против конкретного постановления.

2. *Intercessio* против *rogatio* было двух видов. Магистрат мог возражать или против высказывания мнения еще до начала обсуждения вопроса, или против уже высказанного мнения. В первом случае речь

идет о праве высшего магистрата запретить более низшему магистрату (например, консула – претору) вообще ставить вопрос на решение народом (см.: Liv. XXVII. 5). Запрещение на уже высказанное мнение вначале могли наложить магистраты равного или высшего ранга, но позже оно стало исключительным правом плебейских трибунов. *Intercessio* против *rogatio* могло быть высказано за день до проведения комиций (Cic. Att. IV. 1. 6, 6), перед самым выступлением магистрата по данному вопросу уже во время работы комиций (Liv. XLV. 2), перед началом голосования или даже после объявления результатов голосования первых центурий (*praerogativa*) (Liv. XXVII. 6, 5).

3. *Intercessio* против *senatus consultum* проводилось по правилу *par maiorve potestas*, т. е. консул мог наложить запрет на решение сената, принятое по предложению другого консула (Liv. XXX. 43, 1) или претора (но такой вариант был возможен только теоретически, поскольку претор мог председательствовать в сенате лишь в случае отсутствия в Риме обоих консулов), плебейский трибун – на решение по предложению трибуна (Cic. pro Sest. XXXI, 68), консула (*ibid.* XXXIV, 74) или претора (Cic. Fam. X. 1. 2, 3, 4). В источниках нет примеров наложения консулом запрета на решение сената, принятое по предложению плебейского трибуна. Видимо, такого права консулы не имели. Применение *intercessio* по отношению к конкретным видам *senatus consulta* могло быть запрещено законом. Так, согласно *lex Sempronia* 123 г. до н. э., нельзя было применять *intercessio* на постановление сената о распределении провинций между консулами (Cic. de Prov. Cons. VIII, 17; de Domo. IX, 24). *Intercessio* не должно было прерывать работу сената, его накладывали не в ходе обсуждения вопроса, а уже после принятия постановления.

4 Например, о попытке привлечения к суду Юлия Цезаря после окончания его консульства сообщает Светоний (Caes. XXIII): «По окончании его консульства преторы Гай Меммий и Луций Домиций потребовали расследования мероприятий истекшего года. Цезарь поручил это сенату, но сенат отказался. Потратив три дня в бесплодных пререканиях, он уехал в провинцию. Тотчас, как бы в знак предупреждения ему, был взят под суд по нескольким обвинениям его квестор; а вскоре и его самого потребовал к ответу народный трибун Луций Антистий, и только обратясь к другим трибунам, Цезарь добился, чтобы его не привлекали к суду, пока он отсутствует по делам государства».

5 «*Potestas*, – пишет Павел (Dig. L, 16, 215), – имеет несколько значений: если она относится к магистратам, то это *imperium*; по отношению к детям – это *patria potestas* (власть отца); в случае с рабами – это *dominium* (господство)». Т. е., согласно Павлу, *potestas*, в отношении магистрата, является эквивалентом *imperium*. В связи с этим говорится об *potestas* с определением *praetoria, consularis*. Одна-

ко *potestas* относится и к магистратам без империя, например, к плебейским трибунам или квесторам (Cic. Clu. XXVII, 74); Цицерон часто противопоставляет *potestas* и *imperium*. Следовательно, можно считать, что слово *potestas*, подобно многим другим римским понятиям, имело широкое и узкое значение. В широком смысле его можно понимать как полномочия, делегированные государством должностному лицу. В узком смысле оно обозначало власть должностного лица, не обладавшего империем. *Potestas* использовалось также для обозначения власти главы семьи над его детьми и рабами.

6 В начале римской истории в понятие «империй» входило представление о высшей гражданской (исполнительной, законодательной и судебной), военной и духовной власти, неразрывно соединённых в руках одного лица – главы общины. В республиканскую эпоху различались три вида империя: большой, малый и полный. Полный империй имел диктатор, остальными наделялись высшие магистраты, избранные на народном собрании. То есть на народном собрании верховный носитель империя – народ – передавал право временного пользования им лицам, облечённым высшей властью в государстве. Символом империя были ликторы, сопровождавшие высших магистратов. В это понятие входили высшая государственная власть и верховное главнокомандование во время войны. Большой империй имели консулы. В 23 г. до н. э. большой империй стал юридической основой единой властью Августа, поскольку он был предоставлен вместе с пожизненными полномочиями народного трибуна, т. е. с главным видом *potestas*. Отныне императором стали называть не верховного главнокомандующего, а главу государства. Облечённый высшими государственными полномочиями, Август стал считать носителем империя самого себя. Из его рук империй, который именовался смешанным, получали городские префекты, в чьём ведении находилась городская полиция, префект претория – начальник императорской гвардии и легат – наместник провинции. К этому времени и сами римляне рассматривали империй несколько иначе. Римский империй стал синонимом Римского государства, крупнейшей державы Средиземноморья, которая распространила власть почти на все территории обитаемого мира. Отсюда и происходит известное нам слово «империя». Малым, или, лучше сказать, младшим, империем распоряжались преторы – младшие коллеги консулов и их заместители. В более узком смысле в этот период понятие «империй» употреблялось для обозначения права командования римским войском, отсюда происходит термин «император», который первоначально обозначал лишь верховного главнокомандующего. Привилегией императора было право праздновать триумф в случае победы над неприятелем.

Долгое время римляне полагали, что империй может быть предоставлен только человеку, находящемуся на государственной должности. Однако многочисленные войны заставили изменить этот по-

рядок. В 218 г. до н. э., когда во время II Пунической войны Ганнибал вторгся в Италию, впервые для отражения вражеского нашествия империй был предоставлен человеку, который не занимал никакой магистратуры, но обладал выдающимися полководческими способностями, – Публию Корнелию Сципиону. В 67 г. до н. э. более обширный – проконсульский – империй получил Гней Помпей для борьбы с чрезвычайно распространившимися в Средиземноморье пиратами. Этот империй не был ограничен ни местом (он распространялся на все Средиземноморье на расстояние 50 миль от берега), ни временем. Помпей получил право по собственному усмотрению назначать наместников провинций с консульскими и преторскими полномочиями. Он мог распоряжаться городской казной, доходами провинций, средствами подвластных Риму государств.

Imperium, однако, имеет не одинаковую юридическую интенсивность, смотря по тому, где она проявляется, и в этом отношении различается *imperium domi* и *imperium militiae*. По древнейшему римскому воззрению, обычный гражданский порядок возможен только «дома» (*domi*), то есть на территории собственно Рима, в городе, и *intra pomerium*, то есть в области, лежащей не далее одной мили вокруг его стен. За этими пределами (*extra pomerium*) всегда возможно вражеское нападение, и потому там римлянин находился всегда «на военном положении» (*militiae*). Отсюда и указанное различие в содержании *imperium*. *Imperium militiae* должно обладать большей интенсивностью и непрерываемостью, и те ограничения власти, которые могут быть терпимы дома, не могут быть терпимы вне его.

На территории Рима любой вид империя не был полным. Его действие ограничивалось народным собранием, поскольку именно оно являлось высшим государственным органом; сенатом (его распоряжения – сенатусконсульты – предписывали любому магистрату, как действовать в том или ином случае); законами и моральными нормами. Любой римский гражданин имел право обратиться к народному собранию с *provocatio* (обжалованием), если усматривал в действиях лиц, наделённых империем, произвол. Кроме того, высшие магистраты не могли издавать законов от своего имени: предложенный ими законопроект обязательно выносился для утверждения на народном собрании. «Внутри городских стен» предполагалась возможность перерыва между осуществлением полномочий магистратом, сдающим свой пост, и принимающим его, допускалось вмешательство магистрата-коллеги в исполнение решения.

За пределами Рима любой вид империя действовал в полном объёме. Вне города (в презумпции особых, полувоенных условий) власть магистрата была практически единоличной, его решения обжалованию не подлежали, а невозможность сдать исполнение дел новому должностному лицу продлевалась полномочия предыдущего без особых распоряжений.

В провинциях, которые были присоединены к Римскому государству, империем пользовались наместники. Именно поэтому они получали должности проконсула, т. е. «в ранге консула», и пропретора, т. е. «в ранге претора». Правда, империй любого наместника действовал только в границах провинции; за её пределами он выступал как частное лицо.

Таким образом, империй магистрата включал в себя право организовывать для военной и мирной жизни всю общину (высшая исполнительная, административная, судебная власть). Это не что иное, как делегированный государственный суверенитет, право магистрата действовать от имени римского народа в гражданской и военной сфере. Пророгация империя, по сути дела, – право действовать от имени римского народа в его провинциях.

7 Курульное кресло – украшенное слоновой костью складное сидение без спинки с четырьмя гнутыми, попарно перекрещивающимися ножками. Являлось наследием царских инсигний. Восседая на нем, царь обычно вершил правосудие на форуме или в походе. Римские цари получили их от этрусков наряду с другими символами царской власти (D. N. III, LXI). Курульным оно называлось, видимо, потому, что при перемещении царя оно водружалось на колесницу (*currus*) (Gell. NA. III, 18. 4; Festus. Ep. p. 49).

Курульное кресло имели и магистраты в муниципиях.

8 Мы будем вести речь только о тех институтах и учреждениях римлян периода Республики, которые, хотя бы некоторое время, сохранялись и в период Империи. Поэтому экстраординарные магистратуры находятся вне нашего внимания.

9 Установлением определенного сенаторского ценза создано было наследственное сенаторское сословие. Патриции принадлежали к сенаторскому сословию независимо от ценза. Однако право на занятие магистратур не было ограничено одним этим сословием, а распространялось и на всадническое сословие, так как сыновья всадников, владевших сенаторским цензом, также допускались к исканию магистратур. Молодые всадники этого разряда (*equites illustres*) имели право надевать сенаторскую тунику (с *latus clavus*) в знак их магистратской правоспособности, но только до возраста, положенного для занятия квестуры: если же они отказывались от прохождения магистратур, то они обязаны были возвратиться к обыкновенной всаднической тунике (*angustus clavus*).

10 Однако начиная с конца II в. до н. э., когда на политической арене Римской республики появляются честолюбивые политические и военные деятели, этот порядок стал нарушаться. Например, в промежутке между 104 и 100 г. до н. э. Гай Марий пять раз занимал должность консула.

11 По lex Julia (18 г. до н. э.) и lex Papia Poppaea (9 г. н. э.), женатые и отцы детей пользовались преимуществами по службе перед безбрачными и бездетными. Для лиц, имевших детей, сокращались промежутки между занятием должностей на один год за каждого ребенка (ius trium liberorum). Кроме магистратур, это касалось также проконсульской sortitio, относительно которой получались не только ускоренные сроки, но и право свободного выбора провинции. При этом законы не делали различия между родными и усыновленными детьми.

12 Однако претенденты не дожидались официального объявления даты выборов, чтобы начать свою избирательную агитацию. Из письма Кв. Цицерона (Ep. XII. Fr. Marcii) видно, что за это надо было приниматься заблаговременно:

«V. 16. Соискание должностей требует действий двоякого рода: одни должны заключаться в обеспечении помощи друзей; другие – в снискании расположения народа. <...>

17. <...> Нужно приложить все усилия к тому, чтобы всякий близкий и совсем свой человек, затем и члены трибы, соседи, клиенты, даже вольноотпущенники и, наконец, твои рабы любили тебя и желали тебе наибольшего значения, ибо почти все разговоры, создающие общественному деятелю имя, исходят от своих.

18. Затем надо приобрести друзей всякого рода: для придания себе блеска – людей, известных должностным положением и именем, которые если и не способны привлечь к себе голосов, то все же придают искателю некоторый вес; для обеспечения своего права – должностных лиц, а из них особенно консулов, затем народных трибунов; для получения голосов центурий – людей выдающегося влияния. Прежде всего склони на свою сторону и обеспечь себе поддержку тех, кто благодаря тебе получил или надеется получить голоса трибы или центурии, или же какую-нибудь выгоду. <...> Ты должен добиваться любым способом, чтобы эти люди были на твоей стороне всей душой и всеми стремлениями. <...>

21. Но так как люди становятся благосклонными и ревностными избирателями главным образом благодаря трем обстоятельствам – услугам, надежде и искренней душевной привязанности, то нужно усвоить, каким образом следует использовать каждое из них. Малейшие услуги заставляют людей считать, что есть достаточно причин для усердного голосования. <...> Нужно просить и привести к сознанию того, что мы, в свою очередь, можем стать обязанными тем, кто до того был обязан нам.

22. Что же касается тех, кого с тобой связывает надежда (этот род людей гораздо старательнее и обязательнее), то постарайся, чтобы им казалось, что ты расположен и готов оказать им поддержку. Наконец, пусть они понимают, что ты внимательно следишь за услугами с их стороны, пусть им будет ясно, что ты хорошо видишь и отмечаешь, сколько каждый из них для тебя делает.

23. Третий род помощи при выборах – это искренние стремления, которые понадобятся укрепить, выражая благодарность и приспособляя свои речи к тем условиям, в силу которых каждый, как тебе покажется, будет твоим сторонником, – проявляя по отношению к людям одинаковое благоволение, подавая им надежду, что дружеские отношения станут близкими и тесными. Для всех этих видов отношений обдумай и взвесь, сколько кто может, чтобы знать, каким образом нужно каждому услужить и чего ожидать и требовать от каждого.

24. Дело в том, что существуют некоторые люди, очень влиятельные в своей округе и муниципии, существуют усердные и состоятельные, которые, если они ранее и не старались использовать это влияние, однако вполне могут со временем потрудиться ради того, кому они обязаны или хотят угодить. Людей этого рода нужно обхаживать так, чтобы они сами поняли, что ты видишь, чего тебе ожидать от каждого из них, чувствуешь, что получаешь, помнишь, что получил. Но есть и другие, которые либо ничего не могут, либо даже ненавистны членам своей трибы и лишены присутствия духа и возможности постараться сообразно обстоятельствам. Не забудь разобраться в них, чтобы, возложив на кого-нибудь слишком большие надежды, не получить мало помощи.

VII. 25. И хотя нужно быть вполне обеспеченным, приобретя и укрепив дружеские связи, все же во время самого соискания завязываются весьма многочисленные и очень полезные дружеские отношения. Дело в том, что с соисканием, при прочих неприятностях, сопряжено следующее удобство: ты можешь без ущерба для своей чести, чего ты не смог бы сделать в обычных условиях, завязывать дружбу, с кем только захочешь; если бы ты в другое время стал вести переговоры с этими людьми, предлагая им свои услуги, то это показалось бы бессмысленным поступком. <...>

26. Я же уверяю тебя, что нет никого, если только он не связан какими-нибудь узами с кем-либо из твоих соперников, от кого ты, приложив старания, не мог бы легко добиться, чтобы он своей услугой снискал твою привязанность и обязал тебя; лишь бы только он понял, что ты придаешь ему большое значение и говоришь от души, что он делает выгодное дело и что из этого возникнет не кратковременная дружба в связи с голосованием, а прочная и постоянная.

27. Верь мне, не найдется никого, кто бы, обладая хоть каким-нибудь здравым смыслом, упустил эту представившуюся ему возможность установить дружеские отношения с тобой, особенно когда, благодаря случаю, твои соперники таковы, что их дружбу следует либо презирать, либо избегать.

28. <...> Право, не вижу ничего более глупого, чем предположение, что тебе может быть предан тот, кого ты не знаешь. Человек должен обладать какой-то исключительной славой и достоинством, а также совершить великие подвиги, чтобы незнакомые люди избрали его на высшую должность. <...>

VIII. 29. Поэтому постарайся при помощи многочисленных и разнообразных дружеских связей закрепить за собой все центурии. Прежде всего – это очевидно – ты должен привлечь на свою сторону сенаторов и римских всадников, а из прочих сословий – влиятельных и усердных людей. На форуме бывают многие деятельные горожане, многие ревностные и влиятельные вольноотпущенники. Кого сможешь, – сам, кого – через общих друзей, приложив все усилия, склони к тому, чтобы они стали твоими горячими сторонниками. Стремись к атому, посылай к ним людей, дай понять им, что они оказывают тебе величайшую услугу.

30. Затем нужно обратить внимание на город в целом, на все коллегии, округи и соседства. Если ты завяжешь дружеские отношения с главенствующими в них людьми, то при их помощи легко будешь держать в руках остальную массу. Затем думай и помни обо всей Италии, расписанной и распределенной на трибы, чтобы не допустить существования муниципии, колонии, префектуры и, наконец, места в Италии, в котором бы у тебя не было достаточной поддержки.

31. Разыскивай и находи людей в каждой области, узнай их, посети, укрепи их расположение к тебе, постарайся о том, чтобы они за тебя просили в своей округе и были как бы кандидатами за тебя. Они пожелают твоей дружбы, увидев, что ты стремишься приобрести их дружбу. Ты добьешься, что они это поймут, с помощью речи, составленной с этой целью. Жители муниципий и деревень считают себя нашими друзьями, если мы знаем их по имени. Если же они также рассчитывают на некоторую нашу защиту, то они не упускают случая заслужить эту дружбу. Прочие, а особенно твои соперники, даже не знают этих людей; ты же и знаешь и легко познакомишься с ними, без чего дружба невозможна.

32. <...> Нужно, чтобы за этим последовала надежда на выгоду и дружбу, чтобы ты казался им не только номенклатором, но и добрым другом. Когда ты таким образом будешь иметь в центуриях ревностных сторонников в лице тех, кто из-за честолюбия пользуется очень большим влиянием среди членов трибы, и в лице прочих, имеющих значение среди части членов трибы вследствие своего положения в муниципии или в округе, или в коллегии, то у тебя будут все основания надеяться на наилучший исход.

33. Что же касается центурий всадников, то обеспечить себе их поддержку, если постараться, мне кажется, гораздо легче. Прежде всего познакомься с всадниками (ведь их немного), затем привлекли их к себе (этот юношеский возраст гораздо легче склонить к дружбе). <...> Ревностное отношение молодежи при привлечении голосов, при обходе, при распространении новостей, при постоянном сопровождении и чрезвычайно важно, и приносит удивительный почет.

IX. 34. <...> Надо также заботиться о том, чтобы тебя ежедневно провожали люди всякого рода, сословия и возраста. Ибо на основа-

нии множества их можно будет сообразить, каковы будут твои силы и возможности на самом деле. При этом бывают люди трех родов: первые приветствуют, приходя на дом; вторые провожают на форум; третьи сопровождают постоянно.

35. По отношению к приветствующим (это более пошлые люди и, по нынешнему обычаю, приходят они в большом числе) нужно держать себя так, чтобы это ничтожное внимание с их стороны казалось им самым лестным для тебя. Покажи тем, кто приходит к тебе в дом, что ты замечаешь; дай это понять их друзьям, чтобы те сообщили им об этом; повторяй об этом им самим. Так люди, обходя многих соперников и видя, что один из них обращает на их любезность наибольшее внимание, часто отдают свои голоса именно ему и оставляют прочих, постепенно останавливая свой выбор и при голосовании из сторонников всех превращаются в сторонников одного. Кроме того, тщательно соблюдай правило: если услышишь или почувствуешь, что тот, кто обещал тебе свою поддержку, как говорится, перекарасился, то скрой, что ты услышал или знаешь; если же он захочет обелить себя в твоих глазах, чувствуя, что на него пало подозрение, то подтверди, что ты никогда не сомневался и не должен сомневаться в его добрых намерениях. Ибо тот, кто не считает, что он удовлетворяет тебя, никак не может быть другом. Но нужно знать настроение каждого, чтобы можно было установить, насколько кому доверять.

36. Сопровождение при следовании на форум – более важная обязанность, чем приветствия на дому; дай понять и покажи, что оно более приятно тебе, и спускайся на форум, по возможности, в определенное время. Множество людей, ежедневно сопровождающих на форум, создает весьма благоприятные мнения, придает большое достоинство.

37. Третьи этого рода – это толпа неотступно сопровождающих. Постарайся, чтобы те, кто будет делать это охотно, поняли, что они этой величайшей услугой обязывают тебя навсегда; от тех же, кто в долгу перед тобой, прямо требуй выполнения этой обязанности – кто сможет по возрасту и занятиям, пусть постоянно будет при тебе сам; кто не сможет сопровождать, пусть возложит эту обязанность на своих близких. <...>

38. Кроме того, много способствует славе и придает достоинство, если с тобой будут те, кого ты защитил, кого ты спас и освободил от осуждения. Этого ты прямо требуй от них: так как благодаря тебе одни без всяких расходов сохранили имущество, другие доброе имя, третьи жизнь и все достояние, и так как им не представится никакой другой возможности отблагодарить тебя, пусть они воздадут тебе за это, взяв на себя эти обязанности.

X. 40. <...> Обеспечив себе старания друзей, узнай также замыслы недругов и противников, а также, кто они. Их три рода: одни – это те, кому ты повредил, другие – те, кто не любит тебя беспричинно,

третьи – те, кто относится весьма дружелюбно к твоим соперникам. Перед теми, кому ты повредил, выступив против них в пользу друзей, оправдайся открыто, напони им об обязанностях дружбы, подай им надежду на то, что ты будешь относиться к их делам так же ревностно и старательно, если они отдадут тебе свою дружбу. Тех, кто не любит тебя беспричинно, постарайся отвлечь от превратного душевного расположения, либо оказав услугу, либо подав надежду, либо проявив внимание. Тем, кто несколько чуждается тебя вследствие дружеского отношения к твоим соперникам, угождай теми же способами, что и вышеупомянутым, и, если сможешь убедить, покажи, что ты относишься благожелательно даже к своим соперникам.

XI. 41. <...> Следует сказать о другой стороне соискания, заключающейся в приобретении благосклонности народа. Это требует обращения по имени, лести, постоянного внимания, щедрости, распространения слухов, надежд на тебя как государственного деятеля.

42. Прежде всего сделай явным то, что ты делаешь, – свое старание знать людей, и усиливай и улучшай это с каждым днем. Мне кажется, что ничто не располагает к себе народа и не приятно ему в такой степени. Затем ... внуши себе, что нужно притворяться так, чтобы казалось, что ты делаешь это по природной склонности. <...> Здесь чрезвычайно необходима лесть, которая, будучи порочной и постыдной при прочих условиях жизни, при соискании однако необходима. Правда, когда она портит человека постоянной готовностью соглашаться, она бесчестна, но когда она делает его более дружелюбным, она не заслуживает такого порицания; она необходима искателю, чей вид, выражение лица, речь должны изменяться и приспособляться к чувствам и воле тех, с кем он общается.

43. <...> Чрезвычайно полезно никуда не отдаляться, но главное преимущество настойчивости в том, что человек не только находится в Риме и на форуме, но и в том, чего он настойчиво добивается, часто обращается к одним и тем же людям и не допускает, чтобы кто-нибудь мог сказать, что ты не просил его о поддержке, которую ты мог бы получить от него, и не просил настоятельно и убедительно.

44. Щедрость бывает весьма широкой: она – в использовании своего состояния; при этом, правда, она не может распространиться на толпу, но друзья восхваляют ее, и толпе она приятна; она – в званых обедах, которые ты должен давать; пусть их расхваливают и ты и твои друзья повсюду и в каждой трибе; она – в оказании содействия, которое должно быть общеизвестным и к услугам каждого; заботься также о том, чтобы доступ к тебе был свободен днем и ночью, и притом чтобы были открыты не только двери твоего дома, но и взор и лицо, являющееся дверью в душу. Если оно говорит о том, что твои мысли спрятаны и заперты, то открытый вход не имеет большого значения, ибо люди хотят не только обещаний, особенно в том, чего они просят от кандидата, но обещаний, даваемых щедро и с почетом для них.

45. Показывать, что то, что ты будешь делать, ты сделаешь старательно и охотно, конечно, легко выполнимое правило. Другое правило труднее: <...> в том, чего ты не можешь сделать, либо отказывать мягко, либо вовсе не отказывать. Первое – качество доброго человека, второе – умение искателя. <...> Нужно отказаться любезно, указав на дружеские отношения, объяснив, как это тяжело тебе.

XII. 46. <...> Те, кому ты откажешься помочь, ссылаясь на обязательство, налагаемые дружбой, смогут уйти от тебя примиренными и спокойными. Те же, кому ты откажешь по той причине, будто ты занят либо делами друзей, либо более важными делами, либо взятыми на себя ранее, уйдут от тебя врагами; ведь все склонны предпочитать ложь отказу.

49. <...> В этом месте я говорю о том, посредством чего ты можешь овладеть толпой; нужно, чтобы люди заполняли твой дом с ночи, чтобы многих привлекала надежда на защиту с твоей стороны, чтобы уходили от тебя настроенными более дружески, чем пришли, чтобы как можно больше ушей наполнялось самыми благожелательными речами.

XIII. 50. Далее следует сказать о молве, о которой надо весьма заботиться. Сказанное во всей предшествующей речи имеет значение для прославления твоего имени: слава красноречия, расположение откупщиков и сословия всадников, благожелательное отношение знати, привлекательность для молодежи, настойчивость тех, кого ты защитил, присутствие множества жителей муниципий, очевидно, прибывших ради тебя; чтобы говорили и думали, что ты хорошо знаешь людей, приветливо обращаешься к ним, настойчиво и тщательно добиваешься избрания, благожелателен и щедр; твой дом, с ночи заполненный посетителями, привлекательность для разнообразных людей, когда твоими речами удовлетворены все, а делом и помощью многие; пусть то, что можно выполнить, делается трудолюбиво, искусно и тщательно, не для того, чтобы молва распространялась от этих людей к народу, но для того, чтобы сам народ жил среди этих стремлений. <...>

52. Наконец, заботься о том, чтобы все соискание было пышным, торжественным, блестящим, популярным, полным достоинства, а также о том, чтобы о твоих соперниках распространялись соответствующие их нравам позорные слухи, если только это возможно, – либо о преступлении, либо о разврате, либо о мотовстве.

53. При этом соискании нужно также чрезвычайно заботиться о том, чтобы государство возлагало на тебя лучшие надежды и почитало тебя. Но при соискании ты не должен вмешиваться в государственные дела ни в сенате, ни на народных сходках, но сохранять это про себя, чтобы сенат решил на основании твоей прежней жизни, что ты станешь защитником его авторитета, чтобы римские всадники и честные и богатые мужи сочли на основании твоего прошлого, что ты будешь поддерживать тишину и общественное спокойствие, а толпа

на основании того, что ты был любим народом хотя бы за речи на народных сходках и в суде, считала, что ее выгода не будет чуждой тебе.

XIV. <...> 55. Неуклонно иди по тому пути, на который ты вступил: будь выдающимся оратором. Этим удерживают людей в Риме, привлекают их к себе и предотвращают создание препятствий и нанесение вреда. А так как самый большой порок наших граждан в том, что они, под влиянием раздач, обычно забывают о доблести и достоинстве, то хорошо узнай самого себя, то есть пойми, что ты таков, что можешь внушить соперникам величайший страх перед опасностью суда. Сделай так, чтобы они знали, что ты следишь и наблюдаешь за ними. Они будут сильно бояться как твоей настойчивости, авторитета и силы твоего слова, так, конечно, и преданности тебе со стороны сословия всадников. <...>

57. Итак, если мы будем бодрствовать в соответствии с важностью дела, если побудим наших благодетелей к величайшему рвению, если мы между каждым из влиятельных и преданных нам людей распределим их обязанности, если укажем соперникам на возможность суда, внушим страх их посредникам, сдержим каким-нибудь способом их раздатчиков, то может статься, что подкупа совсем не будет или же он не окажет никакого действия» (пер. с лат. В. О. Горенштейна).

- 13 Отсюда и образовалось слово «кандидат» (*candidatus* – «облаченный в *toga candida*»). По идее, претендентом на магистратуру мог быть только человек с незапятнанной репутацией.

Одежда римлян разделялась на два разряда: верхняя (*amictus*) и нижняя (*indutus*).

Главное нижнее одеяние представляла собой туника. Она была легкой и удобной, и ее носили под тогой в те времена, когда тога одевалась лишь при выходе из дому. Туника была похожа на греческий хитон и доходила до икр, но она стягивалась поясом в талии. Сначала она была без рукавов или с короткими рукавами; к концу II в. н. э. стали носить туники с длинными рукавами. Иногда одевали две, три и даже четыре туники одна на другую.

Главную верхнюю одежду составляла тога (*toga*, одежда этрусского происхождения, в буквальном переводе означает «покрытие»). Растянутая на плоскости тога имела вид ромба с закругленными вершинами: таким образом она представляла собой овальный кусок материи, как правило, из белой шерсти, который носили как плащ. Поначалу тога была небольшой. Но с ростом социальных претензий древних римлян росли и размеры тоги: в конце концов, длина ее достигла пяти с половиной, а ширина трех с половиной метров. Первоначально тога довольно плотно облегла тело, позднее ее стали носить гораздо свободнее.

Тога была отличительным признаком гражданина. Древние римляне называли себя *gens togata* – «людьми в тоге». Рабам, людям, не имевшим статуса гражданина, ссыльным и женщинам одевать тогу было строго запрещено. Но тога была не только выражением римской

принадлежности. Она означала и мирную жизнь (римляне говорили: *cedant arma togae* – «оружие да уступит место тоге»), общественно-политическую деятельность, политическое красноречие; гражданскую власть.

Тога, которую носили дети, была окаймлена пурпурной полосой, отсюда название тога претекста (*praetexta*, от глагола *praetexere* – «приткать (спереди), окаймлять, украшать») (Liv. XXIV. 7). Магистраты, исполнявшие курульные должности, и диктаторы имели право носить тогу претексту на общественных празднествах и церемониях; в ней же они и погребались. Низшие магистраты не имели права на тогу претексту. Тога мужчины (*toga virilis*), которую надевал юноша, достигший совершеннолетия, была без каймы.

Тога была обязательна для магистратов даже после того, как ношение ее среди граждан начало выходить из употребления. Курульные магистраты: консулы, преторы и курульные эдилы носили сенаторскую тунику и претексту, прочие – обыкновенную гражданскую тогу, но при сенаторской тунике (*latus clavus*).

Консульскую тогу украшали пальмовым узором (*toga palmata*); триумфатор облакался в расшитую тогу (*toga picta*). Консулам в течение II в. н. э. присвоена была, кроме претексты, также и триумфальная тога (*toga picta*) с принадлежащей к ней *tunica palmata*, в качестве парадного одеяния для торжественных случаев: при вступлении в должность, при совершении императорских *vota*, в дни справляемых ими игр. Но консульская *toga picta* постепенно упрощалась, пока, наконец, не была заменена лентой, надеваемой по-прежнему тем же способом, как прежде тога. Вследствие этого в IV в. н. э. значение главного одеяния принадлежало бывшей *tunica palmata*, называвшейся теперь *vestis palmata*. Императорской тоге надлежало быть пурпурной (*toga purpurea*).

По случаю траура надевали серую тогу (*toga pulla*). В серую тогу облачался обвиняемый. Несправедливо обвиненный демонстрировал свою запачканную тогу, чтобы вызвать общественное сочувствие.

По сведениям Плутарха (QR. XLIX), «соискатели государственных должностей являлись народу без туники, в одной тоге». По его предположению, это делалось для того, «чтобы достойных власти избирали не по знатности, богатству или славе, а по рубцам и шрамам на их теле, которые они и показывали встречным, являясь в собрание без туники, <...> или же соискатели, добываясь расположения народа приветствиями, окликаниями и лестью, в знак униженности выставляют и свою наготу».

- 14 *Ambitus* – буквально «обход по очереди». Название произошло от того, что в старину кандидаты обходили граждан на Марсовом поле с просьбой голосовать за них. Допустимым считалось обратиться к гражданину по имени и взять его за руку; недопустим был подкуп в любой форме, считавшийся преступлением (*crimen de ambitu*). Впо-

следствии так обозначалось домогательство выборной должности незаконным путем.

Долгое время кандидаты довольствовались тем, что старались понравиться народу, упрашивая и умоляя его, унижаясь перед ним, но к концу Республики в Риме образовалось нечто вроде всеобщей организации для подкупов. Люди, занимавшиеся этим делом, входили в сделку с несколькими наиболее влиятельными лицами из каждой трибы, предоставляя им увлечь за собой остальных. Такая сделка большей частью была весьма легкой, так как в собрании по центуриям граждане, принадлежавшие к одной и той же группе, старались голосовать вместе, не отделяться друг от друга и без труда подчинялись давлению нескольких значительных лиц. Еще удобнее было привлечь на свою сторону коллегии или братства, которые насчитывали много членов. Из этих обществ наиболее многочисленными были так называемые «коллегии перекрестков» (*collegia compitalicia*), которые состояли из бедняков, живущих в одном и том же квартале. Кандидат мог рассчитывать на них в случае народного мятежа, их сильные руки аплодировали ему на форуме, когда он говорил, их пронзительные голоса заставляли молчать его соперников. Отсюда возникло столько беспорядков, что эти коллегии в конце концов были уничтожены. Тогда пришлось устраиваться иначе. Особые избирательные агенты делали своего рода народную перепись (*descriptio populi*). Граждане, соглашавшиеся продать свой голос, составляли громадное большинство; их распределяли на группы по десять или по сто человек и такими отрядами вели для подачи голосов. При этих шайках существовала целая иерархия агентов, как, например, *interpretes*, служившие посредниками между ними и кандидатами, и *divisores*, распределявшие деньги. Уплата производилась лишь после подачи голосов, но кандидат заранее обязан был передать условленную сумму третьему лицу (*sequester*), который и отвечал за нее.

Против этих злоупотреблений был издан ряд законов (*leges de ambitu*) и постановлений сената, самые ранние из них относятся к V в. до н. э. Принимались меры против подкупа избирателей и в конце Республики: *lex Calpurnia* 67 г. до н. э. предполагал наказание штрафом, исключением из состава сената и полным запретом заниматься магистратуры (D. C. XXXVI. 21). *Lex Tullia*, принятый в консульство Цицерона в 63 г. до н. э., запрещал денежное вознаграждение, зрелища для народа и угощение народа по трибам и вдобавок к наказаниям, предписанным законом Кальпурния, карал 10-летним изгнанием (D. C. XXXVII. 29; Cic. *pro Mur.* II, 3; III, 5; XXIII, 47; XXXII, 67; XLI, 89). При Августе, в 18 г. до н. э., был принят *lex Iulia de ambitu*. Он предписывал наказание в виде исключения из списка сената, запрета на занятие государственных должностей в течение пяти лет, штрафа в 100 тыс. сестерциев. Однако, если предвыборная агитация приводила к беспорядкам в городе, виновные в них по *lex Iulia de vi* наказывались «запретом воды и огня» (*aquae et ignis interdictio*), т. е. изгнанием.

Смягчение меры наказания по этому преступлению при Августе следует связывать с тем, что уже при основателе системы принципата главную роль в выборах магистратов стал играть не народ, а принцепс. При последующих императорах, после переноса выборов из комиций в сенат, предвыборная агитация потеряла всякий смысл, хотя термин *ambitus* не был забыт. Однако римский юрист середины III в. н. э. Модестин, комментируя *lex Iulia de ambitu*, писал, что этот закон не имеет практического значения, поскольку выборы магистратов – это дело императора, а народ на них никак влиять не может, хотя он применяется в муниципиях и уличенные в его нарушении подлежат бесчестью и штрафу в 100 ауресов (Dig. XLVIII, tit. 14.).

- 15 Ливий (XXXI. 50) описал ситуацию, когда избранные в 200 г. до н. э. курульные эдилы не могли вступить в должность из-за того, что не принесли присягу в верности законам.
- 16 Интересный момент в связи с этой клятвой описывает Дион Кассий (XXXVII. 38): «Массы были <...> очень разгневаны на Цицерона за казнь граждан и разными способами выражали свою враждебность. Наконец, когда в последний день своей должности Цицерон пожелал представить отчет и оправдать действия, предпринятые им в консульстве, – (2) ибо он несомненно получал большое удовольствие не только от похвалы других, но и от самовосхваления, – народ заставил его молчать и не позволил произнести ни слова, выходящего за пределы клятвы. <...> Тем не менее, Цицерон сопротивляясь им изо всех сил, добавил в клятву утверждение, что спас город; и этим заслужил намного более сильную ненависть».
- 17 Первые консулы вступили в должность в сентябрьские иды (D. N. V. 1; Liv. VII. 3). В 217 г. до н. э. консулы вступили в должность в мартовские иды, и этот обычай оставался неизменным на протяжении многих лет (Liv. XXII. 1; XXIII. 30; XXVI. 1, 26; XLIV. 19), до тех пор, пока в 154 г. до н. э. не было принято постановление, предписывающее магистратам вступать в должность 1 января; оно начало выполняться в следующем году и оставалось в силе до конца Республики (Liv. *Epit.* XLVII).
- 18 Введение знаков отличия римских консулов связано с изгнанием царей в 509 г. до н. э. По свидетельству Дионисия Галикарнасского (III. 62. 1–2): «Тарквиний (Древний) всегда надевал золотую корону и вышитую пурпуром тогу, восседал на троне из слоновой кости, держа в руке скипетр из слоновой кости, а 12 ликторов, носивших секиры и фаски, находились при нем, когда он вершил суд, и сопровождали его, когда он уезжал (из Города). Все эти знаки отличия были сохранены последующими царями, а после изгнания царей также и ежегодными консулами – все, кроме короны и пурпурной мантии. У них были отобраны только эти (знаки), считавшиеся слишком непристойными».

и возбуждающими ненависть. Только когда они с победой возвращались с войны и удостоивались сенатом триумфа, они не только имели золотой венец, но и облачались в пурпурную мантию».

Причину изменений, происшедших с царскими инсигниями при переходе их к консулам, Дионисий излагает, вкладывая это в уста первого римского консула – Брута (IV. 74. 1–2): «И ввиду того, что инсигнии, которые были предоставлены царям, весьма многочисленны, я полагаю, что если какие-то из них тягостны взору и ненавистны многим, то мы должны изменить значение одних из них и ликвидировать другие (я имею ввиду и скипетры, и золотые короны, и пурпурные и вышитые золотом мантии) за исключением определенных праздничных случаев и триумфальных процессий, когда правители присвоят их ради почитания богов; ведь они никого не оскорбят, если будут употребляться редко. Я думаю, что мы должны оставить мужам троны из слоновой кости, на которых они будут восседать, верша суд, а также белые мантии, окаймленные пурпуром, вместе с 12 секирами, которые несут перед ними, когда они появляются на публике».

Римляне отвергли царскую колесницу, запряженную квадригой белых лошадей: отныне подобные колесницы могли за редким исключением запрягаться лишь мулами, консулы же пересели на лошадей. Отсюда новой инсигнией консулов и прочих курульных магистратов стал серебряный конский убор.

Любопытное описание консульских инсигний дает Иоанн Лид (I. 32): «Белые, доходящие до пят пенулы (плащи) и широкие *colobi* (туники с короткими рукавами), по сравнению с пенулой надлежащим образом поднятые вверх к плечам (ведь у пенулы пурпур был на каждом из плеч спереди, а у *colobi* – сзади), белые сандалии (ведь кожу римляне называли *aluta* от квасцов, так как квасцы у них называются *alumen*) и белый оттиск из льна на правой руке (на своем языке они называли его *тарра* и *faciola*, так как лицо называлось ими *facies*) были инсигниями консулов. Они имели также несущиеся впереди них и поднятые вверх секиры, и толпу мужей, несущих фаски и вдобавок кресло из слоновой кости (римляне называют его *sella*)».

Из приведенных текстов следует, что консулы поменяли пурпурную мантию трабею на белый плащ, лишь отороченный пурпуром. Обращает на себя внимание упоминание некоей белой повязки *тарра* на правой руке. Словом *тарра* римляне обычно обозначали платок или сигнальное полотнище.

Далее, произошли некоторые изменения и с фасками. Уже первые консулы ввели в обычай, чтобы в черте города секиры в фасках имели ликторы только того консула, который в текущем месяце осуществляет судебную власть. Ликторы второго консула имели лишь фаски и булавы. Затем консул Валерий Публикола пошел еще дальше, вообще запретив консульским ликторам в черте города иметь при себе секиры (D. N. V. 2, 19, 75; X. 59). Ввиду того, что *provocatio* могло

осуществляться только внутри города и на расстоянии тысячи шагов от него, следует предположить, что топоры не включались в фаски в этих же пределах. Дабы подчеркнуть, что только народ имеет право выносить решение о смертной казни и наказании розгами и является высшей апелляционной инстанцией, Валерий ввел в обычай опускать фаски перед народом. В последующем вообще вошло в обычай опускать фаски, убирать секиры и снимать курульное кресло с трибунала в тех случаях, когда нижестоящий курульный магистрат встречался с высшим, причем это касалось, например, и тех случаев, когда сын, облеченный властью, встречал своего отца или мать.

При Августе консулы в день вступления в должность надевали по-прежнему только претексту. Но уже при Домициане ликторские *fascēs* новых консулов украшались лавром, а в середине II в. н. э. *processus consularis* принял уже все формы триумфального шествия: консул, одетый в наряд триумфатора, выезжал на Капитолий, стоя на колеснице, со скипетром в руке. В виде особой милости император разрешал иногда выход консульского шествия из своего дворца на Палатине.

Отправляясь из города на войну, консул должен был сменить гражданскую одежду на военный плащ (*sagum* или *paludamentum*) красного цвета (в период Империи этот плащ стал монополией императора), после пересечения померия в его фаски вставлялись топоры. Если он нарушал установленные требования, его империй не признавался законным и войска могли требовать, чтобы он вернулся в город и сделал все, что требуется.

19 Пример такого обета, принесенного консулом 191 г. до н. э. Манием Ацилием, мы находим у Т. Ливия (XXXVI. 2): «Если война, какую народ повелел вести против Антиоха царя, завершится, как того хочет сенат и народ римский, (4) тогда для тебя, Юпитер, Великие игры в продолжение десяти дней справит римский народ, и всем богам принесены будут дары из средств, назначенных для того сенатом. (5) Кто, где и когда ни устроил бы эти игры, да будут они даны, а дары принесены по всем правилам».

Возвышавшийся в центре Рима, неподалеку от Тибра, в том месте, где река дальше всего изгибается на восток, Капитолий представлял собой крутой, выгнутый с юга на север двухвершинный холм. Северная вершина (высота 50 м), на которой находилась цитадель, была отделена от южной (высота 47 м), где стоял храм Юпитера, глубокой впадиной (глубина 30 м). На нее поднимался с форума, т. е. с юго-востока, Капитолийский взвоз, которым заканчивалась Священная дорога; с двух сторон его шли лестницы для пешеходов. От взвоза отходили два пути, один вел на север к цитадели, другой на юг – к храму Юпитера. Глубже этой развилки, дальше на запад, находился храм бога Мщения, две священные роци, а между ними, в

самой седловине, место, называвшееся Убежищем. Южная вершина представляла собой обширную (около 1,5 га) площадь, окруженную стеной с запиравшимися воротами и портиком; на площади стояло несколько храмов и среди них главная святыня Рима – храм Юпитеру Сильнейшему и Величайшему.

Юпитер Сильнейший и Величайший был олицетворением государственной и военной мощи Рима. В его храме совершалось торжественное жертвоприношение в день вступления магистратов в должность, отсюда магистраты отправлялись в провинции и к войску, военный триумф был как бы частью культа Юпитера Сильнейшего и Величайшего.

- 20 Зафиксировано много случаев, когда консулы после отставки были привлечены к ответственности и осуждены не только за незаконные и неконституционные действия, но также за военные неудачи, приписываемые их беспечности или недостатку способностей. (Liv. II. 41, 52, 54, 61, III. 31, XXII. 40, 49, XXVI. 2, 3, XXVII. 34; Cic. de Nat. Deor. II. 3; Val. Max. VIII. 1 § 4).
- 21 Слово «ценз», кроме значения «оценка» имущества человека, имело также и другие значения: 1. Размер собственности человека, и поэтому мы читаем о сенаторском цензе (census senatorius), т. е., имуществе сенатора, о всадническом цензе (census equestris), т. е. об имуществе всадника. 2. Список цензоров. 3. Налог, зависевший от оценки ценза.
- 22 «Общественное здание» (villa publica) было построено в 435 г. до н. э. на Марсовом поле, недалеко от Фламиниева цирка. Впоследствии villa publica перестраивалась, ее размеры увеличивались (в 194 и 34 гг. до н. э.), она стала постоянным местом проведения ценза и набора войска. Здесь же помещались авгуры во время народных собраний.
- 23 В литературе высказываются сомнения в регулярности проведения люстров. Действительно, по свидетельствам Т. Ливия (X, 47), за время от учреждения цензуры до 294 г. до н. э. было избрано 26 пар цензоров, а люстров проведено лишь 21.
- 24 Вот как описывает составление списка сената цензорами в конце III в. до н. э. Т. Ливий (VIII, 11): «(9) Составление списка сената задержано было спором о том, кого записать первым; списком занимался Семпроний, (10) но Корнелий утверждал, что надо держаться обычая предков и первым в сенате ставить того, кто первый из ныне живущих сенаторов был в свое время цензором. Таковым оказался Тит Манлий Торкват. (11) Семпроний ответил, что боги, жребием назначая, кому из двоих заняться списком сенаторов, предоставляют ему право свободного выбора. Вот он и поступит по собственному усмотрению: выберет Квинта Фабия Максима, кому даже Ганнибал присудил бы первенство в римском государстве. (12) Спорили долго;

Корнелий уступил, и Семпроний записал первым сенатором консула Квинта Фабия Максима. Составлен был новый список сенаторов; восемь сенаторов были исключены».

- 25 Дионисий Галикарнасский следующим образом описывает контроль цензоров над частной жизнью римских граждан (D. N. XX. 13): «Римляне открыли все дома и вплоть до спален довели власть цензоров, сделав их надзирателями и хранителями всего, что происходит в жилищах, поскольку они были уверены, что ни господин не должен быть жестоким в наказании рабов, ни отец – чрезмерно суров или мягок в воспитании детей, ни супруг – несправедлив в отношениях с законной женой, ни дети – непослушными престарелым родителям, и ни родные братья не могут притязать на большую долю наследства вместо положенной. И они также не одобряли ни пиров и попойек, длящихся всю ночь, ни беспутств и разврата молодых ровесников, ни пренебрежения старинными почестями в отношении священнодействий или погребальных обрядов, ни каких бы то ни было иных поступков, совершаемых против собственности или процветания государства».
- 26 Эрарии – низшая категория римских граждан. Они были ограничены в своих гражданских правах: не голосовали и не избирались на должности, не служили в легионах, и облагались не налогами по цензу, но подушной податью, устанавливаемой по произволу цензоров. Цензоры переводили граждан других категорий в эрарии в виде наказания.
- Перевод человека в разряд эрариев делал его показания в суде, завещания и т. д. недействительными.
- 27 Храм Цереры на Авентине, где она почиталась вместе с Либером и Либерой, был освящен в 493 г. до н. э. Храм стал центром плебейских интересов. Здесь обосновались плебейские эдилы. Здесь же находились их архив и казна.
- 28 Тарпейская скала (Saxum Tarpeium) – название отвесной скалы с западной стороны Капитолийского холма. С этой скалы сбрасывали также осужденных на смерть преступников, совершивших предательство, инцест, побег (рабов от хозяина). Трупы преступников волокли затем крючьями к Тибру и сбрасывали в реку. По легенде, название утёса происходит от имени Луция Тарпея, которого сбросили оттуда за выступление против царя Ромула. По другой легенде, Тарпеей звали весталку, дочь начальника Капитолийской крепости Спурия Тарпея, которая во время войны с сабинами показала врагам тайный ход и была сброшена со скалы. Последняя казнь состоялась при императоре Клавдии в 43 г. н. э., и позже они были запрещены. В современном Риме Via di Monte Tarpeo ведет от Капитолия к форуму, скала не сохранилась.

- 29 Ярким свидетельством этого является следующий эпизод, описанный Дионом Кассием (XXXVII, 43): «Непот внес предложение вызвать Помпея, находившегося еще в Азии, с его армией, якобы для того, чтобы навести порядок в существующем хаосе <...>; но сенаторы протевратили принятие этого решения. (2) Во-первых, трибуны Катон и Квинт Минуций наложили вето на предложение и остановили глашатая, зачитывавшего предложение. Затем, когда Непот взял документ, чтобы прочесть самому, они отобрали его, а когда даже после этого он начал говорить экспромтом, – зажали ему рот».
- 30 Автор жизнеописания императора Адриана сообщает (SHA. v. Nadr. III), что будущий император «занимал должность квестора в консульство Траяна (четвертое) и Артикулея. Оглашая в это время в сенате обращение императора, он вызвал смех своим неправильным выговором».
- 31 За пределами этой черты управление дорогами осталось в том же виде, как оно было организовано еще в последнее столетие Республики. Для каждой дороги по-прежнему назначался особый *curator viae* и средства на содержание этих дорог по-прежнему отпускались из эрария, хотя Август и вносил пособия из своих средств также для этой надобности. Кураторы больших дорог назначались из сенаторов, обыкновенно из бывших преторов, но иногда из консуляров. При Тиберии появляется всаднический *curator viarum Labicanae et Latinae*. Всадники в звании куратора дороги встречаются и впоследствии. Появление всадников в этой должности доказывает зависимость от императора всего управления италийскими дорогами.
- 32 Фаски (*fascēs*) – перевязанный красным ремнем пучок березовых прутьев, из которого выступал топор. Согласно свидетельствам Плутарха (Rom. XXVI), первоначально ликторские пучки состояли из палок (*bacilla*) и лишь позднее, видимо, были заменены фасками, то есть гибкими прутьями, наказанием которыми, вероятно, было менее тяжелым. Путья говорили о праве того, кого сопровождали ликторы, подвергать граждан телесным наказаниям, а топор – о праве казнить. Победоносные полководцы увенчивали фаски лавровыми ветвями (*fascēs laureati*) (Cic. Att. VIII. 3, § 5; de Div. I. 28, 59; pro. Lig. III; Caes. B. C. III, 71). При императорах эти *fascēs laureati* служили знаком отличия заслуженным полководцам за значительные военные успехи, иногда также и без таких заслуг (Tac. Annal. XV, 9). Позднейшие императоры употребляли для себя только фаски, увенчанные лаврами или с золотыми украшениями.

ПРИНЦЕПС И ИМПЕРАТОРСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

В системе утвердившегося в Риме в конце I в. до н. э. государственного строя наряду с тремя присущими республике центральными властными элементами (комициями, сенатом, магистратурой) появился четвертый – принцепс.

Победив в гражданской войне своих соперников в борьбе за господство над Римской республикой, Август¹ начал поиски такого варианта оформления своей власти, который обеспечил бы ему безусловное верховенство и в то же время не вызвал бы возмущение римских граждан, приведшее к гибели Юлия Цезаря.

Августу пришлось решать задачу с выбором легальных основ своей власти. На это ушло несколько лет, но в результате такие основы были созданы и они обеспечивали прочность позиций правителей Рима в течение почти 300 лет.

Эти основы нашли отражение в титулатуре фактического правителя римского государства, формально остававшегося республикой. Эти титулы император получал при восхождении на престол или вскоре после него. Основные элементы титулатуры появляются уже при Августе. Одни титулы были чисто почетными, другие отражали обладание определенными полномочиями. История «оформления власти» Августа свидетельствует о том, что Август избегал каких-либо нереспубликански звучащих титулов и стремился оформить свою власть путем нагромождения отдельных постановлений и полномочий, из которых каждое формально не противоречило обычаям предков.

Титулатура римских императоров состояла из сочетания весьма различных в правовом, социально-политическом и идеологическом отношениях титулов, которые постоянно менялись, а жесткий фиксированный порядок практически не соблюдался².

Вопрос об основах власти правителей Рима в период ранней Империи довольно активно разрабатывается в специальной литературе. Одной из таких основ современные историки признают *auctoritas*.

Уже после окончания гражданской войны, в 29 г. до н. э., Август получил цензорские полномочия, на основании которых в 29–28 гг. до н. э. он составил новый список сенаторов. В нем его имя стояло первым (D. C. LIII. 1). Таким образом, он получил титул *princeps senatus*. Тацит (Annal. I. 9) подчеркивал, что, «устанавливая порядок в государстве, он (Август – И. С.) не присвоил себе ни царского титула, ни диктатуры, а принял наименование принцепса». Звание принцепса должно было служить выражением преданности правителя сенатским традициям и символизировать реальность «восстановленной республики».

Придавая большое значение термину «принцепс», Август действовал как реставратор. Титул принцепса в определенной степени заключал в себе нравственную основу власти. Этот республиканский термин Август неофициально использовал в смысле «первый гражданин римского государства». Его преемник Тиберий также довольствовался этим титулом и только над солдатами хотел быть императором (*imperator*) (D. C. LVII, 8). Поэтому верховная власть императора называлась *principatus* или *principium*.

Хотя титул «принцепс» не закреплен ни в одном из дошедших до нас юридических актов тех лет, термин этот прочно вошел в политический лексикон того времени. Красноречивое свидетельство тому – текст политического завещания основателя системы принципата «Деяния божественного Августа», где римский император неоднократно называл себя «*princeps*». Этот титул не был связан с занятием какой-либо должности, он не обеспечивал какие-либо преимущества при занятии должности и не присваивался гражданину решением сената или народа.

Изначально статус принцепса представлял собой почесть (*honor*). Во времена классической Римской республики *princeps senatus* был лицом, не имевшим каких-либо полномочий, но, как первый сенатор, он пользовался особым влиянием и нередко своим авторитетом направлял внешнюю и внутреннюю политику: ему предоставлялось право первым высказывать свое мнение при обсуждении вопросов на заседаниях сената, и это мнение задавало тон дебатам в сенате.

Август и его преемники принцепсами обычно называются в неофициальных документах. Термин *princeps* выражал идею главенства в самой общей форме. Это и глава государства, единоличный правитель, но это и первый среди равных. Именно как принцепс Август обладал *auctoritas*³.

Императорскую эпоху римской истории принято делить на периоды принципата и домината. В основе этой периодизации лежит тот факт, что в первый период правитель государства имел титул *princeps*, а во второй – *dominus*⁴. В «Панегирике Траяну» (XLV. 3) Плиний писал: «Ты хорошо знаешь, как различны по своей природе

деспотия (*dominatio*) и принципат; итак, именно тем особенно дорог принцепс, кто больше всего тяготеет к деспотом (*dominus*)».

Титул *dominus* существовал буквально с начала Империи. Август и Тиберий, по свидетельствам Светония (Aug. LIII; Tib. XXVII), расценивали попытки называть их этим титулом как позор и оскорбление. По Диону Кассию (LVII. 8), Тиберий сказал: «Я господин для рабов, император для солдат, принцепс для всех остальных». Открыто претендовали на титул *dominus* Калигула, Нерон, Домициан, Коммод, вошедшие в римскую традицию в качестве «дурных императоров», тиранов. Начиная с Септимия Севера, *dominus* начинает фигурировать в латинских надписях. Однако до конца III в. н. э. термин *dominus* изгонялся из официальной императорской титулатуры. Открыто позволил называть себя *dominus* только Диоклетиан (Vict. De Caes. XXXIX).

Вторую основу власти принцепса, начиная с Августа, составляло, по мнению современных историков, обладание империем. До окончания гражданских войн Август обладал особыми полномочиями как один из триумвиров, призванных, официально, вернуть политическую жизнь римского государства к нормальному функционированию. После победы над М. Антонием необходимости в таких полномочиях уже не было. Поэтому с 31 г. до н. э. Октавиан ежегодно избирался консулом и, соответственно, обладал консульским империем. В 29 г. до н. э. он получил не только консульский империй с контролем над армией и провинциями, но и право на проведение ценза. На заседании сената 13 января 27 г. до н. э. Август заявил, что он отказывается от своих полномочий и возвращает республику сенату и римскому народу. Однако постановлением сената ему был оставлен *imperium maius*, как у консула, но, поскольку этот империй со времен Суллы вследствие расширения римской державы и усложнения общественных задач, ограничивающихся главным образом Римом и Италией, был на практике *imperium domi*, Августу особым постановлением предоставлены были права и полномочия, касавшиеся некоторых провинций, командования войсками. Консульский *imperium maius* был, таким образом, расширен.

До 23 г. до н. э. Август ежегодно избирался консулом. Летом 23 г. до н. э. Август отказался от консульства. Однако решением сената ему на 10 лет был предоставлен расширенный проконсульский империй⁵ (*imperium proconsulare maius*) над провинциями Галлией, Испанией и Сирией, которым ему передавалось право командования всеми вооруженными силами римлян (за исключением войск в сенатской провинции Африке) (D. C. LIII, 32, 5). В связи с этим в Рим была перенесена проконсульская ставка (*praetorium*) Августа со свитой, которая состояла при нем как проконсуле ряда провинций. Полученная от

сената проконсульская власть не слагалась, когда Август переступал черту померия, и не возобновлялась, когда он померий оставлял. Этот империй продлевался Августу решением сената через отдельные промежутки времени, но уже Тиберий получил проконсульский империй пожизненно.

В 19 г. до н. э. Август получил право иметь знаки консульской власти, 12 ликторов, не занимая консульской должности, и право занимать место между двумя консулами на заседаниях сената (D. C. LIII. 3; *Lex Vespasiani*. II. 4 sqq.; Dig. I, 16, 8). С 23 г. до н. э. Август не выставлял свою кандидатуру в консулы, но в 5 и во 2 гг. до н. э. консулом он избирался.

Сама должность консула, на которую Август избирался 13 раз, т. е. в два раза больше, чем Марий, превосходивший всех числом своих консульских лет, была, безусловно, республиканской. Но республиканской традиции не соответствует ни способ замещения принципсом этой магистратуры, ни периодичность. Октавиан получил консульство в первый раз в девятнадцатилетнем возрасте (RGDA. I. 4) (что само по себе резко расходится с республиканскими нормами) под давлением армии на сенат, во второй раз – через 9 лет без очевидных нарушений традиции; с третьего по одиннадцатое консульства он получал ежегодно, без соблюдения надлежащего интервала, следующее – через 17 лет и последнее, тринадцатое – еще через два года. Не все консульства он принимал в Риме (Suet. Aug. XXVI), что также не соответствовало республиканским нормам. Вероятно, именно невозможность полного совмещения соблюдения всех республиканских установлений относительно консулата и эффективного решения поставленных объективными условиями задач побудила Октавиана Августа отказаться от этой магистратуры. Вместе с тем, тринадцать консульств так же, как и другие магистратуры принципса, внесли определенный вклад в формирование образа «республиканского» правления и одновременно способствовали укреплению режима личной власти Октавиана Августа.

Дион Кассий писал (LIII. 17. 4), что римские императоры становились консулами очень часто. Однако в действительности интерес к консульской должности у отдельных правителей империи был разным. Так, Домициан за 15 лет правления консулом был 10 раз, Траян занимал консульскую должность пять раз (и еще однажды до прихода к власти), Аврелиан же к концу своего пятилетнего правления побывал в должности лишь однажды.

В случае, если правящий император хотел быть избранным в консулы, он ставил об этом в известность сенат. Если консульство императора не было продолжительностью в полный год, естественно, император был ординарным консулом, а не суфффектом.

Обладание империем позволяло принципсам вершить многие дела политико-религиозного характера. Они представляли римское государство в сношениях с отдельными лицами или общинами, командовали армией и флотом (производили набор войск, лично назначали офицеров армии, выплачивали жалование воинам, награждали их и отправляли в отставку, принимали присягу воинов на верность императору), содержали собственную гвардию (преторианские когорты), отправляли гражданское и уголовное судопроизводство, обладали карательной властью, издавали обязательные к исполнению постановления, созывали собрания народа и заседания сената и председательствовали в них, имели право толковать законы и т. д.

Обладая империем, принципс руководил внешней политикой римского государства. Полномочия республиканских магистратов с империем в этой сфере были ограничены суверенитетом римского народа. Принципс же был свободен от этого ограничения. Видимо, это было прописано специальным законом. Принципс имел право своей властью объявлять войну, заключать мир, вести переговоры с правителями других государств.

До конца II в. н. э. проконсульский империй принципса распространялся на римские владения за пределами Италии, однако при Септимии Севере, разместившем один из созданных при нем легионов вблизи столицы империи, он стал действовать не только в Италии, но и в самом Риме.

Проконсульский империй был узаконенным основанием позиции императора как командира военных сил; но он был более или менее легитимным в зависимости от способа его передачи. Если империй предоставлялся сенатом, то это была строго конституционная власть: так он был предоставлен Тиберию и его коллегам по власти, Германику и Друзу (Tac. *Annal.* I. 14, 4; II. 43, 2), и Вителлий тоже датировал свои *dies imperii accepi* со дня, когда *soliti honores* были дарованы ему сенатом. Если империй предоставляли легионы, он был менее легитимным. Например, Веспасиан датировал свои *dies imperii* со дня, когда легионы провозгласили его императором (Suet. *Vesp.* VI), что было равнозначно признанию его права на этот империй.

Примечательно, что Август и последующие императоры до принципата Траяна, обладая *imperium proconsulare*, не имели титул «проконсул». В титулатуре принципсов обладание империем отражалось в титуле «*imperator*». Дион Кассий отмечал (LIII. 17. 4), что, если в республиканское время этот титул непродолжительное время носили только те римские полководцы, которые добились победы в крупной битве, то принципсы имели его пожизненно и не обязательно в связи с успехами в войнах с внешними врагами.

В республиканскую эпоху титул императора у римлян не связывался с представлением о каких-либо особых полномочиях. Во-первых, это был общий термин, обозначающий военное командование, т. е. *imperator* как носитель *imperium*. Во-вторых, *imperator* – это почетный титул, который солдаты давали победоносному полководцу, он сохранялся им от победы до конца триумфа. При Республике этот титул должен был следовать после имени. Впервые постоянно сохранил за собой титул императора Сулла. Юлий Цезарь получил от сената титул *imperator* в высшем значении, именно пожизненно и наследственно. Цезарь ставил его перед именем, употребляя, очевидно, в качестве *praenomen*.

Imperator – титул, дававшийся полководцу солдатами на поле битвы после большой победы (App. В. С. II 44; Caes. В. С. II, 26), он мог приобретаться несколько раз (Tac. Annal. I, 9), но отнимался по возвращении в Рим; он давал право на получение триумфа. Этот обычай сохранился и во времена Империи. При Цезаре и Августе право на этот титул и получение триумфа имели те полководцы, под командованием которых римские войска одерживали крупные победы. Светоний сообщает (Aug. XXXVIII), что при Августе полные триумфы получили более 30 полководцев. Однако потом «частные» императоры исчезли, не сразу, но достаточно быстро. Последним носителем такого титула был Юний Блез в 23 г. н. э., при Тиберии (Tac. Annal. III. 74). До времени Калигулы права и обычаи республиканских магистратов, связанные с триумфом, сохраняли проконсулы Африки с собственным империем. Такие триумфы известны в 21 и 19 гг. до н. э. (RGDA. XXI).

Позже, когда все полководцы римлян стали легатами принцепса и вели боевые действия под его ауспигиями, стало считаться, что боги даруют победы именно обладателю этих ауспигий (Tac. Annal. XIII, 41), и право на императорский титул и триумф стало монополией правящего принцепса. Так, совершенно невоенный Клавдий получил не менее 27 императорских провозглашений. Полководцы же, под командованием которых на деле достигались победы, получали лишь триумфальные украшения – одежды триумфатора, лавровый венок, право на курульное кресло и статую, которую увенчивали лавровым венком и одевали в одежду триумфатора – пурпурную, расшитую золотом тогу и тунику, украшенную золотыми пальмовыми ветвями. Подобно триумфу, триумфальные отличия предоставлял сенат, собравшийся в храме Марса Мстителя (D. С. LV. 10; Suet. Aug. XXIX). Обычно сообщается, что только сенат предоставлял эти почести (Tac. Annal. II. 52; Hist. IV. 4), даже и самому императору (Suet. Claud. XVII); но в надписях времен Веспасиана и позднее обычно прибавлены слова *auctore imperatore*, и, возможно, так было и раньше (Tac. Annal. III.

72; Agr. XL; D. С. LX. 23, 2). Одежда триумфатора стала официальным императорским одеянием. Цезарь, видимо, намеревался одевать его во всех официальных случаях (D. С. XLIV. 4; ср. Plu. Caes. LXI), но Август и его преемники одевали его только на праздники и зрелища.

Август впервые был провозглашен императором после Мутинской битвы, т. е. в 43 г. до н. э. Около 40 г. до н. э. он изменил свое имя и стал зваться не *Iulius Caesar Octavianus*, а *Imperator Caesar*. Титул в качестве *praenomen* как бы перешел к Августу по наследству от Цезаря, подобно тому, как старший сын получал обычно *praenomen* отца. Титул императора стал, таким образом, *praenomen*, причем наряду с ним, в полной титулатуре повторяется, что Август был провозглашен императором в такой-то раз (за всю жизнь Август провозглашен императором 21 раз (RGDA. IV. 1; Tac. Annal. I. 9)).

Последующие принцепсы сохранили различие смыслов титула (носитель империя и победоносный полководец) и присвоили оба: первый в качестве *praenomen*, а второй в виде второго титула с указанным количеством провозглашений (например, *imperator III*).

Некоторые правители его не брали, хотя это вовсе не лишало их военной власти, другие использовали его нерегулярно (Калигула, Нерон). Мало-помалу *imperator* стал означать то же, что *princeps* или царь. С течением времени, видимо, уже после Юлиев-Клавдиев, императором называли лицо, стоявшее во главе империи. Титул императора вытеснял титул принцепса. Со времени Септимия Севера он конкурирует с *dominus noster*, а ко времени Константина почти исчезает.

Если *princeps* выражал более гражданский стиль правления, неопределенное первенство с элементом республиканского наследия, то *imperator* – термин военный и отражал более военный и авторитарный характер власти.

Третью важную основу полномочий императоров составляла власть трибуна (*tribunicia potestas*). В 36 г. до н. э. Октавиан, будучи одним из *triumviri reipublicae constituendae*, пожизненно приобрел одну из прерогатив *tribunicia potestas* – трибунскую неприкосновенность (*sacrosanctus*), а также право занимать трибунское кресло (D. С. XLIX. 15). Вероятно, смысл приобретения состояния *sacrosanctus* заключался в том, чтобы не только обеспечить личную неприкосновенность, но и создать неотвечественное и независимое от сената положение, так как в том же году он обещал сложить с себя чрезвычайные полномочия, и сенат мог потребовать отчета у бывшего должностного лица.

В 30 г. до н. э. Октавиан был обладателем консульского империя и по этой причине, вероятно, не мог приобрести трибунскую власть в полном объеме. Однако он приобрел новые полномочия, составляв-

шие главное содержание *tribunicia potestas*: расширенное специально для него *ius auxilii* (право на защиту, помощь), действие которого выходило на 1 000 шагов за пределы городской черты (Тас. *Annal.* I. 2).

В 23 г. до н. э. Октавиан Август получил пожизненную трибунскую власть (*tribunicia potestas annua et perpetua*) во всей полноте (D. С. LIII. 32. 5), что означало добавление права интерцессии, права совета с сенатом и права обращения к народу. Кроме того, принцепс получал *ius primae relationis, ius correctionis, iurisdictio* – производные права, которыми обладали все магистраты. С 22 г. до н. э. Август имел право неограниченное число раз созывать сенат и председательствовать на нем. Принцепсы и в последующее время созывали сенат, опираясь именно на трибунскую власть. В 19 г. до н. э. Августу были предложены полномочия надзора за нравами и законами, от чего он отказался, считая, что достаточно его трибунской власти. Следовательно, можно говорить о том, что фактически к *tribunicia potestas* присоединилась *cura legum et morum* в форме расширенной *ius coercitionis*.

После этого и Август, и следовавшие за ним императоры пользовались трибунской властью, но титула трибуна ни Август, ни кто-либо из других императоров не имел и должность трибуна не занимал. Как отмечал Дион Кассий (LIII. 17. 10), это связано с тем, что плебейский трибунал был доступен только плебеям, а римские императоры были патрициями⁶. Тацит пишет (*Annal.* III. 56), что Август придавал власти трибуна большое значение: «не желая называться царем или диктатором, он, однако, хотел выделяться среди магистратов каким-нибудь титулом».

Будущий наследник императорской власти Тиберий получил трибунскую власть еще при жизни Августа, в 6 г. до н. э. Последующие императоры вступали в обладание ею или еще при жизни своих предшественников на императорском престоле, или же в день возведения на престол, или вскоре после этого возведения.

Трибунская власть позволяла императору накладывать вето на предложения магистратов и плебейских трибунов, которые продолжали ежегодно избираться из числа плебеев (трибуны же не могли наложить вето на предложение принцепса). Вместе с этими трибунами император вступал в обладание трибунской властью 10 декабря. Примерно с 18 г. до н. э. в надписях стало фиксироваться число вступлений императора в обладание властью трибуна, эта норма позволяет точно датировать составление данных надписей.

В качестве обладателя трибунской власти император имел право созывать сенат и народ по своему желанию, поднимать вопросы, накладывать вето на решения народного собрания или сената, председательствовать на выборах и говорить первым на любом заседании, предлагать законопроекты.

В рамках трибунской власти Августа были полномочия, обычно закрепленные за цензором. К ним относятся право на контроль общественной морали и изучение законопроектов в контексте государственных интересов, а также возможность проведения ценза и определения членства в сенате. Сам Август сообщает, что он трижды пересматривал список сената и провел оценку имущества граждан (RGDA. I. 2). При этом Август никогда не избрался на должность цензора. Были ли цензорские полномочия предоставлены Августу в рамках его трибунской власти, или он просто предполагал эти полномочия, до сих пор остается предметом дискуссий. Императоры Клавдий, Веспасиан и Домициан занимали должность цензора, причём Домициан в 85 г. н. э. получил эту должность пожизненно (D. С. LIII. 18. 5). Как цензор Домициан провел реформы в области общественной нравственности, возобновил древние обычаи и приостановил распространение восточных культов и иудаизма. Последующие императоры должность цензора не занимали, но выполняли его функции (D. С. LIII. 18. 5), хотя в титулатуре императоров обладание цензорскими полномочиями не отражалось.

Заняв место прежних цензоров республики, император лишал граждан сенаторского и всаднического звания (D. С. LIII. 17. 7), пользовался правом надзора за нравами и частной жизнью граждан. Светоний сообщает (Tib. XXXV), что император Тиберий одного сенатора «лишил полосы на тоге, когда узнал, что перед июльскими календами он уехал к себе в сады, чтобы после календ дешевле нанять дом в Риме. Другого сенатора он лишил квестуры за то, что он взял жену накануне жеребьевки ведомств и развелся с нею на следующий день».

После того как в 13 г. до н. э. в должности верховного понтифика (*pontifex maximus*) умер бывший триумвир Эмилий Лепид, Август был избран и на эту должность (RGDA. X. 2. 2). Вместе с тем он занял место и во всех главнейших жреческих коллегиях, и таким образом осуществил соединение в своем лице духовной власти со светской.

С этих пор император держал в своих руках всю религиозную жизнь римлян, царил над верованиями и распоряжался всеми актами культа; ему же принадлежал надзор за всеми жрецами. Все последующие правители империи также занимали эту должность, что отражалось и в их титулатуре.

С конца II в. н. э. у римлян бывали времена, когда империей одновременно правили два и даже три императора. Показателем того, что один из них по статусу был выше других, являлось то, что только он занимал должность верховного понтифика. Только в 238 г. н. э., после убийства императора Максимиана Фракийца, возведенные на императорский престол по инициативе сената Пупиен и Бальбин оба были верховными понтификами (SHA. v. Maxim. et Balb. VIII). Лишь

в 382 г. н. э. император Грациан отказался от титула понтифика (позже его приняли христианские епископы в Риме).

Во 2 г. н. э. Август получил от сената, всаднического сословия и всего римского народа почетный титул отца отечества (*pater patriae*) (RGDA. XXXV. 1; Suet. Aug. LVIII). Это тоже был республиканский титул⁷, который не давал императору дополнительных полномочий, но способствовал укреплению его авторитета среди римских граждан. Подобно главе семьи, отец отечества заботился о всех гражданах государства, которые, со своей стороны, должны были оказывать ему такое же почтение, какое младшие члены семьи оказывали ее главе (D. C. LIII. 18. 3).

Правившие после Августа императоры не спешили принимать этот титул. (Автор жизнеописания императора Адриана писал (SHA. v. Hadr. VI), что «принятие сразу поднесенного ему и еще раз впоследствии предложенного имени отца отечества он отложил на более позднее время, так как Август поздно удостоился этого имени»). Возможно, они полагали, что принимать его следует в не очень молодом возрасте и через какое-то время после начала правления. Вероятно, из подобных соображений Тиберий принял титул отца отечества через 17 лет после прихода к власти. Не имели его Гальба, Отон и Вителлий. Веспасиан принял этот титул «лишь много спустя» (Suet. Vesp. XII). Только Пертинакс «первый из всех императоров получил наименование отца отечества в тот день, когда был назван Августом» (SHA. v. Pert. V).

16 января 27 г. до н. э. по предложению Мукация Планка основателю системы принципата был присвоен сенатом почетный эпитет Август (Augustus)⁸ (RGDA. XXXIV. 1; D. C. LIII. 16; Suet. Aug. VII; Vell. II. 91) и как особый *cognomen* вошел в состав нового имени наследника Цезаря, который официально стал именоваться Император Цезарь Август, сын божественного (*Imperator Caesar Augustus divi filius*). Это был не титул и не звание, а имя (*cognomen*), которое также не добавляло новых полномочий принцепсу, но способствовало росту его влияния на граждан государства. Начиная с Тиберия «Август» становится частью титулатуры императоров, призванной указывать на божественный характер их власти, и присваивается сенатом каждому принцепсу.

Эпитет «Augustus» не был титулом, выражением полномочия, и не являлся показателем того, что носитель этого эпитета занимает какую-то общественную должность. В пользу последнего утверждения говорит тот факт, что жена правящего императора тоже получала этот эпитет – становилась Августой (*Augusta*), а женщины у римлян не могли занимать общественные должности (кроме жреческих). В мужском же роде этот эпитет обозначал правящего императора. До

конца II в. н. э. его имел только один человек, но Марк Аврелий, придя к власти, сделал соправителем своего брата Л. Вера, и они оба имели эпитет Август⁹ (SHA. v. Ael. Ver., V; v. M. Antonin. VII).

Со времен Филиппа Араба или Клавдия Готского этот эпитет Augustus превратился в *semper Augustus*, а с правления Проба – в *perpetuus Augustus* (Eckhel. VI. 88; VIII. 354).

В III в. н. э., начиная со времен Септимия Севера, обычным для императоров становится эпитет *invictus* («непобедимый»), которым, согласно Диону Хрисостому, могли именоваться только боги.

Начиная с Домициана, в титулатуре императора появляются эпитеты, свидетельствовавшие о победах императора над определенными народами или племенами (*Germanicus, Britannicus, Gothicus* и т. п.)¹⁰.

С конца II в. н. э. в титулатуре императоров появляется почетный эпитет *pius* («благочестивый»)¹¹.

Император Коммод первым включил в свою титулатуру эпитет *felix* («счастливый»)¹². Со времени Септимия Севера этот эпитет постоянно входил в титулатуру римских императоров.

Начиная с правления Траяна, в титулатуре правящего императора появилась информация о том, чьим сыном, внуком и т. д. (*divi ... filius, divi ... nepos, divi ... pronepos, ...*) он является. Видимо, такая информация должна была в глазах римских граждан укреплять законность пребывания данного принцепса на императорском престоле.

При Августе не издавалось особого единого закона об империи (*lex de imperio*), но выносились отдельные постановления, послужившие прецедентами для *leges de imperio* других императоров.

По сообщению Диона Кассия (LIII. 16 2), власть Августа продлевалась особыми сенатскими постановлениями: в 18 г. до н. э. на 5 лет, в 13 г. до н. э. снова на 5 лет, в 8 г. до н. э. на 10 лет, в 3 г. н. э. также на 10 лет и в 13 г. н. э. еще на 10 лет.

На заседании сената 29 марта 37 г. н. э. все полномочия и почетные права, которые имели Август и Тиберий, были переданы Гаю (Калигуле). С точки зрения закона, *princeps* выступал в роли своеобразного чрезвычайного магистрата. Римский народ посредством голосования в комициях за подготовленный сенатом текст «*lex de imperio*» наделял принцепса комплексом властных полномочий. Теперь принципат стал прочным, целостным единством.

Дошедший до нас «Закон о власти Веспасиана», по которому 22 декабря 69 г. н. э. сенатом и народом принцепсу передавались те права и компетенции, которыми обладали Август, Тиберий и Клавдий, если его сравнить с положением в августовские времена, является четко сформулированным выражением полного завершения институализации принципата. В то время, как Август делал вид, что старые республиканские нормы временно приостановлены, Веспасиан не делал из всего этого никакой тайны, взяв на себя все компетенции и привилегии.

Вбиравшая в себя сакральные прилагательные (Augustus, pius, felix) титулатура императоров обрастала ими целенаправленно. Все, связанное с императором, приобретало божественный (divinus) и сакральный (sacer) характер.

При всех намеках на то, что император стоит ближе к богам, чем обычные граждане, в период принципата правитель империи все же при жизни не обожествлялся. Правда, Домициан требовал, чтобы его называли богом и господином (deus et dominus)¹³, но это было отклонением от нормы. Последующие императоры на такие почести не претендовали. Живой император и его семья были божественными (divi), но не богами (dei). Только Аврелиан, судя по легендам его монет (Eckhel. VII. 482), официально принял эти титулы.

Однако уже в начале периода принципата божеские почести правящему императору оказывались жителями не только провинций, где очень рано получил распространение культ императора, но и Италии.

Август принял божеские почести от восточных провинций, причем здесь поклонение ему совершалось в тех же храмах, что и богине Роме (олицетворению Рима). На Западе богослужения Августу совершались на алтарях в Тарраконе и Лугудуне, в городских же кварталах Рима для поклонения Гению («Жизненной силе») семейства Августа собирались вольноотпущенники, почитавшие этого Гения наряду с Ларами (божествами-покровителями домашнего очага). Во всех прочих местах учреждались коллегии жрецов, именованных августалами. Статуи императора находились в святилищах даже самых маленьких провинциальных городов. Культ императора стал основным способом выражения лояльности государству.

Уже в 36 г. до н. э., после успехов в борьбе с Секстом Помпеем, италийские города поставили статуи Октавиана в храмах рядом с их богами (App. B. C. V, 132).

Август, официально не являвшийся богом при жизни, подготовил все условия для своего обожествления после смерти.

Обожествление умершего принцепса сначала происходило спонтанно и в различных формах, но постепенно приобрело сакрально-правовое и государственное качество. Обычно инициатором обожествления умершего принцепса выступал новый император. Он обращался с просьбой об этом к сенату. Так, согласно автору жизнеописания Адриана (SHA. v. Nadr. VI), этот император «обратившись к сенату с тщательно продуманным письмом, просил для Траяна божеских почестей и добился их, причем согласие было настолько единодушным, что сенат внес уже от себя в свое постановление в честь Траяна многое такое, о чем Адриан даже не просил».

Решением сената проводился торжественный обряд погребения обожествленного правителя империи¹⁴.

После погребения умершего императора сенат принимал решение о строительстве храма, учреждении культа божественного императора¹⁵ и назначении жрецов для отправления этого культа (Tac. Annal. I. 10). Культ императора был важной составляющей системы принципата, он идеологически обосновывал господство Рима над империей и господство императора над своими подданными.

Со времени смерти императора Клавдия в 54 г. н. э. сенат выносил решение об обожествлении еще до завершения погребальных церемоний.

Императорский культ постепенно становился не столько персональным обожествлением, сколько культом носителя власти вообще (независимо от личных заслуг). Каждый новый добившийся успеха претендент на трон вне зависимости от прочности своего положения объявлялся «наибожественнейшим», и его имя оказывалось окружено торжественными эпитетами.

Далеко не все императоры были обожествлены после смерти: из пяти Юлиев-Клавдиев только Август и Клавдий, Септимий и Александр – из пяти Северов.

Власть императора прекращалась с его физической смертью, допускалось также отрешение принцепса от власти и личное его отречение от нее. Последнее не требовало каких-либо специальных процедур, тогда как отречение от власти для того, чтобы иметь обязывающее правовое значение, должно было быть совершено от имени римского народа и санкционировано постановлением сената или позже решением императора. Отрешение императора от власти рассматривалось как общественное осуждение не только его государственной деятельности, но и личных качеств, создавало в правовом смысле особую ситуацию максимального умаления на основе специального постановления о *damnatio memoriae* («осуждении памяти»). Согласно этому правилу, запрещались процедуры похорон и траура, даже семейного, в отношении отрешенного императора, отменялись все государственные акты, изданные от его имени, предписывалось уничтожить все статуи и другие изображения, его имя в надписях¹⁶. Официальные предписания уничтожить изображения подтверждали статус победившего императора, а публичное участие в процедуре дамнации было фактически выражением лояльности режиму. Это было сообщением о смене политической власти.

При тех или иных обстоятельствах (в соответствии с решением сената о *damnatio memoriae*, решением императора или из-за стихийного эмоционального всплеска населения) на монументах были уничтожены надписи следующих императоров I–III вв. н. э.: Калигулы, Нерона, Домициана, Коммода, Клодия Альбина, Геты, Макрина, Диадумениана, Гелиогабала, Александра Севера, Максимиана I и

Максима I, Гордиана III, Филиппов I и II, Траяна Деция, Геренния Этруска, Гостилиана, Эмилиана, Галлиена, Аврелиана (есть редкие примеры), Проба, Кара, Карина, Нумериана.

Повреждались и изображения на монетах: например, лицевые стороны с портретами Максимиана и Максима из Элеи и Пергама были полностью уничтожены.

Тело Гелиогабала сбросили в Тибр с Эмилиева моста, привязав к нему груз, так что он, единственный из императоров, который не был похоронен (SHA. v. Elag. XVII. 1–6).

Во времена ранней Империи не существовало каких-либо законодательных актов, устанавливавших порядок престолонаследия, ибо официально принципат никогда не приравнивался к наследственной монархии. При наделении принцепса властью были задействованы республиканские механизмы, так что формально именно признание принцепса сенатом и народом Рима составляло основу легитимности его власти.

В течение всей ранней Империи официального титула наследника не существовало. Власть принцепса могла быть передана по наследству, но эта передача нуждалась в подтверждающем акте делегации власти от имени римского народа или представлявшего его учреждения. Но уже при Августе определенные люди намечались в качестве его преемников, и все об этом знали. Здесь сказалось то положение принцепса, которое вытекало из особой *auctoritas*, особого влияния, не регламентированного какими-либо законоположениями.

Принцепс мог указать своего преемника (обычно сына или усыновленного), которого сенат и избирал принцепсом. Для того, чтобы стало ясно, кого именно он наметил в свои преемники, Август еще при жизни наделял будущего принцепса определенными титулами и полномочиями. Так, преемник Августа Тиберий еще при жизни основателя системы принципата обладал проконсульским империем, трибунской властью (Tac. Annal., I, 7; Suet. Tib. XVI–XVII), вместе с Августом он управлял провинциями и производил перепись граждан (Suet. Tib. XXI), принимал послов (Suet. Tib. XVI). Так же действовали и последующие императоры.

Подчиненное командование несовместимо с идеей проконсульского империя. Этим империем может обладать претор – в эпоху Республики или в эпоху Империи, если направлен управлять одной из меньших сенатских провинций, – но ни в коем случае не тогда, когда отправляется в качестве подчиненного другого должностного лица. По этой причине консуляры, управлявшие императорскими провинциями, никогда не назывались проконсулами, но только легатами-пропреторами, ибо их командование не было независимым. Следовательно, в эпоху Империи командир, получивший проконсульский

империй вместе с полной властью осуществлять его в военной сфере, являлся коллегой императора (*collega imperii*), и предоставление этой чести было одним из самых характерных способов указания преемника принципата. Проконсульский империй императора был уникален тем, что он не прекращался в результате присутствия императора в стенах города (D. C. LIII. 17, 6; 32, 5). Но эта привилегия не распространялась на его коллег: Германик, обладавший империем в Германии, должен был снова получить его перед отъездом на Восток, поскольку вошел в пределы города (Tac. Annal. II. 43, 2), а Друз не мог обладать им, находясь в пределах города в качестве избранного консула (Tac. Annal. I. 14, 5).

Строгих традиционных цензов для личности властителя не установилось; единственным, более или менее выдерживавшимся на практике, было требование о принадлежности к патрициям и сенаторскому сословию.

Со времен Адриана наследник императорской власти еще при жизни правящего императора получал титул цезаря (т. е. отныне имя Августа становится титулом правящего императора, а имя Цезаря – титулом назначенного наследника императорского престола). Цезарь имел доступ к таким почестям, как титул императора, участие в триумфе правящего императора, помещение его портрета на монетах. Обычно цезарь отправлял магистратуры в паре с августом. Так, будущий император Тит в правление Веспасиана ежегодно получал консульство, получил также трибунскую и проконсульскую власть, в 73–74 г. н. э. он вместе с отцом провел цензуру, после триумфа 71 г. н. э. Веспасиан передал ему должность префекта преторианской гвардии.

Новый император при вступлении на престол получал свои полномочия посредством принятия сенатом и (формально) народом *lex de imperio* и *lex de tribunicia potestate*¹⁷. Если Август получил полномочия на определенный срок, то последующие императоры получали их пожизненно. В день вступления императора на престол совершались жертвоприношения на Капитолии, в последующие годы 1 января сенат, магистраты и солдаты приносили присягу *in astra* и *in popem* императора.

Обладание полномочиями принцепса находило отражение в одежде и знаках власти. На заседаниях сената император восседал на трибунской скамейке (*subsellium*) или в курульном кресле между консулами. В пределах Италии он одевал обычную магистратскую *toga* (*toga praetexta*) (SHA. v. Nadr. XXII; v. Sev. Alex. XL); за пределами Италии – красный плащ полководца (*paludamentum*)¹⁸. Со времен Септимия Севера, разместившего вблизи Рима один из набранных им легионов, императоры стали одевать *paludamentum* и на

территории Италии. В III в. н. э. этот плащ стал символом захвата императорской власти (Hdn. II. 8; Eutrop. IX, 26). В одеяния триумфатора императоры облачались, посещая в Риме игры и общественные празднества. Домициан одевал их и при посещении заседаний сената (D. C. LXVII. 4). До правления Домициана императора сопровождали 12 ликторов, при этом императоре и позже – 24.

Судя по данным нумизматики, со времен Эмилиана (249 г. н. э.) императоры стали носить лучистую корону (*corona radiata*). Эта корона была символом божественности власти императора. Согласно Аврелию Виктору (Epit. XXXV), диадему¹⁹, «украшенную золотом и драгоценными камнями», первым стал носить император Аврелиан. Однако Светоний писал (Cal. XXII), что уже Калигула носил и лучистую корону и диадему. Утверждение Аврелия Виктора не подтверждается данными нумизматики. Впервые диадема появляется на монетах Константина. Преемники Константина носили ее постоянно. Юлиан имел роскошную диадему, украшенную драгоценными камнями («*ambitioso diademate utebatur lapidum fulgore distincto*») (Ammian. XXI. 1. 4).

В жизнеописании Гелиогабала сообщается, что он «носил тунику – всю в золоте, носил и пурпурную, носил и персидскую – всю в драгоценных камнях. <...> Он носил на обуви драгоценные камни, притом разные. <...> Он любил надевать и диадему, украшенную драгоценными камнями <...>; носил он ее и дома» (SHA. v. Geliogab. XXIII). Автор жизнеописания Галлиена утверждал, что этот император «часто выступал в короне с лучами. В Риме, где государи показывались всегда в тоге, его можно было видеть в пурпурной хламиде с золотыми застежками, украшенными драгоценными камнями. Он носил пурпурную золоченую мужскую тунику, притом с длинными рукавами. Перевязь у него была украшена драгоценными камнями. Ремни на его обуви были осыпаны драгоценными камнями» (SHA. v. Gall. duo. XVI). Однако Евтропий пишет (IX. 26), что все эти нереспубликанские и неримские новшества в наряде императора появились только при Диоклетиане.

Скипетр был признаком царской власти, поэтому в республиканской время был изъят из римской повседневности. Жезл был атрибутом богов, прежде всего, Юпитера, только полководец во время триумфа мог держать его в руках в пределах города Рима. Сделан он был из слоновой кости, на его вершине находился орел и назывался заимствованным из греческого устаревшим словом *scipio*. В отличие от других украшений триумфатора его нельзя было использовать триумфатору ни при жизни, ни при похоронах.

Скипетр никогда не использовался римскими императорами в качестве признака их власти. Хотя мы часто видим его в руках импера-

тора на монетах и на произведениях изобразительного искусства, но это относится к изображениям императоров в качестве триумфаторов, а древние авторы никогда не пишут о скипетре как знаке императорской власти.

Таким образом, в период принципата в общей форме определенные актом о передаче ему государственной власти полномочия императора охватывали почти все области и формы государственного регулирования «публичных дел». Его единоличная и пожизненная власть основывалась на совокупности полномочий существовавших должностных лиц республиканского строя и характеризовалась сосредоточением военных, административных, законодательных и судебных полномочий, которые реализовывались, однако, через прежние, республиканские по своей правовой конструкции типы учреждений и при помощи таких правовых институтов.

Не было власти, которая не принадлежала бы императору. В его руках были войско и финансы. Он был единоличным главой управления, суда и даже религии. Он пользовался законодательной властью. Правда, настоящие законы (*leges*) он мог издавать лишь при содействии сената, но зато его личным указам (эдиктам) население должно было повиноваться не менее, чем самим законам. Император признавался вправе изымать отдельные случаи или действия отдельных лиц из-под силы права и закона, предоставлять привилегии и в целом творить специальное право.

Император обладал высшей административной (правительственной) властью в государстве. Он обладал всеми полномочиями и обязанностями по охране правопорядка на основе законов, даже тех, от действия которых сам был изъят. Он мог издавать распоряжения, обязательные для всех должностных лиц. Как бы заменяя прежние покровительственные для граждан полномочия трибунов, государь имел право предоставлять убежище (даже в нарушение законов собственного государства) гражданину или любому иному лицу, мог давать право обжаловать любое решение других должностных лиц. Император обладал правом предоставления римского гражданства, а также полномочиями по установлению организации провинций, т. е. административно-территориального деления империи, порядка управления вновь образуемыми территориальными единицами, городами и т. д.

Император обладал и широким кругом судебных полномочий. Он был верховным судьей в империи, на которого не могло быть апелляции. В Риме он творил суд лично рядом с сенатом и центумвирами. В провинциях он передавал свою судебную власть легатам, которые и судили от его имени. Он имел право на осуществление личного правосудия в общих рамках права и закона в порядке экстраординарного судопроизводства или поданной на его имя апелляции. Признава-

лось, что в выборе формы уголовного наказания император свободен от точного следования правовым правилам. Император обладал совершенным правом помилования, причем выраженное в общем виде такое повеление должно было трактоваться в наиболее благосклонном для обвиненного направлении. Тем самым в скрытой форме подразумевалось право императора вообще отступить в своем правоприменении от прямых предписаний законов. Он председательствовал в сенате или аналогичном ему государственном учреждении (совете).

Исключительность публично-правового положения императора (на основе сосредоточения в его власти широкого круга государственных функций и прав, прежде разделенных между разными учреждениями и институтами) оформилась и в дополнительных, исключительных правах-прерогативах императора, которыми ни по отдельности, ни в совокупности не характеризовались полномочия республиканских и традиционных органов власти. Личность государя была изъята из-под действия законов и права. Собственность императора не подлежала регулированию традиционным частным правом и имела привилегированный статус, как в отношении ее охраны, так и в отношении возможных претензий со стороны третьих лиц. Преступления, совершенные против личности и власти императора, рассматривались как посягательства на власть всего римского народа, как преступления против сообщества в целом, образуя специфическую категорию (*laesae maiestatis*). Традиция предписывала исходить из презумции благости действий государя в сомнительных случаях, их подзаконности и непротивоправности; все обвинения в адрес императора по этому поводу должны были доказываться выдвигаемыми их лицами.

Сенат был в действительности лишь чем-то вроде государственного совета, удобным приспособлением, которое придавало действиям императора законные формы прежних времен. Всякое политическое действие исходило от особы императора, который пользовался своей властью безраздельно, не находясь ни под чьим контролем.

Управление империей осуществлялось из того места, где находился император. Если император покидал Рим, его сопровождали все, в ком он нуждался для осуществления управления государством. В Риме же управление империей осуществлялось из дома императора, который постепенно превратился в императорский дворец. В начале правления Августа его дом на Палатинском холме не был большим по своим размерам. Но уже при жизни Августа к его резиденции были присоединены другие здания: библиотека, храмы, включая храм Весты. При преемниках Августа размеры дворца все увеличивались и название Палатинского холма стало использоваться в качестве названия дворца императора (*Palatium*).

По мере возрастания роли императора в управлении государством рядом с системой республиканских органов появились и вырастали новые институты, созданные с той же целью – управлять государством.

Одним из первых таких институтов был совет императора (*consilium principis*). Созданный при Августе в 27 г. до н. э. (D. C. LIII, 21, 4) и преобразованный в 13 г. н. э., он стал связующим звеном между принцепсом и сенатом. В 27 г. до н. э. совет состоял из консулов, по одному представителю от других магистратур и 15 членов сената, не занимавших какую-либо должность, избравшихся в состав совета по жребию каждые шесть месяцев (Suet. Aug. XXXV; D. C. LIII. 21. 4). Светоний писал, что функцией этого органа было готовить дела для передачи на рассмотрение сенату (Suet. Aug. 35, 3). Когда же Август по старости лет признал для себя затруднительным лично участвовать в сенатских заседаниях, то этот комитет, составлявшийся тогда из взрослых принцев императорского дома, из консулов (как состоявших в должности, так и *designati*) и из 20, избираемых на год, сенаторов, получил право, собираясь во дворце императора, прямо решать дела от имени сената (D. C. LVI. 28. 2). Также и Тиберий устроил при себе подобный совет из 20 членов, избравшихся, по-видимому, из числа магистратов и сенаторов, как и при Августе (Suet. Tib. LV).

Императорский совет не был самостоятельным органом власти, могшим действовать отдельно от императора. Состоя при особе императора, совет мог собираться только в его присутствии, а потому здесь не было другого председателя, кроме императора. Ведение дел в заседаниях совета напоминает собою процедуру сенатских заседаний. Обсуждение вопросов происходило путем прений. К подаче голоса призывались все присутствующие члены совета. В подаче голосов принимал участие и сам император. Но окончательное решение все-таки определялось волею императора, а не простым большинством голосов. О заседаниях совета составлялись протоколы.

Клавдий практически все важные решения принимал в совете, либо обсуждал там дела перед вынесением их на суд сената (Tac. Annal. XI, 1–3; XII, 1–4.). Калигула и Нерон не считали нужным с кем-либо советоваться, поэтому в периоды их правления роль *consilium principis* не могла быть значительной. В целом же анализ действий и состава совета показывает, что этот орган был наиболее удобен именно для ситуации, когда фактически у власти стоит один человек, но по традиции значимые для государства решения должны приниматься коллегиально. Таким образом, *consilium principis* в определенном смысле стал подменять собой веками существовавший в Риме совещательный коллегиальный орган – сенат.

При Тите *consilium principis* становится постоянно действующим органом (Suet. Tit. 7, 2).

Все важные вопросы при Домициане решались на созданном принцепсом совете, который состоял из сенаторов по его выбору, из представителей всаднического сословия и преторианских префектов, а не в сенате.

Все же в период правления Юлиев-Клавдиев и Флавиев *consilium principis* продолжал оставаться неофициальным и нечетко определенным органом.

Траян превратил совет принцепса в постоянно действующий орган управления. Совет получил институционное оформление и был наделен новыми функциями. Эта небольшая, первоначально юридическая, коллегия советников принцепса состояла, как и раньше, из назначенных принцепсом и формально утвержденных сенатором членов из сенаторского и всаднического сословия. *Consilium principis* Траяна рассматривал не только вопросы общегосударственного значения, но и мелкие дела: о прелюбодеяниях, о фальсификации завещаний и т. п. (Plin. Ep. VI. 22; 31).

При Адриане совет принцепса стал официальным высшим государственным органом, куда входили советники императора, ведущие правоведы и руководители центральных ведомств.

Адриан учредил для юристов при императорском совете платные должности, в качестве технических помощников по делам, вносимым на обсуждение совета. Назначение таких помощников, получавших (по крайней мере, впоследствии) жалованье в размере 60.000 сестерциев, выражалось термином: *adsumere in consilium principis*. Эти, состоящие на жалованьи, юристы могли быть повышаемы и на степень полноправных членов совета и тогда они назывались *consiliarii Augusti*. Они консультировали императора в отношении законодательной и судебной практики. С таким повышением связано было и увеличение содержания до 100.000 сестерциев (*centenarii*). Штатные юристы, придававшие императорскому совету характер бюрократически организованного учреждения, составляли, однако, только дополнительный элемент, так как главный состав совета по-прежнему состоял из должностных лиц, приглашаемых императором (что называлось *adhibere*).

Когда император на длительное время покидал Рим, в перемещениях по империи его сопровождали многие люди, в услугах которых он нуждался. В их числе были и те, с кем он советовался при решении важных вопросов жизни государства. Так возник институт императорских «спутников» (*comites Augusti*). Это не была официальная должность. Среди *comites* были и сенаторы, и всадники. Император избирал их из числа своих «друзей» (*amici*). Предполагалось, что

comites должны быть советниками и помощниками императора при решении различных вопросов и проблем, с которыми принцепс сталкивался во время своих поездок по территории империи.

При каждом из императоров была некоторая группа «друзей» (*amici Augusti*), которую часто они могли унаследовать от предшественника. Например, Нерва сохранил *amici* Домициана (несмотря на смену власти в результате заговора и убийства императора в 96 г. н. э.). О Тите рассказывали, что он выбирал советников так, что и последующие правители в своих и в государственных делах не могли обходиться без них и всегда к ним обращались. Подобная преемственность являлась основой для сохранения континуитета в политике и аккумуляции управленческого опыта. Возможно, уже в период Антонинов «друг императора» превращается в титул.

При Антонине Пии и Марке Аврелии нам известные входившие в *consilium* военные эксперты; на собрания совета могли приглашаться и специалисты по другим вопросам. Император Марк Аврелий всегда перед тем, как что-либо сделать, не только в военных делах, но и в вопросах гражданской жизни (*non solum bellicas res sed etiam civiles*), консультировался с *consilium principis* (SHA. v. M. Antonin. I, 3).

Уже во времена Марка Аврелия первое после императора место в совете принадлежало префектам претория.

При Септимии Севере решения совета принцепса получили силу сенатских постановлений. Ключевую роль в совете при Северах играли известные юристы всаднического ранга на должности префекта претория.

При Александре Севере императорский совет состоял из 20 юристов и неопределенного количества прочих членов, но не менее 50, по примеру тогдашнего минимального числа сенаторов, присутствие которых требовалось, чтобы заседание сената могло считаться состоявшимся (SHA. v. Alex. Sev. XVI). Состав совета в те времена был уже более или менее постоянен. В заседаниях совета обсуждались не только меры законодательного характера, но и другие дела внутренней и внешней политики.

Таким образом, сфера компетенции совета принцепса могла охватывать различные области: от законодательства и судебных дел до военных и внешнеполитических вопросов. Компетенция совета, в сущности, дублировала компетенцию сената, так что только от императора зависело, какие дела передавать на рассмотрение в один орган, а какие – в другой.

Параллельно постепенному замиранию республиканских магистратур идет развитие системы императорских чиновников, как уполномоченных императора. Принципы назначения чиновников, иерархичности, отсутствие регламентации срока службы, а

также отсутствие формальных требований к замещению должности были очень удобны именно с точки зрения подчинения всей системы управления одному человеку – принцепсу.

Создавая бюрократический аппарат, Август имел известный прецедент в предшествующей республиканской истории. Магистрат, отправляясь в какую-либо провинцию или приступая к выполнению каких-либо функций, пользовался людьми, находившимися в личной от него зависимости: это были рабы, вольноотпущенники и клиенты. Они назначались своим господином или патроном и были ответственны только перед ним, а отвечал за все полномочия только он сам.

Создание центрального имперского бюрократического аппарата представляло собой форму адаптации административного аппарата Республики (с ее ежегодно сменяемыми магистратами) к потребностям в управлении огромным и сложным механизмом Империи.

В эпоху принципата возникали новые должности, свод которых получил название *officia*. Светоний определяет *officia*, как должности, учрежденные Августом («*Quoque plures partem administrandae rei publicae caperent, nova officia excogitavit.*» – «Чтобы больше народу участвовало в управлении государством, он учредил новые должности») (Suet. Aug. XXXVII).

Officia в принципе отличались от магистратур. Должности *officia* сосуществовали наряду с традиционными республиканскими магистратурами, а их носителями были кураторы (*curatores*) и префекты (*praefecti*).

Императорские службы создавались не на основе каких-либо нормативных актов и предписаний, четко определяющих круг прав и обязанностей, а на делегировании императором своих полномочий особо доверенным лицам.

Эти группы было необходимо встроить в существующую систему исполнительной власти. Для этого принцепс делегировал власть – предоставлял мандат доверенному лицу на управление в какой-либо сфере. Решение о предоставлении мандата принималось по согласованию с сенатом, но хотя мандат носил временный характер, благодаря его продлению власть носителя мандата не прекращалась. Должность через мандат стала самостоятельной в системе исполнительной власти эпохи принципата. Для вручения должностных полномочий посредством мандата не требовалось издания специального законодательного акта. Преимущества мандата заключались в том, что он позволял действовать от имени принцепса.

Новые должности вводились не только посредством мандата, но и путем сенатского постановления и эдикта принцепса, как, например, должность куратора водоснабжения (Front. De aq. CXXIX).

Ни одна классификация императорских должностей не может быть достаточно удовлетворительной. Все же в литературе предлагается подразделять их на следующие группы: а) должности при императорском дворе; б) судьи; в) должности финансового характера; связанные с управлением г) Римом; д) Италией; е) провинциями.

В системе должностей *officia* можно выделить несколько групп в соответствии с их официальными названиями.

Одну из этих групп составляли кураторы (*curatores*). Первоначально это были чрезвычайные чиновники, которые имели надзор за известными сооружениями, зданиями и т. п. В императорском аппарате управления кураторы назначались и на определенные участки (куратор конкретной дороги, общины) и без какой-либо детализации возложенных на них обязанностей. Значение этих должностей видно из самого их названия: так, *curatores alvei et riparum* смотрели за берегами Тибра, *curatores aquarum* – смотрители водопроводов, *curatores cloacarum* – смотрители клоак, *curatores frumenti* – лица, которым была поручена раздача хлеба. Существовали также другие кураторы (*monumentorum publicorum tuendorum, operum publicorum, pecuniae publicae, tabularum publicarum, viarum, regionum* и др.).

Должности *curatores* чаще всего занимали сенаторы.

В I в. до н. э., во времена Цицерона, особым доверенным лицам, главным образом из вольноотпущенников, поручалось ведение дел различного характера. Такие доверенные лица назывались прокураторами (*procuratores*). По определению Ульпиана (Dig. III. tit. 3. 1), «прокуратор – тот, кто ведет дела другого по его поручению» (*Procurator est qui aliena negotia mandata domini administravit*). Назначение прокуратора не было связано с той или иной формальностью.

Этот институт получает широкое распространение во времена Империи. Август при формировании новых органов управления, не выборных, а им единолично назначаемых, широко использовал деловой опыт всадников, привлекал их в качестве императорских прокураторов.

Определенный класс прокураторов имел отношение к императорским провинциям; прокураторы последних, подобно квесторам сенатских провинций, заведовали финансовой частью (*fiscus provincialis*). Для военных целей существовал особый *procurator castrensis*, который заведовал интендантской частью и уплатой жалованья. Кроме того, особый чиновник заведовал чеканкой денег – *procurator monetae*.

Кроме провинциальных прокураторов, которые имели отношение к фиску и имуществу императора, были еще *procuratores Caesaris pro legato*, которые управляли незначительными областями, относившимися к разряду императорских провинций. Из провинций, ко-

торые по временам управлялись прокураторами, известны: Альпы, Реция, Норик, Фракия, Мавритания. Эти прокураторы находились под контролем ближайшего императорского наместника (*legatus pro praetore*); так, Понтий Пилат был подчинен сирийскому наместнику. Прокуратор, исполнявший обязанности наместника провинции, наделялся не только финансовыми полномочиями, но и, как командиры вверенных ему войск, обладал определенными военными функциями. Положение прокураторов мало чем отличалось от положения других наместников провинций. Данная должность с момента возникновения была тесно связана с императором, с юрисдикцией на подвластных ему территориях. Прокуратура давалась на неопределенный срок и оплачивалась жалованьем из казны.

Титулом прокуратора наделялись не только наместники провинций, но и все императорские должностные лица, ведавшие финансовыми делами. Прокураторы этой категории имелись и в императорских, и в сенатских провинциях, причем они набирались не только из лиц всаднического сословия, но и из вольноотпущенников императора.

В 53 г. н. э. Клавдий упорядочил положение прокураторов (*Tac. Annal. XII. 60*) – установил особый *cursus*, т. е. последовательность служебных должностей, ведущий к занятию прокураторских мест. Прокураторы императора должны были отныне принадлежать к всадническому сословию и обязательно пройти до назначения длительную службу в легионах или в преторианской гвардии; прокураторы фиска были разделены на категории в зависимости от важности провинций, и в соответствии с категорией прокураторам выплачивалось ежегодное содержание; они получали право суда и следствия и право военного командования.

С течением времени количество прокураторских должностей все увеличивалось: при Августе в провинциях служили 25 прокураторов, при Нероне – 45, при Траяне – 84, при Адриане – 103, Септимию Севере – 170. К середине III в. н. э. количество всаднических прокураторов достигло 182 человек.

При Антонинах сложилась четырехступенчатая система оплаты должностей прокураторов-всадников: *sexagenarii* – 60 тысяч сестерциев в год, *centenarii* – 100 тыс., *ducentarii* – 200 тыс., *trecentarii* – 300 тыс.

В республиканское время для управления портом в Остии назначался особый квестор (*quaestor Ostiensis*), к которому с тех пор, как была введена даровая раздача хлеба в Риме, перешло и заведывание приемом казенного зерна с морских кораблей и перевозом его в Рим по реке. Клавдий упразднил должность остийского квестора, а вместо этого установил императорского прокуратора, называвшегося сначала *procurator portus Ostiensis* (*Suet. Claud. XXIV; D. C. LX. 24.*),

а потом *procurator ad annonam Ostiae*. Он был *sexagenarius*. В III в. н. э. прием продовольствия в Остии переходит к непосредственным агентам столичного префекта *annonaе*; так что за остийским прокуратором остались лишь общие обязанности портового начальства; с тех пор он назывался *procurator portus utriusque*.

Среди прокураторов *centenarii* особое положение занимал *procurator patrimonii*, отвечавший за имущество императора и членов его семьи. К этому же разряду относился *procurator monetae*, отвечавший за организацию деятельности императорского монетного двора.

Отдельную группу императорских чиновников составляли префекты (*praefectus*). Префектами у римлян вначале назывались люди, занимавшие командные должности в армии и флоте: командиры вспомогательных конных и пеших отрядов, предводители ветеранов (*evocati*), командующие флотами, командиры отдельных кораблей и т. д. Власть префекта представляла собой *imperium*. Обладая *imperium*, префекты могли осуществлять высшую судебную власть – *iurisdictio*. Юрисдикция давала возможность решать юридические споры при отсутствии закона, привлекать гражданина к ответственности за нарушение действовавших законов. На префектов возлагалось проведение государственных и частных судебных процессов в сфере своей компетенции. Юрисдикция предполагала также право назначать судью.

Со времен Августа должность префекта приобретает военно-административный характер. Август и последующие императоры ставят префектов во главе ряда учреждений и институтов, которые имели большое значение для прочности позиций императора в государстве и обеспечения его личной безопасности.

Во главе всех императорских доверенных лиц стоял *praefectus praetorio*, начальник императорской гвардии²⁰. Должность префекта претория была вершиной всаднической карьеры. Префекты командовали преторианцами от имени императора. При Августе во главе преторианцев стояли два префекта, позже иногда преторианцами командовал один префект, при Коммодe – три. Если император отправлялся в провинцию или к войскам, один префект претория сопровождал его, а другой оставался командовать когортой, которая несла службу в императорском дворце в Риме (*D. C. LXIX. 18*).

В компетенцию префектов входила, прежде всего, дисциплинарная власть над преторианцами, а также и определение на службу нижних чинов этих когорт, в то время как трибунов и центурионов назначал сам император. Власть префектов претория распространялась и на *cohortes urbanae*, которые также могли быть привлекаемы к караульной службе во дворце а равно как и в прочие военные

команды в Риме и Италии; исключение составляли только оба флота претория (*classes praetoriae*) в Мизене и Равенне. Помимо этого, вероятно еще при Августе, на префектов претория возложена была дисциплинарная власть также над императорскими рабами и отпущенниками, особенно теми, из которых была составлена дворцовая прислуга. Один из префектов обязательно присутствовал во дворце, имея здесь к своим услугам очередную когорту. Дисциплинарная власть префекта претория распространилась и на тех императорских отпущенников, которые откомандировывались в императорские имения или в провинции в звании прокураторов. Так как вследствие этого в распоряжении префектов претория должно было находиться какое-либо арестное помещение, то в распоряжение этих префектов, впредь до суда, препровождались также и арестованные римские граждане из провинций.

Отношения префекта претория к императору сравнивают с отношением начальника конницы к диктатору при Республике (*Dig. I. tit. 11*). Постоянное присутствие во дворце приближало префектов к особе императора, делая их пригодными для исполнения каких-либо экстренных поручений и вне круга их основных обязанностей. На этой почве при Тиберии значение префекта претория сразу поднялось на степень всесильного заместителя императора, и подобные случаи повторялись и в последующие времена. Но и в нормальных условиях префекты претория принадлежали к числу наиболее влиятельных должностных лиц. Аврелий Виктор писал (*De Caes. IX*), что после того, как император Веспасиан назначил своего сына Тита на должность префекта претория, «эта должность, важная с самого начала, стала еще более значительной, второй в Империи после власти августа».

Траян усилил роль префекта претория, фактически сделав его своим заместителем по гражданским делам.

Когда Адриан дал императорскому совету более прочную организацию, то префекты претория и здесь заняли первое место. А так как совет организован был Адрианом в виде учреждения, ведшего по преимуществу дела юридического характера из судебной и законодательной практики, то префекты претория сделались причастными к юриспруденции.

В виду этой причастности к юриспруденции императоры того времени начали использовать своих префектов претория как полномочных заместителей в области императорского судопроизводства. Уже при Септимии Севере префекты претория творили суд от имени императора, особенно по гражданским делам, а в середине III в. н. э. к ним же перешли и апелляции из провинций по уголовным делам, причем префекты имели право присуждать наказания всех степеней,

до *deportatio* включительно. Тогда же они приобрели право самостоятельно издавать юридические нормы (*formae*), имевшие силу закона.

Соответственно этому новому положению для префектов претория явилась необходимость иметь в своем распоряжении надлежащих помощников. Уже при Антонине Пие к их услугам была особая канцелярия под начальством чиновника *a commentariis praefectorum praetorio*. Судебных дел, поступавших к префектам претория, было так много, что императорам приходилось назначать на помощь префектам особых судей, на правах заместителя префекта (*vice praefecti praetorio*).

Со времени Адриана префект претория часто при отставке получал звание сенатора.

Марк Аврелий присвоил префектам претория высший всаднический титул: *vir eminentissimus*.

При Септимии Севере преторианская префектура продолжала оставаться влиятельнейшим военным постом империи. Префект Плавциан взял на себя военную аннону и тем самым обеспечил себе контроль над важными ветвями снабжения и подвоза, при этом были значительно расширены юридические компетенции его должности. Преторианскому префекту теперь подчинялось судопроизводство не только в италийском регионе, но в его компетенции было также принятие решений по апелляционным жалобам из провинций. Юридическая деятельность обладателя этого поста тем самым настолько увеличилась, что при поддержке Плавциана один из двух префектов являлся профессиональным юристом. Первым из них был Папиниан, один из ведущих юристов того времени. Его коллеги – юристы Павел и Ульпиан тоже имели большое влияние в государственном совете.

При Александре Севере префекты претория заняли место в сенате, состоя в должности (*SHA. v. Alex. Sev. XXI. 3*); иными словами, звание префекта претория давало право на звание сенатора. Но сама должность продолжала числиться в разряде всаднических званий и замещалась по-прежнему всадниками, хотя при данных условиях устранялось прежнее исключение сенаторов. Лица сенаторского сословия (со времен Александра Севера) сохраняли свой сенаторский титул *vir clarissimus* также и в звании префекта претория.

В III в. н. э. префект претория оказывался вообще высшей судебной инстанцией для всей империи, как для провинций, так и для Италии, за исключением только города Рима и его окрестностей (до соотога милевого камня), где такие же права высшей инстанции по всем апелляциям принадлежали тогда городскому префекту.

Со времен Севера до Диоклетиана префекты претория, подобно восточным визирям, контролировали все государственные ведомства: дворец, армию, финансы и право; также у них имелся суд, в котором они разрешали дела (*Dig. XII. tit. 1. s. 40*).

Диоклетиан ввел новую организацию дворцовой стражи под начальством *comites domesticorum*. При Константине префекты лишились всякой военной власти и превратились в наместников провинций. Он назначил четырех таких префектов: первый, обычно присутствовавший при императорском дворе, управлял Фракией, всем Востоком и Египтом; второй руководил Иллириком, Македонией и Грецией и обычно находился сначала в Сирмии, затем в Фессалонике; третий управлял Италией и Африкой, четвертый, находившийся в Трире, – Галлией, Испанией и Британией (Zos. II. 33). Эти префекты были собственными представителями императора, и их полномочия распространялись на все отрасли государства; только армия не входила в их юрисдикцию.

К *nova officia*, учрежденным Августом, Светоний причислил (Suet. Aug. XXXVII) и должность префекта города (*praefectus urbi*). Хотя совершенно новой эту должность нельзя было считать. Должность такого характера существовала у римлян еще в эпоху царей. Как пишет Тацит (Annal. VI. 11), «в прошлом цари и позднее магистраты, отлучаясь из Рима, избирали, дабы в городе не было безначалия, своих временных заместителей, которым надлежало вершить правосудие и действовать в зависимости от обстоятельств».

Praefectus urbi как префект или смотритель города, который первоначально назывался «страж города» (*custos Urbis*) (Lyd. de Mag. I. 34, 38), исполнял свои обязанности только в отсутствие царя в Риме; тогда он действовал как представитель царя. Не ясно, было ли у него право созыва народного собрания, но в случае необходимости он имел право принимать любые меры по своему усмотрению, так как имел империй в городе (Tac. Annal. VI. 11; Liv. I. 59; III. 24).

В 487 г. до н. э. должность была возвышена до магистратуры, предоставляемой путем избрания (Lyd. de Mag. I. 38). Стража города, по всей вероятности, избирали курии. К этой должности допускались только лица консульского ранга. В ранней Республике смотритель осуществлял в городе все полномочия консулов, если они отсутствовали: он созывал сенат, проводил комиции и, во время войны, даже набирал городские легионы и командовал ими.

Когда в 366 г. до н. э. была учреждена претура, в случае отсутствия в городе консулов их замещал претор, необходимость в префекте города теперь отпала. С тех пор префект города назначался каждый год, лишь один раз, на время отсутствия консулов в Риме в связи с проведением Латинских празднеств. Этот префект (*praefectus feriarum Latinarum*) не имел права ни созывать сенат, ни выступать в нем, так как в большинстве случаев он был младше сенаторского возраста и назначался не народом, а консулами (Gell. NA. XIV. 8). О том, как мало значения стала иметь со временем должность префек-

та города, можно сделать вывод по тому, что ее всегда предоставляли молодым людям из знатных семей (Tac. Annal. IV. 36) и что Юлий Цезарь даже назначил на нее несколько несовершеннолетних юношей всаднического ранга (D. C. XLIX. 42; XLIII. 29, 48). В эпоху Империи таких префектов города продолжали назначать до тех пор, пока проводились Латинские празднества; эти префекты даже получали некую судебную власть (Tac. Annal. VI. 11; Suet. Nero. VII; Claud. IV; D. C. LIV. 17; SHA. v. M. Antonin. IV).

В период триумvirата отсутствовавшего Октавиана в качестве полномочного правителя Рима и Италии заменял Меценат. Когда Август в 27 г. до н. э. отправился в западные провинции, где пробыл до 24 г. до н. э., то он предполагал поручить консуляру Мессале Корвину, в звании городского префекта, только наблюдение за полицейским порядком в Риме. Однако и эта мера встретила оппозицию, так как по республиканским порядкам городской префект мог функционировать только после выезда из города всех прочих магистратов *cum imperio* (консулов и преторов); сам Мессала через несколько дней отказался от своей должности. Поэтому, когда в 22 г. до н. э. Август уезжал для ревизии сенатских провинций, он и не пытался повторить неудачной попытки 27 г. до н. э. Но в предоставленном самому себе Риме возникли беспорядки, подавление которых оказалось не по силам республиканским магистратам. Вследствие этого Август, с согласия сената, отправил в Рим Агриппу, имевшего тогда проконсульскую власть, для восстановления порядка. Но едва Агриппа удалился из Рима, как беспорядки опять возобновились, так что сам Август оказался вынужденным возвратиться. Беспорядочное состояние народной массы в Риме заставило сенат в 19 г. до н. э. предложить Августу постоянную *cura morum et legum*, т. е. охрану порядка и закона. Август согласился, довольствуясь для этой цели своей *tribunicia potestas* без всяких новых титулов. На этом основании Август, уезжая в 16 г. до н. э. из Рима, уже без всякого затруднения мог оставить здесь своего заместителя, в звании городского префекта, в лице престарелого консуляра Статилия Тавра.

О других случаях назначения городских префектов в правление Августа ничего не известно; также и в момент его смерти в Риме не было городского префекта. Сам Август, повидимому, не настаивал на том, чтобы превратить городскую префектуру в постоянное учреждение. Разделив город на XIV *regiones*, он поручил наблюдение над ними магистратам (преторам, эдилам, трибунам). В 6 г. до н. э. была организована на военный лад пожарная команда, начальник которой (*praefectus vigilum*) вместе с тем нес и обязанности общеполцейского надзора. Поэтому должность особого городского префекта, как начальника полиции, оказывалось в сущности излишней.

Тем не менее, Тиберий, вскоре после своего прихода к власти, назначил городским префектом Л. Пизона, остававшегося в этой должности до своей смерти (32 г. н. э.) (Тас. *Annal.* VI. 10). Таким образом должность превратилась в постоянную. Ее функционирование уже не связывалось с самим фактом отсутствия принцепса в Риме и наличием у него в этот период консульской власти. Пизон осуществлял свои служебные функции независимо от того, находился или нет принцепс в Риме. Благодаря постоянно продлеваемому мандату городской префект мог осуществлять свои полномочия непрерывно. Значение *praefectus urbi* возросло, и он понимался уже иначе, чем «временный заместитель» принцепса.

Городской префект не считался военным чином, а потому и городские когорты (*cohortes urbanae*)²¹ были подчинены не ему, а префекту претория, как и все прочие военные отряды в Риме. С другой стороны, городской префект не был и магистратом; в его распоряжении не было ни ликторов, ни *sella curulis*; также одеянием он не отличался от простых сенаторов.

Компетенция городского префекта примыкала к порученной Августу *cura morum et legum*, а потому была столь же неопределенная, как и последняя. Первоначальное назначение городской префектуры заключалось в том, чтобы держать в страхе беспокойные элементы столичного населения. Для этой цели наряду с судебным преследованием виновных городскому префекту принадлежала и общая административная власть во всем, что касалось общественного порядка, без всякого различия лиц и вещей. Префект был компетентен по отношению ко всяким правонарушениям. Он имел судебную власть в спорах между рабами и их хозяевами, между патронами и их вольноотпущенниками, а также над сыновьями, не проявлявшими почтения к родителям (Dig. I. tit. 12. s. 1, § 5–14; XXXVII. tit. 15. s. 1, § 2). Городской префект мог или сам производить разбор дела, и в таком случае он окружал себя обычным судебным *consilium*, или же поручать разбор назначенному им судье, и в таком случае допускалась апелляция на приговор судьи к префекту.

Всякое уголовное дело, подсудное в Риме, могло рассматриваться как в квестийном суде, так и у городского префекта, причем последний не вмешивался, если дело поступило в квестию. Суд городского префекта отличался от старого уголовного суда в квестиях тем, что префект имел право привлекать виновных к ответственности собственной властью, не дожидаясь обвинителя, и притом вообще в упрощенных формах императорского судопроизводства. Судебная власть городского префекта начала постепенно расширяться и, в конце концов, его приговор стал не подлежащим обжалованию нигде, кроме самого принцепса, в то время, как в трибунале префекта го-

рода каждый мог обжаловать приговор любого городского магистрата, а в более позднее время – даже приговор наместника провинции (Suet. Aug. XXXII; D. C. LII. 21. 33; SHA. v. Florian. V, VI; Dig. IV. tit. 4. s. 38). В III в. н. э. уголовное судопроизводство было распределено между городским префектом и префектом претория таким образом, что к первому поступали все дела из Рима и его окрестностей до соото мильевого камня, а ко второму – дела из остальной Италии, при чем оба они действовали, как высшие судебные инстанции, особенно по апелляциям, как уголовным, так и гражданским. Септимий Север присвоил городскому префекту право применять к осужденным также и высшую меру наказания, депортацию и каторгу на рудниках²².

Власть *praefectus urbi* распространялась на Рим и области Италии, в пределах 100 миль от Рима. Однако в условиях чрезвычайных обстоятельств территория, которая находилась под контролем префекта города, могла быть значительно увеличена. Об этом свидетельствует сообщение Тацита: Август в пору гражданских войн, назначив городским префектом Цильния Мецената, «поставил его во главе Рима и всей Италии» (Тас. *Annal.* VI. 11).

Имея право принимать меры против всякого обмана, городской префект наблюдал за правильностью весов, налагая на них клеймо со своим именем, и вообще за добросовестностью в торговле, вследствие чего с течением времени совершенно упразднилась соответственная компетенция эдилов.

Префект города был человеком, как правило, относившимся к кругу *amicis* принцепса. Назначался он самим императором, на неопределенный срок, обычно из состава консуляров (Тас. *Annal.* III. 12). В начальный период Империи и при хороших императорах на эту должность обычно назначали на несколько лет, а во многих случаях пожизненно (D. C. LII. 21, 24; LXXVIII. 14; SHA. v. Anton. Pii. VIII; v. Commod. XIV; v. Carin. XVI); но со времен Валериана новый префект города появляется почти каждый год. Некоторые занимали консульство вторично, состоя в должности городского префекта. Также тот, кто не был предварительно консулом, получал консульство по вступлении в должность городского префекта. Но должность префекта города не являлась завершающей служебную карьеру. После нее могло последовать, например, наместничество в провинции. При существенное здание городской префектуры находилось подле храма Земли (Tellus).

Когда Константинополь стал второй столицей империи, он тоже получил своего префекта города. В это время префекты были прямыми представителями императоров, а все прочие должностные лица городской администрации, все корпорации и все общественные учреждения находились под их контролем (СI. I. tit. 28, s. 4). Также

они осуществляли контроль за ввозом продовольствия и ценами на него, хотя эти вопросы находились в более непосредственном ведении других должностных лиц (Cf. I. tit. 28. s. 1). Префекты города должны были каждый месяц делать доклад императору о слушаниях в сенате, где они подавали голос раньше консуляров. Через их посредство императоры получали прошения и подарки от своих столиц (Cf. XII. tit. 49).

В республиканское время борьба с пожарами в Риме входила в компетенцию эдилов. Помощниками их в этом деле были *tresviri posturni* или *capitales*, на обязанности которых лежала охрана города, особенно в ночное время, как в пожарном, так и вообще полицейском отношении; они пользовались правом арестовывать подозрительных лиц и злодеев и имели некоторую ограниченную юрисдикцию²³. В 6 г. н. э. Август учредил должность префекта пожарной команды (*praefectus vigilum*), в распоряжении которого находились семь когорт пожарных, набравшихся из вольноотпущенников²⁴ (D. C. LV. 26).

Tresviri capitales остались и после этого, заведывая по-прежнему казнями в карцере.

Praefectus vigilum назначался императором из лиц всаднического сословия. Должность пожарного префекта принадлежала к числу высших мест всаднической карьеры; выше стояли только префектуры Египта и претория, на которые пожарные префекты и переходили нередко непосредственно. В его подчинении находились субпрефекты и адьюторы. Тех, кто небрежно обращался с огнем, префект имел право наказывать розгами или ограничиваться строгим внушением и угрозами (Dig. I. tit. XV. 3). Кроме пожарного дела, он ведал также и делами полицейского порядка. Главным образом ему надлежало преследование воровства. Он имел для этого и соответственную уголовную юрисдикцию, но по распоряжению Марка Аврелия более тяжкие случаи должны были быть направляемы им к городскому префекту. При первых Северах в обязанности префекта вигилов был включен розыск беглых рабов с последующим возвращением их хозяевам (Dig. I. tit. XV. 5). Со времени Адриана пожарному префекту была подчинена квартальная обывательская организация (*vicomagistri*). В связи с этим он приобрел и некоторую гражданскую юрисдикцию, например, по спорам между домохозяевами и нанимателями квартир. Как в театры отряжалась стража из преторианских когорт, так и пожарный префект наряжал стражу из своих *vigiles* в бани (*balnearii*) и к казенным амбарам продовольственного ведомства (*horrearii*). К арестантскому помещению приставлены были *carcerarii*; при следствиях префекту помогали *quaestionarii*.

В эпоху Республики в случаях особой нехватки продовольствия, особенно зерна, в Риме назначался префект продовольствия (*praefectus annonae*), который нес полную ответственность за снабжение столицы продовольствием и устанавливал цену, по которой последнее должно было продаваться. Впервые этот магистрат был назначен в 439 г. до н. э. (Liv. IV. 12). В более поздний период надзор за зерновым рынком всего государства был поручен Помпею на пятилетний срок (D. C. XXXIX. 9; Cic. ad Att. IV. 1; Liv. Epit. CIV).

Юлий Цезарь в 44 г. до н. э. учредил должность двух эдилов для попечения о поставках хлеба в Рим (*cura annonae*) – *aediles curiales* (D. C. XLIII 51; Dig. I 2, 2, 32). В 22 г. до н. э. Август принял на себя общее заведывание продовольственным делом столицы (*cura annonae*) (RGDA. XXV). По его требованию для раздачи гражданам зерна (*curam frumenti populo dividendi*) назначалось ежегодно по два сенатора, с титулом *curator*, из числа преториев, занимавших претуру за пять лет до поручения им раздачи хлеба (D. C. LIV. 1; Suet. Aug. XXXVII). Во 2 г. до н. э. Август произвел перепись всего населения столицы и на основании этой переписи фиксировал число получающих даровой хлеб граждан (*incisi frumento publico*) до 200.000, эта норма существовала еще в век Септимия Севера. Каждый получатель дарового хлеба имел постоянную легитимацию (*tessera frumentaria*, в виде медной палочки), которую он мог и переуступить и завещать. Для каждой выдачи хлеба граждане получали разовые марки (*tesserae nummariae*, имевшие форму монет), введенные впервые Августом. Легитимированные бедные получали хлеб даром, иногда в двойной порции, и даже четверной. В число *incisi* входили со времени Нерона также и преторианцы, а потом и *vigiles* после трех лет службы; со времени Траяна также *pueri et puellae alimentarii*. Помимо легитимированных, также и прочие граждане получали хлеб иногда даром или, по крайней мере, по удешевленной цене²⁵.

С 18 г. до н. э. для раздачи гражданам зерна избирались по четыре претория и промежуток после их претуры сокращен был до трех лет. Избирались они императором при содействии сената, а потому назывались на первых порах *curatores frumenti ex S. C.*, позднее *praefecti frumenti dandi ex S. C.* В 6 и 7 гг. н. э. были опять только два таких уполномоченных из числа консуляров (D. C. LV. 26, 31).

Кроме того, в 6 г. н. э. Август создал должность префекта анноны (*praefectus annonae*) с подчиненными ему чиновниками (*officium annonae*), которую следует отличать от вышеупомянутых должностей. Должность префекта анноны была постоянной и, по-видимому, ее занимал только один человек. Ему были подведомственны все вопросы, относившиеся к рынку зерна; подобно префекту вигилов, он избирался из всадников и не входил в число ординарных магистратов (D. C. LII. 24; Dig. I. tit. 2. s. 2. § 33; XIV. tit. 1. s. 1. § 18, tit. 5. s. 8; XLVIII.

tit. 2. s. 13). Первым эту должность занял всадник Гай Турраний, занимавший ее более 40 лет (Тас. *Annal.* I, 7; XI, 31).

Должность *praefectus annonae* принадлежала к числу высших всаднических должностей. Подобно префекту вигилов, также и префект анноны мог получать повышение на должность префекта Египта и даже префекта претория. *Praefectus annonae* имел уголовную и гражданскую юрисдикцию в пределах своей специальной компетенции. В его распоряжении был многочисленный персонал, как в самом Риме, так и в провинциях, из которых доставлялся хлеб в столицу. При префекте состоял помощник (*adiutor*), получивший в III в. н. э. название *subpraefectus annonae*. К нему были прикомандированы военные *cornicularii*. В его канцелярии (*officium*) заняты были *tabularii*. Для хлебных операций уже в век Флавиев существовала отдельная касса, под названием *fiscus frumentarius*, управляемая обычными кассовыми чиновниками: *tabularii* и *dispensatores*; были здесь даже служащие, разбиравшиеся с жалобами (*a libellis*). Запасами хлеба заведовал *procurator Augusti a frumento*. В провинциях и в Италии агентами по доставке хлеба состояли *procuratores* или *curatores frumenti*.

В III в. н. э. положение продовольственного дела столицы изменилось. Со времени Септимия Севера раздача хлеба проходила не в Минуциевом портике, а в разных местах города на *gradus* или *tribunalia*. Провинциальные агенты по доставке хлеба и других припасов (Север ввел раздачу масла) поставлены были, вероятно, под непосредственное начальство наместников провинций, а через последних – под начальство префекта претория, причем главная забота о поставке предметов продовольствия для столицы переложена была на муниципальные власти провинциальных и италийских городов. Деятельность префекта анноны ограничивалась с тех пор только приемом подвозимого в Рим продовольствия, но вместе с тем на него возложена была и сама раздача. Присутственное место управления продовольственным делом находилось на *forum boarium* вблизи *porta Trigemina*, где были расположены и главные амбары.

До начала IV в. н. э. должность *praefectus annonae* оставалась одной из высших императорских должностей, которую всегда занимал всадник. Срок пребывания на ней не был твердо установлен.

По мере обогащения представителей верхушки римского общества перед крупными собственниками еще в республиканский период все острее становилась задача организация управления своим хозяйством. Это вело к возникновению аппарата канцеляристов в крупных частных хозяйствах. Применение бухгалтерского счетоводства для ведения книг (*tabulae*) по доходам и расходам, для записи должников (*nomina*) и сроков собственных долгов (*calendarium*) и пр. вы-

зывало потребность иметь таких помощников по письменной части. Кроме того, являлась необходимостью письменных распоряжений по управлению именными или предприятиями, находившимися вдали от Рима. Наконец, и личная переписка (*epistulae*), производившаяся обыкновенно путем диктовки, заставляла иметь грамотных писцов, которые, в случае необходимости, могли бы и сами составлять письма для своего хозяина. Особенно обширными бывали обязанности письмоводителя (*scriba*) в домах политических деятелей. Юлий Цезарь поручил бухгалтерское управление своими финансами и своим имуществом всаднику Г. Оппию и Корнелию Бальбу, пользуясь для остального письмоводства по преимуществу рабами или вольноотпущенниками, называвшимися *scribae* и *librarii*.

Естественно, что римские императоры, начиная с Августа, взявшие на себя управление не только своим собственным имуществом, но и всем римским государством, нуждались в большом количестве помощников в этом деле. Эта потребность вела к формированию императорской канцелярии.

При Августе бухгалтерией, как и императорскими кассами (*fisci*) в провинциях, заведывали всадники, а прочей письменной частью рабы и отпущенники. Так продолжалось и при Тиберии, не дававшем при дворе ходу рабам и отпущенникам. При императоре Гае влияние отпущенников уже поднялась настолько, что при его преемнике, Клавдии, в руках их оказалась не только вся официальная переписка императора, но и счетоводство по императорским финансам и имуществам. Ко времени правления Клавдия размеры императорской собственности достигли таких размеров, что потребовали упорядоченной системы управления. Это выразилось в организации дворцовых канцелярий (*officia, scrinia*).

Канцелярии не имели официального статуса и не были принципиально новым явлением, так как любой политик и вообще любой крупный собственник имел свой штат «бюрократического» персонала из числа рабов и вольноотпущенников. Новшеством Клавдия было не создание этого аппарата, а его увеличение, более четкое разделение на «отделы» и повышение значения императорских вольноотпущенников, начало легализации их положения. Расширение нового аппарата облегчало управление, приспособляя его к нуждам державы, и, кроме того, создавало новую правящую группу, не связанную с сенатом.

Должности начальников императорской канцелярии принадлежали к прокураторскому разряду, составляя в нем высшую группу. Однако титул *procurator* присваивался вообще только тем должностям, которые имели отношение к финансовым делам (*procurator a rationibus, procurator a patrimonio, procurator a hereditatibus*), в то

время как начальники а *libellis* и *ab epistulis* не пользовались этим титулом, а получили впоследствии титул *magistri*. То же самое касается и других, более мелких, отделений императорской канцелярии. Присутственные места канцелярских департаментов нужно предполагать во дворце.

Самая важная из дворцовых канцелярий называлась *ab epistulis* (буквально – «касательно писем»). Это был общий секретариат императорского двора, где сосредотачивалась вся огромная переписка императора²⁶. В ведение департамента *ab epistulis* входило: составление инструкций чиновникам и заведывание вообще всей императорской администрацией путем указания способов управления; прием рапортов от военачальников и изготовление дипломов при назначении их на службу; наконец, всякая забота о нуждах всех областей римского государства. Здесь же изготовлялись рескрипты и эдикты, а также происходил прием депутатов от городов. Выпускаемые этим департаментом бумаги, поскольку они касались какого-либо определенного адресата (лица или общества), имели форму письма, а потому и назывались *epistulae*, независимо от их содержания и назначения. Так, например, разрешение пользоваться водой из водопровода называлось *epistula*. Также и дипломы для чиновников о назначении их на должности имели форму письма и назывались *epistulae*. На дипломах высших должностных лиц император делал собственноручную приписку, называвшуюся *codicillus*. Напротив, словом *diploma* обозначались преимущественно открытые листы для езды на почтовых лошадях, выдававшиеся от имени императора и составляемые для Италии в канцелярии *ab epistulis*.

Со времен Адриана на должность начальника *ab epistulis* назначались всадники. Обои отделениями департамента управляли главные помощники начальника, называвшиеся *proximi ab epistulis latinis* и *proximi ab epistulis graecis*. Второстепенные помощники назывались *adiutores*, а остальные чиновники просто *ab epistulis*. Кроме того, еще для времен Клавдия засвидетельствован *scriniarius ab epistulis*, заведывавший архивными шкафами (*scrinium*) с делами департамента. В III в. н. э. начальник *ab epistulis* носил титул *magister*.

В обязанности служащих этого департамента входило изучение содержания получаемых писем и ознакомление с ним правящего императора, подготовка проектов ответов императора на полученные письма, составление различного вида писем и распоряжений императора отдельным лицам, чиновникам, общинам и т. д. Император фактически ежедневно имел дело с представителями этого департамента. Так, Светоний сообщает (*Vesp. XXI*), что император Веспасиан «находясь у власти, вставал всегда рано, еще до свету, и прочитывал письма и доклады от всех чиновников». Автор жизнеописания Алек-

сандра Севера пишет (*SHA. v. Alex. Sev. XXXI*), что этот император «после полудня занимался писанием заключений и чтением писем; при этом всегда присутствовал секретарь, докладчик по прошениям и секретарь-напоминающий. <...> Писцы или правители канцелярии прочитывали все, а Александр собственноручно приписывал то, что считал нужным, руководясь при этом мнением того, кто считался наиболее красноречивым».

На втором месте стояла канцелярия *a rationibus*²⁷ («касательно счетов»), представлявшая собой отдел дворцового управления по ведению императорских финансов. В канцелярии *a rationibus* сосредоточился контроль над сбором налогов (даже некоторых из сенаторских провинций), учет хлеба, поступившего для снабжения Рима, ассигнование средств на постройки, на чеканку монеты, на жалованье императорским чиновникам и т. д.

Название *a rationibus* засвидетельствовано впервые для времен Тиберия, но тогда оно могло обозначать лишь второстепенного канцелярского служителя по этой части. Как титул самостоятельного начальника императорской бухгалтерии название *a rationibus* встречается впервые только при Клавдии. После Адриана эта должность предоставлялась всадникам с титулом *procurator Augusti a rationibus*. Вместо этого названия употреблялось также выражение *rationalis*, получившее, однако, только в III в. н. э. значение официального титула, взамен прежнего *procurator a rationibus*. Обширность ведомства *a rationibus* видна из того, что уже в век Домициана при главном начальнике этого департамента состоял помощник *adiutor* или *proximus a rationibus*. В III в. н. э., когда главный начальник департамента *a rationibus* получил титул *rationalis*, его помощнику присвоено было наименование: *procurator summarum rationum*, позже *magister summarum rationum*.

При департаменте *a rationibus* состоял многочисленный низший персонал, среди которого высшее место занимали вольноотпущенники в звании *tabularii a rationibus*. К их услугам имелись помощники из рабов, называвшиеся *adiutores tabulariorum*, между которыми выделялись старшие помощники: *proximi* (т. е. ближайшие после самих табуляриев). Были здесь также и *tabellarii* (письмоносцы, разносившие рассылаемые департаментом бумаги); их старший имел звание *optio*. По терминологии III в. н. э. все они назывались служителями *summarum rationum* вместо прежнего *a rationibus*. До Адриана во главе департамента стоял вольноотпущенник, со времен Адриана – всадник. *Tabularii* и другие мелкие служащие были вольноотпущенниками или рабами.

Деятельность бухгалтерского департамента касалась как доходов, так и расходов. Департамент заведывал учетом хлеба, посту-

павшего из Африки для столицы, и ассигнованием сумм на самые разнообразные отрасли императорского управления: *cura annonae*, *cura aquarum*, *cura viarum*, постройка храмов и дворцовых зданий, чеканка монеты, жалование императорским чиновникам. Цель деятельности департамента *a rationibus* заключалась в общем обозрении движения всех финансовых средств императора, причем не делалось никакого различия между доходами фиска и доходами патримония. Императорские чиновники и служители должны были представлять в департамент отчеты о всех денежных суммах, находившихся в их заведывании. В мелких отраслях императорского управления это лежало на обязанности самих служителей по кассе (*dispensatores*); в более крупных учреждениях (например, при провинциальных *fisci* или в больших императорских имениях) для этой цели существовала особая местная *ratio* со своими *tabularii*. В общем, департамент *a rationibus* представлял собою нечто в роде министерства финансов и государственного контроля, взятых вместе. В III в. н. э. роли распределились: *rationalis* – государственный контролер, *procurator (magister) summarum rationum* – министр финансов для фиска, *procurator (magister) rei privatae* – министр финансов для патримония.

Огромными недвижимыми имуществами императорского дома ведал отдел *a patrimonio* («по делам наследственных имений»). Согласно с организацией финансового дела, предпринятой отпущенниками из канцелярии императора Клавдия, патримоний был выделен в особое ведомство с прокуратором во главе: *procurator a patrimonio*. По своему характеру это учреждение было однородно с департаментом *a rationibus*, как видно из того, что ведомство патримония обозначается термином *ratio patrimonii*. Это означает, что компетенция прокуратора патримония состояла главным образом в бухгалтерском счетоводстве по доходам с императорских имуществ. Бухгалтерские итоги патримония представлялись в департамент *a rationibus* точно так же, как и из всякой другой *ratio*, так что этот департамент представлял собою высшую инстанцию также и для центрального прокуратора патримония. Этим можно объяснить, почему положение прокуратора патримония с самого же начала было ниже положения остальных и начальников императорской канцелярии, а после Адриана это соотношение должностей еще ухудшилось.

В конце II в. н. э. термин *patrimonium* начал заменяться выражением *res privata*. Когда же при Септимии Севере ведомство патримония получило более самостоятельную организацию, параллельно с ведомством фиска, то прокуратор патримония также и официально стал называться *procurator rei (или rationis) privatae*, позднее *magister rei summae privatae* или *summae rationis privatae*, подобным образом, как и бывший помощник начальника *a rationibus*, превра-

тившись в самостоятельного начальника фиска, получил название *procurator magister summarum rationum*, причем оба эти прокуратора равномерно были подчинены контролю рационалиса. Должности этих прокураторов (магистров) принадлежали тогда к разряду *tresenarii*. По своей первоначальной организации ведомство патримония представляло собою бухгалтерскую канцелярию (*ratio*), являющуюся, так сказать, филиальным (вспомогательным) отделением департамента *a rationibus*. Поэтому при нем встречаются только бухгалтерские и вообще канцелярские служители *tabularii* (счетоводы), а *commentarii* (регистраторы и архивариусы) и *tabellarii* (письмоносцы), но *dispensatores* (казначей) и *argarii* (финансовые контролеры) совершенно отсутствуют.

Кроме центрального прокуратора патримония, были еще многочисленные местные прокураторы, управлявшие отдельными имениями, рудниками и т. п.

Эти местные прокураторы патримония были подчинены центральному прокуратору этого ведомства в Риме. Однако деятельность прокураторов, непосредственно заведывавших отдельными объектами патримония, по необходимости, была более разнообразна, так как их компетенция не могла ограничиваться одним лишь счетоводством (*ratio*), но должна была распространяться и на денежную часть. Отчет о деньгах они представляли центральному прокуратору, (а через него в департамент *a rationibus*), в то время как сами деньги вносились в фиск, т. е. в провинциях в кассы провинциальных прокураторов фиска. Но это могло касаться только чистой прибыли, в то время как для той части доходов, которая была нужна на месте для ведения дела, могла представиться необходимость в устройстве кассы (*arca patrimonii*), с *dispensatores*, при прокураторе, управлявшем данным имением.

Установившийся еще при Августе обычай оставлять наследства императору принял настолько широкие размеры, что оказалось необходимым, по-видимому, еще при Клавдии, учредить особую канцелярию для приведения в известность и для приема наследств (*ratio hereditatum*). Начальники этого отделения, носившие титул *a hereditibus* или *procurator hereditatum*, назначались сперва из вольноотпущенников, как и прокураторы патримония, а со времени Адриана – из всадников. По своему рангу прокуратура наследств стояла выше прокуратуры патримония, а после перевода ее в разряд всаднических должностей также и выше провинциальных прокуратур. Эта должность была обычно ступенькой в карьере будущих префектов анноны и Египта. Возможно, в ведение департамента наследств переданы были Адрианом также и *bona vacantia* и *caduca* (вымороченное и бесхозное имущество).

Для юридической помощи в розыске наследств к прокуратору прикомандировывался по выбору императора особый *advocatus fisci*, называвшейся *fisci advocatus codicillaris*. Кроме обычных канцелярских служителей (*tabularii* и их помощники (*adiutores tabulariorum*), а *commentariis* (*commentarienses*) (секретари), *librarii* (писцы)), в департаменте наследств были еще некоторые специальные должности: *adiutor a codicillis*, помощник прокуратора из вольноотпущенников, заведывавший регистрацией тех статей (*codicili*) завещаний, которые касались императора; *ab auctoritatibus*, заведывавший документами о правах наследодателя на данное имущество; *piaesignatores*, опечатававшие имущество, назначенное по завещанию в наследство императору. Управление по делам наследств было сосредоточено в Риме в особом присутственном месте. В провинциях приемом наследств заведывали, по-видимому, местные финансовые прокураторы. Принятые таким образом недвижимые имущества передавались в управление патримония. Департамент наследств просуществовал до конца III в. н. э.

Третье место занимала канцелярия *a libellis* («по делам прошений»). Под словом *libelli* разумеются прошения или докладные записки, представляемые на имя императора. Департамент прошений появляется под этим названием впервые только при Клавдии. Ответы на петиции и другие различные запросы из провинций были важной обязанностью принципсов. Как верховный правитель, император выступал по отношению к своим подвластным высшим арбитром, в каком качестве к нему и обращалось большое количество граждан.

Функции начальника *a libellis* заключались в приеме просителей и разборе подаваемых ими прошений. Ознакомившись с содержанием этих прошений, начальник канцелярии делал доклады о них императору, который собственноручно приписывал свою резолюцию (*subscriptio*)²⁸. Лишь некоторые императоры предоставляли начальникам *a libellis* и саму формулировку резолюций. Так как такие резолюции приобретали характер прецедентов для аналогичных случаев, то Траян из осторожности отказывался делать подобные надписи. Адриан снова возвратился к этому обычаю и императорские *subscriptiones* с тех пор получили значение одного из обычных источников права. К услугам императора в этом деле, со времен Адриана, имелись штатные юристы императорского совета, и нередко сами начальники *a libellis* были юристы. В III в. н. э. начальники этого департамента назывались *magistri a libellis* (или *libellorum*), а их помощники *promagistri* вместо прежнего *adiutor* или *proximus*. Упоминается также *scriniarius a libellis*. Табуляриев (т. е. счетоводов) здесь не было (за отсутствием бухгалтерской *ratio*).

Специально для обозначения суда, производившегося лично императором, применялся термин *cognitio*. Поскольку еще Август усер-

дно принялся за судопроизводство, то не может быть сомнения в том, что уже при нем должен был состоять письмоводитель по судебной части. Но впервые такой специальный чиновник, из вольноотпущенников, с титулом *a cognitionibus*, засвидетельствован для времен Клавдия. Вольноотпущенники в этой должности встречаются и впоследствии. В обязанности служащих этого отдела императорской канцелярии входила подготовка документов по судебным делам, разбиравшихся лично императором. Естественно, что от них требовались знания законов. В III в. н. э. во главе департамента *a cognitionibus* стояли всадники; однако тогда личное судопроизводство императора начало выходить уже из обычая, и соответственно этому деятельность департамента *a cognitionibus* сузилась настолько, что в IV в. н. э. (а, вероятно, уже и раньше) императорские *cognitiones* находились в ведении магистра *libellorum*. При начальнике *a cognitionibus* состоял *adiutor* из вольноотпущенников и писцы из рабов.

Для проверки списка сенаторов и списка всадников Август, по мере надобности, назначал комиссии, состоявшие из трех членов. Впоследствии (неизвестно, с какого времени) для этого дела существовало постоянное канцелярское отделение, называвшееся *a sensibus*, в виду того, что сословная квалификация сенаторов и всадников определялась, прежде всего, их имущественным цензом, а потом уже и другими качествами. Должность начальника этого отделения, называвшегося *a sensibus*, а в III в. н. э. *magister a sensibus*, была равноценна с должностью *a libellis*. *Magister census* сохранился и в период домината в качестве столичного должностного лица, подведомственного городскому префекту.

Для ведения сенатских протоколов Августом был установлен особый императорский чиновник из числа младших сенаторов или, по крайней мере, из кандидатов на звание сенатора. Этот чиновник назывался полнее *curator actorum senatus*, но обыкновенно только *ab actis senatus*. Если к этому присоединялось имя императора, то слово *senatus* опускалось, так что оставалось только *ab actis* (такого-то императора). Бывшие чиновники *ab actis* переходили к званию *quaestor principis*, но со времен Траяна они занимали сначала квестуру, а потом переходили на должность курульного эдила. В III в. н. э., когда эдилство начало выходить из употребления, обязанность наблюдать за ведением сенатских протоколов перешла, вероятно, к императорскому квестору.

В надписях, относящихся к концу II в. н. э. и началу III в. н. э., появляется должность *a memoria*, которая комбинируется с высшим придворным званием *a cubiculo* и поручается вольноотпущенникам. Но уже в это время должность *a memoria* перешла к всадникам, а при Александре Севере она была уже равноценна с должностями

ab epistulis и a libellis. Судя по значению слова *memoria*, в этом отделе хранились бумаги, нужные императору для справок, например, копии важнейших письменных распоряжений императора, проходивших через департамент a libellis и ab epistulis. Первоначальный архивный характер департамента a *memoria* подтверждается также и присвоенным ему названием *scrinium* в отличие от остальных, называвшихся лишь вообще *officia*. Низшие чиновники департамента a *memoria* были распределены по специальностям, например, упоминается отдел a *diplomatibus*.

Все эти канцелярии при своем возникновении служили для управления частным хозяйством императора. Но при огромных размерах этого хозяйства (оно особенно выросло благодаря многочисленным конфискациям при различных императорах), при условности грани между публичным и частным правом в древности, а также благодаря все растущему авторитету императорской власти, дворцовые канцелярии постепенно стали превращаться в центральные органы императорского управления.

Постепенно императорских вольноотпущенников и рабов во главе канцелярий начинают заменять представители всаднического сословия, что является отражением развития бюрократических принципов регулярного государственного управления. Ранее же в формировании кадровой структуры государственного аппарата приходилось использовать известный римский принцип «чужого права»: было неизвестно полное представительство между свободными, но представительство раба вместо господина было удобным, потому что было прямым, так что ряд императорских должностных лиц должен был прямо представлять императора.

Помимо официально назначаемых должностных лиц, государственные функции исполняли и императорские либертины (вольнотпущенники). Плиний утверждал, что многие принцепсы, будучи господами (*domini*) над гражданами, были рабами своих либертинов (*libertorum erant servi*), у которых выпрашивались претуры, жрецкие должности и консульства (Plin. Paneg. LXXXVIII).

Гай Калигула первым привлек к широкому участию в государственных делах вольноотпущенников. Каллист, либертин императора Калигулы, достиг большого могущества и огромного богатства (I. AI, XIX (64), 1, 10). Бывшего хозяина, у которого он был рабом еще до Калигулы и который выставил в свое время объявление о его продаже, Каллист долго продержал перед порогом и не пустил в дом (Sen. Ep. XLVII, 9). Некоторые из либертинов Калигулы после убийства последнего были казнены, но многие перешли к Клавдию и играли при нем важную роль²⁹.

Либертины Клавдия раздавали должности, награды и казни, обычно без ведома императора (Suet. Claud. XXIX).

Будущий правитель Иудеи Ирод Агриппа потратил все свои сбережения, чтобы получить расположение либертинов императора Тиберия. (I. A. I. XVIII (143–147), 6, 1–2). Император Нерон отправил своего либертина Поликлита в Британию, чтобы он изучил там положение дел. Во время путешествия Поликлит поразил Италию и Галлию роскошью и численностью своей свиты, а в самой Британии вызвал страх у римских войск (Tac. Annal. XIV, 39). На время путешествия по Греции Нерон передал власть над Римом и Италией либертину Гелию, который мог проводить конфискации, присуждать к изгнанию, казнить как обычных граждан, так и всадников и сенаторов еще до того, как поставить в известность Нерона (D. C. LXII, 12). Гальба, по свидетельству Светония (Galb. XV), «своим друзьям и вольноотпущенникам позволяя за взятку или по прихоти делать что угодно – облагать налогом и освобождать от налога, казнить невинных и миловать виновных».

Только со времен Адриана вольноотпущенники стали массово заменяться всадниками на постах императорских чиновников. Но и после этого либертины императора часто были весьма могущественными. При Коммоде всемогущие либертины были камердинерами императора. Элагабал делал своих либертинов наместниками, легатами, консулами и военачальниками (*fecit libertos praesides, legatos, consules, duces*) (SHA. v. Heliogab. XI).

Примечания

- 1 Август, внучатый племянник Гая Юлия Цезаря, до 44 г. до н. э. носил имя Гай Октавий, с 44 г. до н. э., после усыновления двоюродным дедом, – Гай Юлий Цезарь, с 27 г. до н. э. – император Цезарь Август.
- 2 Лучшим источником для восстановления полного титула являются надписи. Надпись Dessau 104 дает наиболее типичный вариант: *Imperator Caesar divi filius Augustus, pontifex maximus, consul XIII, tribunicia potestate XXXII, imperstor XXVI, pater patriae*. Основными элементами титула оказываются, таким образом, следующие: преномен «император», имена «Цезарь» и «Август», титулы верховного понтифика и консула, указание на трибунскую власть и количество императорских аккламаций и титул отца отечества. Полная титулатура Адриана, отраженная в надписи (CIL. VI. 967), включала титулы: *Imperator Caesar Divi Traiani Parthici Filius Divi Nervae Nepos*

Traianus Hadrianus Augustus Pontifex Maximus Tribunicia Potestate II Consul II. Титулатуру императоров в III в. н. э. показывает надпись времени правления Аврелиана (Dessau. 582): Imperator Caesar Pius Felix Invictus Augustus Pontifex Maximus Germanicus Maximus Gothicus Maximus Carpicus Maximus Tribunicia Potestate V Imperator III Consul Pater Patriae.

3 Auctoritas освящена давностью, традицией и религией. Понятие «auctoritas» появилось еще на заре развития римского общества. Оно имело значение в семейном быту, гражданском праве, в государственной и общественной жизни. Auctoritas имеет вполне определенное значение: это термин, означающий положение учреждения и лица по отношению к обществу. Auctoritas отдельного лица не приобреталась происхождением, для этого нужны были особые заслуги перед отечеством.

Со времен Августа auctoritas начинает входить и в систему римского государственного права. То, что в прежнее время могло носить только частный характер, приобретает при Августе общегосударственное значение. В заключительной части 34-й главы «Res gestae» Август пишет: «Post id tempus auctoritate omnibus praestiti, potestatis autem nihilo amplius habui quam ceteri qui mihi quoque in magistratu collegae fuerunt» («После этого времени я превосходил всех своей auctoritas, власти же у меня было не больше, чем у моих коллег по магистратурам»). Многие мероприятия Августа мы можем объяснить, исходя из его auctoritas, т. е. из того положения, какое он приобрел в силу своего происхождения, заслуг, влияния и силы в государстве. В «Res gestae» Август говорит, что 28 колоний в Италии были выведены на основании его auctoritas. Из надписей мы узнаем, что Август, пользуясь своей auctoritas, давал назначения, определял промагистратуры.

4 Понятие dominus взято из частноправовой сферы. «Господин» (dominus) было обычным обращением не только раба к господину или сына к отцу, но и клиента к патрону, ученика к учителю и вообще младшего к старшему, подчиненного к вышестоящему, а также формой вежливого обращения к незнакомому лицу. Это слово становилось оскорбительным для гражданского сознания римлян лишь в том случае, когда они чувствовали, что оно выступает в своем буквальном значении, и тогда оно характеризовало власть даже более одиозную, чем власть царя (rex), и приближалось к современному значению слова «тиран».

5 Проконсульская власть развивается в Риме с началом заморских завоеваний. Проконсулы получали власть на неограниченное время и не ограниченную вмешательством коллеги. Термина «imperium proconsulare» античные источники не знают, и, в сущности, понятие это является юридической конструкцией. Проконсулы и пропреторы имели imperium, который с давних времен ограничивался определен-

ной территорией, одной провинцией; но впервые Антоний в 74 г. до н. э., затем в 67 и 66 гг. до н. э. – Помпей, а в 43 г. до н. э. – Брут и Кассий получают право распоряжаться в нескольких провинциях на основе особых чрезвычайных полномочий, которые выражены понятием «imperium maius» или «imperium maius infinitum». Такого же характера был и imperium, который Август получил в 23 г. до н. э.

Проконсульский империй был узаконенным основанием позиции императора как командира военных сил; но он был более или менее легитимным в зависимости от способа его передачи. Если империй предоставлялся сенатом, то это была строго конституционная власть: так он был предоставлен Тиберию и его коллегам по власти, Германику и Друзу (Tac. Annal. II. 43, 2; I. 14, 4). Если империй предоставляли легионы, он был менее легитимным. Например, Веспасиан датировал свои dies imperii со дня, когда легионы провозгласили его императором (Suet. Vesp. VI), что было равнозначно признанию его права на этот империй.

Изначально проконсульский империй был предоставлен Августу на 10 лет и действовал только на территории пограничных провинций, где было необходимо присутствие значительных воинских контингентов. Проконсульский империй в пограничных провинциях позволял Августу командовать сухопутными войсками и флотом. По примеру Помпея Август управлял подвластными ему как проконсулу провинциями с помощью «доверенных лиц» (legati), которых он избирал из числа бывших консулов. Управление внутренними, заморскими провинциями по-прежнему осуществлялось сенатом через посредство проконсулов, а контроль над Италией, как и в республиканское время, принадлежал сенату и магистратам. Однако принцип, обладая imperium maius, контролировал деятельность и наместников сенатских провинций, которые обращались за инструкциями скорее к правящему императору, чем к сенату.

6 Сам Август происходил из плебейского рода, но приобрел статус патриция после усыновления его Юлием Цезарем. До Веспасиана все императоры происходили из патрициев; Веспасиан же стал патрицием по постановлению сената, и подобным образом патрициями становились и позднейшие императоры.

7 До Августа титул отца отечества носили Цицерон после подавления заговора Катилины в 63 г. до н. э. и Цезарь после битвы при Мунде в 45 г. до н. э.

8 Слово «Август» (Augustus) связывалось для римлян со словами augur – «прорицатель», «жрец», «толкователь божественной воли» и augere – «растить», «возвеличивать» (Ov. Fast. I. 607) и указывало на связь человека, этим именем обозначенного, с божественным началом, с миром богов. Люди должны были относиться к нему с таким же почтением и благоговением, с каким они относились к богам.

- Дион Кассий писал, что эпитет «Augustus» обозначает нечто большее, чем человека (D. C. LIII. 16. 8). Вегетий говорит (Mil. II. 5), что когда император принял имя Августа, ему нужно поклоняться как истинному воплощенному богу и быть верным (*nam imperator cum Augusti nomen accepit, tamquam praesenti et corporali Deo fidelis est praestanda devotion*).
- 9 Когда в империи было два или три Августа, в надписях и монетах это отражалось в виде AVGG или AVGGG.
- 10 По свидетельству Т. Ливия (XXX. 45), «Сципион (Африканский – И. С.) первым из полководцев получил свое прозвище, произведенное от имени покоренного им народа».
- 11 Согласно римским религиозным воззрениям, самым благочестивым являлся тот человек, который лучше всего знал обряд и умел молиться богам по законам своей страны. Римляне были уверены в том, что благочестие дает право на счастье. Магистраты, как и прочие граждане, были обязаны подчиняться определенным сакральным предписаниям, неисполнение которых грозило серьезными последствиями. В случае неумышленного нарушения следовало принести искупительную жертву, а исполненный недолжным образом обряд повторялся. В случае же сознательного нарушения, т. е. сакрально-преступления, санкция была гораздо строже. Такой человек, в том числе и магистрат, объявлялся «нечестивым» (*impius*). В определенной степени, он оказывался вне человеческого сообщества, прежде всего, в его контактах с миром божественного: Цицерон говорит о запрете нечестивцу умилять богов дарами (*de Legg. II. 22*). Признание кого-либо *impius* принадлежало понтификам, но, видимо, это не влекло каких-либо наказаний. Наказать за святотатство могли только политические органы. Вероятно, светская власть налагала и штраф за нарушение запрета работать в праздничные дни (*Macr. Sat. I. 16. 9*).
- 12 Сулла получил почетный эпитет «счастливый» после окончательной победы в гражданской войне (82 г. до н. э.).
- 13 Домициана называли богом при обращении как устно, так и письменно (D. C. LVII, 4, 7). Началось это, по свидетельству Светония (Domit. XIII), после того, как он начал как-то письмо от имени прокураторов словами «Господин и бог наш повелевает» (*Dominus et deus noster hoc fieri iubet*).
- 14 Вот как описывает это погребение Геродиан (IV. 2): «(1) Есть у римлян обычай: причислять к сонму богов тех императоров, что умерли, оставив после себя детей-преемников; такие почести называются у них апофеозом. Во всем городе наступает тогда торжественный, проникнутый, впрочем, своеобразной печалью праздник. (2) Тело покойного предается земле – с пышностью, но в общем так же, как хоронят всех людей; а потом лепят из воска изображение покойно-

го, совершенно с ним схожее, и выставляют его при входе во дворец на огромном и высоко поднятом ложе из слоновой кости, усталом покрывалами с золотым шитьем. Восковая фигура лежит на виду у всех, бледная, как большой. (3) А по обеим сторонам лежа большую часть дня сидят: слева – весь сенат в черном, а справа – все те женщины, которые пользуются особым уважением благодаря заслугам их мужей и отцов. На них нет золотых украшений и ожерелий; одетые в простые белые одежды, они имеют вид скорбящих. (4) Это длится семь дней; приходят врачи, каждый раз приближаются к ложу, будто бы осматривают больного, и каждый раз говорят, что ему все хуже. А когда станет ясно, что он уже умер, благороднейшие из всаднического сословия и лучшие молодые люди из сената поднимают ложе, несут его по Священной дороге и выставляют на старом форуме – там, где обычно слагают с себя полномочия римские должностные лица. (5) По обеим сторонам лежа устроены помосты, расположенные уступами, – нечто вроде лестниц. И вот по одну сторону становится хор детей из самых благородных патрицианских семейств, а напротив них – хор из тех женщин, чье достоинство признается всеми; оба хора поют посвященные умершему гимны и пеаны, звучание которых скорбно и величаво. (6) После этого, взяв ложе на плечи, его несут за пределы города, на поле, называемое Марсовым. Там, в самом широком месте, уже стоит своеобразное строение: четырехугольное, с равными сторонами, состоящее исключительно из скрепленных между собою огромных бревен – что-то вроде дома. (7) Внутри оно все заполнено хворостом, а снаружи украшено расшитыми золотом коврами, статуями из слоновой кости и разнообразными картинами. На первом, нижнем строении стоит второе, такой же формы и с такими же украшениями, только меньше первого; воротца и дверцы, сделанные в нем, распахнуты. Дальше идут третье и четвертое, каждое меньше расположенного под ним, и все это заканчивается последним, которое меньше всех других. (8) <...> Поднеся сюда ложе, его ставят во второе снизу строение; сюда же несут благовония и пахучие растения, какие только рождает земля, будь то плоды, травы или соки, все вместе дающие сильный и прекрасный запах; ссыпают их прямо горой – (9) ведь нет такой провинции и города или высокопоставленного и почетного гражданина, которые не постарались бы прислать такие дары для воздаяния императору последних почестей. Когда вырастет целая гора из благовоний и вся окрестность наполнится ароматом, начинается конный парад перед погребальным строением, причем конница объезжает его на рысях, соблюдая строй и порядок в ритме и стиле пиррихий. (10) Точно так же происходит объезд колесницами, на которых стоят одетые в тоги с пурпурной каймой и в масках, изображающих прославленных римских полководцев и государей. Когда совершенно и это, преемник императора, взяв факел, подносит его к зданию, и другие тоже со всех сторон подходят с огнем. Все это очень

быстро загорается. <...> (11) Из последнего, самого небольшого строения, как бы преодолев преграды, вылетает орел, чтобы вместе с огнем унести в небесный эфир. Римляне веруют, что он уносит на небеса душу императора, которого с этих пор они почитают наравне с другими богами”.

В случае смерти супруги правившего императора проводилась такая же церемония обожествления Августы, но душу умершей императрицы на небеса уносил не орел, а павлин.

15 Считается, что императоры не могли быть признаны настоящими богами. Понятия *divus* и *deus* не совпадали, а императорский культ отличался от культа Юпитера и других богов. Поэтому культ императора имел больше идеологическое, чем религиозное значение, связывая воедино граждан и peregrinos (*ra* Romana). Императорский культ существовал не как система верований, но как набор ритуальных практик. Все граждане по всей империи совершали одинаковые ритуалы перед изображениями императора: принесения ежегодной клятвы или совершения молебна за здоровье правителя империи.

16 Так, Светоний сообщает (*Domit. XXIII*), что, узнав о смерти императора Домициана, «сенаторы ... были в таком ликовании, что наперебой сбежались в курию, безудержно поносили убитого самыми оскорбительными и злобными возгласами, велели втащить лестницы и сорвать у себя на глазах императорские щиты и изображения, чтобы разбить их оземь, и даже постановили стереть надписи с его именем и уничтожить всякую память о нем».

17 В жизнеописании Диция Юлиана (*SHA. v. Did. Iul. III*) сообщается, что «после выступления на солдатской сходке, он вечером прибыл в сенат и отдал себя в полное распоряжение сената. Состоялось сенатское постановление, он был удостоен трибунских полномочий и проконсульских прав и включен в список патрицианских фамилий».

18 Плащ воина, называвшийся сначала *trabea*, а потом *paludamentum* и *sagum*, представлял собой точную копию греческой хламиды. Во времена Республики *paludamentum*, – всегда красного цвета, – одевался только главнокомандующим во время войны: при въезде в Рим он снимал его (*Caes. B. C. I. 6; Liv. XLI. 10; Cic. in Pis. XIII; ad Att. IV. 13; ad Fam. XV. 17*). В эпоху Империи такой плащ стал отличительным знаком императорского достоинства. Геродиан, описывая решающее сражение между войсками Септимия Севера и Клодия Альбина, сообщает (*III. 7*), что «фаланга Альбина, против которой сражался сам Север со своим войском, получила большой перевес, так что Север бежал, упал с лошади, но, сбросив с себя императорский плащ, оставался незамеченным».

19 Диадема как символ царской власти (*regni insigne*) (*Cic. Phil. III. 5, 12*) была ненавистна римлянам. Поэтому Юлий Цезарь отказался одевать ее, когда М. Антоний попытался возложить ему на голову лавровый венок вместе с диадемой (*Plu. Caes. LXI; Anton. XII; Cic. Phil. II. 3; IV. 85; Suet. Iul. LXXXIX*). Эта диадема, подобная той, которую носили греческие цари, представляла собой повязку белого цвета (*App. B. C. II. 108*).

20 В 27 г. до н. э. Август получил от сената право сохранять военный империй также и в пределах померия. Следствием этого явилось перенесение в Рим проконсульской главной квартиры Августа (*praetorium*) со всей его свитой, состоявшей при нем как проконсуле трех провинций. Эта тройная *cohors praetoria* Августа организована была в виде 9 когорт (*Tac. Annal. IV. 5*) по 1000 воинов в каждой (*Tac. Hist. II. 93; D. C. LV. 10. 10*), но так, что в самом Риме одновременно находились всего только три когорты; остальные же были размещены по окрестным городам. Тиберий сосредоточил все 9 когорт в казарме (*castra praetoria*) вблизи Виминальских ворот (*Tac. Annal. IV. 2; Suet. Tib. XXXVII; D. C. LVII. 19. 6*), откуда отряжались отдельные когорты по очереди для караульной службы во дворце. В начале II в. н. э. было 10 когорт и это число осталось и в течение всего III в. н. э. Во 2 г. до н. э. во главе всех преторианских когорт поставлены были Августом два префекта: *praefecti praetorio*.

21 Точная дата создания этих когорт неизвестна. Возможно, они были созданы вместе с преторианскими когортами в 27 г. до н. э. Городские когорты рангом были ниже преторианских когорт, жалование их воинов (по 1500 чел. (при Вителлии – 1000 (*Tac. Hist. II. 93*)) в когорте) было вдвое меньше жалования преторианцев, служили они 20 лет (*Dig. XXVII. 1. 8. 9*). При Тиберии было четыре городских когорты: три из них несли службу в Риме (*Tac. Annal. IV. 5*) и одна в Лигурии (*Tac. Annal. III. 41*). Позже Клавдий добавил к ним еще две – для борьбы с пожарами в Путеолах и Остии (*Suet. Claud. XXV*); Вителлий сократил их число до четырех (*Tac. Hist. II. 93*), но Веспасиан увеличил до пяти. Со времен Каракаллы и до начала IV в. н. э. было четыре городских когорты.

Нумерация *cohortes urbanae* продолжала нумерацию преторианских когорт. Соответственно при Тиберии городские когорты, расквартированные непосредственно в Риме на склоне Эсквилина, носили номера X, XI и XII. Цель деятельности городских когорт – несение полицейской службы по обеспечению спокойствия и порядка в Риме. Иными словами, их предназначение заключалось в выполнении задач охраны и безопасности, т. е. *custodia*. При Аврелиане казармы городских когорт были перенесены на *Forum Suarium*. Существовали городские когорты до правления Константина, который заменил их гражданской *officium* городского префекта.

- 22 Обязанности и полномочия префекта города следующим образом определяются Ульпианом в «Дигестах Юстиниана» (I. tit. XII. 1): «Префектура города (Рима) распространила свою карательную власть на все преступления: не только на те, которые совершаются внутри города, но и на те, которые совершаются вне города в пределах Италии. § 1. Он выслушивает жалобы на господ со стороны рабов, которые прибегают к статуям или были куплены на их деньги, чтобы быть освобожденными от рабства. § 2. Выслушивает и жалобы нуждающихся патронов на освобожденных ими от рабства, в особенности, если патроны говорят, что они больны и желают получить помощь от освобожденных. § 3. Ему разрешено высылать и ссылать на остров, указанный императором. § 5. Если кто-либо говорит, что его раб совершил прелюбодеяние с его женой, то он должен быть выслушан префектом города. § 8. Сказанное о том, что префект выслушивает рабов, жалующихся на господ, не следует понимать в том смысле, что рабы обвиняют своих господ, — это вообще не допускается рабу, кроме особых случаев, — но это относится к тем случаям, когда рабы почтительно жалуются, указывая на свирепость, жестокость, голодание, которое их угнетает, на непотребство, к которому их принуждали или принуждают. К обязанностям префекта города божественным Севером отнесена защита рабов против принуждения последних к разврату. § 9. Кроме того, префект города должен заботиться о том, чтобы менялы честно вели все свои дела и воздерживались от того, что запрещено. § 11. Забота о всяком мясе, чтобы оно поставлялось по справедливым ценам, относится к заботам префектуры; также свиной рынок находится под ее наблюдением, и другие рынки, на которых продаются иные животные или вьючные животные, в отношении поставок входят в круг ее забот. § 12. Также спокойствие жителей и порядок во время спектаклей, как кажется, относится к заботам префекта города, и, конечно, он должен иметь воинов, расставленных по постам для охраны спокойствия жителей и для донесения о том, что произошло. § 13. И префект города может запретить пребывание в городе и в какой-либо из обычных областей и может запретить занятие каким-либо делом, и профессией, и адвокатурой, и деятельностью на рынке — и на время и навсегда. § 14. Божественный Север дал рескрипт в том смысле, что и те, в отношении которых имеются указания, что они входят в незаконное общество, должны быть обвиняемы у префекта города».
- 23 Павел следующим образом описывал организацию борьбы с пожарами у римлян в республиканское время (Dig. I. tit. XV. 1): «У древних были назначены три лица для руководства охраной от пожаров; так как они несли (ночную) стражу, то были названы ночными; иногда в это дело вмешивались эдилы и плебейские трибуны. У врат и стен были расположены государственные рабы, и их вызывали в случае необходимости; были и рабы частных лиц, которые тушили пожары за плату или за благодарность».

- 24 Каждая из семи когорт вигилов (*vigiles*), которые несли пожарную службу в Риме и были одновременно ночной полицией, состояла из 1000–1200 человек и делилась на семь центурий. По *lex Visellia* 24 г. н. э. отпущенники получали полные права гражданства, прослужив шесть лет в пожарной команде; впоследствии этот срок сокращен был до трех лет. Со времени Септимия Севера в пожарные зачислялись и граждане свободного происхождения. Каждая когорта предназначалась для двух городских *regiones* (Dig. I. tit. XV. 2), но с отдельными сторожевыми постами (*excubitorium*) в обоих участках своего района. Во главе когорты стоял трибун, во главе центурии — центурион. Как трибуны, так и центурионы числились офицерами армии и могли переходить на службу, как в легионы, так и в *cohortes urbanae* и *praetoriae*. Напротив, служители не считались равными легионным солдатам, хотя также назывались *milites*; на службу в легионы они могли переходить только по получении полных прав гражданства.
- 25 В республиканское время всякий гражданин имел право являться за бесплатным получением порции зерна. Впервые Цезарь ограничил раздачу определенным количеством бедных граждан, с установлением, что новые получатели могли поступать лишь на открывавшиеся вакансии. Получатели дарового хлеба принадлежали исключительно к третьему сословию (*plebs frumentaria*) из состава столичного населения (*plebs urbana*).
- 26 По крайней мере, до времен Нерона существовали два разряда императорских письмоводителей; те и другие были рабы. Первый разряд вел частную корреспонденцию императора, второй — заведовал официальным письмоводством. Уже при Тиберии секретариат имел прочную организацию с разделением на два отдела: отдел латинских писем (*scriba ab epistulis latinis*) и отдел греческих писем (*ab epistulis graecis*). Во главе всего этого департамента со времени Клавдия стоял главный начальник называвшийся *ab epistulis*.
- 27 Под словом *ratio* разумеется бухгалтерское счетоводство. Бухгалтерские отделы находились при всех учреждениях, имевших отношение к императорским финансам, как тех, которые касались провинциальных касс (*fisci*), так и тех, которые заведывали отдельными имуществами императорской казны (*patrimonium*). Множественное число слова *rationes*, послужившего для обозначения счетоводного отдела императорской канцелярии, показывает, что в этом отделе производился общий свод того бухгалтерского материала, который находился в распоряжении каждой отдельной *ratio* по делам фиска и патримония. Внешним признаком бухгалтерского характера всех административных мест, обозначаемых термином *ratio*, является нахождение при них служителей, называвшихся *tabularii* (от *tabulae* — счета приходов и расходов), подобным образом как для касс характерна должность *dispensatores* (казначеев).

- 28 Автор жизнеописания Коммода с осуждением пишет (SHA. v. Comm. XIII), что этот император «ленился писать заключения и был так небрежен, что на многих прошениях писал одно и то же заключение».
- 29 Очень ярко роль вольноотпущенников при Клавдии описал Аврелий Виктор (De Caes. IV): «Его вольноотпущенники, получив большую силу, оскверняли все развратом (мучили людей), ссылками, убийствами, проскрипциями. Феликса из их числа [Клавдий] поставил во главе легионов в Иудее; евнуху Поссидию после триумфа над Британией было дано среди других храбрейших воинов почетное оружие, точно он участвовал в этой победе; Полибию разрешено было шествовать между двумя консулами. Но всех их превзошли секретарь Нарцисс, который держал себя как господин своего господина, и Паллант, украшенный преторскими знаками отличия».

УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЯМИ, ЕГИПТОМ И ИТАЛИЕЙ

В ходе расширения владений римлян за счет завоеванных земель других племен и народов возникла проблема организации управления захваченных территорий для эффективной эксплуатации их природных и людских ресурсов и удержания завоеванного населения в покорности.

За пределами Италии завоеванные римлянами земли получили статус провинций¹, для управления которыми была создана провинциальная администрация. Первой римской провинцией в 241 г. до н. э. стала Сицилия (Cic. in Verr. II. 1, 2), шесть лет спустя к ней прибавилась Сардиния, в 179 г. до н. э. – две Испании. В 50 г. до н. э. у римлян было 14 провинций.

Первоначальная организация управления завоеванными территориями у римлян в период Республики возлагалась на того полководца, под чьим командованием эти земли были покорены. Административные распоряжения, сделанные предварительно победоносным полководцем, утверждались сенатом (Plu. Marc. XXIII; App. V. C. II. 9); потом в завоеванные земли сенат отправлял специальную комиссию, обычно из 10 чел. (Liv. XLV. 17; App. de reb. Hisp. XCIX; de reb. Pun. CXXXV; Sallust. Iug. XVI; Plu. Luc. XXXV, XXXVI), при содействии которой производилось полное обращение захваченных земель в провинцию (in formam provinciae redigere). В итоге каждая провинция получала окончательное обустройство в виде «закона провинции» (lex provinciae), который включал в свое название имя непосредственного автора этого закона (например, lex Pompeia провинции Понт и Вифиния (Plin. Ep. X.83), lex Lentuli Кипра (Cic. Fam. XIII. 4. 8). В законе оговаривались границы провинции, ее административное деление, статус отдельных городских общин, их обязательства по отношению к завоевателям.

Провинции считались военной добычей римского народа (praedia populi Romani), и все в них – земля, люди, их скот, имущество пона-

чалу отдавалось полному произволу победителя. Ограбление провинции начиналось с момента ее завоевания. Римское войско захватывало казну прежних правителей и богатства храмов; население завоеванной страны обязывали сдать золото и серебро; Рим конфисковывал в покоренных странах часть земель, которые пополняли фонд *ager publicus*, а также рудники, соляные промыслы и другие важнейшие предприятия. Значительная часть награбленных ценностей шла в казну (эрарий) римского государства, другая часть делилась среди воинов, причем львиную долю добычи получали полководцы.

Ограбление провинций продолжалось и после принятия закона провинции и приняло такой размах, что меры для его ограничения вынужден был принять римский сенат: в 149 г. до н. э. был принят закон Кальпурния (*lex Calpurnia*), позволявший жителям провинций приносить в Рим жалобу на вымогательства (*repetundarum*). Для разбора обвинений наместников в вымогательстве этим законом учреждались специальные судебные комиссии (*quaestio repetundarum*)².

Ограничение произвола наместников в провинциях предусматривалось и рядом законов, принятых позже (*lex Acilia* в 125 г. до н. э., *lex Servilia* в 111 г. до н. э.).

В 59 г. до н. э. был принят *lex Iulia de provinciis*, которым уточнялись повинности провинциалов. Они должны были состоять только в предоставлении главе римской администрации в провинции во время передвижений по территории провинции фуража для скота, жилищ, дров, подвод и т. п. Тем не менее, положение провинций было очень тяжелое, и эта тягость особенно выражалась в различных хлебных поборах (*frumentatio, frumentum*). Кроме того, большой доход наместнику доставляли добровольные подарки, которые, однако, большей частью были вынужденными; к этому присоединялась продажа при производстве суда и т. д.

Самыми ненавистными людьми в провинциях были сборщики налогов – мытари. Провинциалы имели перегринский статус, а поэтому на них не распространялось запрещение обращать должников в рабство, касавшееся только римских граждан. Многие провинциалы попадали в рабство за долги из-за неуплаты налога. Наместники, откупщики и арендаторы конфискованных в провинциях земель и других имуществ хозяйничали, по существу, бесконтрольно, обогащаясь за счет ограбления провинциального населения. Особенно сильное угнетение провинциалы испытывали во время гражданских войн конца периода Республики, поскольку боровшиеся между собой римские военачальники стремились максимально использовать материальные ресурсы подвластных им территорий в борьбе за власть над государством³.

Для того, чтобы осуществлять эффективное управление в первых четырех провинциях, римляне увеличили количество преторов (*Liv. Epit. XX*). Управление ими было разделено между двумя консулами и двумя преторами. Они управляли провинциями в течение года, за исключением Испании, наместник которой по *lex Vaebia* управлял ею в течение двух лет. Но такое соединение внутренних и внешних обязанностей было невозможно без регулярного продления их империя для зарубежного управления; и таким образом между II Пунической войной и реформами Суллы для управления теми провинциями, где требовались крупные военные силы, был создан институт проконсульства, но без определенных юридических правил, регулирующих его, которые установили бы срок его длительности или полностью разграничили бы внутреннее и зарубежное командование.

Чтобы иметь право на осуществление проконсульских полномочий, предшествующее обладание консульским империем было не обязательно. Теоретически это был делегированный империй, и хотя обычно использовалась система *prorogatio*, ставшая конституционным способом назначения проконсула, она не исключала процедуру делегирования. Для делегирования этой должности лицу, вообще не обладавшему империем, использовалась процедура выборов. Так, в первом известном случае предоставления проконсульского империя лицу, ранее не обладавшему империем, проконсул был избран в центуриатных комициях, обычных комициях для консульских выборов. Таким образом в 211 г. до н. э. сделался проконсулом П. Корнелий Сципион (*Liv. XXVI. 18*); этот случай был совершенно исключительным («*extraordinaria cura deligendum esse*» (*Liv. XXVI. 18*), конституционные прецеденты были оставлены в стороне, и окончательное избрание проконсула совершил *populus*.

Однако эти трудности не ощущались, когда проконсульство предоставлялось магистрату, не являвшемуся консулом, но уже осуществлявшему империй в качестве претора, чему есть несколько примеров, среди которых М. Марцелл в 216 г. до н. э. (*Liv. XXIII. 30*) и Тиб. Клавдий в 177 г. до н. э. (*Liv. XLI. 12*). В последующий период Республики встречается пропретор, исполняющий обязанности в провинции и наделенный титулом проконсула, ибо он управляет проконсульской провинцией, как в случае Кв. Метелла Целера, наместника Цизальпийской Галлии в 62 г. до н. э. (заголовок к *Cic. ad Fam. V. 1*).

После учреждения проконсульства как регулярной промагистратуры право сената предоставлять его и устанавливать его задачи стало неоспоримым, а необходимость в плебисците, который первоначально требовался для утверждения созданного проконсульства, совершенно исчезла. Но для предоставления такого рода империя всегда требовалась формальная санкция со стороны всего народа,

которая все еще оставалась в силе. Это был куриатский закон, принимавшийся в собрании курий; по мнению Цицерона, первоначально это было нечто вроде присяги на верность, приносимой магистратам с империем при их вступлении в должность, так же, как и царю (Cic. de Rep. II. 13, 25); формальный закон требовал этого как признания империя, предоставленного проконсулу, как и любому другому из магистратов, обладавших империем (Cic. de Leg. Agr. II. 11, 26; II. 12, 30). На основании фрагмента писем Цицерона (ad Fam. I. 9, 25) в литературе высказывается предположение, что закон Суллы de provinciis ordinandis освобождал от необходимости этого закона в случае назначения проконсула, утвержденного сенатом.

Бывший претор, который отправлялся в провинцию в качестве наместника, назывался *propraetor* (также *pro praetor*). Разницы между проконсулами и пропреторами во власти не было; они различались только названием и рангом (пропреторы имели только шесть ликторов, половину состоявших при проконсуле, и их когорта была меньше). Их власть носила все черты *imperium militiae*, причем это *imperium* простиралось даже на римских граждан, живших в провинции.

Т. к. определение того, консульская ли данная провинция или преторская, подвергалось изменениям и зависело от решения сената, то писатели очень часто смешивают *proconsul* и *propraetor*. Вообще, в последнее время Республики имя *proconsul* присваивалось наместнику каждой провинции, был ли он до этого консулом или претором, коль скоро ему предоставлялось сенатом проконсульский империй.

Наместники провинций избирались в сенате по жребию. Но иногда претенденты на провинции распределяли их между собой по договоренности. Проконсулы избирались для управления крупными провинциями (Азией, Африкой), мелкие провинции, такие, как Ахайя, Кипр, Македония и др., управлялись бывшими преторами в ранге пропреторов.

Обычно вопрос о том, какие провинции достанутся консулам текущего года в следующем году, сенат решал в марте месяце. Но иногда, из стратегических соображений, срок власти прежнего наместника продолжался (*prorogare*), по предложению сената, через *plebiscitum* (Liv. XXXII. 28), или одним сенатом (Liv. X. 22). Согласно закону Г. Гракха (*lex Sempronia*), принятому в 122 г. до н. э. (Cic. de Prov. Cons. II, 3), проконсульские провинции, определялись сенатом до избрания консулов, которые должны были их занять. В конце периода Республики сенат мог назначать провинции конкретному претенденту на наместничество и без жеребьевки. В случае конфликта крупного политического деятеля с сенатом он мог получить провинцию от народа, т. е. по решению комиций, минуя сенат⁴.

Суллы в 81 г. до н. э. в законе (*lex Cornelia de provinciis ordinandis*) предписал, чтобы консулы и преторы в течение года отправляли свои обязанности в городе, а затем в течение года были наместниками в провинциях, причем консулы отправлялись в те провинции, в которых находилось наибольшее количество войск (Liv. XLI. 8).

После Суллы продолжительность проконсульского управления была годичной (Cic. ad Fam. II. 7, 4); это правило существовало до Цезаря, который в 46 г. до н. э. установил двухлетний срок для консульских провинций (Cic. Phil. I. VIII, 19). Август восстановил прежний годичный срок (Tac. Annal. III. 58), и это правило оставалось в силе.

По постановлению сената 52 г. до н. э. (D. C. XL. 30, 46), проконсул получал провинцию не ранее, чем через пять лет после того, как занимал должность в Риме (Caes. V. C. I. 6).

Каждый избранный наместник провинции для выполнения своих обязанностей должен был иметь в своем распоряжении штат помощников, воинские силы и денежные средства. Определение численности войск, предоставляемых проконсулу, состава его свиты и отпуск денег на дорогу производились решением сената с учетом того, какую провинцию получил наместник и какие задачи ему предстоит решать. Содержание наместника, его штата и войска ложилось на провинцию.

Штат наместника не оставался неизменным. Менялись и его численность и функции входивших в него служащих. Каждый наместник ехал со штатом своей канцелярии, хотя, конечно, она не могла меняться во всех своих звеньях, но скорее – на высших административных постах.

В штат службы наместника входили легаты (*legati*), которые для каждого наместника избирались решением сената. Однако при этом сенат учитывал пожелание наместника иметь в числе легатов конкретных людей. Легатами были сенаторы, не превосходившие наместника по магистратскому рангу. Обычно проконсулу полагалось иметь трех легатов, а пропретору одного (D. C. LIII. 14)⁵.

Легаты не являлись магистратами, а были помощниками наместника. Поэтому они должны были выполнять любые распоряжения наместника. В случае проведения военных действий на территории провинции легаты могли возглавлять воинские контингенты, вплоть до командования легионом. Легатам поручались дела административного или судебного характера.

В I в. до н. э. частыми были случаи, когда легат возглавлял управление провинцией в отсутствие наместника на ее территории. Например, когда с 59 по 49 г. до н. э. Юлий Цезарь управлял сразу двумя Галлиями – Цизальпийской и Трансальпийской, он, естественно, отсутствовал в одной из них и поручал управление провинцией своему

легату (Caes. Gal. I. 10; I. 54). Дальнейшее развитие такая практика получила в действиях Помпея, который в 55–50 гг. до н. э., будучи наместником Испании, находился в Риме, а управление своей провинцией поручал легатам (Vell. II. 48). На этой почве возникла должность *legatus pro praetore* (Caes. Gal. I. 21; ср. Sall. Jug. XXVI и XXXVIII). Этот титул не означал, что данный легат обладал пропреторским империем, поскольку империй не мог делегироваться, но он имел власть, которая практически равнялась этому империю. Такая практика управления провинциями посредством доверенного лица стала основой для становления системы управления императорскими провинциями в период принципата, при которой принцепс руководил провинциями не лично, а с помощью назначаемых им и ответственных перед ним *legati pro praetore*.

Кроме того, в распоряжении каждого наместника было по одному квестору, за исключением Сицилии, где имелось два квестора. Квесторы при наместниках выполняли поручения финансового и судебного характера. Квестор получал из Рима выделяемые на нужды провинции денежные средства, организовывал сбор с населения провинции тех налогов, которые не отдавались откупщикам, по поручению наместника посещал отдельные регионы провинции для осуществления суда⁶.

Наместники могли поручать управление частью территории провинции назначаемым ими префектам или прокураторам, действовавшим на этих территориях в качестве заместителей наместника.

Легаты и квестор входили в состав совета (*consilium*) наместника, в который наместник включал также нужных ему людей из римских граждан (*comites*), помогавших ему при решении вопросов управления провинцией. Численный состав совета определялся рангом наместника. В распоряжении наместника находились также входившие в состав свиты, назначенной ему сенатом (*ornatus, ornare provinciam*), ликторы, гаруспики, писцы, личная охрана (*cohors praetoria*), посыльные и другие служители.

Дата вступления проконсула в должность в эпоху Республики неясна: второе командование Цезаря в Галлии началось 1 марта (Cic. de Prov. Cons. XV), и теоретически это могло быть надлежащей датой для отъезда проконсула в провинцию, считавшейся началом официального года. Как скоро проконсулу поручалась или доставалась по жребию провинция, он должен был немедленно отправиться, по крайней мере, из города, потому что через замедление в Риме терялось *imperium* (Cic. ad Att. VII, 1. 7; Liv. XLV, 35; Tac. Annal. III. 19). Дата его фактического вступления в официальные должностные обязанности на практике никогда не соответствовала этой дате, но частично зависела от того, когда он оставлял консульство в Риме (ко-

торое после 153 г. до н. э. оканчивалось 31 декабря), частично от того, когда именно он желал выехать в год после окончания своей консульской должности (Cic. ad Att. V. 16, 4); ибо предыдущий наместник должен был сохранять командование или делегировать его офицеру в провинции до тех пор, пока не прибудет преемник (Dig. I, 16, 10; Cic. ad Att. VI. 6, 4). До 51 г. до н. э. два консула никогда не отправлялись в провинции, назначенные им до выборов, ранее, чем через 10 месяцев после формального начала своего срока. Например, согласно обычному порядку вещей, проконсульское командование, начинавшееся 1 марта 49 г. до н. э., должны были поручить избранному (в 50 г. до н. э.) консулу на 49 г. до н. э.; однако он не мог фактически вступить в провинцию до окончания года своего консульства, то есть, до января 48 г. до н. э.; тем временем, его предшественник сохранял провинцию до его прибытия.

После постановления сената 52 г. до н. э., согласно которому проконсульство можно было занимать не ранее, чем через пять лет после консульства, проконсула можно было отправить в провинцию в любое время: Цицерон начал управление Киликией 31 июля (ad Att. V. 16, 2).

В эпоху Империи эта дата иногда менялась, однако существовала установленная дата для замещения таких командований. При Тиберии это было 1 июня, при Клавдии – 1 апреля. (D. C. LVII. 14; LX, 11).

Перед тем как покинуть Рим, наместник должен был получить установленную для него решением сената свиту, денежные средства, воинские контингенты, поручения и инструкции сената⁷.

Отправление его совершалось с Капитолия, где он приносил полагавшиеся жертвоприношения, молебствия и обеты, в торжественном шествии со всей его свитой, назначенной ему сенатом (Cic. Fam. I. 9, 25; in Verr. V. 13, 34). Уже за пределами городских ворот он мог носить внешние признаки обладания своими полномочиями (в частности, иметь сопровождение ликторов с фасками) (D. C. LIII. 13), но вступал в эти полномочия он только в пределах своей провинции (Dig. I. 16, 1, 4, 6). Срок пребывания наместника в должности начинался со дня его прибытия в назначенную ему провинцию.

Сразу по прибытии в свою провинцию наместник должен был обнародовать эдикт (*edictum provinciale*), в котором излагались принципы, которыми он будет руководствоваться, управляя подвластной ему территорией. Составляя текст этого эдикта, наместник учитывал положения закона провинции и содержание эдиктов предшествующих наместников данной провинции (Cic. Att. V. 2. 1; ad Fam. III. 8. 4); при этом обычно в тексте эдикта наместника повторялись многие положения эдикта городского претора. Таким образом происходила постепенная «романизация» законов, действующих в провинциях.

Главной заботой наместника провинции было сохранение мира и спокойствия на границах его провинции и внутри нее⁸. Наместник не имел права объявлять войну: это была прерогатива сената. Но он по своей инициативе мог принимать меры для поддержания мира в провинции и на ее границах. С помощью находящихся в его распоряжении войск он боролся с вторжениями варваров в пределы провинции и с разбойниками на ее территории. Если требовали военные обстоятельства, то он мог производить набор между живущими там римскими гражданами для военной службы и приказывать провинциалам доставлять вспомогательные войска.

Вторая важная функция наместника состояла в производстве суда. По отношению к peregrinam наместник обладал правом выносить приговор вплоть до смертной казни, уголовные преступления римских граждан передавались на рассмотрение в судебных инстанциях Рима.

В связи с с судопроизводством наместник не находился все время в административном центре провинции, а перемещался по ее территории. Территория римских провинций делилась на судебные округа (conventus или fora)⁹. В городах, которые были центрами этих округов, наместник выслушивал жалобы жителей провинции и вершил суд. Количество таких округов в отдельных провинциях было разным. В Сицилии центрами conventus были Тарс и Лаодикея, в Бетике было четыре таких округа, в Лузитании – пять. Куда он не мог приехать лично, туда посылал своих легатов (legati pro praetore), которые действовали от его имени, но к нему допускалась апелляция.

Наместник должен был обеспечить сбор в провинции установленных налогов. В связи с этим наместник должен был знать количество налогоплательщиков в своей провинции. Для этого он проводил учет (перепись) жителей провинции. С помощью «учетчиков» (censitores) он устанавливал количество жителей в городах и населенных пунктах провинции и их имущественное положение. Наместники, однако, не имели отношения к сбору косвенных налогов (vectigalia), т. к. они отдавались цензорами в Риме на откуп откупщикам.

Покидать свою провинцию до прибытия в нее своего преемника наместник провинции по lex Cornelia de provinciis ordinandis не смел, под угрозой подвергнуться обвинению в оскорблении величия римского народа¹⁰. С другой стороны, после прибытия этого преемника он должен был выехать из провинции в течение 30 дней, но при этом он сохранял империй до возвращения в Рим (Cic. ad Fam. I. 9, 25; XII. 4, 2). На возвратном пути он шел со своими знаками (insignia) до Рима, под стенами которого его imperium прекращалось, и в Риме он должен был в течение 30 дней представить отчет об управлении своей провинцией.

Однако в I до н. э. границей империя, осуществляемого проконсулом, являлась сама Италия. Помпей, прибыв с Востока, распустил армию, как только достиг Италии.

Существенные изменения в организации управления провинциями произошли с установлением системы принципата.

Выйдя победителем в войне с М. Антонием, Октавиан установил свой контроль над всеми римскими провинциями. Но в речи перед сенатом 13 января 27 г. до н. э. он заявил, что будет управлять только теми провинциями, которые граничат с врагами римлян или являются беспокойными¹¹. В результате произошло разделение провинций на две группы: 1) сенатские (provinciae populi Romani, provinciae publicae), управление которыми было возвращено сенату, и 2) императорские (provinciae Caesaris), которыми управлял принципс. Первую группу составили провинции: Африка, Нумидия, Азия, Греция с Эпиром, Далмация, Македония, Сицилия, Крит, часть Ливии вокруг Кирены, Вифиния, Понт, Сардиния и Бетика (D. C. LIII, 12).

Поскольку территория римского государства увеличивалась и в период Империи, количество провинций тоже росло и новые провинции, граничившие с варварами, логично становились императорскими. В начале правления Веспасиана было 14 императорских провинций, при Адриане – 22, при Коммодe – 13 провинций консульского ранга (с гарнизоном более одного легиона) и 13 преторского ранга.

В дальнейшем статус провинций мог меняться. В силу определенных причин (стратегических, экономических) та или иная сенатская провинция могла стать императорской и наоборот. Так, по свидетельству Светония (Claud. XXV), Клавдий «провинции Ахайю и Македонию, которые Тиберий взял под свое управление, вернул сенату».

Во главе сенатских провинций продолжали находиться промагистраты. Положение о пятилетнем интервале между магистратурой и наместничеством в провинции, установленное в 52 г. до н. э., было подтверждено Августом (D. C. LIII. 14), но не соблюдалось строго. Некоторых консуляров отвергал сенат, других – император (Tac. Annal. III. 32, 71).

Провинции распределялись между претендентами по жребию. А так как к жеребьевке допускались вообще все бывшие за пять лет до этого консулы и преторы, не успевшие еще достигнуть проконсулата (но, наверное, с соблюдением какого-то предельного возраста), то не всякий консуляр становился проконсулом сейчас по истечении пятилетнего срока: встречаются самые разнообразные промежутки (от пяти до 18 лет), особенно со времен сокращения годичного срока консульства, увеличившего число кандидатов на proconsulatus consularis. Бывший претор не терял права на участие в жеребьевке преторских провинций даже и в том случае, если он тем временем

успел уже сделаться консулом; на этом основании в числе правителей преторских провинций встречаются и консуляры (но только в силу прав, приобретенных еще претурой). Рядом с жеребьевкой возможны были и прямые выборы проконсулов в сенате, конечно, по указанию императора.

Срок проконсулата был годичный; поэтому в случае оставления проконсула в той же провинции на второй год, данная провинция исключалась из жеребьевки, а самое оставление правителя на новый срок признавалось избранием его для второго года, который и обозначался, как новый, второй, проконсулат данного лица (*iteratio*).

Список участвовавших в жеребьевке составлялся по определенным правилам, по которым женатые отцы детей имели преимущество перед безбрачными и бездетными, так что допускался даже свободный выбор провинции, взамен *sortitio*, для тех, кто оказывался наиболее привилегированным *iure liberorum*. Наоборот, возможно было и исключение, в виде наказания, из списка участвующих в жеребьевке. Впрочем, и сами кандидаты имели право просить императора об освобождении их от жребия.

Проконсульская *sortitio* сохранилась еще и в III в. н. э. Однако тогда императоры сами избирали столько консуляров и преториев, сколько было нужно по числу провинций, которые и распределялись по жребию между избранными императором лицами.

Формально проконсулы были подотчетны сенату, но от императора они получали поручения и инструкции по управлению провинцией (D. C. LIII. 15). Титул проконсула теперь носили все наместники этих провинций, хотя могли быть всего лишь преторами (D. C. LIII. 13). Этот титул в некотором отношении давал только формальный проконсульский империй, ибо провинции были невоенными, но внутри провинции они имели *maius imperium* над всеми, за исключением принцепса. Две крупнейших сенатских провинции, Азия и Африка, всегда доставались консулярам (D. C. LIII. 14), отсюда титул «консуляр-проконсул», прочие проконсулы были всего лишь преториями. В Африке, одной из поставляющих в Италию зерно провинций, сенатский проконсул имел легион, иногда два, но когда необходимо было вручить ему реальную военную власть, назначение возлагалось на принцепса, а не определялось, как обычно, жеребьевкой между старшими консулярами (Tac. Annal. III. 35).

При Калигуле, в 37 г. н. э., легионный легат в сенаторской провинции Африке стал наместником отделенной от Африки и преобразованной в императорскую провинцию Нумидии, с титулом *legatus Augusti legionis III Augustae* (D. C. LIII. 12, LIX. 20; Tac. Hist. IV. 48). В результате наместник провинции Африки больше не имел в своем подчинении легион римских войск.

Каждый сенатский проконсул имел трех легатов-пропреторов, которых, формально, выбирал он сам, но утверждал император (D. C. LIII. 14, 7); он получал жалованье из казны (*salarium proconsulare*) (Tac. Agr. XLIII. 3), впервые назначенное провинциальным наместникам Августом (D. C. LIII. 15; Suet. Aug. XXXVI)¹². Его сопровождали ликторы; но проконсулы, лишившись власти над легионами даже в Африке, со времен Калигулы превратились в чисто гражданских чиновников, вследствие чего они не носили меча и появлялись не в военном одеянии, подобно правителям императорских провинций, а только в тоге (D. C. LIII. 13, 3).

Т. к. в этих провинциях не было войск, то должность их наместников состояла только в управлении и юрисдикции, которой теперь подчинены были также живущие там римские граждане, но с правом апелляции к императору. Ликторы теперь являлись знаком обладания проконсулами судебного империя. Проконсулы обеих консулярных провинций (*Asia, Africa*) имели 12 ликторов, в остальных преторских провинциях – только шесть. В III в. н. э., однако, все проконсулы без исключения имели уже только шесть ликторов.

По определению Домиция Ульпиана (de Of. Proc. I. 2151), проконсул был наделен всеобъемлющей юрисдикцией, он один осуществлял в провинции полномочия всех лиц, которые в Риме вершили суд в качестве магистратов или в экстраординарном порядке. Наместник провинции имел право выносить смертный приговор людям, не имевшим римского гражданства. Обвиненных в уголовном преступлении римских граждан он отсылал в Рим, поскольку они имели право апеллировать к императору. За такие преступления, как убийство, подлог, похищение детей, прелюбодеяние, наместник мог судить и римских граждан. Прежние *conventus* перестали существовать, и тяжущиеся стороны должны были являться в главный город провинции.

Помощниками наместников сенатских провинций по-прежнему были квесторы, производившие преимущественно взимание налогов с провинциалов в государственную казну (*aerarium*).

Забота о состоянии дорог государственного значения, о почтовой службе на территории сенатских провинций была не в ведении наместников, а осуществлялась специальными императорскими чиновниками. Ограничение полномочий наместников сенатских провинций в императорское время выражалось также в том, что вне их власти находились земельные владения императора в этих провинциях, управление которыми осуществлялось специальными уполномоченными императора¹³: *legati, curatores, correctores, procuratores*, не находившимися в подчинении проконсулу.

Как и в период Республики, проконсулы должны были постоянно перемещаться по территории своей провинции. Согласно Домицию

Ульпиану (de Of. Proc. I. 2145), прибыв в какой-либо город своей провинции, проконсул «должен обойти храмы и общественные здания, чтобы проверить, находятся ли они в хорошем состоянии».

Если на территории провинции имелись города, получившие от римлян статус «свободных» (*civitates liberae*), наместник провинции не имел полномочий на их территории. Но уже во II в. н. э. императоры стали посылать в сенатские провинции специальных чиновников (*curatores, correctores, legati ad ordinandum statum civitatum*), которые были уполномочены контролировать жизнь (в частности, вопросы строительства общественных зданий, порядка в местах заключения преступников, состояния финансов) этих «свободных» городов. Если *curatores* контролировали отдельные города, то *correctores* – сразу целые группы городов на отдельных частях территории провинции.

Управление императорскими провинциями уже при Августе осуществлялось не самим принцепсом, а назначаемыми им наместниками, действовавшими по его поручению и в связи с этим носившими титул *legatus (legatus Augusti pro praetore или legatus Caesaris pro praetore consulari potestate)*. Эти наместники были сенаторского сословия; если они до этого уже побывали в должности консула, назывались они не проконсулами, а пропреторами¹⁴.

Император в начале периода Империи большую часть времени находился в Риме. Ему не нужно было предпринимать длительные поездки для осуществления управления своими провинциями. Действиями наместников он руководил посредством активной переписки с ними.

В то время как в сенатских провинциях срок наместничества был ограничен одним годом, в провинциях императорских наместник мог находиться на своем посту сколь угодно долго, пока поставивший его император оставался у власти. Более того, биограф Антонина Пия сообщает, что он, став императором, не сместил никого из назначенных Адрианом наместников, а хорошо зарекомендовавших себя людей оставил в этой должности на срок от семи до девяти лет (*SNA. v. Ant. Pii. V. 3*). В среднем же деятельность наместника в императорских провинциях продолжалась три-пять лет. Вследствие этого жители императорских провинций менее страдали от денежных поборов, так что и некоторые сенаторские провинции во времена денежного истощения на время причислялись к императорским, чтобы они могли поправиться через дарованное облегчение в податях и повинностях.

Легат, в качестве правителя провинции, являлся полномочным заместителем императора во всех текущих делах по управлению провинцией. В своих действиях в провинции наместник руководствовался инструкциями (*mandata*) императора, которые он получал перед тем, как отправиться в порученную ему провинцию. В отличие от

проконсулов, императорские легаты всегда оставались прежде всего военными чинами, соответственно этому появлявшимися в военном одеянии. Вместе с тем легаты, как и проконсулы, пользовались всеми правами юрисдикции, как гражданской, так и уголовной, по отношению ко всему населению своей провинции, что и выражалось прибавкой к их титулу выражения *pro praetore*. На этом основании легат имел право окружать себя ликторами; однако, в отличие от преторских проконсулов, ему было присвоено всего лишь пять ликторов (*D. C. LIII. 13*), вследствие чего легат, как правитель провинции, назывался также *quinquefascalis*.

От императора наместник мог получить широкие полномочия, вплоть до права жизни и смерти над римскими гражданами (*I. VI. II (117), 8, 1*), он мог даже выносить смертные приговоры солдатам. В компетенции легата провинции было проведение ценза, который был основой для обложения налогами провинциалов. Ценз проводился по специальному поручению императора. Оценка имущества провинциалов и размер налогов, которыми они облагались, основывались на цензорских книгах (*libri censuales*), составлявшихся оценщиками (*legati censitores или legati ad census accipiendos*), которые для каждой провинции или более мелких территориальных единиц назначались императором или самим наместником провинции.

Наместники императорских провинций, подобно наместникам сенатских провинций, имели одного или трех легатов в качестве помощников (*Dig. I. tit. 18. s. 7; Tac. Annal. XII. 59*).

Помощниками пропреторов императорских провинций в судебных и финансовых делах были особые прокураторы (*procuratores*), впоследствии называвшиеся также *rationales* и избиравшиеся из всаднического сословия (*Tac. Agr. IV*), посылавшиеся в провинции императором. Поэтому наместники императорских провинций не нуждались в помощи квесторов. *Procurator provinciae* не принадлежал к свите легата, а также и срок его службы был совершенно независим от срока службы легата.

В некоторых провинциях судебная власть была передана особому *legalus iuridicus*, который, видимо, назначался императором из числа сенаторов, но был подчинен *legati Augusti pro praetore*.

В распоряжении наместника находились также легаты легионов, размещавшихся на территории провинции. Эти подначальные легаты, в отличие от наместника провинции, не имели пропреторского ранга.

Подобно проконсулам сенатских провинций, легаты императорских провинций имели штат «службы наместника» Комплектовалась «служба наместника» из младших офицеров и легионеров; в ее состав не входила личная гвардия наместника – его конная и пешая охрана. Персонал «службы наместника» был достаточно велик и имел

различные обязанности. Он состоял примерно из 200 человек. Возглавлял его *princeps praetorii* в ранге старшего центуриона. К нему был прикомандирован помощник, именованный *optio praetorii*.

Обязанности заведующих отдельными канцеляриями исполняли «корникулярии» (обычно трое). В их ведении находились ординарцы и писари. *Commentarienses*, которых было также трое, отвечали за ведение протоколов и книг, связанных с набором в армию.

Уголовные преступления в армии расследовали «спекуляторы». При наместнике имелось 10 таких *speculatores Augusti*. Одной из их обязанностей было рассмотрение дел легионеров, нарушивших присягу или виновных в каком-либо нарушении воинского долга.

В обязанности *quaestiones* входили допрос и пытки обвиняемых. Службу безопасности в провинции несли *beneficiarii*. Их посты были расположены на дорогах внутри провинции, в местах их пересечения и на рынках, открытых для торговли с варварами.

В ведении наместника находились и особо ответственные курьеры – *stratores*, которые управляли дорожными станциями на важных стратегических дорогах империи, обеспечивая быстрый проезд проезжавшим по государственным делам.

Секретную службу безопасности несли *frumentarii*, имевшие различного рода поручения военной связи.

В штат наместника входили также *exceptores*, бывшие при наместниках личными секретарями, умевшими быстро записывать сказанное и затем переносить записанное в протокол.

В службе наместника были также простые секретари – *librarii*, *exacti* (счетоводы), а также лица, занятые в его архиве (*actarii*), в интendantской службе (*actuarii*).

Наместники вели документацию на латинском языке, использовали латынь и в устном общении с провинциалами. Но для сношений с жителями провинции, не владевшими латынью, и с варварскими племенами в штате наместника имелись также переводчики (*interpretes*).

Все эти категории младших офицеров и простых легионеров, занятых в службе наместника, освобождались от черной работы в военном лагере.

В мелких провинциях, в которых оказывалось необходимым присутствие целого легиона, управление поручалось начальнику этого легиона, который в этом случае назывался *legatus Augusti pro praetore legionis* (такого-то). У них, как у наместников провинций, были *legati* в качестве помощников (*Dig. I tit. 18. s. 7; Tac. Annal. XII. 59*). Такие правители были, например, в Нумидии и Норике.

Наряду с большими по размерам провинциями, на территории которых размещались значительные воинские контингенты, под

управлением императора находились и небольшие провинции, которым могла угрожать внешняя опасность. Управление этими провинциями по поручению императора осуществляли наместники из всаднического сословия.

При Августе наместники таких провинций назывались префектами. Им вверялись области на окраинах, вновь присоединенные к римской державе после установления принципата Августа, в том числе, прежде всего, горные области в Альпах.

При Клавдии военные префекты во всех новых провинциях, за исключением Египта, заменены были прокураторами всаднического сословия. Это произошло в двух Мавританиях, Реции, Норике, Фракии, в *Alpes maritimae* и *Alpes Poeninae*, при Нероне также в *Alpes Cottiae*. Еще при Августе, с 6 г. н. э., имелся прокуратор, как правитель Иудеи; однако эта область составляла часть провинции Сирии, так что прокуратор Иудеи являлся лишь помощником сирийского легата, резиденцией которого была Антиохия.

Провинции не были совершенно лишены средств защиты против злоупотреблений власти. Во все время Империи, от начала до конца, существовали известные обычаи и учреждения, которыми обеспечивались интересы и права провинциального населения. Одним из таких учреждений, возникших в провинциях в период империи, были провинциальные собрания (*concilium provinciae*). Их появление было связано с распространением в провинциях культа императора.

У каждой провинции были свои храмы, посвященные Риму и императору. Для богослужения в таком храме существовал особый жрец, избираемый из самых почтенных людей представителями городов данной провинции. Под его председательством у императорского алтаря раз в год в главном городе провинции собирались представители общин данной провинции и производили здесь двоякого рода действия. Начинали они с жертвоприношений и молитв, которых Рим и император ожидали от их верноподданнических чувств. Все это сопровождалось целым рядом игр и представлений, составлявших существенную часть богослужения. Затем собравшиеся представители рассматривали состояние провинции и производили обзор всех происшествий истекшего года. Они рассуждали о том, следует ли похвалить правителя и императорских чиновников, или же они заслуживают осуждения. Собрание посылало депутации в сенат или к императору по разным делам. Случалось, что надо было осведомить императора о бедствиях, которые постигли провинцию, и просить уменьшения податей или субсидий. Иногда им давалось поручение высказать похвалу правителю провинции. Некоторые проконсулы старались управлять так, чтобы заслужить эту похвалу. Но что было еще более существенно, так это право провинции вос-

пользоваться отправкой своей депутации для того, чтобы возбудить обвинение против правителя в сенате или перед императором. Император всегда отвечал на просьбы провинциалов письменно.

Наместники императорских провинций в надписях обычно имеют титул *legati pro praetore*, но древние авторы, начиная со Светония, если не стремились подчеркнуть тот факт, что эти наместники были агентами императора, обозначали их термином *praeses (provinciarum praesides)* (Suet. Aug. XXIII, Tib. XLII; SHA. v. Prob. XIII; Dig. I. 18, 8; 20, 1, 16). По мере того, как сенатские провинции все более оказывались под контролем императора, этот термин все чаще стал применяться и в отношении наместников этих провинций (Suet. Claud. XVII; SHA. v. Alex. Sev. XLVI; Dig. I. 18, 1). Известный римский юрист периода правления династии Северов Мацер в труде с названием «*De officio praesidis*» («Об обязанностях презида») излагал обязанности всех наместников, не только проконсулов и легатов, но также префектов и прокураторов (Dig. I. 18. 1).

С конца II в. н. э. наблюдается процесс замены сенаторов на постах наместников провинций представителями всаднического сословия. Септимий Север, создав новую провинцию Месопотамию, поставил во главе провинции и двух размещенных в ней легионов не сенаторов, а префектов-всадников.

Эпиграфический материал свидетельствует о том, что в III в. н. э. во главе провинций все чаще оказывается всадник, «действующий вместо презида» (*agens vice praesidis*). Закончилась эта тенденция в правление Галлиена, который полностью отстранил сенаторов от постов наместников пограничных провинций и командных должностей в армии, заменив их всадниками. Однако в «мирных» провинциях, например, в Африке и Азии, во главе провинциальной администрации оставались консуляры.

В середине III в. н. э. полномочия наместников были урезаны вследствие того, что в пограничных провинциях войска отдельных групп провинций были отданы под командование специальных полководцев (*duces*), а наместники сохранили полномочия только в сфере администрации, финансов и юрисдикции.

Включенный в состав римских владений в 31 г. до н. э., еще до разделения провинций на сенатские и императорские, Египет не был объявлен «добычей римского народа», но и не получил позже статус императорской провинцией. Фактически Август сделал его своей личной собственностью и стал наследником бывших владельцев этой страны – Птолемеев. В Египте в целом была сохранена существовавшая при Птолемах система управления. Но подобно тому, как императорскими провинциями Август управлял не лично, а через посредство своих легатов, и в Египте он не стал царем, а поставил во главе

управления префекта из сословия римских всадников (D. C. LIII. 13. 2). Этот префект занял место прежних царей и назывался официально *praefectus Aegypti* (Tac. Hist. II. 74) (без прибавки слова *Augusti*). На протяжении всего периода принципата должность префекта Египта по своему рангу была второй среди всаднических должностей, уступая лишь должности префекта преторианской гвардии.

В руках префекта Египта находилась высшая военная и судебная власть, он был главой финансового управления страной, выполняя функции главного прокуратора императорских провинций (D. C. LVII, 10). О своих действиях префект отчитывался непосредственно перед императором, от милости которого зависел срок его пребывания в должности.

Эти отличия в организации управления страной объясняются особым значением Египта, наиболее важной продовольственной базы Рима. Ежегодно из Египта в Италию вывозилось 200 тыс. модиев хлеба (модий равен 8,65 л). Этот хлеб поступал в раздачу римскому населению. Поэтому тот, кто владел Египтом, мог нарушить снабжение Рима хлебом и оказывать влияние и на политические события¹⁵. Египет имел большое значение как источник папируса и был важен в плане торговых связей с Востоком. Поэтому Август и его преемники держали Египет в своих руках.

Для того чтобы избежать опасности выступления правителя Египта против правящего императора, вплоть до правления Септимия Севера только в Египте командные посты в размещенных на территории Египта римских войсках¹⁶ занимали всадники, а не сенаторы.

Высших финансовых и административных чиновников Египта назначал сам император из числа римских всадников. К их числу принадлежал особый чиновник, носивший название идиолог (*idiologus*). Ему было поручено управление конфискованными имуществами, сбор налогов и пошлин и т. п.; в его же ведении находились особые категории императорских поместий. У него же был ряд функций, связанных с жизнью египетских храмов. Август должен был считаться с влиятельным жречеством в Египте. Назначенный императором *Ἀρχιερεὺς Ἀλεξανδρείας καὶ Αἰγυπτῶν λαῖστος* не был ни верховным жрецом, ни священником; это был чиновник, ведавший всякого рода религиозными делами и учитывавший, прежде всего, доходы различных храмов. Для разбора гражданских дел из числа всадников назначалось особое лицо, называвшееся по-латински *iuridicus*.

В римском Египте было сохранено административное деление территории на округа (*νομοί*). Административными центрами номов были египетские города, называвшиеся метрополиями. Во главе номов стояли номархи (*νόμαρχοι*) из местных уроженцев, назначаемые префектом (Plin. N. H. V. 49), при которых находились эпиграмматев-

сы, распорядившиеся всеми делами. В ведении же эпиграмматевсов были комаграмматевсы, т. е. сельские старосты (или сельские писари), стоявшие над местным сельским населением. Несколько номов были соединены вместе, и во главе них были поставлены эпистратеги. При Птолемах эпистратеги имели военную власть. В римскую эпоху эпистратеги и номархи имели только гражданскую власть.

В отличие от других провинций большая часть египетских городов не имела самоуправления; городами-полисами в греческом смысле этого слова считались лишь три города: Александрия, Навкратис и Птолемаида.

В Александрии во главе управления стояли экзегеты, за экзегетами шли особые городские магистраты – косметы, которые при Августе отесняются на задний план гимназиархом. Делами продовольствия ведали особые должностные лица, носившие название агораномов. Они избирались на особом собрании, в котором принимали участие те, кто имел александрийское гражданство.

Александрийским гражданством пользовалась определенная часть эллинизированных жителей. «Старые поселенцы» и «александрийские граждане» отличались в правовом отношении от других групп: от «македонян», которые при Птолемах занимали привилегированное положение, греков (не александрийцев), не пользовавшихся правами, вольноотпущенников, иудеев, египтян и других. Александрийское гражданство давало известные преимущества: оно занимало третье место после гражданства римского и латинского.

В отличие от большинства других греческих городов в Александрии не было городского совета. В бытность свою в Египте Октавиан принял депутацию от видных александрийских граждан, которые просили его о восстановлении совета, но Август в этой просьбе отказал.

Имели самоуправление и два других греческих города: старинный греческий город Навкратис и основанный Птолемахами город Птолемаида. В каждом из этих городов были герусия, народное собрание и выборные магистраты.

Фискальная политика римского правительства в Египте во многом напоминала политику Птолемея. Римляне стремились лишь упорядочить взимание налогов. Проводилась перепись населения, так называемая лаография, и пересматривались налоги с земель. Большинство налогов в Египте вносилось в натуральной форме. Наряду с теми налогами, которые поступали в пользу государства, при Августе взимались особые нерегулярные налоги, например, хлебный (*frumentum emptum*) для содержания местных войск. Впоследствии же взимание продуктов для содержания местных властей делается систематическим и образует так называемую *annona militaris*.

Территория Италии также занимала особое место среди владений римлян. По мере установления своего господства на Апеннинском полуострове римляне не превращали граждан городских общин Италии в своих подданных, а заключали с этими общинами союзные договоры. Поэтому на протяжении периода Республики и в начале периода Империи официально не существовало должностных лиц или государственных институтов, посредством которых римляне управляли бы Италией или отдельными частями ее территории. Вопросы внутренней жизни городских общин Италии решали органы самоуправления этих общин, они же были призваны обеспечивать выполнение союзнических обязательств данных общин в отношении Рима.

Однако по существу римляне брали под свой контроль отдельные аспекты жизнедеятельности на территории Италии.

Римские власти заботились о состоянии дорог на территории полуострова. *Cura viarum* перешла в руки императорских чиновников в 20 г. до н. э. Забота о каждой большой дороге поручалась императором на неопределенный срок куратору из числа сенаторов. Такой куратор должен был следить за состоянием дороги, организовывал ремонтные работы, давал разрешение на постройки на прилегающей к дороге земле, приказывал сносить строения, возведенные на этой земле без разрешения, решал все спорные дела, имевшие отношение к данной дороге. Ответвления от этих больших дорог поручались прокураторам из числа римских всадников.

В конце I или в начале II в. н. э. (возможно, при Домициане, но более вероятно – в правление Нервы или Траяна) в Италии была учреждена служба по раздаче денег и хлеба свободнорожденным детям (*cura alimentorum*). Ежемесячные раздачи осуществлялись муниципальными властями, но общее руководство в масштабах отдельных регионов принадлежало префектам или прокураторам, а в масштабах всей Италии префекту (*praefectus alimentorum*).

Со времен Веспасиана в Италии появляются императорские кураторы (*curatores*) для наблюдения за положением дел в отдельных городах страны. При императоре Марке Аврелии институт муниципальных кураторов был уже распространен повсеместно в Италии¹⁷.

Римские магистраты и императорские чиновники решали судебные дела, выходявшие за пределы компетенции органов самоуправления городских общин Италии.

Император Адриан назначил четырех судей (*iudices*) для Италии из числа консуляров. Но эта мера продержалась не долго, будучи отменена его преемником Антонином Пием. Напротив, преемник Пия, Марк Аврелий, примерно в 166 г. н. э. вернулся к идее Адриана и снова назначил четырех судей для Италии, получивших название *iuridici*. Назначение этих судей имело, прежде всего, целью облегчить доступ

к суду гражданам, жившим в италийских городах, по таким делам, в которых местные муниципальные власти не были компетентны. Они рассматривали только те дела, которые на их суд добровольно предлагали тяжущиеся италики.

В отличие от консуляров Адриана, юриды Марка Аврелия избирались из числа преториев. В их ведение отдавалось по две-три области Италии каждому, причем эти области комбинировались различно в разных случаях. Юриды решали вопросы, не входившие в компетенцию префектов преторианской гвардии, в основном гражданские дела. В III в. н. э. уголовная юрисдикция на территории Италии была разделена между преторианским префектом и префектом города Рима.

Август разместил в Равенне и Мизене флоты, которыми командовали назначенные им префекты. В ряде пунктов Италии Августом были размещены подразделения войск, которые должны были обеспечивать общественный порядок на территории полуострова. Септимий Север приблизил положение Италии к провинциям тем, что впервые разместил на ее территории один из созданных им легионов (II Parthica).

При Каракалле, когда права римского гражданства распространены были также на провинциалов, в Италии появляется первый *electus ad corrigendum statum Italiae*, с правами, подобными полномочиям провинциальных правителей. Подобно последним, также и корректоры пользовались правом юрисдикции.

Как только корректура Италии превратилась в постоянное учреждение, исчезает должность юридов. В территориальном отношении компетенция корректора распространялась на всю Италию (*corrector totius Italiae*), за исключением Рима. До Аврелиана корректоры назначались не регулярно, после него – регулярно.

Однако, рядом с этим общим правителем италийских общин, уже в III в. н. э. появляются областные корректоры, которые, вероятно, не что иное, как те же *iuridici*, под новым титулом *correctores* и с соответственно расширенной компетенцией. Эти областные корректоры перешли и в период домината, в то время как корректор всей Италии исчез еще в конце III в. н. э.

В конце III в. н. э. Диоклетиан полностью преобразовал административное устройство Римской империи. Ее территория была поделена на 12 диоцезов (*διοικήσεις*), каждый из которых объединял несколько провинций, границы которых были изменены. Провинций всего было 101. На территории Италии Диоклетиан создал 17 провинций (по числу крупных городов). Только город Рим был исключен из системы провинциального управления: во главе его управления стоял городской префект. Во главе диоцезов стояли викарии (*vi-*

carius), находившиеся в подчинении префектов претория (*praefectus praetorio*), которые были помощниками императора. Наместники провинций имели титулы проконсулов, консулов или президов и занимали определенное место в иерархии императорских чиновников.

Примечания

- 1 Термин *provincia* римляне употребляли в двух значениях: 1) сфера действия магистрата, определенная ему решением народа или сената, например, *provincia urbana* – управление делами города, *provincia maritima* – предводительство флотом; 2) всякая покоренная страна вне Италии, управляемая из Рима через наместника.
Этимология этого слова современными историками трактуется неоднозначно: некоторые производят его от глагола *vincere* («преобладать», «превосходить»), другие считают его сокращенной формой существительного *providentia* («заботливость», «предусмотрительность»).
- 2 При обвинении наместника в вымогательстве провинциалы должны были иметь своим представителем и защитником кого-либо из римских сенаторов. Римский сенат, если находил нужным, посылал в провинцию своего следователя и облакал его правом отсылать в Рим свидетелей и изъятые в ходе расследования документы. Если устанавливалось, что наместник несправедным путем приобрел деньги, они у него отбирались и поступали в эрарий Сатурна.
- 3 Об этом очень ярко пишет один из участников данной борьбы Юлий Цезарь (*Caes. B. C. III*): «32. Тем временем со всей провинции без всякой пощады взыскивались наложенные взносы. Для удовлетворения корыстолюбия придумывались и многие другие налоги применительно к различным классам населения. Налагали подушную подать на рабов и свободных, устанавливали пошлины с колонн и дверей, требовали провианта, солдат, оружия, гребцов, метательных машин, повозок; вообще, стоило только подвести что-нибудь под какую-либо рубрику, и этого было уже достаточно для взыскания денег. Не только в города, но почти что во все села и небольшие укрепленные пункты назначались свои особые коменданты, и чем больше грубости и жестокости они проявляли, тем выше их ценили как людей и граждан. Вся провинция была полна ликторов и командиров, битком набита комиссарами и сборщиками, которые, помимо взыскания наложенных денег, заботились и о собственном барыше. Чтобы прикрыть свои гнусные деяния благовидными именами, они любили говорить, что они изгнаны из дома и отечества и потому нуждаются в предметах первой необходимости. Сверх всего этого чрезвычайно возрос процент, как это обыкновенно бывает во время войн при поголовных налогах; при таких обстоятельствах на отсрочку платежа смотрели

как на подарок. Поэтому задолженность провинции за эти два года очень увеличилась. И тем не менее требовались даже и с римских граждан определенные денежные суммы, которые, впрочем, взымались не с отдельных лиц, но с корпораций и городов, причем это прикрывалось заявлением, что деньги берутся по постановлению сената только взаимно. Откупщики, как это было и в Сирии, должны были заимообразно уплатить аренду за год вперед».

4 Так, по сообщению Светония (Caes. XXII), Юлий Цезарь «при поддержке зятя и тестя выбрал себе в управление из всех провинций Галлию, которая своими богатыми возможностями и благоприятной обстановкой сулила ему триумфы. Сначала он получил по Ватиниеву закону только Цизальпинскую Галлию с прилежащим Иллириком, но вскоре сенат прибавил ему и Косматую Галлию: сенаторы боялись, что в случае их отказа он получит ее от народа».

5 Данные Т. Ливия говорят о том, что после II Пунической войны пропреторы имели двух легатов, а проконсулы трех. Позже были случаи, когда при проконсулах было пять легатов, а при пропреторах три. Помпей по lex Gabinia 67 г. до н. э. для борьбы с пиратами имел 25 легатов (Plu. Pomp. XXV; App. Mith. XCIV), а Цезарь по lex Pompeia-Licinia 55 г. до н. э. – 10. В период Империи было правилом, чтобы проконсул имел трех легатов (legatus proconsulis pro praetore), а пропретор одного (D. C. LIII. 14).

6 Светоний рассказывает (Caes. VII), что статую Александра Македонского в Гадесе Юлий Цезарь увидел, будучи квестором в Дальней Испании и «по поручению претора объезжая для судопроизводства общинные собрания».

7 Светоний с осуждением сообщает (Caes. XVIII), что Юлий Цезарь, получив после претуры по жребию провинцию Дальнюю Испанию «уехал в провинцию, не дождавшись, вопреки законам и обычаям, распоряжений и средств».

8 Ульпиан формулирует эту задачу наместника следующим образом (Dig. I. tit. XVIII. 13): «Хороший и серьезный презес должен заботиться о том, чтобы та провинция, которой он управляет, была мирной и спокойной. Этого он без труда достигнет, если будет заботиться о том, чтобы в провинции не было дурных людей и чтобы они преследовались; он должен преследовать святотатцев, грабителей, похитителей людей и воров и наказывать за то, что каждый (из них) совершит; бороться и с укрывателями этих лиц, так как без содействия укрывателей грабитель не может долго скрываться».

9 Термином *conventus* изначально у римлян обозначалось любое собрание людей для определенной цели. Когда же завоеванные земли римляне преобразовали в провинции, этот термин стал применяться для обозначения собраний провинциалов в определенных наместни-

ком провинции городах для осуществления судопроизводства (Cic. in Verr. II. 20, 48; IV. 29, 67; Cic. Fam. XV. 4; Caes. B. C. II. 21). С целью облегчения управления провинциями их территория делилась на округа, которые назывались *conventus*, *forum* или *iurisdictio* (Cic. in Verr. II. 26, 63; V. 11, 28; Plin. Ep. X. 5).

10 Светоний подчеркивает (Caes. XVIII), что Цезарь покинул свою провинцию и устремился в Рим искать триумфа и консульства «не дожидаясь преемника».

11 Светоний пишет (Aug. XLVII): «Из провинций он взял на себя те, которые были значительнее и управлять которыми годичным наместникам было трудно и небезопасно; остальные он отдал в управление проконсулам по жребию».

12 Размер жалованья колебался в зависимости от ранга наместника (D. C. LIII. 15), но точная информация о нем отсутствует. Дион Кассий пишет (LXXVIII. 22), что во времена Макрина наместник получал один миллион сестерциев. Однако его сведения не вполне ясны.

13 Ульпиан указывает (Dig. I. tit. XVI. 9): «Нет ничего в провинции, что не входило бы в круг дел проконсула. Конечно, если имеется денежное дело, относящееся к фиску, которое входит в компетенцию прокуратора принцепса (*procurator principis*), то проконсул поступит правильнее, если воздержится (от рассмотрения этого дела)».

14 Подчиненное командование несовместимо с идеей проконсульского империя. Этим империем может обладать претор — в эпоху Республики или в эпоху Империи, если направлен управлять одной из меньших сенатских провинций, — но ни в коем случае не тогда, когда отправляется в качестве подчиненного другого должностного лица. По этой причине консуляры, управлявшие императорскими провинциями, никогда не назывались проконсулами, но только легатами-пропреторами, ибо их командование не было независимым.

15 По свидетельству Тацита (Annal. II. 59), «Август наряду с прочими тайными распоряжениями во время своего правления, запретив сенаторам и виднейшим из всадников приезжать в Египет без его разрешения, преградил в него доступ, дабы кто-нибудь, захватив эту провинцию и ключи к ней на суше и на море и удерживая ее любыми ничтожно малыми силами против огромного войска, не обрек Италию голоду».

16 При Августе в Египте оставались расположенные еще Цезарем три легиона (Suet. Caes. LXXVI). Но в 23 г. н. э. гарнизон Египта включал только два легиона (Tac. Annal. IV. 5). Вероятно, Германик, в 19 г. н. э., переместил оттуда XII-й легион в Сирию. Со времен Траяна под начальством египетского префекта находился лишь один легион.

17 Подробнее о деятельности кураторов см. ниже.

ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ОБЩИНАХ

В специальной литературе встречается мысль о том, что если представить территорию римского государства в виде мозаики, то камешками, из которых эта мозаика была сложена, являлись города с прилежавшими к ним земельными владениями их граждан.

Действительно, римская цивилизация может быть охарактеризована как городская. По мнению некоторых современных историков, господство римлян над завоеванными территориями базировалось скорее не на организации провинций с их администрацией, а на системе городских общин с их самоуправлением. В процессе распространения своего господства на Италию и все Средиземноморье римляне не только сохраняли уже существовавшие в этом регионе города, но и сами основывали многие новые «поселения городского типа». Степень «романизации» той или иной части римских владений проявлялась и в том, насколько в ней распространились города, властные структуры которых обеспечивали на ее территории мир и спокойствие и надлежащее повиновение ее населения римской администрации.

В результате в период наибольшего территориального расширения Римской империи под власть Рима находились тысячи городов¹.

Следует отметить, что между городами западной и восточной частей римского государства было большое различие. Состояло оно, прежде всего, в обстоятельствах возникновения городов. В восточной части города существовали на протяжении сотен лет до установления здесь римского господства. Основанные преимущественно греками, они имели древние традиции самоуправления, в них была отлажена система органов самоуправления. Римлянам оставалось только приспособить эти органы к организации эффективной эксплуатации природных и людских ресурсов подвластных территорий.

На Западе, за исключением территории Италии, многие города строились самими римлянами. Часть новых городов здесь возникала в связи с необходимостью предоставления земельных участков рим-

ским гражданам за пределами Италии. В этом случае решение об основании города принималось римским сенатом и комициями. Основание новых городов в провинциях и предоставление городского права местному населению производилось наместниками, которые в императорское время основывали города по рекомендации императора.

И во времена поздней Республики и в период принципата подвластные римлянам города различались между собой по размерам их территории, по численности населения. Города Италии, за исключением Рима, были небольшие – 2000–6000 жителей. На Востоке в таких мегаполисах, как Александрия или Антиохия, проживали сотни тысяч человек, но это были исключения из правила.

Жители городов занимались не только ремеслом и торговлей. Главным богатством горожан римского государства была земля, участки которой на относящейся к городу сельской территории были собственностью граждан городских общин. По своему функциональному признаку провинциальные города разделялись на портовые, торговые, курорты, военные резиденции, святилища и т. д.

В зависимости от размера и функционального предназначения городов для обозначения понятия «город» римляне применяли целый ряд терминов: *urbs*, *oppidum*, *municipium*, *colonia*, *praefectura*, *forum*, *conciliabulum*, *vicus*, *castellum*, *territorium*, *locus* и др.²

Для обозначения коллектива граждан города, общины, употреблялись термины *populus* и *civitas*.

В основе «иерархии» подвластных Риму городов лежал их правовой статус. В зависимости от статуса города его граждане обладали равным с римлянами или урезанным объемом прав, были обязаны служить в том или ином роде войск римских вооруженных сил, на определенных условиях пользовались землей, выплачивали в пользу Рима подати и отбывали повинности или освобождались от них (полностью или частично).

Статус города сказывался на политическом строе подчиненных римлянам общин, определял степень вмешательства римских властей в Италию и в провинциях во внутреннюю жизнь этих общин. В провинциях статус отдельных городских общин фиксировался в законе провинции (*lex provinciae*). Римская провинциальная администрация строила свои отношения с органами власти этих городов с учетом их статуса.

По их статусу среди городов римского государства можно выделить следующие разряды: колонии римских граждан (*coloniae civium Romanorum*), муниципии (*municipia civium Romanorum*, среди которых были общины с полным римским гражданством, *civitates cum suffragio* и с неполным римским гражданством, *civitates sine suffragio*), колонии латинских граждан (*coloniae civium Latinum*, при

этом одни из них были общинами более высокого ранга, *latium maius*, другие – более низкого, *latium minus*), союзные города (*civitates foederatae*), префектуры (*praefecturae*), свободные и независимые общины (*civitates liberae et immunes*) метрополии (*metropolis*) провинций, податные общины (*civitates stipendiariae*)³.

Римляне могли менять правовые статусы городов: податные города становились колониями и муниципиями с правами полного римского или латинского гражданства и, наоборот, некоторые города за непокорность понижались в статусе или вообще лишались автономии. С помощью такой политики «разделяй и властвуй» (*divide et impera*) римляне добивались того, что граждане городов вместо того, чтобы совместными усилиями бороться против власти завоевателей, соперничали друг с другом и стремились заслужить у римлян повышения статуса своего города. «Наставления о государственных делах» Плутарха отчетливо свидетельствуют о том, что главная забота городских властей на подвлатных Риму территориях сводилась к тому, чтобы их родина «была послушна высшей власти». Плутарх призывал подданных Рима, занимавших выборные магистратуры в городах, не забывать о «римском сапоге над головой» (XVII).

В связи с событиями Союзнической войны римляне пошли на предоставление прав римского гражданства всем муниципалам (гражданам муниципиев) Италии. Законом Юлия Цезаря о муниципии (*lex Julia municipalis*) 45 г. до н. э. все муниципалы приравнивались в правах к римлянам, а система самоуправления муниципиев Италии унифицировалась по римскому образцу. По эдикту Каракаллы (212 н. э.) права римского гражданства были распространены на всё свободное население империи, а все города обращены в муниципии.

Городские общины римских граждан в общественной жизни руководствовались нормами римского права, общины, граждане которых не обладали римским гражданством, могли руководствоваться своим правом. В сфере судопроизводства отношения между истцом и ответчиком в провинциальных городах могли решаться органами местного самоуправления или же судьей, назначенным наместником провинции. *Lex Julia municipalis* устанавливал, что в гражданских делах муниципальный магистрат мог решать дела, сумма иска в которых не превышала 15 000 сестерциев. Санкция наместника провинции требовалась в вопросах отпуска рабов на свободу, усыновления. В сфере уголовного судопроизводства органы городского самоуправления рассматривали преступления, за которые могло быть вынесено наказание вплоть до смертной казни. Но если обвиняемый был римским гражданином, его дело предавалось на рассмотрение властями Рима.

Римляне были заинтересованы в существовании и нормальном функционировании органов городского самоуправления, поскольку

ку они освобождали завоевателей от необходимости вникать во все мелочи повседневной жизни подвлатных Риму общин, позволяли не расходовать средства государственной казны на содержание большого штата чиновников, которые бы управляли множеством городов в Италии и провинциях, организовывали отбывание повинностей и сбор налогов с жителей городов и прилегавших к ним территорий.

Римляне не изменили внутренней структуры городов, но они по своему произволу перекраивали городские территории, изымая их из-под власти одних полисов и передавая другим. В вопросы местного самоуправления римляне вмешивались редко – когда затрагивались их интересы (городские власти должны были согласовывать вопросы о принятии новых законов, даже если они касались только внутренней жизни городской общины, о строительстве общественных сооружений, которое требовало расходования больших денежных сумм из казны города, и т. п.), но в этих случаях они не считались ни с местными органами, ни с местными правовыми традициями. Самоуправление городов ограничивалось финансово-экономическими вопросами, дарованием местных гражданских прав, предоставлением почестей.

В Западном Средиземноморье городское самоуправление строилось по образцу системы управления города Рима. На Востоке римляне сохраняли те органы, которые существовали в греческих городских общинах уже не одно столетие. В провинциях организация самоуправления конкретных городских общин определялась содержанием закона провинции (*lex provinciae*) и сложившейся в каждом городе традиции, если она не противоречила интересам завоевателей. На практике же местная администрация римских и неримских городов различалась не очень сильно.

На римском Западе основными институтами городского самоуправления были народное собрание, сенат и магистратуры. На Востоке по существу функционировали такие же институты, но называвшиеся, естественно, по-гречески.

Народное собрание всех граждан данной общины, организованное по местным куриям (собрание курий) или трибам, если оно существовало как орган городского самоуправления, было высшим органом власти городской общины. На нем избирались магистраты, принимались законы, решались общие вопросы местной жизни. По мере того, как комиции в Риме теряли свое значение и прекращали свое функционирование, и в городах империи этот орган отживал, а его функции, как и в Риме, переходили к другим учреждениям (к совету и магистратам). Уже во II в. н. э. народные собрания в городах потеряли всякое политическое значение и созывались почти исключительно для выборов местных магистратов.

Во время римского господства как в муниципиях, колониях и префектурах, так и в провинциальных городах Востока и Запада, существовал совет города, наподобие римского сената, с аналогичными функциями. Обыкновенное его название было *ordo decurionum* (чаще, чем *senatus*), *ordo* или *curia* (в греческих городах – буле); члены совета назывались *decuriones*, позднее – *curiales*. В некоторых западных городах членов совета, подражая Риму, называли *patres et conscripti* или *decuriones conscriptique*. Число членов совета было различно. Оно фиксировалось в «конституции» (*lex municipii*) каждого города. В городах римского Запада чаще всего совет состоял из 100 чел., на Востоке – несколько больше. Были города, в которых число членов совета достигало 450, а в некоторых их было всего 30.

Право быть членом совета предоставлялось гражданам города, обладавшим определенным имущественным цензом (который колебался в зависимости от экономического состояния города, Плиний Младший называет (Ep. I. 19) сумму в 100 тыс. сестерциев). Граждане, привлекавшиеся к суду за уголовные преступления, нарушавшие нормы морали, занимавшие непрестижные должности (*praesones*, *designatores*, *libitinarii* (гробовщики)), не имели права быть избранными в совет (Dig. L. 2. 12). Вольноотпущенники также не могли быть членами совета, но за особые заслуги перед городской общиной они по решению совета могли быть награждены *ornamenta decurionalia*. Членство в совете было пожизненным. Если состав совета был неполным, производились довыборы совета (Dig. L. 2. 1. 6. 5; Fronto. Epist. ad amic. II. 10). С принятием *lex Iulia municipalis* пополнение состава совета становится компетенцией высшего магистрата, имевшего титул *quinquennales*. Он мог исключить из списка некоторых членов совета по тем же причинам, по которым цензоры ставили вопрос о членстве в римском сенате. Совет пополнялся или сыновьями декурионов или достойными гражданами.

Каждый член совета занимал место в списке совета (*album decurionum*) в соответствии со своим общественным положением, должностью и возрастом (во главе списка находились имена римских сенаторов или всадников, которые были патронами города, затем шли имена бывших и действующих магистратов города (в порядке иерархии выборных должностей), в конце списка ставились имена тех членов совета, которые еще не отбывали выборных должностей, и имена сыновей декурионов, которым выборные должности не были доступны по причине молодого возраста (до правления Августа возрастной ценз для декурионов равнялся 30 годам, Август понизил его до 25 лет)).

Среди членов совета на особом положении находились декурионы, занимавшие в его списке первые десять мест (*decem primi* или *principes*)⁴.

Председателем совета был декурион, возглавлявший список его членов (*primus principalis*).

Функции городских советов были во многом схожи с функциями римского сената. Они действовали как совещательный орган и принимали резолюции, обязательные для выполнения городскими магистратами. Вместе с муниципальными магистратами декурионы заботились о поддержании общественного порядка в городе и его округе, помогали магистратам вершить суд по не особенно крупным делам, входившим в их компетенцию, распоряжались муниципальной казной и имуществом (принадлежавшими муниципию землями и зданиями, обычно сдававшимися в аренду), контролировали поступление муниципальных податей и распределение и выполнение повинностей, отвечали за городское благоустройство и строительство муниципальных дорог, следили за порядком на рынках и за снабжением горожан хлебом, пресекая спекуляцию продовольствием, чтобы не допускать голодных бунтов.

В их ведении были культы богов-покровителей муниципия. Они организовывали общественные священнодействия и посвященные богам празднества, следили за строительством и ремонтом их храмов и святилищ, выделяли средства на отправление их культа.

Свои многочисленные обязанности декурионы выполняли безвозмездно. Более того, поскольку зачисление в курию или выборы в магистраты рассматривались как дарованные согражданами честь и почет, они должны были в виде ответной благодарности внести немалую сумму денег в муниципальную казну (эта *summa honoraria* вначале была добровольной, а потом стала обязательной), устроить за свой счет раздачи согражданам, организовать общественные празднества или обеспечить почет и влияние у своих сограждан и удостоиться статуи на городском форуме или почетных похорон за общественный счет, готовы были пожертвовать гораздо более крупные суммы, чем были обязаны.

Со II в. н. э. роль и характер городских советов подвергаются существенным изменениям. Римляне фактически возлагают на декурионов обязанности сборщиков налогов с граждан их общин. Декурионы, прежде всего *decem primi*, несут материальную ответственность за поступление в казну налогов с городов в полном объеме. Недоимки куриалы возмещали из собственных средств. У состоятельных граждан городов пропадает желание быть членами совета, поэтому совет пополняется не путем выборов, а посредством принудительного включения в его состав богатых граждан города. Членство в совете по существу становится наследственным.

Институт декурионов был тесно связан с городской магистратурой, поскольку все магистраты избирались советом, и магистратом мог стать только член совета (Dig. L. 2. 7. 2).

Городские магистраты в западной и восточной частях римских владений имели разные титулы, но их полномочия и сфера деятельности были примерно одинаковыми.

В Италии и в целом на римском Западе система магистратур выстраивалась по образцу магистратур города Рима. Пока в городах функционировало народное собрание, магистратов выбирал народ. Позже их выборы осуществлялись советом города. С течением времени исполнение магистратских обязанностей все меньше привлекало декурионов. Уже в I в. н. э. распространяется такая практика, когда при выборах магистратов города не находится достаточного количества претендентов. Тогда магистрат прошедшего года называл достойных кандидатов по своему выбору, а народное собрание или совет их утверждали. Обычно городскую магистратуру занимали только один раз. Если же не было кандидатов, то можно было привлечь гражданина города к занятию магистратуры и повторно, но не менее чем через пять лет. Интервал между занятием разных магистратур составлял три года. Нельзя было быть магистратом сразу в двух городах. Если возникала проблема выбора, то отдавали предпочтение родному городу.

Высшую административную и судебную власть в городе осуществляла коллегия из четырех человек, кваттуорвиров (*quattuorviri*, IV *vir*). Она подразделялась на две коллегии по два магистрата – II *vir* *iure dicundo* и II *vir* *aediliciae potestatis*.

II *vir* *iure dicundo* имели право созывать народное собрание и совет и председательствовать на их заседаниях. Они руководили проведением городских игр и праздников. Подобно тому, как в Риме год получал название по именам консулов, в городах эти магистраты также были эпонимами. Они осуществляли гражданскую и уголовную юрисдикцию (в определенных пределах). Вместе с советом они курировали расходы из городской казны. В пределах территории города они носили тогу претексту, их сопровождали два ликтора с факсами (без топоров)⁵.

Раз в пять лет эти магистраты выполняли обязанности цензоров (производили ревизию списков муниципальных граждан, совета, определяли расходы средств городской казны на последующие пять лет) и имели в этом году титул II *vir* *quinquennales censoria potestate* (или просто *quinquennales*) (Plin. Ep. X. 83. 113; SHA. v. Nadr. XIX).

В период Империи правящий император или член правящей фамилии оказывали честь какому-либо городу и разрешали властям этого города избрать себя в городские магистраты⁶. Конечно, он не мог быть коллегой гражданина этого города и не исполнял магистратские обязанности. В этом случае вместо II *vir* *iure dicundo* действовал *praefectus* (как в Риме префект руководил жизнью города в отсутствие консулов).

II *vir* *aediliciae potestatis* заботились о снабжении города хлебом, следили за общественным порядком в городе, занимались устройством общественных игр, осуществляли контроль над правильностью мер и весов на рынках, за состоянием общественных зданий, дорог, чистотой улиц города, в случае необходимости занимались сбором средств для строительства и ремонта общественных зданий. В сфере своей деятельности они могли обладать и определенной юрисдикцией.

Города имели свою казну (*aerarium*)⁷, находившуюся в ведении квесторов или эрариев (двоих, избираемых сроком на год). Иногда для заведывания казной избирали третьего эдила (Cic. Att. XV. 1. 5, 1).

В греческих городах действовали такие же учреждения, но в них было больше выборных должностных лиц, с более конкретной сферой деятельности.

По мере развития императорской власти имперское правительство стремилось взять под опеку городские управления провинциальных городов, включая и *civitates liberae*, регулировать и контролировать муниципальные финансы. С этой целью в города присылались из центра чиновники – кураторы. Веспасиан первым начал назначать императорских кураторов для наблюдения за общественными постройками в муниципиях (*curatores operum publicorum*). Со времен Траяна встречаются кураторы для наблюдения за долговыми обязательствами муниципиев (*curatores Kalendarii*). Тогда же появляется уже общий титул *curator rei publicae*, в котором под *res publica* понималось городское хозяйство. Представитель центральной власти в городах (*curator civitatis* или *rei publicae*, в греческих городах они назывались *logistes*), как правило, не был уроженцем города, которым управлял. Они не заменяли собой городских магистратов, а должны были корректировать их деятельность и помогать им в судопроизводстве и рассмотрении разных спорных вопросов.

В надписях муниципальные кураторы чаще всего упоминаются в связи с тем, что они давали разрешение на занятие городского участка земли в данной общине, как это требовалось и в Риме со стороны тамошних *curatores operum publicorum*. Но в сравнении со столичными кураторами, компетенция муниципальных кураторов уже в середине II в. н. э. была гораздо шире, так как, например, даже проектируемые изменения в порядках местного самоуправления должны были представляться на их усмотрение. Из этого следует, что кураторам городов принадлежал тогда не только контроль над городским хозяйством, но уже и общее наблюдение за всеми делами вверенных им муниципиев. Муниципальные кураторы, по одному для каждого города, назначались императором на неопределенный срок, как и вообще все императорские чиновники. На должности *curatores rei publicae* император назначал бывших квесторов, или людей из всад-

нического сословия, или представителей знати соседних городов из сословия декурионов.

При императоре Марке Аврелии институт муниципальных кураторов был уже распространен повсеместно в Италии. С этого же времени городская куратура является уже на положении постоянной должности, переходившей от предшественника к преемнику. Кураторы имели соответствующую их компетенции юрисдикцию, разрешая споры, возникавшие между общиной и отдельными ее гражданами, с соблюдением права апелляции к императорскому суду. Уголовной юрисдикции у кураторов не было.

Начиная с правления Траяна, центральная власть напрямую вмешивалась в управление общин посредством особых чиновников, которые назначались сначала лишь в чрезвычайных случаях и назывались *legati Augusti* (или *quinquefascales*) *ad corrigendum statum civitatum liberarum*. Но уже во II в. н. э. становится обычным, что император посылает в сенатские провинции (такие, как Ахайя, Азия, Вифиния-Понт) так называемых корректоров (*correctores*)⁸, которые должны были курировать сначала управление «свободных общин» (*civitates liberae*), не подлежащих власти наместников провинций. В первую очередь, они осуществляли контроль над финансами городов. В отличие от кураторов, корректоры назначались не для одного города, а для групп городов. Они назначались лично императором и были подотчетны ему, а не наместнику провинции. Вероятно, появление этих представителей центральной власти в провинциях было связано с тем, что со II в. н. э. экономическое положение многих городских общин все более ухудшалось, «проблемных» городов стало так много, что один наместник провинции уже был не в состоянии вовремя исправить положение.

Формой организации мелких земледельцев, не являвшихся гражданами городских общин и не проживавших в городах, являлись сельские общины. В республиканское время они располагались на городских, государственных и частных землях. Соответственно органы самоуправления этих общин были подотчетны городской или провинциальной администрации. В Италии уже в раннеимператорское время вся земля была приписана к городам, поэтому сельские общины здесь размещались на городских землях. Но в провинциях сохранились свободные крестьянские организации. Особенно много самоуправляющихся сел было на окраинах римских владений, в частности, в придунайских провинциях. Поселения сельского типа в северных римских провинциях либо являлись наследием доримской организации местных племен, либо были образованы заново в римский период как сельские округа на территории городов. В восточных провинциях в деревнях сохранились земли святилищ, которые

обрабатывались общинниками или сдавались им в аренду. Доходы с этих земель находились в распоряжении всей общины. Римляне использовали традиции храмовых деревень: были общины, специально обслуживавшие императорский культ.

В сельской общине каждый общинник вел свое частное хозяйство силами своей семьи – большой патриархальной или индивидуальной. Пахотная земля делилась на наделы. В одних областях участки пахотной земли распределялись по жребию и время от времени производились их переделы; в других уже установилась частная собственность общинников на пахотные наделы. Общинные угодья (леса, пастбища, охотничьи места, водные источники, дороги и т. п.) оставались в коллективном владении всех общинников. В коллективной собственности и совместном владении всей общины могли находиться также различные сооружения, например, храмы, оросительные и осушительные устройства, казна, рабы.

Любая сельская община, на чьей бы земле она ни размещалась, ведала распределением земли, организовывала совместные ирригационные работы и взаимопомощь, принимала новых членов и наделяла их участками, раскладывала и собирала подати, выставяла рекрутов в отряды местного ополчения, могла освобождать некоторых своих членов от уплаты налогов за ту или иную службу общине.

Сельская община уже не была организацией свободных граждан, а все более превращалась в фискальную единицу для подчинения и эксплуатации той части трудящихся, которая не являлась собственно рабами, несла коллективную ответственность перед стоявшими над ней властями за соблюдение закона и спокойствия на своей территории, уплату надлежащих налогов и отбывание повинностей гражданами общины. Государство было заинтересовано в существовании общин.

При попытках выяснения вопроса об организации самоуправления сельских общин по причине крайней скудости сведений источников трудно говорить что-то конкретное с большой степенью уверенности в том, что отдельные институты, существовавшие в той или иной части римских владений, существовали или были распространены в такой же степени и в других частях.

В трудах античных авторов и в текстах надписей встречаются упоминания о разных типах сельских общин. В западной части римских владений они называются пагами (*pagus*) и виками (*vicus*), на римском Востоке – катойкиями и комами. Принято считать, что паги и катойкии были более обширными по территории и более многочисленными, чем вики и комы.

Термин паг (*pagus*) мог быть употреблен для обозначения и сельской общины с самоуправлением, и сельского округа и большого посе-

ления деревенского типа. Еще в царский период паги у римлян имели свои органы управления. Дионисий Галикарнасский сообщает (II. 76), что Нума Помпилий учредил должность ежегодно избираемых управителей пагов (*πάγων ἀρχοντας*, *magistri pagorum*) с жреческими функциями. Но кроме вопросов религиозной жизни, эти должностные лица должны были осуществлять на территории пага полицейскую власть, заниматься вопросами местной жизни, например, следить за состоянием дорог, за водоснабжением жителей пага. Можно предположить, что такие управители пагов существовали в тех частях римских владений, где существовали сельские общины, как в республиканское время, так и в эпоху принципата. При этом функции их в разных частях римского государства, видимо, во многом совпадали, а название их должности могло быть самым разным. Например, в придунайских провинциях они имели титул префекта (*praefectus*). Наряду с префектами в общинах существовали и другие должностные лица (например, эдилы). Все вместе магистраты пага составляли коллегию. Кроме магистратов, в пагах существовали советы общин пагов, которые могли мобилизовывать жителей пагов на выполнение общественных работ (строительство храмов, крытых рынков и т. п.). Властные структуры пагов наблюдали за земельным фондом и денежными кассами пагов, поставками леса и провианта римским войскам, заботились о божестве – покровителе городов и общин пагов.

Термин *вик* (*vicus*) также трактуется неоднозначно. Его применяли для обозначения нескольких находящихся в непосредственной близости друг от друга домов. У римлян этот термин был применим для обозначения небольших городов. В больших городах этим термином обозначались отдельные их части (кварталы или «микрорайоны»⁹ или даже улицы¹⁰).

В сельской местности *виками* на римском Западе назывались также небольшие по территории села с их земельными владениями.

Относительно институтов самоуправления сельских общин имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства источников позволяют предполагать, что в них функционировал такой орган как общее собрание общинников. Граждан этих общин объединяла в коллектив ответственность перед вышестоящими властями (городскими или провинциальными) за соблюдение установленных норм жизни и выполнение возложенных на них обязательств. Так, Иосиф Флавий рассказывает (VI. II. 12. 1), что когда разбойники напали на груз императорского слуги и разграбили его, наместник Иудеи подверг наказанию жителей ближайших деревень «за то, что они не преследовали и не задержали разбойников».

Можно с уверенностью предполагать, что отдельные вопросы регулирования отношений внутри коллектива *виков*, как и в пагах, воз-

лагались на избираемых гражданами общин должностных лиц. При этом, вероятно, на эти должности избирались люди состоятельные и авторитетные. В случае затруднений с избранием этих должностных лиц вышестоящие инстанции, видимо, принуждали соответствующих граждан общин к тому, чтобы органы общинного самоуправления нормально функционировали.

В целом органы самоуправления сельских общин, как на римском Западе, так и на Востоке, были призваны регулировать отношения между гражданами общины, отношения с соседними сельскими общинами, отвечали перед вышестоящими властями (города или провинции) за мир и спокойствие на территории общины и выполнение гражданами общины установленных для них римскими властями обязательств. Конечно, римляне были заинтересованы в сохранении общинного устройства и органы местного городского самоуправления на территории римских владений сохранялись, возможно, и претерпевая некоторые изменения, и в период принципата, и в более поздние времена.

Примечания

- 1 По подсчетам Т. Моммзена, в период принципата в Римской империи всего было 5627 городов, 500 из которых находилось в провинции Азии. Общее число городов Италии в I в. н. э. составляло около 1200.
- 2 Характеристика каждого типа городских поселений может быть темой специального исследования.
- 3 Статус города определял объем прав и обязанностей граждан городской общины. Вопрос о том, чем отличалось положение граждан разных разрядов городов, довольно хорошо освещен в специальной литературе, но мы не можем, по причине ограниченности во времени, рассматривать его в данном спецкурсе.
- 4 В некоторых городах это были шесть, семь или 15 членов совета.
- 5 Эти фаски внешне отличались от фасок, которые имели ликторы римских магистратов, и назывались *virgae* или *bacilli* (Cic. de Leg. Agr. II. 3. 4, 93; ad Att. XI. 6, 2.).
- 6 Например, автор жизнеописания Адриана сообщает (SHA. v. Hadr. XIX), что «будучи императором, он исполнял должность пре тора в Этрурии. В городах Лация он был диктатором, эдилом и дуумвиром, <...> в Афинах – архонтом».

- 7 Городские финансы пополнялись главным образом за счет пожертвований почетных граждан, а также за счет сдачи в аренду городских земель и всяческих пошлин. На эти средства строились новые здания, устраивались рынки, ставились статуи, благоустраивались улицы, распределялись продукты и деньги среди населения, устраивался пенсионный фонд и т. д.
- 8 В источниках титул *corrector* появляется только во времена Диоклетиана. Раньше для обозначения этой должности применялся латинский термин *legatus*, которому на Востоке соответствовал термин *eranorthotes*. *Legati=correctores* были из сенаторского сословия и обладали широкими полномочиями, делегируемыми им императором.
- 9 Когда Август в 8 г. до н. э. поделил территорию города Рима на 14 районов, каждый из этих районов был подразделен на вики (*Suet. Aug. XXX; Dio Cass. LV. 8*). Управляли этими виками *vicomagistri* (по четыре в каждой вике), избравшиеся жителями вика из числа преимущественно вольноотпущенников (*CIL. VI. 975*). Количество вигов в отдельных районах было разным, всего же в городе при Августе их было 265 (*Plin. N. H. III. 66*). Адриан установил, что в каждом районе Рима должно быть 48 управителей вигов, и это их количество сохранялось и во времена Константина.
- 10 См.: *Varro. L. L. V. 145: «In oppido vici a via, quod ex utraque parte viae sunt aedificia».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение примерно пяти столетий государственное устройство римлян претерпело существенные преобразования. Менялась и структура системы органов власти, и место отдельных элементов в данной структуре, и объем полномочий каждого учреждения или института власти. С одной стороны, государственный строй римлян менялся под влиянием явлений их экономической жизни, событий политической истории, изменений в мировоззрении и менталитете римских граждан. С другой стороны, эволюция государственного строя сказывалась на ускорении или замедлении процессов, происходивших в других сферах жизни древних римлян. На наш взгляд, к началу этого продолжительного периода времени у римлян сложился такой государственный строй, при котором римские граждане осознавали себя единым коллективом (пусть внутри этого коллектива и присутствовали определенные противоречия), каждый из членов которого, по большому счету, общие интересы ставил (сознательно или вынуждено) выше личных. Это была именно *res publica*, т. е. «общее дело». К концу же рассматриваемого нами периода это государство перестало быть не только государством римских граждан (поскольку граждане из полноправных участников управления государством превратились в подданных этого государства), но и римским (это было не государство граждан общины города Рима, а сам Рим перестал быть столицей этого государства).

В конце изложения истории отдельных учреждений государственной власти древних римлян в тексте пособия мы сознательно не формулировали собственные выводы по поводу исторической судьбы данных учреждений. На наш взгляд, такие выводы уместны в учебных лекциях, а данные материалы, как уже отмечалось, — это не лекции, а дополнение к ним.

СЛОВАРЬ ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Abdicatio (отречение, отказ) – досрочное прекращение магистратом выполнения служебных полномочий по собственной инициативе.

Abrogatio (отмена) – отстранение выборного должностного лица от должности.

Absentia (отсутствие) – пропуск сенаторами заседаний сената.

Accensi (состоящие при к.-л.) – служители магистратов, сопровождавшие их и выполнявшие различные их поручения.

Acclamationes (крики, возгласы, восклицания) – крики одобрения на заседаниях сената (обычно по поводу предложений правящего императора).

Ademptio equi – лишение всадника общественного коня, вид наказания римского гражданина вследствие замечания цензора.

Adnotatio (приписка, примечание) – замечание, которое император писал на прошении, чтобы выразить свое согласие или отказ.

Adoratio (подход, приближение) – торжественное выражение почтения к богам и людям.

Aerarii – низшая категория римских граждан. Они не голосовали и не избирались на должности, не служили в легионах, облагались не налогами по цензу, но подушной податью, устанавливаемой по произволу цензоров. Цензоры переводили граждан других категорий в эрарии в виде наказания.

Aerarium – эрарий, располагавшаяся в храме Сатурна на Капитолийском холме и находившаяся в ведении сената государственная казна римлян.

Aerarium militare – военная казна, предназначенная для выплаты денежного пособия воинам римской армии при их выходе в отставку.

Album – выставленная в общественных местах выбеленная доска, на которой записывались предназначенная к сведению римских граждан информация (дата и повестка дня народного собрания, текст преторского эдикта и т. п.).

Album decurionum – список членов городского совета (декурионов).

Album senatorium – список членов римского сената.

Alio die (в другой день) – формула обнуниции.

Allectio (назначение) – причисление (решением императора) к определенному разряду бывших магистратов (консуляров, преториев и т. д.) без отбывания магистратуры.

Ambitus (обход по очереди) – действия претендента на магистратуру с целью расположить избирателей в его пользу.

Apparitores – низшие технические служащие, состоявшие при магистратах.

Appellatio (обращение, воззвание) – жалоба римского гражданина на действия магистрата, обращенная к равному или к высшему магистрату.

Aquae et ignis interdictio (запрет воды и огня) – лишение всех гражданских прав, изгнание римского гражданина за пределы римских владений с конфискацией имущества или без.

Arrogatio – торжественное усыновление совершеннолетнего лица римским гражданином, получение им отеческой власти (*patria potestas*) над усыновленным.

Auctoritas senatus – 1) право сената давать предварительно свое согласие на внесение в народное собрание магистратом проекта закона или отказывать в этом согласии; 2) решение сената, не вступавшее в силу по причине интерцессии плебейского трибуна или магистрата высшего или равного ранга с председателем заседания сената.

Augures – авгуры, члены почётной римской жреческой коллегии гадателей по птицам, консультировавшие магистратов и частных лиц и оказывавшие помощь при гаданиях. Авгур не предсказывал будущее – он должен был определять, благоприятствуют или не благоприятствуют боги задуманным действиям.

Augurale – авгурал, место, в котором производились ауспии (птицегадания).

Auspicia – ауспии (птицегадания), гадание по полету, крику или кормлению птиц, предварительное вопрошение воли богов, к которым римляне прибегали всякий раз, когда требовалось принять ответственное решение.

Auxilium – оказание плебейскими трибунами помощи плебеям (впоследствии и патрициям) путем интерцессии.

Campus Martius – Марсово поле, низина в излучине Тибра, где происходили выборы магистратов и переписи населения.

Capitis minutio (или **deminutio**) – понижение правового статуса свободного человека.

Caput (голова) – 1) человек с определенным объемом прав (=persona); 2) человек как плательщик налогов.

Census (ценз) – 1) стоимость имущества гражданина; 2) имущественный ценз, как условие принадлежности к определенному сословию (*census senatorius, census equestris*); 3) перепись населения, проводившаяся в целях оценки имущества граждан для урегулирования податей и военной службы.

Centuria (центурия, сотня) – 1) воинское подразделение; 2) единица военно-политической организации римского общества (при голосовании в центуриатных комициях центурия имела один голос).

Centuriae praerogativae – избранные по жребию центурии, которые должны голосовать первыми при решении вопросов повестки дня центуриатных комиций.

Certus ordo magistratuuum – порядок прохождения магистратур.

Cista – ящик, в который участники комиций при тайном голосовании бросали свои таблички.

Civis optimo iure – полноправный римский гражданин.

Civitas – 1) община; 2) гражданское общество; 3) государство.

Civitates liberae – «свободные» общины, обладавшие внутренним самоуправлением, правом сбора пошлин, собственности на землю, чеканки собственной монеты, свободой от постоянных налогов в римскую казну и постоя войск и т. д.

Civitates stipendiariae – податные общины.

Coercitio (сдерживание, усмирение, наказание) – право высших магистратов принимать меры принуждения к гражданам, неповивающимся закону или их распоряжениям: арест, штраф, высылка.

Cognitio – суд, производившийся лично императором.

Cognomen – прозвище.

Cohortes praetoriae (преторианские когорты) – личная охрана полководца.

Cohortes urbanae (городские когорты) – когорты военизированной полиции, находившиеся в распоряжении префекта города Рима.

Comes (спутник, попутчик, сопровождающий) – член ближайшего окружения магистрата, крупного чиновника или императора, сопровождавший его при передвижениях по территории римских владений.

Comitia – собрания всех римских граждан, т. е. всего *populus Romanus*, которые созывались выборными должностными лицами (магистратами) с целью решения государственных вопросов и избрания магистратов.

Comitium («сходбище») – комиций, северо-западная часть римского форума, место народных собраний в Риме.

Concilium – собрание не всех римских граждан, а только части их (например, плебеев – *concilium plebis*) или собрания у других народов (всего народа или его представителей).

Consecratio – обожествление (по решению сената) умершего императора или императрицы.

Consilium principis – совет принцепса, совещательный орган при императоре.

Consul suffectus – консул-заместитель, избиравшийся (в период Республики) вместо умершего или отстраненного от должности ординарного консула.

Consules ordinarii – ординарные консулы, т. е. вступавшие в должность 1 января, их именем назывался год.

Contio – сходка, собрание римских граждан, на которое граждане собирались произвольно, не объединяясь в группы по какому-либо признаку (курии, центурии, трибы и т. п.).

Conventus (сходка, собрание, заседание) – 1) любое собрание людей с какой-либо целью; 2) собрание провинциалов в установленном наместником провинции месте для отправления судопроизводства; 3) судебный округ в провинции.

Cooptacio – 1) кооптация, дополнительное избрание (для доведения численности до установленной нормы); 2) принятие отдельных плебейских семей в союз патрицианских родов.

Crimen – 1) обвинение в преступлении; 2) преступление, вина, проступок, грех.

Crimen laesae maiestatis – преступление против величия римского народа.

Cura annonae – попечение о снабжении продовольствием (города Рима).

Cura ludorum – попечение об организации общественных игр (в городе Риме).

Cura urbis – попечение о состоянии улиц и общественных зданий (в черте города Рима и на расстоянии одной мили от померия).

Curatores – надзиратели, смотрители.

Curatores rei publicae – императорские контролеры в провинциях.

Cursus honorum (путь чести) – последовательность военных и политических должностей, через которые проходила карьера древнеримских политиков сенаторского ранга.

Damnatio memoriae – осуждение памяти (умершего императора или частного лица) по постановлению сената.

Decem primi – декурионы, занимавшие в списке членов совета первые десять мест.

Decretum – решение, постановление, определение, указ.

Decuriones (curiales) – члены совета городской общины.

Deportatio – ссылка, изгнание.

Designatus (обозначенный) – избранный, но еще не вступивший в должность магистрат.

Destinatio – назначение, избрание, определение.

Dies fasti – «присутственные» дни, дни, в которые можно было заниматься общественной деятельностью и вести судебные дела.

Dies nefasti (dies festi, feriatii) – «неприсутственные», праздничные дни, занятие общественными делами в которые осуждалось как нечестье и требовало искупления очистительной жертвой.

Diribitores – счетчики, которые распределяли и подсчитывали голоса при голосовании табличками в комициях.

Diribitorium – дирибиторий, построенное Юлием Цезарем здание, в котором счетчики подсчитывали поданные гражданами при голосовании табличками в комициях голоса.

Discessio – дисцессия, процедура голосования, принятая в римском сенате и состоявшая в том, что в знак поддержки внесенного кем-либо предложения сенаторы становились возле его автора.

Divinatio – дивинация, процесс выяснения авгурами воли божества.

Divisor – раздатчик, должностное лицо, у которого граждане, входя на мостки, получали таблички для голосования.

Dominus – господин, хозяин, повелитель.

Ducenarii – должностные лица, годовое жалование которых составляло 200 тыс. сестерциев.

Edictum – постановление и предписание тех должностных лиц, которые имели право их издавать.

Fasces – связанный ремнем красного цвета пучок березовых или вязовых прутьев (*virgae*), из середины которых выступал топор (*securis*), принадлежность ликторов, почетной охраны магистратов с империем.

Feci, quod potui, faciant meliora potentes. – Я сделал все, что мог, и пусть те, кто может, сделают лучше (фраза, которой заканчивал свое выступление перед гражданами магистрат при сложении полномочий).

Felix – счастливый.

Fiscus (корзина, кошель) – личная казна императора в противоположность эрарию, публичной казне эпохи Республики.

Haruspex (от *hirae* (этрусск. *harus*) – кишки, внутренности и этрусск. *spesio* – наблюдаю) – гаруспик, жрец в Древней Этрурии, позже – в Древнем Риме, гадавший по внутренностям жертвенных животных, особенно часто – печени.

Honor – честь, почесть, почет, уважение.

Imperātor – 1) император, начальник, которому *lege curiata de imperio* давалось *imperium*, т. е. военная и судебная власть, преимущественно главнокомандующий, пока он был в поле; 2) титул, дававшийся полководцу солдатами на поле битвы после большой победы.

Imperium – империй, военная и судебная власть (римского магистрата).

Inauguratio – инаугурация, церемония, посредством которой достигалось одобрение богами принятых римскими гражданами решений (обычно – выборов магистратов).

Incensus – римский гражданин, самовольно уклонившийся от переписи (ценза).

Incisi frumento publico – римские граждане, получавшие даровой хлеб.

Infamia – бесчестье.

Insignia – знаки отличия, указывавшие на статус или занимаемую должность.

Intercessio – интерцессия, осуществляемое личным вмешательством магистрата наложение запрета на распоряжение или предложение его коллеги или низшего магистрата; в частности, совершаемое плебейским трибуном наложение запрета на указ магистрата, законопроект или постановление сената.

Interrogatio – опрос мнений (членов сената) по вынесенному на обсуждение вопросу.

Invictus – непобедимый.

Iurisdictionis – право на осуществление юрисдикции между гражданами.

Ius agendi cum patribus et cum populo – право (магистрата) сношений с сенатом и народом, то есть право вносить в сенат *relationes*, а в народные собрания *rogationes*.

Ius auspiciorum – право (магистрата) на сношения с богами от имени римского народа посредством ауспиций.

Ius commercii – право участия в торговом обороте со всеми обязывающими гражданско-правовыми последствиями, право участвовать в коммерческом обороте, выступать субъектом вещных и обязательственных прав.

Ius contionis – право на созыв народа на сходки и выступления перед гражданами на сходках.

Ius conubii – право вступать в полноценный, признанный законом брак, рождающий для всех членов семьи равные и предусмотренные законами выгоды и последствия.

Ius edicendi – право (магистрата) на издание общеобязательных распоряжений.

Ius honorum – право занимать выборные государственные должности.

Ius imaginum – право выставлять восковые изображения предков.

Ius intercessionis – право вмешательства, возражения, протеста.

Ius militiae – право служить в армии.

Ius provocationis – право апеллировать к народу против приговоров властей к смерти, телесному наказанию и крупному штрафу; право обжалования решений должностных лиц в народных собраниях – либо непосредственно, либо через трибуна.

Ius relationis (право доклада) – право императора вносить вопрос в повестку дня заседания сената.

Ius suffragii – право участия в собраниях государственного значения под руководством магистратов, право голоса в этих собраниях.

Laudationes – хвалебные отзывы о проконсулах, сообщавшиеся сенату депутациями из провинций.

Lectio senatus – список сенаторов.

Legatus – 1) наместник императорской провинции (*legatus Augusti pro praetore consulari potestate*); 2) назначенный сенатом помощник наместника сенатской провинции; 3) командир легиона; 4) посол.

Legis actio – право возбуждать законные иски в границах привилегий квирицкого права, право подавать законные иски и соответственно пользоваться предусмотренными квирицким правом формами охраны своих интересов.

Lex est quod populus iubet atque constituit. – Закон – то, что приказывает и постановляет народ.

Lex rogata – закон, принятый комициями по предложению (rogatio) магистрата.

Libella – жалоба, прошение.

Lictor – ликтор, служитель высших магистратов или должностных лиц, несший пред ними символический знак их власти fasces.

Lituus – загнутый авгурский жезл, которым пользовались для обозначения небесного пространства при проведении ауспий.

Lustrum – обряд очищения римской общины, состоявший в заклании свиньи, овцы и быка (suovetaurilia), приносимых в жертву богам.

Maiestas – величие, всемогущество римского государства

Matrimonium iustum – законный брак римских граждан.

Morbus comitialis (комициальная болезнь) – эпилепсия.

Motio (eiectio e senatu) – исключение из числа сенаторов.

Motio e tribu – исключение римского гражданина из трибы.

Multum – имущественное взыскание, пеня, штраф.

Nomen – родовое имя.

Nota (notatio, animadversio censoria) – цензорское замечание в отношении римского гражданина.

Nundinae – девятый (последний) день римской недели.

Nundinium – нундиний, период консульских полномочий в императорскую эпоху (когда на год избиралась не одна пара консулов).

Nuntiatio – нунциация, объявление магистрата о результатах наблюдения за небесными явлениями (в ходе проведенных ауспий).

Obnuntiatio – обнунциация, заявление магистрата о том, что знамения при проведении ауспий были неблагоприятными.

Obstructio (препятствие, преграда, помеха) – обструкция, меры, принимавшиеся для того, чтобы не допустить принятия (сенатом) решения по обсуждавшемуся вопросу.

Officia – должности гражданского или военного характера, не принадлежавшие к числу магистратур.

Oratio principis – речь принцепса, обращение императора к сенату, произносившееся лично императором или зачитывавшееся его квестором.

Ornamenta triumphalia – триумфальные знаки отличия, присуждавшиеся в императорскую эпоху полководцам, одержавшим важную победу, вместо триумфа.

Ovile (saepa, carceres, cancelli) – огороженное дощатым забором пространство для проведения голосования граждан во время комиций.

Paludamentum – военный плащ красного цвета, олицетворявший военную власть; в эпоху Империи стал отличительным знаком императорского достоинства.

Perduellio – государственная измена.

Peregrini – свободнорожденные, не принадлежавшие к римскому или латинскому гражданству, но находившиеся в подданстве римского государства.

Petitor – проситель, искатель; лицо, желавшее быть избранным в магистраты.

Pius – благочестивый, человек, который лучше всего знает обряд и умеет молиться богам по законам своей страны.

Plebiscitum – указ и распоряжение плебейской части римской общины.

Pomerium – померий, незастроенное пространство вдоль городской стены, отделявшее город как освященную птицегаданием, находящуюся под покровительством богов территорию от внешнего мира.

Pontes – мосты или мостки (ponticuli), по которым римские граждане проходили при голосовании в комициях.

Pontifices – понтифики, составляли жреческую коллегию (с верховным понтификом во главе), которой был поручен надзор за всеми общественными (и частными) богослужениями, составление календаря, ведение летописи и т. п.

Pontifex Maximus – верховный понтифик, глава коллегии понтификов, которому были подчинены прочие коллегии жрецов – фламины, «царь священнодействий» и девы-весталки.

Populus Romanus Quirites – народ (коллектив римских граждан).

Praecones – глашатаи, провозвестники.

Praefectus praetorio – префект претория, начальник императорской гвардии.

Praefectus annonae – префект анноны, заведующий обеспечением города Рима продовольствием.

Praefectus vigilum – префект вигилов, заведующий пожарной безопасностью Рима и осуществлявший полицейскую власть в городе в ночное время.

Praenomen – личное имя.

Praeteriti senatores (пропущенные сенаторы) – исключенные цензорами из состава сената путем пропуска их имен, невнесения их в список сенаторов.

Primus principalis – председатель городского совета, возглавлявший список его членов.

Princeps – всякий, кто стоит во главе, в начале (principium), впереди.

Princeps senatus – принцепс сената, сенатор, имя которого стояло первым в списке членов сената.

Proconsul (pro consule) – проконсул, лицо, уполномоченное вместо консула.

Procuratores – прокураторы, особые доверенные лица, которым поручалось ведение дел.

Promulgatio (объявление, обнародование) – промульгация, объявление законопроекта народу на форуме за три нундины до его обсуждения в комициях.

Provincia – 1) сфера действия магистрата, определенная ему решением народа или сената; 2) всякая покоренная страна вне Италии, управляемая из Рима через наместника.

Provocatio – провокация, обращение за помощью к народу, делаемое с той целью, чтобы народ, как верховный судья, отменил несправедливый, по мнению лица, делающего такое обращение, приговор.

Publicani – публиканы, откупщики государственных доходов.

Quaestiones perpetuae – постоянные судебные комиссии.

Quinquennales – выборные должностные лица в городских общинах, соответствовавшие цензорам у римлян.

Regimen morum – надзор за нравами (одна из функций цензорской власти).

Relatio – доклад магистрата, председательствовавшего на заседании сената.

Renuntiatio – объявление результата голосования при выборах магистратов в комициях.

Res publica (общее дело) – термин, которым характеризуют государственно-политическую организацию Рима конца VI–I вв. до н. э.

Rogatio – предложение магистрата, председательствующего на комициях.

Rogatores – сборщики голосов во времена устного голосования в комициях, спрашивавшие каждого гражданина о его выборе

Salus populi suprema lex. – Благо народа – высший закон.

Saxum Tarpeium – Тарпейская скала, крутой обрыв с западной стороны Капитолийского холма. С этой скалы сбрасывали осуждённых на смерть преступников, совершивших предательство, инцест, побег (рабов от хозяина). Трупы преступников волокли затем крючьями к Тибру и сбрасывали в реку.

Scriba – писец, секретарь.

Sella curulis – курульное кресло, украшенное слоновой костью складное сидение без спинки со скрепленными изогнутыми ножками, которым имели право пользоваться только высшие магистраты, курульные эдилы и жрец Юпитера.

Senatus consultum – постановление сената, имеющее полную законную силу.

Senatus consultum ultimum (senatus consultum extremum или senatus consultum de re publica defendenda) – особое постановление сената, которым сенат предоставлял консулам чрезвычайные полномочия в случае крайней опасности для государства; оно давало консулам право казнить римского гражданина без формального суда.

Senatus indictus – чрезвычайное заседание сената.

Senatus legitimus – регулярное заседание сената (происходили в календы, ноны и иды каждого месяца).

Sortitio – жеребьевка.

Sortiri provincias – распределение по жребию провинций между магистратами.

Spectio – наблюдение и право наблюдения за небесными знаменами.

Subscriptio – резолюция императора на прошении.

Subsellium – скамейка (у некурульных магистратов).

Summa honoraria – сумма денег, которую избранные члены городского совета или магистраты вносили в муниципальную казну в виде ответной благодарности.

Tabulae censorum – цензорские документы.

Tabularium – табулярий, государственный архив.

Templum – храм, всякое место, освященное авгурскими обрядами.

Testamenti factio – обладание завещательной способностью, т. е. правом распоряжаться своим имуществом и правом получать по завещанию.

Toga – верхняя одежда римского гражданина.

Toga candida – белоснежная тога, в которую облачался претендент на выборную должность (candidatus).

Toga praetexta – белая тога с пурпурной каймой по борту, которую носили дети, некоторые магистраты и жрецы.

Transitio ad plebem – переход патриция в состав плебеев.

Tribus – трибы, территориальные и военно-административные подразделения римского народа.

Tribunal – трибунал, четырехугольное возвышение, на котором восседали (в курульном кресле) должностные лица при отправлении обязанностей.

Tribunicia potestas – трибунская власть.

Tunica – нижнее одеяние римского гражданина.

Viator – государственный скороход (курьер).

Villa publica – «общественное здание» на Марсовом поле.

Videant consules, ne quid detrimenti res publica capiat. – Пусть консулы смотрят, чтобы государство не потерпело ущерба. Формула чрезвычайного постановления сената.

Vitium – огрешность, избрание должностных лиц при неблагоприятных ауспигиях, извещение о котором имело следствием отмену произведенных выборов.

Vox populi – vox dei. – Глас народа – глас Божий.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники

а) нарративные источники

Аврелий Виктор С. О цезарях. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. Происхождение римского народа. О знаменитых людях / Секст Аврелий Виктор ; [пер. с лат. В. С. Соколова] // Римские историки IV века / под ред. М. А. Тимофеева. – М. : РОССПЭН, 1997. – С. 77–224.

Авторы жизнеописаний Августов ; [пер. с лат. С. П. Кондратьева под ред. А. И. Доватура] // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. – М. : Наука, 1992. – 383 с.

Аппиан Александрийский. Римская история / Аппиан Александрийский ; [пер. с древнегреч. под ред. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера, Е. С. Голубцовой, Л. Л. Кофанова]. – М. : Ладомир, 2002. – 878 с.

Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Валерий Максим ; [пер. с лат. С. Ю. Трохачева]. – СПб. : Изд-во СПбУ, 2007. – С. 308 с.

Варрон. Сельское хозяйство / Варрон ; [пер. с лат. М. Е. Сергеенко]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – 218 с.

Вегетий Ренат, Флавий. Краткое изложение военного дела / Флавий Вегетий Ренат ; [пер. с лат. С. П. Кондратьева] // ВДИ. – 1940. – № 1. – С. 231–299.

Веллей Патеркул. Римская история / Веллей Патеркул ; [пер. с лат. А. И. Немировского, М. Ф. Машковой] // Малые римские историки : веллей Патеркул, Анней Флор, Луций Ампелий. – М. : Ладомир, 1996. – С. 9–96.

Геллий, Авл. Аттические ночи. Книги I–X / Авл Геллий ; [пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова]. – СПб. : Гуманитарная Академия, 2007. – 408 с.

Геродиан. История императорской власти после Марка / Геродиан ; [пер. с древнегреч. А. И. Доватура]. – М. : РОССПЭН, 1996. – 268 с.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности : в 3 т. / Дионисий Галикарнасский ; [пер. с древнегреч. ; отв. ред. И. Л. Маяк]. – М. : Издательский дом «Рубежи XXI», 2005.

Т. 1. – 272 с.

Т. 2. – 274 с.

Т. 3. – 320 с.

Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула / Домиций Ульпиан ; [пер. с лат. А. Л. Смышляева] // ВДИ. – 1985. – № 4. – С. 221–235 ; 1986. – № 1. – С. 194–216.

Домиций Ульпиан. Об обязанностях куратора города / Домиций Ульпиан ; [пер. с лат. А. Л. Смышляева] // ВДИ. – 1986. – № 1. – С. 214–216.

Евсевий. Церковная история / Евсевий ; [пер. с древнегреч. М. Е. Сергеенко]. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. – 446 с.

Евтропий. Краткая история от основания Города / Евтропий ; [пер. с лат. А. И. Донченко] // Римские историки IV века / Под ред. М. А. Тимофеева. – М. : Российская полит. энциклопедия, 1997. – С. 5–73.

Иосиф Флавий. Иудейская война / Иосиф Флавий ; [пер. с нем. Я. Л. Чертка] / подгот. текста, предисл. и примеч. К. А. Ревяко, В. А. Федосика. – Мн. : Беларусь, 1991. – 512 с.

Иосиф Флавий. Иудейские древности : в 2 т. / Иосиф Флавий ; [пер. с греч. Г. Геккеля]. – Ростов н/Д : Феникс, 2003.

Т. 1. – 640 с.

Т. 2. – 638 с.

Ливий Т. История Рима от основания города : в 3 т. / Т. Ливий ; [отв. ред. пер. с лат. Е. С. Голубцова]. – М. : Наука, 1989–1993.

Т. 1. – 1989. – 575 с.

Т. 2. – 1991. – 526 с.

Т. 3. – 1993. – 767 с.

Макробий. Сатурналии / Макробий ; [пер. с лат. и греч. В. Т. Звиревича]. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. – 372 с.

Овидий, Назон Публий. Скорбные элегии. Письма с Понта / Публий Овидий Назон ; [пер. с лат. М. Л. Гаспарова, С. А. Ошерова]. – М. : Наука, 1979. – 271 с.

Орозий Павел. История против язычников. Книги I–VII / Павел Орозий ; [пер. с лат. В. М. Тюленева]. – СПб. : «Издательство Олега Абышко», 2004. – 544 с.

Плиний Младший. Письма / Плиний Младший ; [пер. с лат. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватура В. С. Соколова]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 356 с.

Плиний Младший. Панегирик императору Траяну / Плиний Младший ; [пер. с лат. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватура В. С. Соколова] // Плиний Младший. Письма – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – С. 356–455.

Плутарх. Наставления о государственных делах / Плутарх ; [пер. с древнегреч. С. Аверинцева] // Моралии / Плутарх. – М. : ЭКСМО-ПРЕСС ; Х. : Фолио, 1999. – С. 760–806.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. / Плутарх ; [пер. с древнегреч. под ред. С. П. Маркиша]. – СПб. : Кристалл, 2001.

- Т. 1. – 670 с.
 Т. 2. – 734 с.
 Т. 3. – 670 с.
- Плутарх. Римские вопросы / Плутарх; [пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской // Застольные беседы / Плутарх. – Л.: Наука, 1990. – С. 180–222.
- Саллюстий Крисп Г. О заговоре Катилины / Г. Саллюстий Крисп; [пер. с лат. В. О. Горенштейна] // Сочинения / Г. Саллюстий Крисп. – М.: Наука, 1981. – С. 5–39.
- Саллюстий Крисп Г. Югуртинская война / Г. Саллюстий Крисп; [пер. с лат. В. О. Горенштейна] // Сочинения / Г. Саллюстий Крисп. – М.: Наука, 1981. – С. 40–105.
- Светоний Транквилл Г. Жизнь двенадцати цезарей / Г. Светоний Транквилл; [пер. с лат., предисл. и послесл. М. Л. Гаспарова]. – М.: Худож. лит., 1990. – 254 с.
- Тацит Корнелий П. Анналы / П. Корнелий Тацит; [пер. с лат. А. С. Бобовича] // Сочинения в 2-х т. Т. 1 / П. Корнелий Тацит. – Л.: Наука, 1969. – С. 7 – 326.
- Тацит Корнелий П. История / П. Корнелий Тацит; [пер. с лат. Г. С. Кнабе] // Сочинения в 2-х т. Т. 2 / П. Корнелий Тацит. – Л.: Наука, 1969. – С. 5 – 202.
- Цезарь Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей : в 2 т. / Гай Юлий Цезарь; [пер. с лат. М. М. Покровского]. – М.: День, 1991.
- Т. 1. О галльской войне. – 190 с.
 Т. 2. О гражданской войне. Об Александрийской войне. Об Африканской войне. – 183 с.
- Цицерон Туллий М. Диалоги : о государстве ; о законах / М. Туллий Цицерон; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. – М.: Наука, 1966. – 362 с.
- Цицерон Туллий М. О старости. О дружбе. Об обязанностях / М. Туллий Цицерон; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. – М.: Наука, 1974. – 246 с.
- Цицерон Туллий М. Речи : в 2 т. / М. Туллий Цицерон; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Т. 1. – 443 с.
 Т. 2. – 399 с.
- Цицерон Туллий М. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту : в 3 т. / М. Туллий Цицерон; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1951.
- Т. 1. – 1949. – 534 с.
 Т. 2. – 1950. – 502 с.
 Т. 3. – 1951. – 826 с.
- Appian. Roman history / Appian. – Cambr.; Mass.; London: Harvard Univ. Press, 1913. – Vol. IV: The Civil Wars, Books III–V. – 690 p.
- Appianus. Bellorum civilium / Appianus. – Firenze: La Nuova Italia, 1958. – XIII, 445 p.
- Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae subsequitur Epitome de Ca-

- saribus / Aurelius Victor / Recensuit Fr. Pichlmayr. – Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri, 1966. – 226 p.
- Cedrenus G. Ioannis Scylitzae ope ab Immanuele Bekkero suppletus et emendatus : t. I–II / G. Cedrenus. – Bonnae, 1838–1839.
- Т. I. – 1838. – 802 p.
 Т. II. – 1839. – 1008 p.
- Cicero. De Natura Deorum, Academica / Marcus Tullius Cicero; [with an Engl. transl. by H. Rackham]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1961. – 663 p.
- Cicero. De Officiis / Marcus Tullius Cicero; [with an Engl. transl.; ed. by W. Millar]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1951. – 423 p.
- Cicero. De Senectute, De Amicitia, De Divinatione / Marcus Tullius Cicero; [with an Engl. transl. by W. A. Falconer]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1946. – 567 p.
- Cicero. On the Commonwealths and On the Laws / Marcus Tullius Cicero; [transl. from Latin]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1999. – 214 p.
- Dio Cassius. Historia Romana. Vol. III : Lib. L–LX / Dio Cassius. – Lipsiae : Caroli Tauchnitii, 1829. – 480 p.
- Dio Cassius. Historia Romana. Vol. IV : Lib. LXI–LXXX / Dio Cassius. – Lipsiae : B. G. Teubneri, 1864. – 363 p.
- Dio's Roman history : in 9 vol. Vol. 9 / Dio [with an English transl. by E. Cary]. – London etc., 1955. – 572 p.
- Eusebius. Chronicorum canonum libri duo / Eusebius. – Midiolani, 1818. – 396 p.
- Eusebius Hieronimus. Chronicon / Eusebius Hieronimus // Eusebius Werke. Bd. 7 / hrsg. von R. Helm. – Berlin : Akademie Verlag, 1956. – LII, 455 p.
- Eusebii Pamphili ecclesiastica historia / Eusebius Pamphilus; [H. Valesio interprete]. – Moguntiae, MDLXXII. – 665 p.
- Eutropii Breviarium ab urbe condita / Eutropius; [recogn. F. Rühl]. – Lipsiae, MCMI. – 90 p.
- Festi De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome / Sextus Pompeius Festus; [rec. W. M. Lindsay]. – Lipsiae : Teubner, 1913. – 573 p.
- Florus L. Annaeus. Rerum Romanorum. Epitome / L. Annaeus Florus // Scriptorum Historiae Romanae Minores Sex. – Lipsiae : apud Car. Knoblochium, 1833. – P. 71–140.
- Frontinus, Iulius S. Strategems. Aqueducts of Rome / S. Iulius Frontinus. – Cambr.; London : Harvard Univ. Press, 1925. – 537 p.
- Fronto, Marcus Cornelius. The Correspondence : in 2 vols. / Marcus Cornelius Fronto. – Cambr.; London : Harvard Univ. Press, 1919–1988.
- Vol. 1. – 1919. – LV, 309 p.
 Vol. 2. – 1988. – V, 371 p.
- Gellius, Aulus. Noctes Atticae / Aulus Gellius. – Lipsiae : Caroli Tauchnitii, 1835. – 530 p.

Herodiani ab excessu divi Marci libri octo / Herodianus ; [editit Curt. Stavenhagen. Editio stereotypa editionis primae (MCMXXII)]. – Stuttgartiae in aedibus B. G. Teubneri, 1967. – 235 p.

Lydus, Iohannes Laurentius. De magistratibus populi Romani libri tres / Iohannes Laurentius Lydus ; [editit R. Wuensch]. – Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri, 1903. – 183 p.

Macrobius, Ambrosius Theodosius. Saturnalia / Ambrosius Theodosius Macrobius ; [recognovit Franciscus Eyssenhardt]. – Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri, 1893. – 677 p.

Orosii Pauli Historiarum adversum paganos libri VII / Paulus Orosius. – Vindobonae, 1882. – 819 p.

Ovid. Fasti / Ovid. – Cambr. ; London : Harvard Univ. Press, 1931. – 512 p.

Pliny. Natural History : in 9 vols / Pliny. – Cambr. ; London : Harvard Univ. Press, 1938–1952.

Polybius. Polybii Historiarum quidquid superest / Polybius. – Oxonii : W. Baxter, 1823. – 541 p.

Scriptores historiae Augustae [editit E. Hohl] : vol. I–II – Lipsiae : Teubner, 1965.

Vol. I. – 310 p.

Vol. II. – 308 p.

Suetonius Tranquillus C. Duodecim Caesares et minora quae supersunt opera / C. Suetonius Tranquillus ; [annot. C. B. Hase]. – Parisiis, 1828. – 456 p.

Valerius Maximus. Factorum dictorumque memorabilium libri novem / Valerius Maximus ; [ed. J. Cappii]. – Londini : Valpy, 1823. – 482 p.

Varro, Terrentius M. De Lingua Latina / M. Terrentius Varro / ed. G. Goetz et F. Schuel. – Leipzig, 1910. – 385 p.

Ioannis Zonarae Annales / Zonara I. ; [ex recensione Mauricii Pinderi] : t. I–II. – Bonnae, 1841–1844.

T. I. – 1841. – 581 p.

T. II. – 1844. – 647 p.

Zosime Histoire nouvelle / Zosimus ; [texte établi et traduit par F. Paschoud]. Tome 1 (Livres 1 et 2). – Paris, 1971. – 264 p.

б) эпиграфические источники

Октавиан Август. RES GESTAE DIVI AUGUSTI // Шифман И. Ш. Цезарь Август / И. Ш. Шифман. – Л. : Наука, 1990. – С. 189–199.

Corpus Inscriptionum Latinarum ; [ed. Th. Mommsen et al.] : vol. I–XVII. – Berolini : Weidmann, 1869–1986.

Inscriptiones Latinae selectae ; [ed. H. Dessau] : in 3 vols. – Berolini, apud Weidmannos, 1892–1914.

Vol. I. – 1892. – 580 p.

Vol. II. Pars 1. – 1902. – 736 p.

Vol. II. Pars 2. – 1906. – P. 737–1040.

Vol. III. – 1914. – 600 p.

Res gestae divi Augusti : Das Monumentum Ancyranum ; [hrsg. H. Volkman]. – Berlin : De Gruyter, 1969. – 64 S.

Res gestae divi Augusti : The Achievements of the Divine Augustus ; [with an introduction and comm. by P. A. Brunt and J. M. Moore]. – Oxf. : Oxf. Univ. Press, 1983. – 90 p.

Willeumier P. Inscriptions latines des Trois Gaules / Willeumier P. – Paris, 1963. – 256 p.

с) юридические источники

Гай. Институции / Гай ; [пер. с лат. Ф. Дыдынского под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова]. – М. : Юристъ, 1997. – 368 с.

Codex Justinianus / Recogn. P. Krueger. 6. ed. ster. // Corpus iuris civilis. Vol. 2. – Berolini, 1895. – 513 p.

Codex Theodosianus : vol. I–II / ed. Th. Mommsen, P. Meyer, P. Krueger. – Berolini : Weidmann, 1904–1905.

Digesta / Recognovit Th. Mommsen // Corpus iuris civilis / ed. stereotypa 8. Vol. I. – Berolini : Apud Weidmannos, 1899. – P. 57–882.

Justiniani Institutiones / recogn. P. Krueger // Corpus iuris civilis. Editio stereotypa 8. Vol. I. – Berolini : Apud Weidmannos, 1899. – P. 1–56.

д) нумизматические источники

Bernhart M. Handbuch zur Münzkunde der römischen Kaiserzeit : 2 Bde / M. Bernhart. – Halle, 1926.

1. Bd. : Textband. – 420 S.

2. Bd. : Tafelband. – 38 S.

Carson R. A. G. Principal coins of the romans. Vol. 2. The Principate. 31 B. C.–A. D. 296 / R. A. G. Carson. – London ; Wisbech, 1980. – 167 p.

Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées, médailles imperiales : t. I–V / H. Cohen. – Paris ; Londres : Rollin et Feuarent, 1880–1885.

T. I. – 1880. – 544 p.

T. II. – 1882. – 447 p.

T. III. – 1883. – 427 p.

T. IV. – 1884. – 532 p.

T. V. – 1885. – 545 p.

Coins of the Roman Empire in the British Museum : vol. II–VI. / ed. by H. Mattingly and R. F. G. Carson. – London : British Museum, 1930–1968.

Vol. II : Vespasian to Domitian. – 1930. – CV, 485 p., 83 pl.

Vol. III : Nerva to Hadrian. – 1936. – CXCVI, 640 p., 102 pl.

Vol. IV : Antoninus Pius to Commodus. – 1962. – XCII, 858 p., 78 pl.

Vol. V : Pertinax to Geta. – 1965. – LXXXIV, 720 p., 93 pl.

Vol. VI : Severus Alexander to Balbinus and Pupienus. – 1962. – 311 p., 54 pl.

Herbert K. Roman Imperial Coins Augustus to Hadrian and Antonine selections, 31 BC–AD 180 / K. Herbert. – Wauconda : Bolchazy-Carducci Publishers, 1996. – XXI, 92 p., XLII pl.

Robertson A. S. Roman imperial coins in the Hunter coin cabinet university of Glasgow : Vol. III–IV / A. S. Robertson. – London ; Glasgow ; N.-Y. : Oxf. Univ. Press, 1977–1978 –.

Vol. III : Pertinax to Aemilian. – 1977. – CXIII, 325 p.

Vol. IV : Valerian to Allectus. – 1978. – CCXVI, 340 p.

The Roman imperial coinage / ed. by H. Mattingly and E. Sydenham : vol. IV, P. 2.– vol. V, P. 2. – London, 1927–1949.

Vol. IV. P. 2. – 1932. – 215 p.

Vol. IV. P. 3. – 1949. – 246 p.

Vol. V. P. 1. – 1927. – 424 p.

Vol. V. P. 2. – 1933. – 701 p.

Stevenson S. W. A Dictionary of Roman Coins, republican and imperial / S. W. Stevenson. – London : Gejrg Bell and sons, 1889. – 929 p.

II. Справочная литература, словари

Бартошек М. Римское право : понятия, термины, определения / М. Бартошек. – М. : Юридическая литература, 1989. – 448 с.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М. : Русский язык, 2000. – 846 с.

Реальный словарь классических древностей по Любкеру / под ред. Ф. Гельбике и др. – СПб., 1885. – 1552 с.

Целлер М. Римские государственные и правовые древности Компендиум для студентов и учителей гимназий / М. Целлер ; [пер. с нем. И. Семенова]. – М., 1893. – 300 с.

Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike : in 5 Bde. [hrsg. von K. Ziegler, W. Sontheimer]. – Muenchen : Alfred Druckenmueller Verlag, 1964–1975.

Der Neue Pauly. Enzyklopaedie der Antike : in 16 Bde ; [hrsg. von H. Cancik, H. Schneider]. – Stuttgart ; Weimar : Verlag J. B. Metzler, 1996–2003.

Oxford Classical Dictionary / ed. by N. G. L. Hammond, H. H. Scullard. – N.-Y. : Clarendon Press, 1976. – 1176 p.

Paulys Real-Encyclopaedie der klassischen Altertumswissenschaft ; [hrsg. von G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus, K. Ziegler]. – Stuttgart, 1894–1978.

Smith W. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / W. Smith. – Boston : C. Little and J. Brown, 1870. – XII, 1293 p.

III. Общая и специальная литература

Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи / М. Г. Абрамзон. – М. : Институт Археологии РАН, 1995. – 748 с.

Балахванцев А. С. К вопросу о наследовании сенаторского звания в эпоху Юлиев-Клавдиев / А. С. Балахванцев // Ius Antiquum. – 1996. – № 1. – С. 167–172.

Бейкер Дж. Первый император Рима / Дж. Бейкер ; [пер. с англ. Н. А. Поздняковой]. – М. : Центрполиграф, 2003. – 346 с.

Боровков П. С. Коллегия понтификов в политико-правовой структуре римской civitas (от Царского периода до конца Классической республики : автореф. дис. ... канд. ист. наук / П. С. Боровков. – М., 2010. – 17 с.

Вегнер В. Рим. Начало, распространение и падение всемирной монархии римлян. Т. 2 / В. Вегнер ; [пер. с нем. П. В. Евстафиева]. – М. ; СПб., 1873. – 652 с.

Великанова Е. Н. Initium принцепса : порядок передачи власти первым преемникам Августа / Е. Н. Великанова // ВДИ. – 2007. – № 3. – С. 163–174.

Великанова Е. Н. Государственно-правовая система принципата при первых преемниках Августа : принципат Тиберия и Калигулы : автореф. дис. на соиск. уч. степен. канд. ист. наук / Е. Н. Великанова. – М., 2007. – 18 с.

Велишский Ф. Ф. Быт греков и римлян / Ф. Ф. Велишский ; [пер. с чешского под ред. И. Я. Ростовцева]. – Прага, 1878. – 670 с.

Вержбицкий К. В. Процессы об оскорблении величия в Риме при императоре Тиберии / К. В. Вержбицкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. – 1999. – Вып. 2. – С. 104–107.

Вержбицкий К. В. Закон об оскорблении величия (lex laesae maiestatis) как орудие подавления демократических, гражданских традиций в Римской империи (на примере процесса Кремуция Корда) / К. В. Вержбицкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. – 2010. – Вып. 1. – С. 48–53.

Вержбицкий К. В. Правовое оформление и реальные основы власти Августа / К. В. Вержбицкий // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. – СПб., 2003. – С. 260–282.

Виллемс П. Римское государственное право / П. Виллемс ; [пер. с франц. под ред. П. Бодянского]. Вып. 1–2. – Киев, 1888–1890. – 797 с.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук ; [пер. с польск. В. К. Ронина]. – М. : Высш. шк., 1988. – 496 с.

Галанза П. Н. Государство и право древнего Рима / П. Н. Галанза. – М., 1963. – 124 с.

Герье В. И. Август и установление империи / В. И. Герье // Вестник Европы. – 1877. – № 6. – С. 445–499 ; № 7. – С. 5–59 ; № 8. – С. 512–570.

Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи / Э. Гиббон. Ч. 1 ; [пер. с англ. В. Н. Неведомского]. – М., 1883. – 543 с.

Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян / П. Гиро ; [пер. с франц. С. П. Моравского]. – СПб. : Алетейя, 1995. – 598 с.

Голубцова Е. С. «Белые пятна» в изучении сельской общины / Е. С. Голубцова // Всеобщая история : дискуссии, новые подходы. – М. : Наука, 1989. – Вып. 2. – С. 194–204.

- Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. (независимая сельская община) / Е. С. Голубцова. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 196 с.
- Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. III в. до н. э. – III в. н. э. / Е. С. Голубцова. – М. : Наука, 1972. – 187 с.
- Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху / Е. С. Голубцова. – М. : Наука, 1998. – 253 с.
- Грималь П. Цивилизация Древнего Рима / П. Грималь [пер. с франц. И. Эльфонд]. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ МОСКВА, 2008. – 512 с.
- Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти : в 2 т. / Э. Д. Гримм. – СПб., 1901.
Т. 1. – 515 с.
Т. 2. – 466 с.
- Дементьева В. В. Государственно-правовое устройство античного Рима : ранняя монархия и республика : учебное пособие / В. В. Дементьева. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 2004. – 248 с.
- Егер О. Всемирная история : в 4 т. Т. 1. Древний мир / О. Егер. – М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 824 с.
- Егоров А. Б. Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса / А. Б. Егоров // Проблемы римской государственности. – Л., 1982. – С. 92–125.
- Егоров А. Б. Проблемы титулатуры римских императоров / А. Б. Егоров // ВДИ. – 1988. – № 2. – С. 161–172.
- Егоров А. Б. Развитие политической системы принципата при Тиберии / А. Б. Егоров // Социальная структура и политическая организация античного общества : сб. ст. – Л., 1981. – С. 135–164.
- Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы зарождения и формирования принципата / А. Б. Егоров. – Л. : ЛГУ, 1985. – 224 с.
- Егоров А. Б. Античная демократия и римская политическая система (античные и современные теории) / А. Б. Егоров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. – 2009. – Вып. 4. – С. 34–47.
- Егоров А. Б. Становление и развитие системы принципата : автореф. дис. на соиск. учен. степени доктора ист. наук / А. Б. Егоров. – СПб., 1992. – 34 с.
- Егоров А. Б. Римское народное собрание. Правовой статус и властные полномочия / А. Б. Егоров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. – 2010. – Вып. 2. – С. 59–72.
- Ешевский С. В. Центр римского мира и его провинции / С. В. Ешевский // Соч. Т. 1. – М., 1870. – С. 123–280.
- Жебелев С. А. Древний Рим. Ч. 2. Императорская эпоха / С. А. Жебелев. – Пгт. : Наука и школа, 1923. – 143 с.
- Зелинский Ф. Ф. Римская империя / Ф. Ф. Зелинский ; [пер. с польск. Н. А. Палчинской]. – СПб. : Алетейя, 1999. – 490 с.

- Златковская Т. Д. Мезия в I и II веках нашей эры (К истории Нижнего Дуная в римское время) / Т. Д. Златковская. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 136 с.
- Инар Ф. Сулла / Ф. Инар. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 416 с.
- Исаева И. А. Римский принципат в трактовке Тацита / И. А. Исаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. – 2009. – Вып. 1. – С. 150–156.
- Каган Ю. М. О латинских словах, обозначающих одежду / Ю. М. Каган // Быт и история в античности. – М. : Наука, 1988. – С. 127–142.
- Кареев Н. Монархии древнего Востока и греческо-римского мира : Очерк полит., экономич. и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий / Н. Кареев. – СПб., 1904. – 395 с.
- Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. (Время. Жизнь. Книги) / Г. С. Кнабе. – М. : Наука, 1981. – 206 с.
- Колосовская Ю. К. К истории падения римского господства в Дакии / Ю. К. Колосовская // ВДИ. – 1955. – № 3. – С. 63–84.
- Колосовская Ю. К. Паннония в I–III веках / Ю. К. Колосовская. – М. : Наука, 1973. – 253 с.
- Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н. э. / Ю. К. Колосовская. – М. : Наука, 2000. – 288 с.
- Колосовская Ю. К. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии / Ю. К. Колосовская // ВДИ. – 1988. – № 4. – С. 20–37.
- Коптев А. В. От прав гражданства к праву колоната : Формирование крепостного права в поздней Римской империи / А. В. Коптев. – Вологда : Ардвисура, 1995. – 264 с.
- Коптев А. В. Princeps et dominus : к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи / А. В. Коптев // Древнее право. – 1996. – № 1. – С. 182–190.
- Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина : в 2-х т. / К. Крист ; [пер. с нем. под ред. Н. И. Диденко]. – Ростов н/Д : Феникс, 1997.
Т. 1. – 573 с.
Т. 2. – 512 с.
- Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период римской империи и статьи по общим проблемам древней истории / О. В. Кудрявцев. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 411 с.
- Кудрявцев О. В. Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры / О. В. Кудрявцев. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 364 с.
- Кучеренко Л. П. Римские цензоры и градостроительство в Италии / Л. П. Кучеренко // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира : сб. статей / под ред. проф. Э. Д. Фролова. – Вып. 9. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2010. – С. 147–158.

Лебедев П. Н. Трансформация власти в Римской империи в III веке н. э. : дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук : 07.00.03 / П. Н. Лебедев. – М., 2010. – 273 с.

Мартемьянов А. П. Сельская община во фракийских землях в первых веках н. э. : итоги и перспективы изучения / А. П. Мартемьянов // Древности, 2005 : Харьковский историко-археологический ежегодник. – X., 2005. – С. 62–71.

Мартемьянов А. П. Сельское самоуправление во фракийских землях в первых веках н. э. / А. П. Мартемьянов // Древности, 2009 : Харьковский историко-археологический ежегодник. – X., 2009. – С. 137–148.

Мартемьянов А. П. Из истории крестьянства фракийских земель в первых веках н. э. / А. П. Мартемьянов // Древности, 2010 : Харьковский историко-археологический ежегодник. – X., 2010. – С. 50–57.

Мартемьянов А. П. Общинные отношения в селах Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры / А. П. Мартемьянов. – X. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 224 с.

Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и сущность / Н. А. Машкин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – 686 с.

Машкин Н. А. Эдикты Августа из Киренаики / Н. А. Машкин // ВДИ. – 1938. – № 3. – С. 180–193.

Межеричкий Я. Ю. «Республиканская монархия» : метаморфозы идеологии и политики императора Августа / Я. Ю. Межеричкий. – М. ; Калуга : Изд-во КГПУ, 1994. – 442 с.

Михайловский Ф. А. Трибунская власть в политической системе принципата : автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук / Ф. А. Михайловский. – М., 1986. – 16 с.

Мишина З. Выступление Максимиана и позиция сената / З. Мишина // ВДИ. – 1938. – № 3. – С. 133–146.

Моммзен Т. История Рима. Т. 1–5 / Т. Моммзен ; [пер. с нем. В. Н. Неведомского, под ред. Н. А. Машкина]. – М., 1887–1949.

Т. 1. – 1887. – 941 с.

Т. 2. – 1937. – 448 с.

Т. 3. – 1941. – 558 с.

Т. 5. – 1949. – 631 с.

Мурыгина Н. Ф. К вопросу о развитии фракийской общины в I–II вв. н. э. / Н. Ф. Мурыгина // Уч. зап. Мос. гос. пед. ин-та. – 1969. – № 294. – С. 135–158.

Нетушил И. В. Обзор Римской истории / И. В. Нетушил. – X., 1916. – 376 с.

Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Вып. 1 / И. В. Нетушил. – X., 1894. – 232 с.

Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Вып. 2 / И. В. Нетушил. – X., 1908. – 230 с.

Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения / Б. Низе ; [пер. с нем. под ред. Т. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева]. – СПб., 1899. – 364 с.

Павлов А. А. Плебейский трибунал между магистратурой и представительством народа : к систематике трибунала у Полибия и Цицерона / А. А. Павлов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира : сб. статей / под ред. проф. Э. Д. Фролова. – Вып. 9. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2010. – С. 159–178.

Павловская А. И. Элементы общинной организации в египетской коме IV в. н. э. / А. И. Павловская // ВДИ. – 1978. – № 4. – С. 43–60.

Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории / В. Н. Парфенов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 148 с.

Парфенов В. Н. Император Цезарь Август : армия, война, политика / В. Н. Парфенов. – СПб. : Алетей, 2001. – 278 с.

Перетерский И. С. Всеобщая история государства и права. Ч. 1. Древний мир. Вып. 2. Древний Рим / И. С. Перетерский. – М., 1945. – 195 с.

Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика / И. С. Перетерский. – М. : Госуд. изд-во юридической литературы, 1956. – 131 с.

Петречко О. М. Династична політика Октавіана та перша зміна правителя у Римській імперії / О. М. Петречко // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Дрогобич : Вимір, 2001. – Вип. 5. – С. 260–274.

Петречко О. М. Династична політика як складова системи принципату / О. М. Петречко // Проблеми гуманітарних наук : наукові записки ДДПУ ім. Івана Франка. – Дрогобич : Редакційно-видавничий відділ ДДПУ ім. Івана Франка, 2007. – Вип. XX, Історія. – С. 128–137.

Петречко О. М. Імператорський культ у Римі доби принципату / О. М. Петречко // Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Вип. 27. Серія : Історія та географія. – X. : Майдан, 2007. – С. 5–15.

Петречко О. М. Суспільно-політичний розвиток Римської імперії в I – на поч. III ст. н. е. : від «відновленої» Республіки до сенатської монархії / О. М. Петречко. – Львів : Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2009. – 396 с.

Покровский И. А. История римского права / И. А. Покровский. – Мн. : Харвест, 2002. – 528 с.

Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. / А. Ранович. – М. ; Л. : АН СССР, 1949. – 263 с.

Рассолов М. М. Римское право : учебник для вузов / М. М. Рассолов. – М. : ЮНИТИ, 2010. – 491 с.

Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. / А. М. Ременников. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 148 с.

Ременников А. М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Учебное пособие / А. М. Ременников. – Казань, 1984. – 81 с.

Ростовцев М. И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана) / М. И. Ростовцев. – М., 1899. – 304 с.

Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи : в 2 т. / М. И. Ростовцев ; [пер. с нем. И. С. Алексеевой, Г. В. Снежинской]. – СПб. : Наука, 2000–2001.

Т. 1. – 2000. – 400 с.;

Т. 2. – 2001. – 412 с.

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи / М. И. Ростовцев. – М. : Книжная находка, 2003. – 157 с.

Самохина Г. С. Древний Рим : основные аспекты политико-правового развития : учеб.-метод. пособие / Г. С. Самохина. – Петрозаводск, 2004. – 219 с.

Свенцицкая И. С. Сельская община Малой Азии в I–III вв. н. э. / И. С. Свенцицкая // ВДИ. – 1961. – № 3. – С. 50–64.

Свенцицкая И. С. Культ императора в Римской державе : от персонального обожествления к формальному культу носителя власти / И. С. Свенцицкая // Сакрализация власти в истории цивилизаций. – М. : Центр цивилизационных и региональных исследований, 2006. – С. 236–254.

Сергеев В. С. Принципат Тиберия. К вопросу о социальной природе императорской власти в Риме / В. С. Сергеев // ВДИ. – 1940. – № 2. – С. 78–95.

Сергеев И. П. К вопросу об «антисенаторской политике» Септимия Севера / И. П. Сергеев // Вісн. Харк. ун-ту. – 1983. – № 238. – С. 89–94.

Сергеев И. П. Особенности политической ситуации в Римской империи в 275–276 гг. н. э. / И. П. Сергеев // Вісн. Харк. ун-ту. – 1998. – № 413. – С. 69–76.

Сергеев И. П. Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории / И. П. Сергеев. – Х. : Майдан, 1999. – 224 с.

Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима / М. Е. Сергеенко. – СПб. : Летний сад ; Журнал «Нева», 2000. – 368 с.

Сидорович О. В. Авгурии и ауспиции : содержание понятий / О. В. Сидорович // Античный мир и археология. – Вып. 13. – Саратов, 2009. – С. 151–158.

Сморчков А. М. Определение огрешности ауспиций авгурской коллегией / А. М. Сморчков // Античность Европы. – Пермь, 1992. – С. 78–85.

Сморчков А. М. Авгурский контроль над ауспициями магистратов : теория и реальность / А. М. Сморчков // Античный мир и археология. – Вып. 12. – Саратов, 2006. – С. 157–171.

Сморчков А. М. Источники и характер магистратского права на ауспиции : анализ акта renuntiatio / А. М. Сморчков // ВДИ. – 2010. – № 1. – С. 31–49.

Сморчков А. М. Демократия и религия : электоральные комиции в религиозно-политической системе республиканского Рима / А. М. Сморчков // Народ и демократия в древности : доклады российско-германской научной конференции. – Ярославль : ЯрГУ, 2011. – С. 153–168.

Сморчков А. М. Сакральные ограничения консульского империя / А. М. Сморчков // ВДИ. – 2006. – № 4. – С. 154–169.

Сморчков А. М. Понтифики и собрания граждан (contiones, concilia, comitia) в эпоху Римской Республики / А. М. Сморчков // ВДИ. – 2007. – № 3. – С. 47–66.

Смышляев А. Л. Всадники во главе ведомств императорской канцелярии во II – начале III в. н. э. / А. Л. Смышляев // ВДИ. – 1981. – № 2. – С. 91–108.

Смышляев А. Л. Вступление наместника в провинциальный город : церемония adventus по Ульпиану / А. Л. Смышляев // ВДИ. – 1991. – № 4. – С. 106–116.

Смышляев А. Л. Имперская бюрократия при первых Северах : автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук / А. Л. Смышляев. – М., 1977. – 18 с.

Смышляев А. Л. История древнего Рима от Ромула до Гракхов : учеб. пособие / А. Л. Смышляев. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2007. – 200 с.

Смышляев А. Л. Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н. э. / А. Л. Смышляев // ВДИ. – 1979. – № 3. – С. 60–81.

Смышляев А. Л. Народ, власть, закон (по поводу концепции Ф. Миллара) / А. Л. Смышляев // ВДИ. – 2003. – № 3. – С. 46–60.

Смышляев А. Л. Римский наместник в провинциальном городе : стиль управления в эпоху принципата / А. Л. Смышляев // Древнее право. Ius antiquum. – 2006. – № 1 (17). – С. 65–72.

Смышляев А. Л. Септимий Север и principes / А. Л. Смышляев // Вестник МГУ. Серия 9. – 1976. – № 6. – С. 80–91.

Токарев А. Н. Augustus и Σεβαστός : о семантике терминов / А. Н. Токарев // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Х. : Харьковское историко-археологическое общество, 2005. – С. 165–177.

Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа / А. Н. Токарев. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2011. – 268 с.

Тома Э. Рим и империя в первые два века новой эры / Э. Тома ; [пер. с фр. Я. И. Руднева]. – СПб, 1899. – 326 с.

Трухина Н. Н. Политика и политики золотого века» Римской республики (II в. до н. э.) / Н. Н. Трухина. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 184 с.

Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики / С. Л. Утченко. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – 300 с.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики / С. Л. Утченко. – М. : Наука, 1965. – 288 с.

Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи / С. Л. Утченко. – М. : Наука, 1969. – 323 с.

Утченко С. Л. Цицерон и его время / С. Л. Утченко. – М. : Мысль, 1973. – 390 с.

Утченко С. Л. Юлий Цезарь / С. Л. Утченко. – М. : Мысль, 1976. – 365 с.

- Ферреро Г. Гибель античной цивилизации / Г. Ферреро ; [пер. с франц. А. И. Казакова]. – Киев ; Лейпциг, 1923. – 121 с.
- Ферреро Г. Величие и падение Рима : в 5 т. / Г. Ферреро ; [пер. с итал. А. Захарова]. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1916–1925.
- Т. 2 : Юлий Цезарь. – 1916. – 346 с.
- Т. 3 : От Цезаря до Августа. – 1916. – 507 с.
- Т. 4 : Республика Августа. – 1922. – 234 с.
- Т. 5 : Август и великая империя. – 1925. – 375 с.
- Фюстель де Куланж Н. Д. Гражданская община древнего мира / Н. Д. Фюстель де Куланж ; [пер. с франц. А. М., под ред. Д. Н. Кудрявско-го]. – СПб., 1906. – 459 с.
- Хвостов В. М. История римского права / В. М. Хвостов. – М. : Научн. изд-во, 1919. – 477 с.
- Циркин Ю. Б. Сельские объединения в римской Испании / Ю. Б. Циркин // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. – Л., 1984. – С. 154–173.
- Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века республики / Н. В. Чеканова. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», 2005. – 480 с.
- Черноусов А. Е. Очерки по истории Римской империи 180–235 гг. Подготовка смуты III века / А. Е. Черноусов. – Х., 1911. – 274 с.
- Шайд Д. Религия римлян / Д. Шайд. – М. : Новое издательство, 2006. – 280 с.
- Шерцль Р. И. Римское монетное дело / Р. И. Шерцль. – Х., 1893. – 210 с.
- Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи Принципата (I–III вв. н. э.) / И. Ш. Шифман. – М. : Наука, 1977. – 309 с.
- Шифман И. Ш. Цезарь Август / И. Ш. Шифман. – Л. : ЛГУ, 1990. – 200 с.
- Штаерман Е. М. «Scriptores historiae Augustae» как исторический источник / Е. М. Штаерман // ВДИ. – 1957. – № 1. – С. 233–245.
- Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи / Е. М. Штаерман. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 512 с.
- Штаерман Е. М. Еще раз к вопросу о римской сельской общине / Е. М. Штаерман // ВДИ. – 1978. – № 2. – С. 89–110.
- Штаерман Е. М. От гражданина к подданному / Е. М. Штаерман // Культура древнего Рима. Т. 1. – М., 1985. – С. 22–105.
- Abbott F. F. A history and description of Roman political institutions / F. F. Abbott. – N.-Y. : Biblo and Tannen, 1963. – VIII, 451 p.
- Abbott F. F., Johnson A. C. Municipal administration in the Roman empire / F. F. Abbott, A. C. Johnson. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1926. – 599 p.
- Alföldi A. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus / A. Alföldi. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1967. – 460 S.
- Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreich / A. Alföldi. – Darmstadt, 1970. – XVIII, 323 S.

- Alföldy G. Septimius Severus und der Senat / G. Alföldy // Bonner Jahrbücher. – Bd. 168 (1968). – S. 112–160.
- Alföldy G. Fasti Hispanienses. Senatorische Reichsbeamte und Offiziere in den spanischen Provinzen des römischen Reichs von Augustus bis Diocletian / G. Alföldy. – Wiesbaden : F. Steiner Verlag, 1969. – 335 S.
- Alföldy G. Die Generalität des römischen Heeres / G. Alföldy // Bonner Jahrbücher. – Bd. 169 (1969). – S. 233–246.
- Alföldy G. Noricum / G. Alföldy. – London ; Boston : Routledge, 1974. – XXIV, 413 p.
- Alföldy G. Römische Sozialgeschichte / G. Alföldy. – Wiesbaden : F. Steiner-Verlag, 1984. – 212 S.
- Alföldy G. Die römische Gesellschaft : Ausgew. Beitr. / G. Alföldy. – Stuttgart ; Wiesbaden : Steiner-Verlag, 1986. – 516 S.
- Alföldy G. Römische Heeresgeschichte : Beiträge 1962–1985 / G. Alföldy. – Amsterdam : Verlag J. C. Gieben, 1987. – 575 S.
- Alföldy G. Die Krise des Römischen Reiches : Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung. Ausgew. Beitr. / G. Alföldy. – Stuttgart ; Wiesbaden : Steiner – Verlag, 1989. – 541 S.
- Alston R. Aspects of Roman history, AD 14–117 / R. Alston. – London : Routledge, 1995. – 263 p.
- Altheim F. Die Soldatenkaiser / F. Altheim. – Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1939. – 304 S.
- Altheim F. Die Krise der alten Welt im 3. Jahrhundert n. Zw. und ihre Ursachen. 3. Bd. : Götter und Kaiser / F. Altheim. – Berlin ; Dahlem : Ahnenerbe-Stiftung Verlag, 1943. – 258 S.
- Altheim F. Niedergang der alten Welt. Eine Untersuchung der Ursachen. 2 Bde. / F. Altheim. – Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1952.
1. Bd. : Die außerrömische Welt. – 350 S.
2. Bd. : Imperium Romanum. – 536 S.
- Anderson J. G. C. The Genesis of Diocletian's provincial Reorganization / J. G. C. Anderson // JRS. – Vol. 22 (1932). – P. 24–32.
- Ando C. Imperial ideology and provincial loyalty in the Roman empire / C. Ando. – Berkeley : University of California Press, 2000. – 494 p.
- Arnheim M. T. W. The senatorial aristocracy in the later Roman empire / M. T. W. Arnheim. – Oxf. : Clarendon press, 1972. – XIV, 246 p.
- Arnold W. T. The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great / W. T. Arnold. – Oxf., 1906. – XVIII, 238 p.
- Baker G. P. Tiberius Caesar / G. P. Baker. – N.-Y. : Dodd Mead and Co., 1929. – 322 p.
- Barbieri G. L'Albo Senatorio da Settimio Severo a Carino (193 – 285) / G. Barbieri. – Roma, 1952. – 794 p.
- Barnes T. D. The new empire of Diocletian and Constantine / T. D. Barnes. – Cambr. ; London, 1982. – XIX, 305 p.
- Barrett A. A. Caligula – the corruption of power / A. A. Barrett. – London and N.-Y., 2001. – 334 p.

Beck H.-G. Konstantinopel – das neue Rom / H.-G. Beck // Rom als Idee / Hrsg. von B. Kytzler. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. – S. 127–137.

Bengston H. Grundriß der römischen Geschichte (mit Quellenkunde). Bd. 1 / H. Bengston. – München : Beck, 1982. – 478 S.

Bennett J. Trajan optimus princeps. A Life and Times / J. Bennett. – London and N.-Y., 1997. – 312 p.

Beranger J. Recherches sur l'aspect ideologique du principat / J. Beranger. – Basel, 1953. – 318 p.

Bernhardt Th. Geschichte Roms von Valerian bis zu Diokletians Tode (253–313 n. Chr.). 1. Abth. : Politische Geschichte des römischen Reiches von Valerian bis zu Diokletians Regierungsantritt / Th. Bernhardt. – Berlin, 1867. – XIV, 318 S.

Besnier M. L'empire romain de l'avenement des Sévères du concile de Nicée / M. Besnier. – Paris, 1937. – 409 p.

Birley A. R. The Roman Government of Britain / A. R. Birley. – Oxf. : Oxf. Univ. Press, 2005. – 532 p.

Bispham E. From Asculum to Actium : the municipalization of Italy from the Social War to Augustus / Bispham E. – Oxf. ; N.-Y. : Oxf. Univ. Press, 2007. – 566 p.

Bleicken J. Prinzipat und Dominat : Gedanken zur Periodisierung der Römischen Kaiserzeit / J. Bleicken. – Wiesbaden, 1978. – 30 S.

Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte. Bd. 1. 2. verbesserte Auflage / J. Bleicken. – Paderborn etc., 1981. – 352 S.

De Blois L. The policy of the emperor Gallienus / L. de Blois. – Leiden, 1976. – 242 p.

Boack A. E. R. A history of Rome to 565 A. D. / A. E. Boack. – N.-Y. : Mac-Millan, 1945. – XIII, 552 p.

Bolin S. State and currency in the Roman Empire to 300 A. D. / S. Bolin. – Stockholm : Almquist and Wiksell, 1958. – 357 p.

Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors : Imperial Rome, A. D. 244 – 284 / G. C. Brauer. – New Jersey, 1975. – X, 288 p.

Brunt P. A. The Administration of Roman Egypt / P. A. Brunt // The Journal of Roman Studies. – 1975. – № 65. – P. 124–147.

Brunt P. A. The Role of the Senate in the Augustan Regime / P. A. Brunt // Classical Quarterly. – 1984. – № 34. – P. 423–444.

Bruun C. The Water Supply of Ancient Rome : A Study of Roman Imperial Administration / C. Bruun. – Helsinki : Societas Scientiarum Fennica, 1991. – 456 p.

Bureth P. Les titulatures imperiales dans les papyrus, les ostraca et les inscriptions d'Égypte. (30 a. C.–284 p. C.) / P. Bureth. – Bruxelles, 1964. – 131 p.

Burton G. P. The Roman Imperial State, Provincial Governors and the Public Finances of Provincial Cities, 27 B. C.–A. D. 235 / G. P. Burton // Historia : Zeitschrift fuer Alte Geschichte. – 2004. – № 53. – S. 311–342.

Calderini A. I Severi. La crisi dell'Impero nel III secolo / A. Calderini. – Bologna : Licinio Cappelli editore, 1949. – 645 p.

Callu J.-P. La politique monetaire des empereurs romaines de 238 a 311 / J.-P. Callu. – Paris : Editions E. de Boccard, 1969. – 562 p.

The Cambridge Ancient History. Vol. 12 : The imperial crisis and recovery. A. D. 193–324 / ed. by S. A. Cook a. oth. – Cambr. : At the Univ. Press, 1939. – 849 p.

The Cambridge Ancient History. Vol. XII : The Crisis of Empire, A.D. 193–337 / Ed. by A. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron. – Cambr. : Cambr. Univ. Press, 2005. – 965 p.

Cameron A. Das späte Rom : 284–430 n. Chr. / A. Cameron. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1994. – 265 S.

Campbell J. B. The Emperor and the Roman Army : 31 B. C.–A. D. 235 / J. B. Campbell. – Oxf. : Clarendon press, 1984. – XIX, 468 p.

Carson R. A. G. Caesar and the Monarchy / R. A. G. Carson // Greece & Rome. – Vol. 4. – No. 1 (Mar., 1957). – P. 46–53.

Cary M. A history of the Rome down to the reign of Constantine / M. Cary. – London, 1935. – XVI, 820 p.

Castritius H. Der römische Prinzipat als Republik / H. Castritius. – Husum, 1982. – 120 S.

Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et economique du monde romain de Diocletien a Julien : La mise en place du regime du Bas-Empire (284–363) / A. Chastagnol. – Paris : SEDES, 1982. – 394 p.

Chastagnol A. Le Senat romain a l'époque imperiale. Recherches sur la composition de l'Assemblée et le statut de ses membres / A. Chastagnol. – Paris : Les belles lettres, 1992. – 484 p.

Christ K. Römische Geschichte. Einf., Quellenkunde, Bibliogr. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. – XII, 335 S.

Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit : Von Augustus bis zu Konstantin / K. Christ. – München : Beck, 1988. – IX, 869 S.

Christol M. Les reformes de Gallien et la carriere senatoriale / M. Christol // Tituli. – 1982. – № 4. – P. 143–166.

Christol M. Essai sur l'évolution des carrieres senatoriales dans la seconde moitie du IIIe siecle ap. J. C. M. Christol. – Paris, 1986. – 354 p.

Cizek E. L'empereur Aurelien et son temps / E. Cizek. – Paris, 1994. – 310 p.

Corbett J. H. The Succession Policy of Augustus / J. H. Corbett // Latomus. – T. 33. – Fasc. 1 (1974). – P. 87–97.

Corcoran S. The Empire of the Tetrarchs. Imperial Pronouncements and Government A. D. 284–324 / S. Corcoran. – Oxf. : Clarendon Press, 1996. – 406 p.

Crook J. A. Consilium principis. Imperial Councils and Counsellors from Augustus to Diocletian / J. A. Crook. – Cambr. : Cambr. Univ. Press, 1955. – 198 p.

Cunliffe B. Rome et son Empire / B. Cunliffe. – Paris : Armand Colin, 1978. – 317 p.

Dahlheim W. Geschichte der Römischen Kaiserzeit / W. Dahlheim. – München, 1984. – 257 S.

- Degrassi A. I fasti consolari dell'impero Romano dal 30 a. C. al 613 d. C. / A. Degrassi. – Roma : Edizioni di storia e letteratura, 1952. – 286 p.
- Demandt A. Die Spätantike : Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. / A. Demandt. – München : Beck, 1989. – XVIII, 612 S.
- Demandt A. Antike Staatsformen : Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt / A. Demandt. – Berlin : Akademie Verlag, 1995. – 672 S.
- Dessau H. Geschichte der Römischen Kaiserzeit : Bde. 1–2. / H. Dessau. – Berlin : Weidmann, 1924–1930. – 1429 S.
- Dietz K.-H. Senatus contra principem. Untersuchungen zur senatorischen Opposition gegen Kaiser Maximinus Thrax / K.-H. Dietz. – München : Beck, 1980. – XXV, 421 S.
- Dmitriev S. City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor / S. Dmitriev. – Oxf. : Oxf. Univ. Press, 2005. – 428 p.
- Dobo A. Die Verwaltung der römischen Provinz Pannonien von Augustus bis Diocletianus : Die provinzielle Verwaltung / A. Dobo. – Amsterdam, 1968. – 201 S.
- Von Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres / A. von Domaszewski. – Bonn, 1908. – V, 275 S.
- Von Domaszewski A. Geschichte der römischen Kaiser. 2. Bd / A. von Domaszewski. – Leipzig, 1909. – 328 S.
- Doyle M. W. Empires / M. W. Doyle. – Ithaca ; London : Cornell, 1986. – 407 p.
- Drinkwater J. F. Roman Gaul : The three provinces, 58 B. C.–A. D. 260 / J. F. Drinkwater. – Ithaca (N. Y.) : Cornell Univ. Press, 1983. – X, 256 p.
- Duff A. M. Freedmen in the early Roman Empire / A. M. Duff. – Oxf. : Clarendon Press, 1928. – XII, 252 p.
- Enslin W. Gottkaiser und Kaiser von Gottes Gnaden / W. Enslin. – München, 1943. – 134 S.
- Fears J. R. Princeps a diis electus. The Divine Election of the Emperor as a Political Concept at Rome / J. R. Fears. – Rom, 1977. – XXIII, 351 p.
- Fears J. R. The Cult of Jupiter and Roman Ideology / J. R. Fears // *AuNRW*. 2. Prinzipat. Bd. 17, 1. – Berlin ; N.-Y., 1981. – P. 3–141.
- Ferrero G., Barbagallo C. Das alte Rom / G. Ferrero, C. Barbagallo. – Stuttgart, 1927. – 875 S.
- Fischer H. Zu Problemen von Stadt und Stadtentwicklung im Römischen Reich während des 3. Jahrhunderts / H. Fischer // *Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert* / Hrsg. von K.-P. Johne. – Berlin, 1993. – S. 135–185.
- Fitz J. Die Vereinigung der Donauprovinzen in der Mitte des 3. Jahrhunderts / J. Fitz // *Studien zu den Militärgrenzen Roms. Vorträge des 6. Internationalen Limeskongresses in Süddeutschland*. – Köln ; Graz, 1967. – S. 113–121.

- Fitz J. Das Jahrhundert der Pannonier (193–284) / J. Fitz. – Budapest, 1982. – 86 S.
- Von Fritz K. Schriften zur griechischen und römischen Verfassungsgeschichte und Verfassungstheorie / K. von Fritz. – Berlin ; N.-Y., 1976. – 622 S.
- Fuhrmann M. Rom in der Spätantike : Porträt einer Epoche / M. Fuhrmann. – München ; Zürich : Artemis and Winkler, 1994. – 461 S.
- Garnsey P. Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire / P. Garnsey. – N.-Y., 1970. – 320 p.
- Gage J. De Caesar a Auguste. Ou est le probleme des origines du principat? / J. Gage // *Revue historique*. – 1936. – T. 177. – P. 279–342.
- Gesche H. Die Divinisierung der römischen Kaiser in ihrer Funktion als Herrschaftslegitimation / H. Gesche // *Chiron*. – Bd. 8 (1978). – S. 377–390.
- Goodman P. J. The Roman city and its periphery : from Rome to Gaul / Goodman P. J. – London : Routledge, 2007. – 309 p.
- Gradel I. Emperor Worship and Roman Religion / I. Gradel. – Oxf. : Oxf. Univ. Press, 2002. – 398 p.
- Grant M. The Climax of Rome : The final achievements of the Ancient world A. D. 161–337 / M. Grant. – London : Weidenfeld and Nicolson, 1968. – XVIII, 299 p.
- Grant M. Greek and Latin authors, 800 B. C. – A. D. 1000 / M. Grant. – N.-Y. : Wilson, 1980. – XIV, 490 p.
- Hahn L. Das Kaisertum / L. Hahn. – Leipzig, 1913. – 114 S.
- Hammond M. The City in the Ancient World / M. Hammond. – Cambr. (Mass.) : Harvard Univ. Press, 1972. – 617 p.
- Hammond M. The Composition of the Senate, A. D. 68–235 / M. Hammond // *JRS*. – Vol. 47 (1957). – P. 74–81.
- Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise : Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (III. Jh. n. Chr.) / F. Hartmann. – Frankfurt a. M. ; Bern : H. Lang, 1982. – 246 S.
- Hasebroek J. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Septimius Severus J. Hasebroek. – Heidelberg, 1921. – 201 S.
- Heichelheim F. M. History of the Roman people / F. M. Heichelheim, C. Yeo. – New Jersey, 1962. – 480 p.
- Heinen H. Trier und das Trevererland in römischer Zeit / H. Heinen. – Trier : Spee-Verlag, 1985. – 468 S.
- Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis : Konzepte, Prinzipien und Strategien der Administration im römischen Kaiserreich / hrsg. von A. Kolb. – Berlin : Akademie Verlag, 2006. – 380 S.
- Hertzberg G. F. Geschichte des römischen Kaiserreiches / G. F. Hertzberg. – Berlin, 1880. – 892 S.
- Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian / O. Hirschfeld. – Berlin, 1905. – 514 S.
- Homo L. Essai sur le regne de l'empereur Aurelien (270–275) / L. Homo. – Paris, 1904. – 390 p.

Homo L. L'Empereur Gallien et la Crise de l'Empire Romaine au IIIe Siecle / L. Homo // *Revue Historique*. – CXIII (May – August 1913). – P. 1–22, 225–267.

Homo L. Les institutions politiques romaines / L. Homo. – Paris, 1927. – XVI, 471 p.

Howe L. L. The Prretorian prefect from Commodus to Diocletian (A. D. 180–305) / L. L. Howe. – Chicago ; Illinois : The University of Chicago press, 1942. – XIII, 141 p.

Höhn K. Augustus / K. Hoen. – Wien : Siedel, 1938. – 304 S.

Johne K.-P. Kaiser, Senat und Ritterstand / K.-P. Johne // *Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert* / Hrsg. von K.-P. Johne. – Berlin : Akademie Verlag, 1993. – S. 187–244.

Jones A. H. M. Augustus / A. H. M. Jones. – London : Chatto & Windus, 1970. – 196 p.

Jones A. H. M. Cities of the Eastern Roman Provinces / A. H. M. Jones. – Oxf. : Clarendon press, 1971. – 595 p.

Jones A. H. M. Studies in roman government and law / A. H. M. Jones. – Oxf. : Basil Blackwell, 1960. – 243 p.

Jones A. H. M. The Decline of Ancient World / A. H. M. Jones. – London : Longmans, Green and co, 1966. – VIII, 414 p.

Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284–602. A social, economic and administrative survey. Vol. 1 / A. H. M. Jones. – Oxf. : Basil Blackwell, 1973. – 766 p.

Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The prosopography of the Later Roman empire. Vol. 1. A. D. 260–365 / A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. – Cambr., 1971. – XXII, 1152 p.

Jones B. W. The Emperor Domitian / B. W. Jones. – London : Routledge, 1992. – XI, 292 p.

Kienast D. Der augusteische Prinzipat als Rechtsordnung / D. Kienast // *Zeitschrift für Rechtsgeschichte (romanistische Abteilung)*. – Bd. 101 (1984). – S. 115–141.

Kienast D. Augustus : Prinzeps und Monarch / D. Kienast. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. – 608 S.

Kienast D. Römische Kaisertabelle : Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie / D. Kienast. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. – 376 S.

King A. Roman Gaul and Germany / A. King. – Berkeley etc. : Univ. of California press, 1990. – 240 p.

Kolb F. Der Aufstand der Provinz Africa Proconsularis im Jahr 238 n. Chr. / F. Kolb // *Historia*. – Bd. 26 (1977). – S. 440–478.

Kolb F. Diocletian und die Erste Tetrarchie : Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft? / F. Kolb. – Berlin ; N.-Y. : De Gruyter, 1987. – 205 S.

Kolb F. Rom. Die Geschichte der Stadt in der Antike / F. Kolb. – München : G.H. Beck Verlag, 1995. – 783 S.

Kornemann E. Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum / E. Kornemann. – Leipzig ; Berlin : Teubner, 1930. – 209 S.

Kuhoff W. Herrschertum und Reichskrise. Die Regierungszeit der römischen Kaiser Valerianus und Gallienus (253–268 n. Chr.) / W. Kuhoff. – Bochum, 1979. – 92 S.

Kuhoff W. Felicio Augusto melior Traiano : Aspekte der Selbstdarstellung der römischen Kaiser während der Prinzipatszeit / W. Kuhoff. – Frankfurt a. M. etc., 1993. – 373 S.

Lacey W. K. Augustus and the Principate : The evolution of the System / W. K. Lacey. – Leeds : Francis Cairns Ltd, 1996. – 255 p.

Lambrechts P. La Composition du Senat romain de Septime Severe a Diocletien (193–284) / P. Lambrechts. – Budapest, 1937. – 130 p.

Lecrivain Ch. Le Senat romain depuis Diocletien a Rome et a Constantinople / Ch. Lecrivain. – Paris, 1888. – 237 p.

Lendon J. E. Empire of Honour : The Art of Government in the Roman World / J. E. Lendon. – Oxf. : Clarendon press, 1997. – 326 p.

Levi M. A. L'impero romano dalla battaglia di Azio alla morte di Theodosio I. / M. A. Levi. – Torino, 1973. – 675 p.

Levi M. A. Political Power in the Ancient World / M. A. Levi / transl. by J. Costello. – N.-Y. : New American Library, 1965. – 194 p.

Levick B. Tiberius the Politician / B. Levick. – London : Thames & Hudson, 1976. – 328 p.

Levick B. Claudius / B. Levick. – New Haven ; London : Yale Univ. Press, 1990. – XVI, 256 p.

Levick B. Vespasian / B. Levick. – London : Routledge Press, 1999. – XXIII, 310 p.

Levick B. The government of the Roman empire : A sourcebook / B. Levick. – London ; Sydney : Croom Helm, 1935. – XXV, 260 p.

Liebenam W. Forschungen zur Verwaltungsgeschichte : I. Bd. Legaten in den römischen Provinzen / W. Liebenam. – Leipzig, 1888. – 482 S.

Liebeschuetz J. H. G. W. From Diocletian to the Arab Conquest : Change in the Late Roman Empire / J. Y. G. W. Liebeschuetz. – Great Yormonth Norfolk, 1990. – 474 p.

Lintott A. The Constitution of the Roman Republic / A. Lintott. – Oxf. : Clarendon Press, 1999. – 302 p.

Lippold A. Kaiser Claudius II (Gothicus). Vorfahr Konstantins des Großen und römische Senat / A. Lippold // *Klio*. – Bd. 74 (1992). – S. 380–394.

MacCormack S. Change and Continuity in Late Antiquity : the Ceremony of Adventus / S. MacCormack // *Historia* (Wiesbaden). – Bd. 21 (1972). – P. 721–752.

McLynn F. Marcus Aurelius : a life / F. McLynn. – Cambr. : Da Capo Press, 2009. – XVII, 684 p.

MacMullen R. Corruption and the decline of Rome / R. MacMullen. – New Haven, 1988. – 319 p.

MacMullen R. Changes in the Roman Empire : Essays in the Ordinary / R. MacMullen. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1990. – 399 p.

- MacMullen R. Roman government's response to crisis. A. D. 235 – 337 / R. MacMullen. – New Haven ; London : Yale Univ. Press, 1976. – IX, 308 p.
- MacMullen R. Roman Social Relations, 50 B.C. to A.D. 284 / R. MacMullen. – New Haven, London : Yale Univ. Press, 1974. – 212 p.
- Manni E. L'impero di Gallieno. Contributo alla storia del III secolo / E. Manni. – Roma : Angelo Signorelli editore, 1949. – 116 p.
- Marquardt K. J. Römische Staatsverwaltung : Bde. I–II / K. J. Marquardt. – Leipzig, 1881–1884.
Bd. 1. – 1881. – 584 S.
Bd. II. – 1884. – 621 S.
- Marsh F. B. The Founding of the Roman Empire / F. B. Marsh. – Austin : University of Texas Press, 1922. – 329 p.
- Marsh F. B. The Reign of Tiberius / F. B. Marsh. – Oxf., N.-Y. : Oxf. Univ. Press, 1931. – 335 p.
- Mattingly H. The Imperial Civil Service of Rome / H. Mattingly. – Cambr. : Univ. Press, 1910. – 159 p.
- Mazza M. Lotte sociali e restaurazione autoritaria nel 3 secolo d. C. / M. Mazza. – Roma ; Bari : Laterza, 1973. – VIII, 714 p.
- Meier Ch. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der spaeten roemischen Republik / Ch. Meier. – Wiesbaden : Suhrkamp, 1988. – 332 S.
- Meier Ch. Caesar / Ch. Meier. – N.-Y. : Harper Collins, 1995. – 513 p.
- Meyer E. Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius. Inne-re Geschichte Roms von 66 bis 44 n. Chr. / E. Meyer. – Stuttgart, Berlin : Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1922. – 632 S.
- Meyer E. Kleine Schriften : Bde. 1–2 / E. Meyer. – Halle : Niemeyer, 1910. – 1072 S.
- Meyer E. Römischer Staat und Staatsgedanke / E. Meyer. – Zürich ; Stuttgart : Artemis Verlag, 1964. – 578 S.
- Merivale Ch. History of the Romans under the Empire : vol. I–VII / Ch. Merivale. – N.-Y. , 1852–1862.
- Millar F. The Emperor in the Roman World (31 B. C.–A. D. 337) / F. Millar. – Ithaca ; N.-Y. : Cornell Univ. Press, 1977. – XVI, 657 p.
- Millar F. The Emperor, the Senate and the Provinces / F. Millar // JRS. – 1966. – № 56. – P. 156–166.
- Millar F. The Roman Near East, 31 B. C.–A. D. 337 / F. Millar. – Cambr. (Mass.), London : Harvard Univ. Press, 1993. – 587 p.
- Millar F. The Roman Republic and the Augustan Revolution / F. Millar. – Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 2002. – 400 p.
- Mocsy A. Pannonia and Upper Moesia / A. Mocsy. – London ; Boston, 1974. – XXI, 453 p.
- Mommsen Th. Römisches Staatsrecht : Bde I–III / Th. Mommsen. – Leipzig, 1888.
Bd. I. – XXVI, 708 S.
Bd. II. – XV, 1171 S.
Bd. III. – XVIII, 832 S.

- Mommsen Th. Abriss des römischen Staatsrechts. Neue ungekurzte Ausgabe / Th. Mommsen. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. – 303 S.
- Nilsson M. P. Imperial Rome / M. P. Nilsson. – N.-Y. ; Schocken, 1962. – X, 372 p.
- Oliva P. Pannonia and the onset of crisis in the Roman empire / P. Oliva. – Praha, 1962. – 420 p.
- The Oxford history of the classical world / ed. J. Boardman. – Oxf. ; N.-Y., 1987. – 882 p.
- Pareti L. Storia di Roma e del mondo romano. T. 5 : Da Vespasiano a Decio (69–251 d. C.) / L. Pareti. – Torino, 1960. – 727 p.
- Pareti L. Storia di Roma e del mondo romano T. 6 : Da Decio a Costantino (251–337 d. C.) / L. Pareti. – Torino, 1961. – 648 p.
- Parker H. M. D. A History of the Roman World from A. D. 138 to 337 / H. M. D. Parker. – London : Methuen et co. LTD, 1935. – XII, 402 p.
- Petit P. Histoire generale de l'Empire Romain / P. Petit. – Paris, 1974. – 800 p.
- Pflaum H.-G. Essai sur les procurateurs equestres sous le Haut-Empire / H.-G. Pflaum. – Paris : A. Maisonneuve, 1950. – 365 p.
- Pflaum H.-G. Les carrieres procuratoriennes equestres sous le Haut-Empire romain : t. 1–3 / H.-G. Pflaum. – Paris : Geuthner, 1960. – 1469 p.
- Pflaum H.-G. Zur Reform des Kaisers Gallienus / H.-G. Pflaum // Historia. – Bd. 25/1 (1976). – S. 109–117.
- Platner S. B. A Topographical Dictionary of Ancient Rome / S. B. Platner. – London : Oxf. Univ. Press, 1929. – 609 p.
- Polverini L. Da Aureliano a Diocleziano / L. Polverini // AuNdRW. 2. Bd. – Berlin ; N.-Y., 1975. – P. 1013–1035.
- Potter D. S. The Roman Empire at bay : A.D. 180–395 / D. S. Potter. – London ; N.-Y. : Routledge, 2004. – XXII, 762 p.
- Von Premerstein A. Vom Werden und Wesen des Prinzipats / A. von Premerstein. – München : Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1937. – 290 S.
- Price S. R. F. Between Man and God : Sacrifice in the Roman Imperial Cult / S. R. F. Price // JRS. – 1980. – Vol. 70. – P. 28–43.
- Price S. R. F. Rituals and Power : The Roman Imperial Cult in Asia Minor / S. R. F. Price. – Cambr. : Cambr. Univ. Press, 1984. – 289 p.
- De Regibus L. La Monarchia militare di Gallieno / L. de Regibus. – Recco : Nicoloso, 1939. – 127 p.
- Reid J. S. The municipalities of the Roman Empire / J. S. Reid. – Cambr. : Univ. Press, 1913. – XV, 548 p.
- Reinhold M. Usurpation of status and status symbols in the Roman Empire / M. Reinhold // Historia. – 1971. – Bd. 20. – Hf. 6. – P. 275–302.
- Remondon R. La crise de l'Empire Romain. De Marc Aurele a Anastase / R. Remondon. – Paris : Presses universitaires de France, 1964. – 363 p.

Remy B. Les fastes senatoriaux des provinces romaines d'Anatolie au Haut-Empire (31 av. J.-C.–284 ap. J.-C.) : Pont-Bithynie, Galatie, Cappadoce, Lycie-Pamphylie et Cilicie / B. Remy. – Paris : Ed. Recherche sur les civilisations, 1988. – VI, 428 p.

Ridley R. T. History of Rome : a documented analysis. – Roma, 1987 / R. T. Ridley. – 696 p.

Robinson O. F. Ancient Rome. City planning and administration / O. F. Robinson. – London ; N.-Y. : Routledge, 1992. – 236 p.

Die Römer an Rhein und Donau. Zur politischen, wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung der römischen Provinzen an Rhein, Mosel und oberer Donau im III. und IV. Jahrhundert. – Berlin : Akademie Verlag, 1975. – 517 S.

Römischer Kaiserkult / hrsg. von A. Weosok. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978. – X, 556 S.

Rostovtzeff M. The social and economic history of the Roman Empire. Vol. 1 / M. Rostovtzeff. – Oxf. : At the Clarendon press, 1957. – XXI, 541 p.

Rouge J. Les institutions romaines de la Rome royale à la Rome chrétienne / J. Rouge. – Paris : Libr. Colin, 1969. – 320 p.

Schiller H., Voigt M. Die römischen Staats-, Kriegs- und Privataltertümer / H. Schiller, M. Voigt. – München, 1893. – 478 S.

Schulz O. Th. Das Wesen des römischen Kaisertums der ersten zwei Jahrhunderte / O. Th. Schulz. – Paderborn, 1916. – 94 S.

Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat / O. Th. Schulz. – Paderborn, 1919. – 304 S.

Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt : in 6 Bde / O. Seeck. – Berlin, 1897–1901.

Bd. I. – 1897. – 607 S.

Bd. II. – 1901. – 456 S.

Seston W. Diocletien et la tetrarchie. Vol. I / W. Seston. – Paris, 1946. – 398 p.

Seyfahrt W. Römische Geschichte : Kaiserzeit. Bd. 1 / W. Seyfahrt. – Berlin : Akademie Verlag, 1974. – 329 S.

Severy B. Augustus and the family at the birth of the Roman Empire / B. Severy. – N.-Y. ; London : Routledge, 2003. – XIV, 280 p.

Sherwin-White A. N. The Roman Citizenship / A. N. Sherwin-White. – Oxf. : Clarendon Press, 1980. – X, 486 p.

Shotter D. Tiberius Caesar / D. Shotter. – London : Routledge, 2004. – XIII, 109 p.

Smith R. E. The Army Reforms of Septimius Severus / R. E. Smith // Historia (Wiesbaden). – Bd. 21 (1972). – P. 481–499.

Southern P. The Roman Empire from Severus to Constantine / P. Southern. – London : Routledge, 2001. – XII, 401 p.

Stahl M. Imperiale Herrschaft und provinzielle Stadt : Strukturprobleme der römischen Reichsorganisation im 1.–3. Jh. der Kaiserzeit / M. Stahl. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1978. – 199 S.

Starr C. G. The Roman Empire, 27 B. C.–A. D. 476 : A study in survival / C. G. Starr. – N.-Y. ; Oxf., 1982. – XII, 206 p.

Stein A. Der römische Ritterstand / A. Stein. – München, 1927. – 564 S.

Stein A. Die Präefekten von Ägypten in der römischen Kaiserzeit / A. Stein. – Wien, 1950. – 248 S.

Storia di Roma. Vol. 3 / G. Einaudi editore. – Torino, 1993. – 1128 p.

Syme R. Roman Revolution / R. Syme. – Oxf. : Oxf. Univ. Press, 1939. – 568 p.

Talbert R. J. A. The Senate of Imperial Rome / R. J. A. Talbert. – Princeton (N.-Y.) : Princeton Univ. Press, 1984. – XVII, 583 p.

Tarpin M. «Vicus» et «pagus» dans les inscriptions de l'Europe Occidentale et dans la littérature / M. Tarpin. – Geneve, 1987. – 356 p.

Taylor L. R. The Divinity of Roman Emperor / L. R. Taylor. – N.-Y. : Scholars Press, 1979. – 296 p.

Thomasson B. E. Zur Verwaltungsgeschichte der römischen Provinzen Nordafrikas (Proconsularis, Numidia, Mauretania) / B. E. Thomasson // AuNdRW. Prinzipat. Bd. II. 10. 2. – Berlin ; N.-Y. : Walter de Gruyter, 1982. – S. 3–61.

Wacher J. The Roman Empire / J. Wacher. – London ; Melbourne : J. M. Dent and Sons Ltd., 1987. – 314 p.

Williams S. Diocletian and the Roman Recovery / S. Williams. – London, 1985. – 264 p.

Winspear A. D. Augustus and the Reconstruction of Roman Government and Society / A. D. Winspear. – Madison : Univ. of Wisconsin, 1935. – 320 p.

Yakobson A. Elections and Electioneering in Rome : A Study in the Political System of the Late Republic / A. Yacobson. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1999. – 251 p.

Навчальне видання

Сергєєв Іван Павлович

**Державні установи давніх римлян:
пізня Республіка і рання Імперія**

Матеріали до спецкурсу

(Рос. мовою)

Коректор *М. С. Вєндюк*
Комп'ютерне верстання *О. С. Чистякова*
Макет обкладинки *І. М. Дончик*

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 16,24. Тираж 100 пр. Зам. № 194/12.

61022, Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна

Надруковано з готових оригінал-макетів у друкарні ФОП Азамаєв В. Р.
Єдиний державний реєстр юридичних осіб та фізичних осіб-підприємців.
Запис № 24800170000026884 від 25.11.1998.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного
реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції.

Серія ХК № 135 від 23.02.05 р.
м. Харків, вул. Познанська 6, к. 84, тел. (057) 362-01-52
e-mail:bookfabrik@rambler.ru